

ISSN 0038-5050

СОВЕТСКАЯ ЭНГРАФИЯ

2

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

Март — Апрель

1985

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

К 40-летию Великой Победы

- Ю. В. Арутюнян, С. Ф. Ремизова (Москва). О трудовой деятельности
многонационального советского крестьянства в годы Великой Отечественной
войны 3
- М. В. Коваль (Киев). Материальный быт партизан Украины (1941—1944 гг.) 14
- Г. Е. Марков (Москва). Советские этнографы в годы Великой Отечественной
войны 23
- А. К. Байбурин (Ленинград). Этнические аспекты изучения стереотипных
форм поведения и традиционная культура 36
- Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов (Москва). Динамика национального
состава студенчества союзных республик в послевоенные годы 46
- И. С. Гурвич (Москва), Ч. М. Таксами (Ленинград). Социальные функции
языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период 54

Дискуссии и обсуждения

- Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, сосед-
ской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения
традиций» (Т. А. Бернштам, А. М. Решетов, ответ М. М. Громыко,
От редакции) 64

Из истории науки

- Г. И. Андреева, О. В. Сомова (Ленинград). Забытый эксперимент (из ис-
тории Этнографического театра) 83

Сообщения

- В. Е. Гусев, Н. А. Михеева, Л. Н. Рыжкова (Ленинград). Киришские
фестивали и проблемы фольклоризма в молодом городе 91
- М. Б. Мужухоев (Грозный). Из истории язычества вайнахов (пантеон бо-
жеств в позднем средневековье) 99
- Е. П. Бусыгин, В. И. Яковлев (Казань). Гусли у поволжских народов 109
- Д. Л. Бродянский (Владивосток). Стрелок Кадо и богиня Амата́расу в про-
изведениях неолитических скульпторов (два опыта соединения мифологиче-
ских и археологических текстов) 116
- Э. Е. Фрадкин (Ленинград). О нескольких ранних произведениях изобрази-
тельного искусства 122

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ВО

Л. Т. Яблонский (Москва). К краниологии кельтеминарцев. Внутригрупповой анализ	127

Наши юбиляры

Список основных работ доктора исторических наук С. В. Иванова. (К 60-летию научной деятельности)	144

Научная жизнь

Н. С. Полищук (Москва). Симпозиум по проблемам духовной культуры современного рабочего класса	144
В. А. Дмитриев (Ленинград). 50 лет Государственного музея этнографии народов СССР	146
Коротко об экспедициях	148

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

М. М. Плисецкий (Киев). О своде украинского народного творчества	151
В. Б. Евтух (Киев). Западные этнологи о пейотизме в жизни североамериканских индейцев	154

Общая этнография

Г. А. Комарова (Москва), Г. В. Старовойтова (Ленинград). 1) <i>Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии</i> . 2) <i>Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии</i> (оба сборника под ред. И. С. Кона)	158
Ю. Е. Березкин, В. И. Гохман, А. Г. Козинцев, А. Б. Спевковский (Ленинград). <i>Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика</i>	164
В. П. Алексеев (Москва). <i>Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки</i> (Под ред. Р. С. Васильевского)	167

Народы СССР

Ю. Д. Анчабадзе (Москва). <i>А. И. Робакидзе. Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982 гг.)</i>	169

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корреспондент АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036 Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

телефон 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Ю. В. Арутюнян, С. Ф. Ремизова

О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Современная война — самое тяжелое испытание «на прочность» доминирующих систем социальных отношений. Готовясь к войне с Советским Союзом, гитлеровцы рассчитывали спровоцировать и, соответственно, использовать в собственных интересах «противоречия» — как с надеждой говорилось в так называемой «Зеленой папке» Геринга, — между ирландцами, армянами, татарами и другими, на его жаргоне, «туземцами» — с одной стороны, и русскими — с другой¹. Делалась ставка на то, что серьезные экономические трудности, вызванные войной, приведут к краху социально-политических основ советского государства, подорвут его изнутри.

С первых же дней войны, при всей тяжести ее, обнаружилась полная несостоятельность подобных расчетов, связанных с непониманием устойчивости формировавшейся в СССР социальной и интернациональной общности — советского народа.

В сельском хозяйстве, в отличие от промышленности, крупное общественное производство сформировалось лишь незадолго до Великой Отечественной войны. Но, несмотря на свою молодость, колхозный строй обнаружил достаточную прочность, и колхозное крестьянство всех народов страны оказалось способным совершить в годы войны «подвиг, равного которому не знает история»².

В данной связи, прежде всего, возникает проблема общего порядка: чем это было обусловлено? Ведь многое в колхозном строительстве еще не было доведено до конца. И если молодые колхозы во всех республиках все-таки выполнили свою миссию — смогли решить продовольственную проблему в стране, то это свидетельствует о жизнеспособности и больших потенциальных возможностях колхозного крестьянства СССР, о сплочении многонационального советского крестьянства.

* * *

Трудовая деятельность крестьянства СССР в военные годы была подчинена обеспечению продуктами сельского хозяйства в первую очередь сражающейся армии. Решение этой жизненно важной проблемы во многом зависело от эффективности использования трудовых ресурсов деревни. А они резко сократились в связи с мобилизацией в действующую ар-

¹ Советская Армения в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Сборник документов и материалов. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975, с. 172.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1967, с. 22.

Численность мужчин и женщин, занятых в сельском хозяйстве в годы войны, в тыс. чел

Республики	На 1.1.1943		На 1.1.1944	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
РСФСР	2364,4	8318,3	2331,1	10382,9
в т. ч. в тыловых районах	1948,3	6878,3	1551,7	6533,0
Азербайджанская ССР	153,9	306,5	146,6	294,4
Грузинская ССР	229,0	354,9	223,4	349,6
Армянская ССР	89,4	170,9	87,6	166,5
Туркменская ССР	88,8	116,5	55,2	110,9
Узбекская ССР	557,4	726,3	360,6	671,3
Киргизская ССР	97,3	180,5	66,3	164,2
Казахская ССР	246,6	665,3	216,3	623,6
Таджикская ССР	232,3	123,2	176,7	152,0

* Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны. — Исторический архив, 1962, № 6 с. 36.

мию (основную часть ее составляло крестьянство, как наибольшая по численности категория населения).

В первые три года войны число трудоспособных мужчин в колхозах тыловых районов уменьшилось почти в четыре раза. Сокращение наиболее дееспособной части мужского сельского населения, выполнявшей как самые квалифицированные, так и тяжелые физические работы, сильно осложнило положение в сельском хозяйстве. В целом численность трудоспособных колхозников в тыловых районах сократилась с 18,2 млн. чел. до 11,4 млн. чел., т. е. более чем на треть³. Сколько-нибудь заметных различий между крестьянами разных национальностей в этом отношении, естественно, не было. Доля трудоспособных колхозников во второй половине войны (1944 г.) по республикам сократилась примерно одинаково: по сравнению с довоенным уровнем (1940 г.); их число в областях, краях и республиках РСФСР уменьшилось до 50—73%, в Средней Азии — до 61—76%, в Закавказье — до 67—77%⁴.

В этой специфической кадровой ситуации приобрел особый смысл характерный и в прошлом для партии курс выдвижения женщин и ориентации их на исполнение активных производственных ролей.

В первые же годы войны женщины стали главной производительной силой в сельском хозяйстве всех республик (см. табл. 1).

Процесс усиления производственной активности женщин, приобретения ими новых социальных ролей имел свою специфику в разных национальных средах — ведь в ряде республик, особенно на Кавказе и в Средней Азии — выдвижению женщин мешали старые обычаи. Зачастую родители и родственники, да и руководители МТС и колхозов относились к участию женщин в общественном труде предвзято. Их брали на организационную работу неохотно, обычно на вспомогательные, второстепенные роли. Для преодоления традиционных представлений об ограничении функций женщины кругом домашних работ при райкомах партии стали вводить должность женорга, создавались комиссии по работе среди женской молодежи, которые должны были вести разъяснительную работу и бороться со старыми привычками. Уже в 1942—1943 гг. женщины здесь постепенно стали приобщать к руководству колхозами, тракторными бригадами, фермами, да и к другим занятиям, считавшимся ранее чисто мужскими. Например, в Дагестане женщины становились даже чабанами, хотя при отгонном скотоводстве эта работа исключительно

³ Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны. — Исторический архив, 1962, № 6, с. 36.

⁴ Там же, с. 37.

трудна⁵. Удельный вес женщин коренных национальностей среди руководящих работников в колхозах повсеместно возрастал (см. табл. 2).

Разница в масштабах привлечения женщин к организационной работе между национальными регионами была весьма значительна. По этому признаку можно выделить три крупных района:

1. Нетыловые — т. е., прифронтовые, которым грозила оккупация; там из женщин особенно активно формировались руководящие кадры колхозов и они численно преобладали (53,6%) — это республики Европейской части СССР;

2. Тыловые районы, где роль женщин была весьма существенна, но все же их доля среди председателей колхозов и других руководящих работников была меньше, чем в первой группе (около трети).

3. Особо следует выделить среди тыловых республики Средней Азии и Закавказья, где доля женщин в административном аппарате колхозов была наименьшей (около 12%), что имело не столько «ситуационные» (наличие сравнительно большого числа мужчин), сколько традиционные корни — влияние пережитков, задерживающих вовлечение женщин в общественную жизнь.

В целом по СССР в конце 1943 г. на руководящую работу в колхозах — председателями, бухгалтерами, бригадирами, заведующими животноводческими фермами — было выдвинуто почти 400 тыс. женщин⁶, большинство которых не имело специального образования.

Несколько иначе решалась проблема кадров механизаторов, которых, в отличие от колхозных организаторов, необходимо было специально обучать. Готовить новых механизаторов приходилось в огромных масштабах, так как машинно-тракторные станции, располагавшие большой армией технически грамотной молодежи, с самого начала войны оказались одним из основных источников пополнения моторизованных войск Красной Армии. И если до войны среди рабочих машинно-тракторных станций женщин было мало, то с началом войны они стали главным резервом их комплектования. Из 286 тыс. механизаторов, экстренно подготовленных к уборке урожая 1941 года, 190 тыс. чел., т. е. две трети, составляли женщины⁷. Конечно, и здесь число их было неодинаковым в разных национальных регионах. Но в целом из 2 млн. механизаторов, подготовленных за годы войны, женщины составляли 1,5 млн. чел.⁸ Так была решена проблема качественного возмещения убыли рабочей силы в связи с военной мобилизацией. Второй ее стороне — количественному возмещению — также уделялось большое внимание. Были использованы все резервы: в производство включились не только женщины, но и подростки, и престарелые. В 1942 г. в колхозах работало 6,1 млн. подростков, престарелых и больных⁹. Более полное использование трудовых ресурсов составляло специфическую особенность военного времени. Однако вовлечение в производство всех слоев крестьянского населения лишь облегчало, но не решало полностью проблемы рабочей силы. Положение осложнялось еще и тем, что вслед за уменьшением мужского сельского населения, ушедшего в армию и в промышленность, на селе, правда, незначительно, стало убывать также число женщин и подростков — их поглощала промышленность.

По существу, единственно возможным путем возмещения дефицита рабочей силы было максимальное увеличение нагрузки на каждого работающего. Все способные трудиться должны были не просто работать, но работать как можно производительнее.

⁵ К середине 1943 г. более 10 тыс. женщин Дагестана занимали руководящие должности в колхозном производстве. См., например: *Мелешко А. Г.* Трудовой героизм женщин-колхозниц Дагестана, в годы Великой Отечественной войны. — Уч. зап. Дагестанского ин-та истории, языка и литературы, т. VIII. Махачкала, 1960, с. 314—316.

⁶ *Арутюнян Ю. В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963, с. 100.

⁷ Там же, с. 103.

⁸ Там же, с. 104.

⁹ Свод отчетов колхозов страны за период Отечественной войны, с. 37.

Таблица 2*

Удельный вес женщин, занятых на организационной работе в колхозах, в %

Республики	Председатели колхозов			Счетоводы и бухгалтеры			Бригадиры			Зав. животноводческими фермами		
	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945
РСФСР	3,1	14,7	10,4	1,1	61,1	53,1	6,7	52,7	37,6	20,7	59,6	47,9
Украинская ССР	0,6	4,0	2,4	10,7	56,9	46,2	1,2	36,3	15,2	6,1	43,2	20,6
Молдавская ССР	0,5	3,5	2,2	12,3	50,3	39,0	0,9	28,5	10,8	4,8	19,3	13,4
Белорусская ССР	2,3	14,6	4,7	12,2	71,7	57,2	1,7	53,7	27,6	9,0	65,7	34,0
Азербайджанская ССР	0,9	2,5	2,6	13,3	14,1	12,4	0,3	4,4	3,3	3,0	7,8	7,9
Грузинская ССР	0,6	1,7	1,3	6,8	41,7	38,2	0,5	4,0	3,0	1,6	13,2	11,6
Армянская ССР	0,5	0,9	0,7	2,4	29,7	24,1	0,6	5,1	4,0	2,9	11,2	7,6
Туркменская ССР	1,5	2,2	1,6	0,4	15,7	11,9	1,0	7,7	5,8	1,4	2,9	3,7
Узбекская ССР	0,2	2,2	1,0	2,2	12,1	8,7	1,7	1,9	1,8	1,2	1,7	1,2
Таджикская ССР	1,4	0,7	0,6	0,7	7,8	4,7	1,5	2,2	2,3	1,0	2,3	0,5
Киргизская ССР	0,8	2,9	2,1	3,0	25,8	19,2	0,9	12,0	8,3	7,0	18,9	11,1
Казахская ССР	1,4	3,4	2,1	3,2	36,4	27,9	1,8	13,7	9,4	11,3	25,9	18,9

* См.: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1963, с. 404.

Важным инструментом регулирования трудовой деятельности колхозников во время Великой Отечественной войны было увеличение обязательного минимума трудодней, закон о котором был принят еще в мае 1939 г.

Война, обострив проблему трудовых ресурсов, привела к изменениям в законе об обязательном минимуме трудодней. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР, принятом в феврале 1942 г., обязательный минимум увеличивался в полтора раза: в хлопковых и некоторых других районах СССР — до 150 трудодней в год (до войны — 100), в основных сельскохозяйственных районах — до 120 (до войны — 80), в остальных — до 100 (до войны — 60). Кроме того, в целях обеспечения более ровного использования рабочей силы в Постановлении задавался определенный ритм выполнения минимума: оговаривалось, сколько трудодней должно быть выполнено на весенних работах, сколько — на прополке и уборке. Члены семей колхозников — подростки в возрасте от 12 до 16 лет — также получили трудовые книжки и были обязаны выработать не менее 50 трудодней в год.

Обязательный минимум трудодней был как организующей, так и воспитательной мерой. Государство не только требовало его выполнения, но и создавало объективные условия для этого. Для обеспечения максимального вовлечения в производство женщин-колхозниц и выработки ими обязательного минимума трудодней даже в тяжелых условиях войны увеличивалось число детских садов, яслей, площадок.

Закон систематически разъяснялся колхозникам, доводился до каждого. Подавляющее большинство колхозников выполняло обязательный минимум. Невыполнение обычно объяснялось уважительными причинами — болезнью и др. Например, в Киргизии, по неполным данным, за первую половину 1942 г. не выработали установленного минимума трудодней 23358 колхозников, из них по неуважительным причинам всего 5800 чел. В целом во время войны удельный вес трудоспособных колхозников, не справившихся с обязательным минимумом, сократился по-всеместно¹⁰.

Сокращение числа колхозников, не выработавших обязательный минимум трудодней, было не столько следствием применения соответствующего закона, сколько результатом усиления трудовой активности крестьянства благодаря умелому сочетанию в руководстве им материальных и моральных стимулов поощрения и всему комплексу организационных и правовых мер Советского государства в отношении крестьянства.

Первым производственным испытанием, которому подверглось колхозное крестьянство с началом войны была уборка урожая 1941 г., особенно сложная на территории РСФСР и УССР, находившихся под угрозой оккупации. Благодаря массовой ускоренной подготовке кадров механизаторов летом 1941 г. (когда срок обучения трактористов был сокращен в пять—шесть раз), машинно-тракторные станции к началу уборочных работ получили необходимое число механизаторов, ²/₃ которых — 190 тыс. чел. — составляли женщины¹¹. Техника была приведена в готовность, но машин не хватало, и приходилось вести уборку вручную. К уборке были широко привлечены работники административно-управленческого аппарата колхозов — счетоводы, бухгалтеры, бригадиры. Работали от зари до зари. Чтобы стимулировать уборку, в прифронтовой полосе половину собранного урожая выдавали тем, кто собрал его. Остальной намолоченный хлеб тут же сдавали государству и вывозили. На большей части Украины — в то время главной хлебной житницы страны — колхозы успешно выполнили план государственных поставок хлеба, сверх того сдавали продовольствие в фонд обороны, обеспечив армию на территории республики. По неполным данным, за август и 23 дня сентября из УССР было вывезено 12,5 млн. ц зерна и других сельскохозяй-

¹⁰ Там же, с. 38, 39.

¹¹ Арутюнян Ю. В. Из истории МТС в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Вопросы истории, 1958, № 8, с. 87.

ственных продуктов¹². То, что не удавалось убрать или вывезти, уничтожали, чтобы не досталось противнику: жгли, запахивали хлеб, скашивали ботву свеклы и картофеля.

В тыловых районах урожай был в основном убран. Труженики колхозного тыла достойно заменяли ушедших в Красную Армию. В печати рассказывалось о героическом труде женщин в эту трудную пору. На пример, в колхозе «Моцинаве» Телавского района Грузии, где в мирное время женщины вообще не работали на жатве, уже в первый год войны они по почину учительницы сельской школы за короткое время и без потерь собрали весь урожай зерновых¹³.

Уборка урожая 1941 г. оценивалась как одна из первых побед на хозяйственном фронте. План заготовок в тыловых районах был выполнен на 80%, в закрома государства поступило свыше миллиарда пудов хлеба, причем 83% его было заготовлено колхозами¹⁴. Многонациональное колхозное крестьянство продемонстрировало сплоченность и готовность отдать свои силы на общее дело обороны. По существу, это была первая за годы войны проверка социально-политического единства колхозного крестьянства.

Экономическая ситуация в первый год войны осложнялась необходимостью организованной эвакуации людей и материальных ценностей с оккупированной территории. Эвакуация имела беспрецедентный размах: только из Белоруссии было вывезено 1,5 млн. чел., свыше 100 предприятий союзно-республиканского значения, 190 детских учреждений, 45 тыс. т зернопродуктов, 5 тыс. тракторов, 674 тыс. голов скота¹⁵. Нанеся более значительная работа по эвакуации была проведена в Украинской ССР. Перед украинскими крестьянами лежал дальний путь, им приходилось преодолевать много водных преград, нередко под обстрелом врага, стремившегося не дать вывезти людей, скот и материальные ценности.

В процессе эвакуации еще раз проявилась общность интересов крестьянства национальных регионов страны. Значительная часть эвакуированных ресурсов сельского хозяйства была размещена за пределами РСФСР¹⁶. В связи с нехваткой кормов и недостатком помещений колхозы стремились не оставлять эвакуированный скот на зимовку и сдавали его в счет мясопоставок текущего или будущего (авансом) года, сохраняя при этом в целости собственное поголовье. Из оккупированных прифронтовых районов до тыловых колхозов дошло 13% стада¹⁷. Проведение всей важности выполнения мясопоставок руководящие органы предостерегали колхозы от неоправданного убоя скота, заботились о сохранении племенного стада.

Летом 1942 г. в связи с развернувшимся фашистским наступлением в южных районах началась новая волна эвакуации. Основной поток эвакуированных двигался в Казахстан, переправляясь через Волгу под налетами вражеской авиации. Второй, менее значительный поток эвакуированных шел через Дагестан (вдоль Каспия) в Азербайджан.

В 1942 г. из зоны военных действий было выведено более 2/3 стада, часть скота была сдана на мясо. Эвакуировалась также техника, хотя и менее результативно: в 1942 г. было вывезено только 10% тракторов и 2% комбайнов¹⁸.

Эвакуированные пополняли и трудовые ресурсы колхозов восточных районов страны: так, на 1 января 1943 г. на территории Новосибирской

¹² Данилюк М. З. Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны. — Вопросы истории, 1959, № 6, с. 5, 6.

¹³ Бабалашвили И. П. Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977, с. 83.

¹⁴ Центральный Государственный Архив Октябрьской Революции (далее — ЦГАОР СССР), ф. 5446, оп. 48, л. 390, л. 82.

¹⁵ История Белорусской ССР. Минск: Наука и техника, 1977, с. 375—376.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 44, д. 817, л. 26.

¹⁷ Подсчитано по материалам ЦГАОР СССР, ф. 5446, оп. 44, д. 817, л. 4—5.

¹⁸ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 46.

Кемеровской и Томской областей в колхозах работало примерно 60 тыс. трудоспособного эвакуированного населения, что составляло почти 18% проживающих там трудоспособных колхозников¹⁹. Что касается квалифицированных сельскохозяйственных кадров, то в общей сложности (по данным 32 областей, краев и республик) из 5086 эвакуированных специалистов и руководящих работников сельского хозяйства в МТС, колхозах и земельных органах работало 4845 чел.²⁰

Эвакуация сельскохозяйственных ресурсов была, наряду с уборкой урожая первого военного года, проверкой сплоченности колхозного крестьянства разных национальных регионов страны. Эвакуация, помимо прочего, увеличила контакты сельских жителей разных национальностей, расширила диапазон и частоту межнационального общения.

Руководя проведением экстренных сельскохозяйственных мероприятий — уборкой урожая 1941 г. и эвакуацией колхозов — партия и государство вместе с тем вырабатывали новую стратегическую линию, стимулируемую тем обстоятельством, что в результате оккупации Советский Союз был лишен своей главной сельскохозяйственной базы: всесоюзных житниц (Украина, Северный Кавказ), центров свекловодства (Украина) и льноводства (Белоруссия, северо-запад РСФСР). Для компенсации потерь был форсирован принятый еще до войны (в апреле 1940 г.) курс на расширение продовольственной базы на востоке страны. В постановлении Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 года предусматривалось значительное расширение посевных площадей под урожай 1942 г. в колхозах Урала, Сибири, Средней Азии, Казахстана и других районов на 6 млн. га. Вместе с тем, весной 1942 г. началось движение за сверхплановое расширение посевов: в колхозах засеивались дополнительные гектары в фонд обороны. Кроме расширения посевных площадей на востоке, партия и правительство планировали превратить так называемые потребляющие зерновую продукцию регионы (прежде всего, среднеазиатские и закавказские республики) в производящие.

С потерей зерновых житниц в Европейской части СССР в решении продовольственной проблемы возникла дилемма: как лучше компенсировать эту потерю — за счет экстенсивных мер (расширение посевных площадей) или за счет повышения интенсивности использования сохранившейся пашни? Выбор был труден: ведь когда до войны правительство принимало решения о развитии сельского хозяйства на востоке страны, оно одновременно создавало материально-финансовые условия для выполнения этих решений (в частности, предоставлялась техника). В военное время поставки тракторов и сельскохозяйственных машин не только прекратились — наоборот, часть машинно-тягловой силы колхозов была передана армии. В этих условиях в связи с уменьшением энергоресурсов возросла ценность ручного труда, но ведь и людские ресурсы значительно сократились. Следствием колоссального уменьшения трудовых ресурсов деревни, которое происходило одновременно со снижением уровня механизации, и явилось то обстоятельство, что план расширения посевных площадей в восточных районах не был выполнен, вспаханные земли иногда не осваивались и вновь забрасывались. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. уборочные площади зерновых вообще не выросли, несмотря на рост посевных. А в 1943 г. наиболее устойчивый рост уборочных площадей происходил чаще не там, где был взят курс на расширение посевов, а в районах, относительно обеспеченных рабочей силой и живым тяглом²¹.

Посевы зерновых культур расширялись не столько в результате освоения новых земель, сколько за счет вытеснения других порой стратегически важных культур, включая даже хлопчатник (в среднеазиатских республиках).

¹⁹ Там же, с. 48.

²⁰ Центральный Партийный Архив Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 112 оп. 4, ед. хр. 5, л. 167.

²¹ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 163.

В целом же проблема превращения районов преимущественно потребляющих продовольствие в производящие, пусть дорогой ценой, но была решена. Даже в среднеазиатские республики завоз хлеба почти прекратился. В Таджикистан, например, в 1939 г. было завезено 110 тыс. т зерна, а в 1943 г. — всего около 16 тыс. т²². Вместе с тем, целиком преодолеть тяжелые для сельского хозяйства последствия войны, когда так пострадали людские и производственные ресурсы, конечно, было невозможно.

По зерновым районам в целом урожайность зерновых по сравнению с довоенным периодом упала почти вдвое²³. Соответственно, снизились и валовые сборы.

Особенно тяжелым был 1943 год. Со второй половины весны и в течение всего лета в Поволжье, Западном Казахстане и на Северном Кавказе стояла засуха, вызвавшая большой недород. В таких условиях требовалось улучшить уход за посевами, усилить орошение, активизировать борьбу с сорняками и др. Между тем, уровень агротехники в 1943 г. был как никогда низок. Трудности как бы наслаивались одна на другую. Сев, проведенный в поздние сроки, нередко некондиционными семенами, привел к появлению изреженных, угнетенных всходов, за которыми практически не было никакого ухода. В результате в 1943 г. урожайность многих сельскохозяйственных культур была даже ниже, чем в 1942 г.²⁴

Война серьезно осложнила и развитие животноводства. Свернулось строительство животноводческих ферм, острее стал ощущаться недостаток помещений для скота. Ухудшилось ветеринарное обслуживание, что привело к распространению различных эпизоотий, особенно в прифронтовых районах (в связи с эвакуацией скота). Резко сократилась и кормовая база — главное условие развития животноводства. Уменьшилось производство концентрированных кормов, удельный вес которых в рационе скота составлял до войны в разных районах от 30 до 46%. Снизилось производство фуражных зерновых культур. Картофель теперь практически не шел на корм скоту. Для компенсации недостатка концентрированных кормов колхозы должны были использовать заготовленные собственными силами грубые и сочные корма, для чего им приходилось самим силосовать кормовые культуры, дикорастущие травы, пищевые отходы.

От сокращения объема концентрированных кормов в первую очередь пострадало поголовье свиней, количество которых в колхозах тыловых районов с 1941 по 1943 г. уменьшилось почти вдвое. Существенно уменьшилось и число лошадей — не только из-за мобилизации их для нужд армии, но и в результате нехватки овса. На крупном рогатом скоте, овцах и козах сокращение концентрированных кормов сказалось менее болезненно. Но общим для всех видов скота явлением было сокращение приплода и рост падежа. Наибольшие потери приходились на хозяйства центральных и юго-восточных районов Европейской части СССР, где скопилось много эвакуированного скота. К тому же в связи с широким использованием молочного скота на полевых работах увеличивалась яловость коров, что затрудняло воспроизводство стада.

Недостаток естественного прироста колхозного стада восполнялся из других источников, главным образом, путем покупки скота у колхозников. Особенно много его было куплено у колхозников в 1942 г. — около 2,5 млн. голов крупного рогатого скота, 0,2 млн. свиней, 1,7 млн. овец и коз. Крупный рогатый скот, законтрактованный у колхозников, составлял 15—20% колхозного стада²⁵.

Конечные результаты, достигнутые в животноводстве, были лучше чем в земледелии. В то время как урожай основных культур в тыловых районах уменьшились с 1940 по 1943 г. в 1,5—2 раза, поголовье продук

²² Сечкина Л. П. Трудовой подвиг таджикского народа в годы Великой Отечественной войны. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1960, с. 72—76.

²³ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 156.

²⁴ Там же, с. 160.

²⁵ Там же, с. 183.

тивного скота (за исключением свиней) не падало там ниже, чем на 8—11%. Сравнительно устойчивыми оказались и качественные показатели, в то время, как в земледелии они повсеместно ухудшились. Такая ситуация сложилась в силу того, что в 30-е годы земледелие частично стало механизированным, в животноводстве же продолжал господствовать ручной труд. Хотя в деревне не были еще преданы забвению традиции ручного труда, и в трудное военное время дедовские плуги, сеялки, серпы и др. могли сослужить колхозникам добрую службу, возместить потери механизации в земледелии было невозможно. В животноводстве положение было несколько лучше еще и потому, что здесь и до войны решающую роль играл женский труд, а женская рабочая сила пострадала в меньшей мере. Наконец, мясопоставки были облегчены за счет эвакуированного стада. Земледелие же аналогичного резерва не имело.

В конечном счете, несмотря на возраставшие трудности, несмотря на скудость сельскохозяйственных ресурсов, советское крестьянство, сумело ценой героических усилий и самопожертвования выделить для страны необходимый минимум продовольствия, достаточный для снабжения населения и бесперебойных поставок в действующую армию.

Еще до войны колхозы сдавали продукты государству не с площади посевов, а с каждого гектара пашни, закрепленной за ними. Тем самым гарантировался заранее фиксированный объем заготовок.

Тогда же государство стремилось гарантировать и размеры заготовок, поступающих в качестве натуроплаты за работу МТС — что было важнейшим, наряду с обязательными поставками, средством мобилизации колхозной продукции.

В годы войны количество продукции, аккумулируемой натуроплатой (несмотря на завышенные ставки) не могло не уменьшиться, так как общий объем тракторных работ в колхозах сократился. В этих условиях новым важным источником продовольствия стали отчисления в фонд обороны. Последние были введены в 1942 г. и сразу заняли настолько большое место в заготовках, что полностью компенсировали сокращение поступления зерна через натуроплату.

Вся продукция, получаемая государством по заготовкам, оплачивалась по очень невысоким ценам. Тот факт, что государству удавалось таким образом заготавливать во все возраставших масштабах львиную долю товарной продукции колхозов, говорил о многом — и прежде всего о том, что основная масса колхозников понимала свой долг перед Родиной и не останавливалась для достижения победы ни перед чем.

В целом колхозы направляли в распоряжение государства по различным каналам до половины продукции зерновых. В годы гражданской войны государство заготавливало по продразверстке только 17% валового сбора хлеба и тем не менее, это вызывало недовольство. Самоотверженность колхозного крестьянства в годы войны была проявлением изменившейся социальной природы крестьянства, объединенного в колхозы, проявлением прочности советской политической системы, единства всех классов и слоев советского общества, в конечном счете — признанием авторитета партии в деревне и результативности ее политико-воспитательной работы.

Однако заготовки при всей их важности были лишь одной из форм помощи крестьянства государству, армии, в напряженной битве с фашизмом — правда, формой главной и решающей.

Помощь шла и по другим каналам. Повсеместно были увеличены различные платежи — введен военный налог, среди населения распространялись облигации военных займов. Налоги и денежные сборы с колхозов в 1940 г. составляли 10,7%, их денежных доходов, в 1943 г. — 12%, в 1944 г. — 12,8%, в 1945 г. — 15,7%²⁶.

Сверх того, 5—7% своих доходов (что составляло от трети до половины отчислений в неделимые фонды) колхозы ежегодно выделяли на приобретение облигаций военного займа. Подписчиками выступали как кол-

²⁶ Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 206.

хозы в целом, так и колхозники. План подписки, как правило, перевыполнялся: почти все колхозники сразу полностью оплачивали стоимость облигаций. Наиболее высокий результат сбора средств по займу на селе был в Таджикской ССР: там было размещено подписки на заем в 1942 г. — на 145,9 млн. руб., в 1943 г. — на 197,0 млн. руб., в 1944 г. — на 250,4 млн. руб.²⁷

Вплоть до 1944 г. размеры займа ежегодно возрастали, а всего за 1942—1945 гг. государственный бюджет получил от подписки на заем около 90 млрд. руб. Доля трудящихся деревни в общей сумме подписки постоянно увеличивалась: в 1942 г. она составляла 20%, к 1944 г. возросла до 40%. В общей сложности на выплату налогов, сборов и приобретение облигаций шла примерно пятая часть доходов колхозов, почти такова же была и доля личных вкладов колхозников.

Важным каналом мобилизации материальных ценностей и денежных ресурсов населения были сборы в фонд обороны, начавшиеся вскоре после нападения гитлеровцев на нашу страну. Колхозники сдавали в фонд обороны деньги, облигации, драгоценности. Женщины расставались с украшениями. В Туркменской ССР в колхозе «Кызыл Кошу» в фонд обороны поступило 82 кг серебра²⁸. В Армении к 18 августа 1942 г. было внесено в фонд обороны 19.815 тыс. руб., 1369 г золота и 212 кг серебра²⁹. А всего к середине 1942 г. в Госбанк СССР поступило около 5 млрд. руб. деньгами и облигациями государственных займов, 94 кг золота, 9 тыс. кг серебра, много платины, драгоценностей³⁰.

Повсеместно широко развернулось также патриотическое движение по сбору средств на строительство военной техники. На собранные деньги строились десятки танковых колонн, эскадрильи самолетов, артиллерийских батарей. Например, труженики сельского хозяйства Таджикистана собрали 84 млн. руб. на танковую колонну «Колхозник Таджикистана», внесли 35,2 млн. руб. на постройку эскадрильи «Советский Таджикистан», а Ленинабадский район собрал средства на артиллерийскую батарею «Колхозник Ленинабадского района»³¹. Танковая колонна «Колхозник Армении» была сформирована на деньги сельских тружеников Армянской ССР, собравших 46 млн. руб.; они же внесли 21 млн. руб. в фонд строительства республиканской эскадрильи «Советская Армения»³².

Получила распространение практика крупных индивидуальных взносов на постройку военной техники. В Таджикской ССР в 1944 г. при сборе средств на постройку эскадрильи «Советский Таджикистан» бригадир колхоза им. Сталина Ленинабадского района Хосият Бободжанова внесла 50 тыс. руб.; председатель колхоза «Кзыл-Пахта» Куйбышевского района Мирганов внес 30 тыс. руб., а в руководимом им колхозе было собрано еще 28 тыс. руб.³³

В общей сложности за 1941—1945 гг. в фонд обороны поступило более 16 млрд. руб. деньгами, 4,5 млрд. руб. облигациями государственных займов, много драгоценных металлов и т. д.³⁴

Еще одним свидетельством связи фронта и тыла был сбор теплых вещей для фронтовиков, отправка на фронт подарков, особенно к праздникам. Только за три месяца 1941 г. на фронт поступило 1,2 млн. пар валенок, 2,2 млн. пар шерстяных перчаток и рукавиц, свыше 2 млн. полушубков и т. д. Лишь в одной Саратовской области собрали столько одежды, белья, валяной обуви, шерсти и кож, что их могло хватить по меньшей мере для 15 дивизий³⁵.

²⁷ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 5.

²⁸ Базаров Р. А. Помощь молодежи Туркменской республики фронту в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Изв. АН ТуркмССР, 1956, № 5, с. 50.

²⁹ Советская Армения в годы Великой Отечественной войны, с. 118.

³⁰ Неиссякаемый источник народной инициативы. — Большевик, 1943, № 1, с. 10.

³¹ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 118.

³² Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство..., с. 313.

³³ Сечкина Л. П. Указ. раб., с. 118.

³⁴ БСЭ, т. 45, с. 292 (Изд. 2).

³⁵ Калинин М. И. Отечественная война советского народа против немецких захватчиков. — Большевик, 1941, № 24, с. 23—24; Ильин Б. И. Патриотическое движение сара-

Но не только о боях заботились колхозники. Так, в сентябре 1942 г. колхозники Куриловского района Саратовской области на 56 подводах привезли для рабочих одного из саратовских заводов картофель, собранный с приусадебных участков, причем продавали его рабочим по твердым государственным ценам. Такие случаи были далеко не единичны и нагляднее всяких слов показывали социальную монолитность советского общества.

Колхозное крестьянство тыловых районов РСФСР, Закавказья и Средней Азии посылало вагоны с подарками в города страны, наиболее пострадавшие от фашистской агрессии. Ленинград регулярно получал посылки со всех концов страны. Летом 1942 г. только из Таджикистана туда было отправлено 50 вагонов с овощами, фруктами, мясом, рисом, кондитерскими изделиями³⁶. Продукты посылали и на фронт. 17 февраля 1942 г. в Армении местная газета «Коммунист» сообщала: «Вчера вечером со станции Ереван отправлен на фронт специальный поезд с подарками от колхозников Армении... 11 вагонов подарков — весом около 100 тонн. В числе посланных подарков 6 т превосходного лаваша, 3,5 т сыра, 1 т сливочного масла, 1,7 т свинины, 27 бараньих туш, 3,5 т сушеных фруктов, 500 пачек курительного табака, 8262 индивидуальные посылки, десятки бочек вина и коньяка и других продуктов».

Колхозники заботились о детях фронтовиков и эвакуированных детях, потерявших родителей. В Малинском районе Московской области колхозники создали детский дом для эвакуированных детей фронтовиков, который они не только снабжали всем необходимым, но и сами обслуживали. Часть осиротевших детей устраивали в семьях колхозников, усыновляли. При этом проявлялось национальное единство советского общества: известен пример, когда узбекский колхозник Шахмет Шамамудов усыновил 14 детей разных национальностей, среди них были русские, белорусы, украинцы, татары³⁷.

Так многообразно проявлялось в годы войны то великое чувство единства, которое спаивало в одно целое фронт и тыл, колхозное крестьянство, рабочий класс и интеллигенцию всех народов.

Энергичные усилия партии дали результаты. Деревня, как и вся страна, была сплочена как никогда, колхозный строй оказался мощной опорой фронта. Благодаря новым производственным отношениям стало возможным максимальное использование производительных сил деревни. Уже в первый период войны сельское хозяйство приспособилось к нуждам военного времени, были изысканы новые материальные и трудовые ресурсы, перестроена энергетическая и топливная база. Несмотря на снижение уровня сельскохозяйственного производства, вызванное ухудшением материально-производственной базы и снабжения, а также ослаблением кадров, колхозы тыловых районов в эти самые трудные для страны годы обеспечивали страну необходимым минимумом продовольствия и сырья.

товского крестьянства в годы Великой Отечественной войны.— Уч. зап. Саратовской областной партшколы. Саратов, вып. 1, 1948, с. 108—109.

³⁶ Советский Таджикистан в Отечественной войне 1941—1945 г. Душанбе: Дониш, 1975, с. 18.

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1280, л. 149; Каримов И. А. Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.— Тр. Ташкентского селхоз. ин-та. Серия общественно-политических наук, 1958, вып. 3.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ

ПАРТИЗАН УКРАИНЫ (1941—1944 гг.)

«Значительный вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли советские партизаны и подпольщики», — отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов»¹. Патриотизм советских людей, их ненависть к фашизму обусловили широкий размах партизанского движения на оккупированной врагом территории страны, в том числе Украины, где в нем приняли участие до полумиллиона человек. Партизаны Украины нанесли большие потери оккупантам и оказали существенную помощь Советской Армии в ее наступательных операциях по изгнанию врага за пределы нашего государства.

Эффективность действий советских партизан в борьбе против фашистских оккупантов зависела от многих факторов. Одним из важнейших из них было материально-бытовое обеспечение боевой деятельности партизанских формирований.

История партизанского движения на Украине освещена в ряде фундаментальных трудов², однако вопросы быта партизан в них не рассматриваются³. В предлагаемой статье впервые предпринята попытка охарактеризовать быт советских партизан на территории Украины.

В чрезвычайно сложных условиях вражеского тыла происходило на начальном этапе народной борьбы формирование быта украинских партизан. Между тем повседневный быт партизанских соединений становился по мере развития партизанского движения одним из важных факторов их успешной боевой деятельности. Вопросы быта постоянно находились в центре внимания командиров и политработников партизанских отрядов и соединений, сознававших значение создания необходимых условий для удовлетворения основных материальных нужд и духовных запросов участников партизанской борьбы, прямую зависимость от них боеспособности партизан. Командование, политические и хозяйственные работники партизанских формирований, зная, что советские люди даже в невероятно тяжелых условиях фашистского оккупационного режима сохраняют в своей жизни и взаимоотношениях традиции и нормы социалистического быта, делали все, чтобы и партизанский быт строился в соответствии с этими традициями и нормами.

Партизанский быт во многом зависел от специфики деятельности партизанского формирования и от характера местности его дислокации. Начальный этап становления и развития партизанского движения характеризовался, как известно, неимоверными трудностями, которые, естественно, порождали и бытовое неустройство партизан. Особенно тяжело приходилось тем из них, кто действовал в сложных условиях лесостепи. Они вынуждены были часто, иногда каждые два-три дня, менять дислокацию, чтобы уйти из-под ударов карателей. Поэтому у партизан не было даже землянок. Спали они в наскоро оборудованных шалашах, сделанных из ветвей и покрытых сеном и землей. Вход в шалаш закрывался чаще всего плащ-палаткой. Внутри устраивался настил из веток деревьев или сена. Вверху имелось отверстие для выхода дыма от костра, ко-

¹ Правда, 17 июня 1984 г.

² См., например: *Клоков В., Кулик І., Слюшко І. Народна боротьба на Україні в роки Великої Вітчизняної війни*. Київ: Вид-во АН УССР, 1957; *Война в тылу врага*. М.: Политиздат, 1974; *Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза*. Т. 1—5. Киев: Политиздат Украины, 1975; *История Украинской ССР*. Т. 8. Киев: Наук. думка, 1984

³ Не рассматриваются они и в работах по истории партизанского движения в Белоруссии. Даже в единственном труде, специально посвященном общественному быту советских людей в районах партизанской борьбы в Белоруссии, — монографии А. И. Залесского «В партизанских краях и зонах» (М.: Мысль, 1962) — вопросы партизанского быта почти не затрагиваются.

торый постоянно горел в специально вырытом углублении небольшого размера (в центре шалаша).

Но не все партизанские формирования имели даже такие весьма примитивные жилища. Небольшие партизанские отряды, действовавшие в малолесистых районах, где было много вражеских гарнизонов и карательных команд, иногда после утомительных переходов устраивали привал прямо посреди болота или в снегу. Вот что рассказывал очевидец о жизни партизан Черкасского отряда: «Передо мною встала картина, которую я и представить себе не мог. В расположении отряда я увидел три костра, вокруг которых сидели вооруженные люди, от мороза и дыма костров черные. Здесь же, под открытым небом, некоторые спали...»⁴. Порой партизаны не имели возможности даже развести костер.

В ходе борьбы с сильным и коварным врагом партизанскими формированиями был накоплен и опыт довольно быстрого налаживания элементарных бытовых условий. Особое значение придавалось организации стоянок. Остановки во время передвижений, связанные с необходимостью отдыха и решения санитарно-бытовых вопросов, приходилось делать и таким крупным рейдирующим формированиям, как соединения С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, И. Ф. Федорова, М. И. Наумова, А. З. Одухи и др. Зимой длительные стоянки часто устраивали в населенных пунктах, как правило, по маршруту движения партизан. Накануне расквартирования в населенный пункт высылались разведка, в состав которой входили представители штаба и медицинской службы партизанского формирования. Для стоянки выбиралась местность, где имелись источники питьевой воды, запасы фуража или пастбища и где не было инфекционных заболеваний. Функции квартирмейстеров выполняли обычно разведчики. Они тщательно обследовали намеченный населенный пункт, определяя участки для размещения партизан и ставя соответствующие знаки на дверях домов: Медработники в свою очередь отмечали дома, где были инфекционные больные — их запрещалось занимать. Представитель штаба одновременно производил рекогносцировку местности и определял места постов, застав, дозоров, а также намечал схему круговой обороны.

После того как партизаны занимали населенный пункт, предназначенный для стоянки, принимались меры для обеспечения их безопасности. С момента появления в населенном пункте разведки выезд жителей запрещался, а вновь прибывающие задерживались. Немедленно брались под охрану источники воды. На всех окрестных дорогах выставлялись заставы с минерами, патрули и «секреты». По маршруту движения партизан на 10—15 км вперед высылались разведгруппы, а в соседние села — «маяки» партизанской разведки.

Так же обстоятельно решались вопросы расквартирования бойцов. Обычно в каждый дом помещалось не менее одного отделения. У входа в дом обязательно выставлялся пост. В западноукраинских селах, где действовали националисты, во время сна партизан и в самом помещении всегда был один «бодрствующий».

Стоянки партизанских формирований в населенных пунктах были разной продолжительности — от нескольких дней до месяца. Гораздо более длительными были стоянки в лесах. Места для лесных лагерей, выбравшиеся в чаще, должны были отвечать следующим требованиям: 1) быть удобными для обороны на случай внезапного нападения противника; 2) служить естественной маскировкой от вражеских самолетов; 3) быть достаточно удаленными от основных дорог; 4) иметь источники воды и пастбища.

Лагерь тщательно маскировался, создавалась сложная система оборонительных сооружений и наблюдательных пунктов. Кроме того, каждое подразделение организовывало оборону отведенного ему участка, определяло места постов, а также ближних и дальних дозоров и застав в соответствии с общей схемой обороны отряда или соединения. Обычно

⁴ Киевский облархив, ф. 5, оп. 6, д. 177, лл. 11—12.

отряды размещались на расстоянии от 0,5 до 1,5 км друг от друга; в центре находился штаб соединения.

Наиболее важной задачей было устройство жилищ для личного состава, прежде всего для раненых. Много внимания уделялось налаживанию снабжения водой. Для упорядочивания пользования естественными водоемами берег реки или ручья разбивался на участки, каждый из которых предназначался для определенных целей. Первый по течению участок отводился для питья и приготовления пищи; немного ниже — для умывания, затем для поения лошадей, стирки белья и, наконец, для водопоя. Если естественный водоем отсутствовал, немедленно приступали к рытью колодцев из расчета один колодец на 100 человек. У источников воды дежурили дневальные, которые следили за порядком, а также охраняли их от отравления вражескими агентами. Одновременно оборудовались отхожие места, специальные ямы для отбросов пищи, отводились участки для транспорта, стоянки для лошадей, кошары для скота.

Типы жилых построек в стационарных лесных лагерях партизан были различны. Летом делали шалаши и ставили палатки. Шалаши строили и большие (на отделение или взвод), и маленькие (для 2—3 человек). Для палаток, также различных размеров, использовались парашюты, парашютные мешки, плащ-палатки, брезент и т. д. В штабных и санитарных палатках, а также в шалахах было искусственное освещение (свечи, лампы, аккумуляторы от машин и проч.).

Характер зимних лагерей зависел от продолжительности стоянки. Если предполагалась длительная стоянка, землянки делали с кровлей. В них устраивали нары, ставили железные или кирпичные печи, столики. Вот как, например, выглядел стационарный лагерь партизанского формирования Я. И. Мельника, располагавшийся в дубовой роще, в 5 км севернее с. Хинель (Сумская область). Участки здесь были распределены между отрядами с таким расчетом, чтобы облегчить круговую оборону. Всего было вырыто 55 фундаментальных благоустроенных землянок для личного состава, 51 дзот вокруг лагеря и окопы первой линии обороны. Размещались по отделениям и взводам, чтобы в случае тревоги отряд мог собраться в боевой порядок очень быстро и с минимальным шумом⁵.

Вполне благоустроенным был и лагерь соединения ровенских партизан под командованием И. Ф. Федорова, которое с октября по январь 1944 г. дислоцировалось в лесу в 4 км восточнее с. Островск. Отряды располагались на возвышенности вокруг трех озер (Хоромное, Вельке и Средне), занимая круговую оборону. В каждой из землянок (по одной на отделение) имелись деревянные полы, окна, печи из кирпича. Строительным материалом для них послужили дома предателей из близлежащих сел, казненных партизанами за преступления перед народом. Просторными и удобными были землянки, где размещались кухня, столовая и санчасть. Партизаны построили три землянки-бани. Из местечка Могричино в партизанский лагерь привезли паровой локомобиль и динамомашину, приспособленные для подачи электричества в штабные и госпитальные землянки⁶.

На территории лесных партизанских лагерей часто создавались гражданские лагеря — «таборы». Их населяли женщины, дети, старики, бежавшие от фашистских оккупантов. С помощью партизан они строили по соседству с ними примитивные дома, шалаши и землянки, где и жили под защитой партизан. В 1942—1943 гг. партизаны приняли особенно много мирного населения, спасавшегося от угона на каторжные работы в Германию. В расположении партизанских формирований создавались так называемые «патронаты» — специальные лагеря с оборудованным жильем, кухнями, в которых гражданское население находилось на полном иждивении партизан. Число гражданских лиц временами было весьма значительным. В киевском соединении «За Родину» И. М. Вовкуна «патронат» насчитывал до 5 тыс. человек⁷.

⁵ Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины (далее — ПА ИИП при ЦК КПУ), ф. 75, оп. 1, д. 1, лл. 299—300.

⁶ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 256.

⁷ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 1, л. 18.

Уникальный лагерь для населения был создан в расположении партизанского формирования в Усатовских и Куяльницких катакомбах Одессы. Подготовку к укрытию жителей в подземельях партизаны начали еще в середине 1943 г. На заранее выбранных наиболее подходящих участках в лабиринте катакомб были созданы специальные помещения для гражданского населения рядом с партизанским штабом, складами боеприпасов, типографией, медпунктом. В феврале-марте 1944 г. партизаны и подпольщики начали большими группами спускать людей в подземный лагерь. Только из Пригородного, Ленинского и Ильичевского районов города было принято и размещено в катакомбах несколько десятков тысяч человек⁸.

При некоторых партизанских лагерях существовали целые поселки семей партизан, иногда довольно многолюдные. Например, вблизи лагеря черниговских партизанских отрядов им. Н. Щорса и «Победа» располагался поселок членов их семей. В нем проживали 216 человек, в том числе 69 женщин, 116 детей и 31 старик⁹. Подобные поселки имелись и в партизанском крае на Сумщине.

На территории партизанского лагеря безраздельно господствовали привычные советским людям порядки. Свой быт и повседневную деятельность в рамках лагеря партизаны строили по армейскому образцу, осознавая себя частью Вооруженных Сил СССР. Этому способствовало то обстоятельство, что ядро любого партизанского формирования составляли военнослужащие Советской Армии — бывшие «окруженцы» или же воины, бежавшие из фашистского плена.

В местах базирования партизанских формирований соблюдались строгая дисциплина, в частности тишина (говорить разрешалось только шепотом, рубить дрова — без особого шума), и четкий режим дня. В 10 часов вечера в партизанских лагерях все, кроме караульных, спали. В качестве типового можно привести распорядок дня, установленный в соединении И. Ф. Федорова: 1) Утренний подъем — в 6.00. 2) Уход за лошадьми, физзарядка, туалет — 6.00—7.00. 3) Завтрак — 7.00—8.00. 4) Чистка оружия — 8.00—9.00. 5) Боевая подготовка — 9.00—12.00. 6) Работа над собой — 12.00—14.00. 7) Обед — 14.00—15.00. 8) Отдых — 15.00—16.00. 9) Культработа — 16.00—18.00. 10) Политзанятия — 18.00—19.00. 11) Уход за лошадьми — 19.00—20.00. 12) Ужин — 20.00—21.00. 14) Отход ко сну — 22 00¹⁰.

Командование и политработники большое внимание уделяли не только правильному с тактической точки зрения оборудованию и устройству партизанских лагерей, военному порядку в них, но и внешнему виду бойцов и командиров. Лектор ЦК КП(б)У К. К. Дубйна, находившийся в тылу врага в 1943 г., писал о лагере житомирского соединения А. Н. Сабурова: «В лагере чисто убрано, сделаны мостики через болота для езды и пешеходов. Регламентирован и распisan весь день... Наши художники в большинстве случаев рисуют партизана обязательно с бородой. Я видел тысячи людей, но из них всего троих с бородами. Люди, как правило, чистые, побритые...»¹¹.

Наряду с обеспечением жильем в повседневном быту партизан важнейшее место занимало снабжение продовольствием. Сложные вопросы питания личного состава командованию партизанских формирований приходилось решать ежедневно, причем зачастую в самых неблагоприятных условиях. В начальный период развития партизанского движения, когда партизанских отрядов было немного и они были малочисленными, вопросы их продовольственного снабжения еще не стояли особенно остро. Когда же партизанские формирования численно увеличились, появилась необходимость создания специального аппарата хозяйственников. В каждом соединении и отряде имелся заместитель командира по хозяйственному обеспечению, в ротах — старшины и два-три бойца-

⁸ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 85, лл. 11 об., 17, 19 об., 32 об.

⁹ Там же, оп. 9а, д. 17, лл. 6—7.

¹⁰ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 50.

¹¹ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 80, л. 157.

хозяйственника. В их задачу входило изыскание, хранение и распределение среди личного состава продуктов питания, одежды, предметов первой необходимости.

Постепенно разрастаясь и укрепляясь, хозяйство партизанских формирований все более полно удовлетворяло разносторонние нужды личного состава. Рейдирующее соединение М. И. Наумова, например, имело стадо до 100 голов, разного скота и свиней, хлебопекарню, мельницу конным приводом¹². А у партизан ровенского соединения В. А. Бегма было 13 мельниц, 15 молотилок, 6 маслобоек и несколько крупорушек, находящихся как в расположении соединения, так и в окрестных селах¹³. К 1943 г. все партизанские формирования имели довольно развитые хозяйства.

Широко использовали партизаны возможность обеспечивать себя всем необходимым за счет противника. Не ожидавшие развития массового партизанского движения и упоенные временными военными успехами фашисты в 1941—1942 гг. не спешили вывозить продовольствие в Германию, считая более целесообразным создание продовольственной базы для своей армии на оккупированной территории, вблизи фронта, чтобы не загружать транспорт излишними перевозками. Получив от местного населения необходимые сведения, партизаны ночью, ликвидировав охрану (обычно один-два гитлеровских солдата-хозяйственника и до десятка полицаев), забирали продовольствие, фураж и скот. Так, партизаны Каменец-Подольского соединения А. М. Грабчака, напав ночью на мельницу в Новоград-Волынский, уничтожили охранявших ее полицаев и вывезли 35 подвод муки¹⁴. Налетами партизан на продовольственные склады нередко обеспечивалось и местное население. При занятии населенных пунктов партизаны в первую очередь искали фашистские склады продовольствия. Типичный пример: в 1942 г., очистив от врага населенные пункты Сумщины Ямполь и Свесса, отряд А. Н. Сабурова вывез с складов 45 т зерна, 5 т овощей, 2 ц сливочного масла, 2,5 мешка сахара, мешок соды, угнал 15 коров и т. д.¹⁵ В западных областях республики партизаны обеспечивали себя продовольствием и за счет запасов, отбитых у националистических банд.

По мере расширения партизанского движения и численного роста партизанских отрядов фашисты стали вывозить продовольственные запасы в райцентры, где стояли их гарнизоны. Это значительно усложняло задачи, стоящие перед партизанскими снабженцами. Чтобы добыть все необходимое, нужно было осуществлять крупные «хозяйственные операции» силами роты, отряда, а то и целого соединения. Такие операции часто сопровождавшиеся ожесточенными боями и немалыми потерями с обеих сторон, — характерная особенность не только быта, но и всей деятельности партизан.

К 1943 г. крупные хозяйственные операции становятся весьма распространенным способом добывания продовольствия. Так, весной этого года четыре отряда Каменец-Подольского соединения С. А. Олексенко оказавшегося без продовольствия, трижды пытались взять штурмом населенные пункты Рокитно и Городница, где находились склады оккупантов. Лишь третья попытка завершилась удачей: оттеснив врага, партизаны сумели увезти несколько десятков тонн зерна. Но в соединении не было и соли. Решили отвоевать и ее, тем более что партизанской разведке стало известно о готовящемся отправлении из Новоград-Волынский большого обоза (несколько десятков подвод) с солью. Устроили засаду. Обоз сопровождала охрана из 150 человек, да навстречу им двигался отряд обеспечения из 120 гитлеровцев. Вступать в бой со столь крупными силами врага было опасно, но другого выхода не было. Три часа шло бой. Было убито около 50 фашистов, немало погубло и партизан, но 16

¹² Там же, оп. 9, д. 100, л. 339.

¹³ Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 24.

¹⁴ Там же, ф. 88, оп. 1, д. 1, л. 341.

¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 100, лл. 287, 308.

подвод с солью у врага отбили¹⁶. Последнее было очень важно, ибо от отсутствия соли жестоко страдали и партизаны, и население. Пытались вместо нее употреблять суперфосфат, но и его не хватало. Начались массовые заболевания цингой. В этих условиях приходилось идти на крайние меры, проводить так называемые соляные боевые операции. И тогда цена соли измерялась ценой партизанской крови.

Количество продовольствия, захваченного у врага, было весьма значительным и в основном удовлетворяло нужды большинства партизанских формирований. По данным Украинского штаба партизанского движения, в 1941—1944 гг. партизаны Украины захватили у врага 12 371 т продовольствия, свыше 19 тыс. голов скота и более 30 тыс. лошадей¹⁷. Хорошо продуманные и удачно осуществленные хозяйственные операции создавали надежную продовольственную базу. Это отмечал командир Каменец-Подольского соединения А. З. Одуха: «На всем протяжении своей боевой деятельности мы ни грамма продовольствия не взяли у населения. В этом не было абсолютно никакой надобности. Мы имели полную возможность обеспечить себя за счет противника»¹⁸.

Однако вопросы продовольственного снабжения партизанских отрядов и соединений не всегда удавалось решать одним лишь проведением хозяйственных операций. В тех районах, где располагались крупные силы оккупантов или не было продовольственных складов врага, партизанам приходилось прибегать к помощи местных жителей. И не было случая, чтобы они отказали народным мстителям в поддержке, в том числе продовольствием, иной раз отдавая последнее. Правда, в отдельных случаях, главным образом в западноукраинских селах, где население терроризировали украинские буржуазные националисты, партизаны вынуждены были отступать от принципа добровольности. В такие села посылались специальные группы партизан. Ночью, отыскав старосту, они приказывали ему быстро собрать у зажиточных крестьян необходимое количество продуктов и отнести их в определенное место.

Фашисты, ограбившие, что называется, до нитки жителей городов и сел Украины, в то же время вели усиленную пропаганду против партизан, пытаясь спровоцировать конфликт между ними и местным населением. Поэтому командирам и политработникам партизанских формирований приходилось систематически вести разъяснительную работу среди жителей, на конкретных примерах показывать им, что партизаны препятствуют их ограблению и угону на фашистскую каторгу. Население на деле убеждалось в том, что партизаны — его друзья и защитники, и провокации фашистов обычно заканчивались провалом.

О том, какие плоды приносила разъяснительная работа партизан, свидетельствует следующий факт. Весной 1943 г. партизан-разведчик из соединения Тернопольской области Д. П. Панчук и 10 бойцов ехали на подводах на задание мимо поля, где работали жители с. Клепачи. Д. П. Панчук решил провести митинг; он разъяснил крестьянам цели и задачи партизанского движения и попросил их помочь отряду. От имени крестьян ответил самый старый из них. Он сказал, что, хотя люди боятся фашистов, продовольствием помогут. Так завязалась дружба партизан и сельчан. Партизаны были частыми гостями в селе, проводили здесь большую агитационную работу. Крестьяне, оказав помощь продуктами, помогли партизанам окрепнуть, подготовиться к новым боям. Через некоторое время партизаны, отбив у врага партию продовольствия, передали жителям с. Клепачи 18 т пшеницы и 4 т соли (надо сказать, что до этого люди в селе четыре месяца даже не видели соли)¹⁹. Многие крестьяне отдавали партизанам скот, птицу, хлеб в благодарность за защиту от фашистов и их подручных. Характерно письмо жителей одного из подольских сел, полученное командиром соединения И. И. Шитовым: «Мы рады вашей помощи и просим от имени всего населения: до конца охра-

¹⁶ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 72, л. 107.

¹⁷ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 151.

¹⁸ Научный архив Ин-та истории АН УССР, оп. 3, ед. хр. 285, л. 182.

¹⁹ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 105, оп. 1, д. 1, лл. 8, 66—67.

няйте нас! Мы никогда этого не забудем и поможем всем, чем можем. Обязуемся на сто процентов обеспечить Ваше соединение в материальном отношении»²⁰. В случае необходимости партизаны помогали населению тягловой силой. В одном только селе Большой Рожин партизаны-ковпаковцы, используя лошадей, помогли жителям обработать до 300 га пахотной земли²¹.

Видя свою основную функцию в защите населения от фашистов, партизаны в тех случаях, когда располагали реальными возможностями оказывали жителям окрестных сел, ограбленных фашистами, помощь захваченными у врага скотом и продовольствием. Иногда отдавали излишки продуктов, которые по разным причинам не могли употребить сами. Общее количество скота и продовольствия, безвозмездно переданных партизанами крестьянам, было значительным. Так, например, соединение И. И. Шитова передало населению 5750 т зерна, 150 т картофеля, 1 т соли, свыше 2200 голов крупного рогатого скота и коней; соединение С. А. Олексенко — 2 тыс. т зерна, 4 тыс. т картофеля, 600 ц сахара, 500 голов скота; соединение С. А. Ковпака — 5,6 тыс. т хлеба, 1450 т картофеля, 585 голов рогатого скота и т. д.²² При распределении трофейного продовольствия и скота особое внимание уделялось обеспечению семей фронтовиков, наиболее нуждающихся крестьян, а также патристически настроенных граждан, помогавших партизанам.

Сосредоточив у себя крупные запасы продовольствия, партизаны вынуждены были создавать в лесах продовольственные базы. Мука и зерно хранились в специальных ямах, вырытых в сухих местах; ямы просушивались, облицовывались досками или соломенными матами и заполнялись бочками или ящиками с зерном. Сверху ямы закрывали досками и тщательно маскировали дерном, ветками. В таких же ямах хранились запасы картофеля, круп, овощей, соленого сливочного масла, копчености, колбас, сухарей, сала и т. д. Количество хранящегося продовольствия было весьма значительным. Например, на базе соединения Я. И. Мельника хранилось в качестве неприкосновенного запаса 20 тыс. пудов хлеба²³. Столько же зерна и муки хранили в специальных ямах партизаны Сумщины²⁴.

Ям-тайников закладывалось много и в разных местах, чтобы всегда иметь их под рукой, а также во избежание захвата продовольствия противником. Но хранящиеся в них запасы использовались лишь тогда, когда не было возможности проводить хозяйственные операции. Как заметил А. З. Одуха, партизаны, находясь во вражеском тылу, «должны были быть хорошими, расчетливыми хозяевами, постоянно заботящимися о завтрашнем дне»²⁵. Часто практиковалось хранение продуктов у надежных крестьян на отдаленных хуторах. Этими запасами пользовались находящиеся на задании группы разведчиков и связные. Скот, отбитый у фашистов, партизаны пасли. Зимой скот содержался крестьянами в лесу неподалеку от лагеря. В рейдах его гнали следом за колоннами бойцов со специальной охраной.

Для приготовления пищи в каждом отряде, в каждой роте имелась кухня. Летом она устраивалась на открытом воздухе, зимой — либо под навесом, либо в зимнем шалаше. Место кухни было огорожено и содержалось в образцовом порядке. Оборудовалась кухня довольно просто: посередине специальной загородки или шалаша вбивали два кола, на них клалась перекладина. На нее подвешивали обычные молочные бидоны, открытые котлы или ведра, под которыми разжигался костер. Хлеб в летнее время партизаны пекли сами, построив для этого в лагерях специальные печи. Зимой его выпекали жители близлежащих сел.

²⁰ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 130.

²¹ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 406.

²² Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, лл. 64, 109; ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 168; ф. 88, оп. 1, д. 1, л. 341.

²³ Там же, ф. 75, оп. 1, д. 1, л. 106.

²⁴ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 100, л. 75.

²⁵ Научный архив Ин-та истории АН УССР, оп. 3, ед. хр. 285, л. 182.

Каждая кухня имела свой штат — обычно двух человек (один из них повар). К ним в помощь в качестве дневальных выделялись два-три кухонных рабочих (старики, подростки) для обеспечения дровами, чистки картофеля, мойки посуды и т. д. Кухни бдительно охранялись от вражеских диверсантов и постоянно находились под надзором медработников. Во время марша партизаны питались хлебом и мясом, приготовленным во время остановок.

Режим питания и качество пищи зависели в основном от расторопности, кулинарных и организаторских способностей хозяйственников, старшин и кухонного персонала. Имея в своем распоряжении достаточное количество разнообразных продуктов, партизанские повара и хозяйственники старались обеспечить партизанам повышенный рацион, особенно в боевых условиях. В соединении Б. Г. Шангина, например, на одного бойца в день в среднем приходилось: мяса — 300 г, хлеба — 600 г, картофеля — 400 г, крупы — 60 г, а при проведении боевых операций: мяса — 500 г, хлеба — 400 г²⁶. Когда партизаны находились на отдыхе, нормы зачастую пересматривались в сторону снижения.

Однако не всегда удавалось успешно решать вопросы продовольственного обеспечения партизан. Острую нужду в продовольствии довелось испытать, пожалуй, каждому партизанскому формированию. Ведь порой приходилось непрерывно вести бои, маневрировать без обоза, отсиживаться в глуши лесов и болот без костров. Большие трудности с питанием испытало, например, соединение М. И. Шукаева во время перехода через Карпаты. Продовольствия взять было неоткуда. Все населенные пункты были заняты гарнизонами противника, повсюду шныряли бандитские националистические шайки. Партизаны были вынуждены съесть всех лошадей, а затем и лошадиные шкуры²⁷.

К числу наиболее сложных задач, связанных с обеспечением необходимых условий для жизни и борьбы, задач, которые зачастую до конца так и не были решены, относилась экипировка партизан. Особые условия партизанского быта, длительные рейды, частые переходы с места на место постоянно требовали надежной, удобной и теплой одежды и обуви, соответствующих разным временам года.

Партизанские штабы и службы посылали в Украинский штаб партизанского движения заявки на обмундирование. Но несмотря на создание во второй половине 1942 г. «воздушного моста» между советским тылом и оккупированными территориями с целью материально-технического обеспечения партизан, нужда в обмундировании оставалась весьма острой. Так, из советского тыла соединение И. Ф. Федорова получило всего 260 пар обуви и 200 предметов верхней одежды, в то время как в нем насчитывалось 2676 бойцов и командиров²⁸. Многие партизаны испытывали острую нужду в обуви. В Каменец-Подольском соединении С. А. Олексенко, например, почти половина бойцов в летнее время вынуждена была ходить босиком, осенью — в лаптях. Еще хуже обстояло дело с нижним бельем. «Без нижнего белья у нас была половина, если не больше партизан», — отмечалось в отчете о деятельности соединения²⁹.

Часто выручало партизан обмундирование, захваченное на складах и в воинских эшелонах врага, отбитое в бою. Всего партизаны Украины в 1941—1944 гг. захватили у врага 3308 комплектов обмундирования, 4176 пар обуви³⁰. Помогало партизанам и местное население, отдавая им свою одежду или обменивая ее на что-либо. Потребности партизан в обмундировании частично удовлетворялись и за счет конфискации имущества изменников Родины.

Одежда партизан была весьма пестра и разнообразна — советская и немецкая, польская и венгерская, словацкая и румынская, на ногах у

²⁶ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 131.

²⁷ Там же, ф. 71, оп. 1, д. 1, л. 120.

²⁸ Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 249.

²⁹ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 72, лл. 109—110.

³⁰ Там же, ф. 62, оп. 1, д. 3, л. 51.

них можно было видеть сапоги, ботинки, туфли, галоши, лапти, «чунки», самодельные сандалии и т. д. «Форма одежды менялась в зависимости от того, с кем вело бои соединение», — писал командир 1-й Украинской партизанской дивизии П. П. Вершигора³¹. В начале Львовско-Варшавского рейда весь личный состав соединения был одет в немецкие шинели и комбинезоны, захваченные в бою с частями фашистской 4-й танковой армии. После боев с украинскими националистами переоделись в полушубки и меховые шапки. А в конце рейда появились мадьярские шинели.

Пестрота одежды партизан не влияла на их боеспособность. «До чего же многокрасочна наша колонна! — читаем мы в книге А. Н. Сабурова. — Зеленые и синие гимнастерки, кители и пиджаки разных фасонов, пилотки, фуражки, какие-то широкополые старомодные шляпы, среди них мелькают яркие платочки партизанок. И все же грозен вид у этой разноликой массы. Колыхаются над плечами стволы винтовок и ручных пулеметов»³². Но партизанские разведчики и агитаторы, работавшие с местным населением, всегда были одеты в опрятную гражданскую одежду советского образца, которая собиралась среди партизан.

Большая работа по обеспечению партизан одеждой и обувью проводилась в организованных отрядами и соединениями подсобных мастерских, в которых работали умельцы из числа партизан, а порой и мастера из близлежащих сел. Основным сырьем здесь служили кожи убитых животных, из которых шили и обувь («чунки»), и верхнюю одежду. Из мешков делали теплые брюки и фуфайки, а из парашютного шелка — нижнее белье. В этих же портняжных и сапожных мастерских специальные бригады мастеров из числа партизан и местных жителей повзводно ремонтировали обмундирование партизан. Производительность мастерских была довольно внушительной. В мастерских соединения В. А. Бегмы было обработано более 1000 овечьих и свыше 400 яловых шкур для пошива одежды и обуви³³. А хозяйственники соединения И. И. Шитова организовали целый партизанский кожевенный завод, на котором вместе с партизанами работали местные жители. На этом заводе и в мастерских соединения было изготовлено 575 и отремонтировано 1143 пары обуви, сшито 2865 пар нижнего белья и 183 пары верхней одежды³⁴.

Во всех партизанских формированиях каждый боец, как правило, имел личный вещевой мешок со сменой белья, портянками, полотенцем иголкой с ниткой. Вес мешка не должен был превышать 5—6 кг. Следует сказать, что иметь постельные принадлежности, даже подстилки, партизанам обычно не разрешалось во избежание вшивости. В походных условиях их заменяли ветки и сено.

Важную роль в налаживании жизненного уклада партизан играли женщины, добровольно ставшие в ряды народных мстителей. Не было такого партизанского формирования, где бы плечом к плечу с мужчинами не сражались женщины и девушки. Они составляли не менее 5% участников партизанского движения. Только в 11 партизанских формированиях, которыми командовали П. П. Вершигора, С. А. Олексенко, А. Н. Сабуров, И. Ф. Федоров, С. Ф. Маликов, В. А. Бегма, И. А. Хитриченко, А. З. Одуха, И. М. Бовкун, Н. М. Таранущенко, Н. И. Попудренко, И. И. Шитов, было в общей сложности 1855 женщин³⁵.

В тяжелых условиях длительного пребывания в походах, вне населенных пунктов, именно от женщин во многом зависел быт партизан. Отличаясь необыкновенной отвагой и самоотверженностью, женщины — пулеметчицы, автоматчицы, связистки, разведчицы — были в то же время и кухарками, и прачками, и портнихами. Партизанские партийные органи-

³¹ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 407.

³² Сабуров А. Н. Силы неисчислимы. М.: Воениздат, 1967, с. 155.

³³ ПА ИИП при ЦК КПУ, ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 24.

³⁴ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 77.

³⁵ Там же, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 401; ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 205; ф. 94, оп. 1, д. 1, л. 7; ф. 1, оп. 9, д. 124, л. 76; ф. 92, оп. 1, д. 1, л. 4; ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 80; ф. 67, оп. 1, д. 1, л. 125; ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 254; ф. 105, оп. 1, д. 1, л. 101; ф. 77, оп. 1, д. 1, л. 153; ф. 65, оп. 1, д. 1, л. 263.

ации проявляли особое внимание к женщинам-партизанкам и следили за тем, чтобы уважение и товарищеское отношение к ним были нормой для всех партизан.

Материальный быт партизан Украины, оказывавший огромное влияние на их боеспособность, определялся тяжелой борьбой в тылу врага. Партизаны терпели серьезные лишения, отсутствовали или были деформированы многие привычные черты довоенного социалистического быта. И тем не менее сохранялась главная характеристика последнего: традиция коллективистских, социалистических взаимоотношений между советскими людьми.

Г. Е. Марков

СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ *

К началу Великой Отечественной войны советская этнография прошла длительный путь развития и стала одной из ведущих отраслей исторической науки. В значительной степени это было связано с тем, что в первые лет Советской власти этнографы, следуя прогрессивным традициям дореволюционной этнографической науки, активно включались в решение актуальных практических и теоретических проблем того времени. Интенсивно развернулся процесс утверждения в этнографии марксистской методологии, завершившийся в предвоенные годы¹. В 1926 г. был основан журнал «Этнография» (с 1931 г. — «Советская этнография»). В 1933 г. в Ленинграде на базе Музея этнографии и антропологии был создан институт, реорганизованный в 1937 г. в Институт этнографии АН СССР².

В 1939 г. была основана кафедра этнографии Московского университета. Велась подготовка этнографов в Ленинградском и Казанском университетах, начатая еще в первые годы Советской власти. Этнографическая тематика разрабатывалась также в Музее народов СССР и в Центральном антирелигиозном музее (Москва), в институтах и музеях республик и областей. В 1930-е годы центральные и периферийные этнографические учреждения развернули работу по изучению материальной

* Статья основана на материалах Архива Института этнографии АН СССР. Используются также публикации: Рабинович М. Г. Институт этнографии в годы Великой Отечественной войны. — Советская этнография (далее — СЭ), 1946, № 1; Степанов Н. Н. В Институте этнографии АН СССР. — В кн.: Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. Вып. 1. М., 1946; Кольцов В. А. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941—1943). М. — Л., 1962; Станюкович Т. В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXII, М. — Л., 1964; Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М. — Л., 1966; Лавров Л. И. В осажденном Ленинграде. — СЭ, 1975, № 4; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Институт этнографии в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — Там же; Станюкович Т. В. Этнографические музеи в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. — СЭ, 1975, № 5; *его же*. Этнографическая наука и музеи (по материалам музеев Академии наук)/Под ред. Рабиновича М. Г. Л.: Наука, 1978.

Встречающиеся в тексте расхождения в цифровых данных, в обозначении тем и названий секторов объясняются некоторой противоречивостью архивных сведений.

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 197, 198; *его же*. Этнографическое изучение современных национальных процессов в СССР (к 50-летию ордена Дружбы Народов Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1983, № 2; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Основные направления развития советской этнографии. — В кн.: Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М.: Наука, 1975; *их же*. Ордена Дружбы Народов Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая — 50 лет. — СЭ, 1983, № 4.

² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 7; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. с. 199.

и духовной культуры и фольклора народов нашей страны. Успешно пополнялись коллекции этнографических музеев. Этнографы рассматривали многие важные проблемы теории советской этнографической науки: ее предмет и содержание, значение этнографических материалов для реконструкции истории первобытного общества с марксистско-ленинских позиций. В соответствии с задачами, которые выдвигались Партией и Правительством, был поставлен вопрос о необходимости изучения проблем современности, социалистических преобразований в культуре и быте народов СССР. Была продолжена начатая еще в 1920-е годы практическая работа по подъему культуры отсталых народов, в частности народов Севера. Крупной задачей советских этнографов стала подготовка трехтомника «Народы СССР» и краткого справочника по народам мира³.

Тяжелые испытания принесла нашей стране, всему советскому народу Великая Отечественная война. Несмотря на трудности долгие военных лет и значительные людские потери, этнографическая наука сумела с честью выйти из выпавших на ее долю испытаний и благодаря беззаветному труду этнографов, а также огромной помощи государства пришла к Дню Победы окрепшей и готовой к выполнению новых задач.

Институт этнографии существовал до начала 1943 г. только в Ленинграде. В первые же дни войны 18 сотрудников Института ушли на фронт, 7 из них — добровольцами в Ленинградскую армию народного ополчения. На Ленинградском, Волховском, Степном, 1 и 2-м Украинских фронтах, на Балтике они самоотверженно сражались за свободу и независимость нашей родины; 10 человек отдали за нее свои жизни⁴.

В годы войны, даже в тяжелейший период блокады Ленинграда, научная работа в Институте не прекращалась. Перед оставшимися в городе сотрудниками встала задача сохранения музейных коллекций. Их упаковали в ящики, однако после того, как в сентябре 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады, вывезти музейные ценности из города не удалось. Были проведены работы по переоборудованию подвалов музея в бомбоубежище, и там укрыли часть коллекций и библиотеку; 125 ящиков с музейными предметами были переданы на хранение в Эрмитаж. Бомбоубежище не было приспособлено для хранения ценностей, и находящиеся в нем вещи начали отсыревать. Это привело к необходимости постоянно, несмотря на бомбежки и артобстрелы, их проветривать. Часть музейных предметов была возвращена в залы музея, где в зависимости от направления артиллерийского огня их приходилось перемещать с места на место. Сотрудники Института — женщины, пожилые и больные люди — самоотверженно боролись за спасение музейных ценностей и здания Музея, тушили многочисленные зажигательные бомбы, а также принимали активное участие в постройке оборонительных сооружений города. Для защиты здания Музея от пожара, на чердаке было организовано круглосуточное дежурство сотрудников. В 1942 г. по приказу командования Ленинградским фронтом здание Института было переоборудовано в опорный пункт обороны. На прилегающих к нему улицах были построены оборонительные сооружения с системой дзотов и проволочными заграждениями. Окна Музея были заложены мешками с песком и кирпичами и превращены в огневые точки⁵. С первых дней войны часть сотрудников была переведена на круглосуточное казарменное положение. Однако вскоре из-за физического истощения и отсутствия городского транспорта в здание Музея переселились почти все сотрудники. Огромного напряжения сил требовали заготовка дров для отопления Института, уборка снега на улице. В ночь на 18 ок-

³ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 199; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974, с. 20; Бромлей Ю. В., Чистов К. В. Указ. раб., с. 12 и сл.

⁴ Лавров Л. И. Указ. раб., с. 3.

⁵ Там же, с. 3, 4.

тяжбы от зажигательной бомбы в башне Музея возник пожар, который общими усилиями сотрудников удалось потушить⁶.

Тяжелейшей оказалась блокадная зима 1941/42 г. Как отмечалось в отчете Института, жизнь в нем постепенно замирала, все сотрудники были больны дистрофией и цингой. За время блокады от голода и болезней умерли 33 человека. Вместе с убитыми на фронте Институт потерял больше половины (43) сотрудников (до войны их было 83). Тем не менее коллектив Института успешно боролся за сохранение Музея и даже вел научные исследования. Так, в декабре 1941 г. этнографы приняли участие в работах пленума Института истории материальной культуры АН СССР. Продолжалась подготовка одной докторской и двух кандидатских диссертаций⁷. Весной 1942 г. возобновилась прерванная войной работа над справочником «Народы мира»⁸.

В начале 1942 г. большая часть сотрудников Института, переживших первую блокадную зиму, была эвакуирована в Среднюю Азию, главным образом в Ташкент, где и начала свою работу ташкентская группа этнографов.

По сравнению с довоенным временем штат Института (ленинградская и ташкентская группы) уменьшился с 58 до 29 научных и с 25 до 8 научно-технических сотрудников. Почти опустели отделы антропологии (осталась лишь Б. В. Фирштейн) и Кавказа, часть заведующих отделами не имела постоянной связи со своими сотрудниками, разбросанными войной по городам Средней Азии⁹.

Оставшаяся в Ленинграде группа этнографов состояла из 14 человек: уполномоченного по Институту Р. И. Каплан-Ингеля, 4 научных (К. В. Вяткина, В. В. Антропова, В. В. Федоров и М. Д. Торэн) и 9 технических сотрудников¹⁰. Тем не менее возложенную на нее большую и ответственную задачу она выполнила с честью: основные музейные коллекции были сохранены¹¹.

Ташкентская группа этнографов несмотря на трудности, связанные с эвакуацией и организационным периодом, сумела уже в 1942 г. развернуть интенсивную научную деятельность. Разрабатывались проблемы, связанные с изучением этнического состава стран, где велись военные действия, продолжалось этнографическое изучение народов Средней Азии¹². В годы эвакуации, особенно в 1943 и 1944 гг., ташкентская группа стала центром, вокруг которого сосредоточились научные исследования в области не только этнографии, но и ряда смежных дисциплин.

Переломным этапом в развитии советской этнографии был конец 1942 — начало 1943 г. Постановлением Президиума АН СССР от 22 декабря 1942 г. было разрешено организовать московскую группу этнографов. Возглавил ее С. П. Толстов. В короткий срок он сумел собрать творческую группу, в которую вошли крупные ученые, работавшие в других учреждениях¹³, и уже в феврале 1943 г. она начала серьезную исследовательскую работу. Первоначально московская группа этнографов включала 27 научных сотрудников (в их числе — 9 профессоров и докторов наук, 3 доцента и кандидата наук) и 9 аспирантов¹⁴. Штат Института был таким образом увеличен до 64 человек (научных сотруд-

⁶ Там же, с. 4.

⁷ Там же, с. 5. См. также: Жолыков В. А. Указ. раб.

⁸ Лавров Л. И. Указ. раб., с. 5.

⁹ Архив Института этнографии АН СССР, ф. 1, оп. 1 (далее Архив ИЭ), д. 8, л. 3.

¹⁰ Лавров Л. И. Указ. раб., с. 6. По данным отчета Института за 1943 г., ленинградская группа включала 21 научного и научно-технического сотрудника, см.: Архив ИЭ, д. 8, л. 18.

¹¹ Это было отмечено при подведении в 1943 г. итогов работы Института за время войны. См.: Архив ИЭ, д. 10, л. 3.

¹² Там же, л. 2.

¹³ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 8.

¹⁴ Доктора наук: С. П. Толстов, С. А. Токарев, В. В. Бунак, Б. А. Рыбаков, Г. Ф. Дебец, В. К. Никольский, А. А. Шийк; кандидаты наук: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Т. А. Трофимова; не имеющие научной степени: М. Г. Рабинович, Е. М. Шиллинг и др. (см. Архив ИЭ, д. 10, л. 2).

ников — 41). К ташкентской группе Института была прикомандирована Комиссия по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР, возглавлявшаяся А. Д. Удальцовым; кроме того, в ташкентскую группу была включена Группа карт народов. Перед Институтом была поставлена задача актуализации исследований, в том числе расширения тематики публикаций в сборниках «Советская этнография», повышения теоретического уровня работ, более тесного сотрудничества с учеными смежных специальностей¹⁵. В частности, была признана необходимость более широкого привлечения при этнографических исследованиях данных антропологии и фольклора¹⁶. Директором Института этнографии, ставшего головным этнографическим учреждением страны, был назначен С. П. Толстов. Отделы Института возглавили известные ученые: В. В. Бунак (отдел Антропологии), С. А. Токарев (Австралии и Океании), М. О. Косвен (Кавказа), Б. А. Рыбаков (Археологии)¹⁷.

Тематика научных исследований Института была весьма разнообразной. Так, в соответствии с планом работы на 1943 г., осуществлялись: изучение этнического состава районов, находящихся в зоне военных действий; комплексное этнографическое исследование отдельных стран и групп народов, представляющих, как указывалось в плане Института, особый интерес в период послевоенного устройства мира; разработка проблем этногенеза и историко-культурных связей народов СССР; критика фашистских фальсификаций в области антропологии и этнографии; исследования по различным частным проблемам этнографии и антропологии и истории науки; подготовка обобщающих трудов и монографий; разработка музейной проблематики¹⁸. Было решено вместо краткого справочника по народам мира, работа над которым уже началась, подготовить многотомную серию «Народы мира»¹⁹. При этом каждая из трех групп Института сосредоточила внимание на определенном круге проблем. В задачи московской группы входило в первую очередь исследование вопросов, связанных с этнической ситуацией в зоне военных действий. Ташкентская группа, также участвовавшая в этих исследованиях, кроме того разрабатывала вопросы этнографии Средней Азии и некоторых других регионов СССР. Ставилась также задача развертывания полевых этнографических работ в Средней Азии, ограничивавшихся в 1942 г. отдельными поездками сотрудников Института. Ленинградская группа, основной задачей которой было сохранение музейных коллекций, вела большую научную и методическую работу, связанную с подготовкой Музея к открытию после окончания войны как Музея этнографии народов мира, тесно связанного с Институтом²⁰. В августе — сентябре 1943 г. в Ленинграде была создана научно-исследовательская группа Института по изучению религии (руководитель — Ю. П. Францев)²¹.

Таким образом, объем научно-исследовательской работы во всех трех группах Института в 1943 г. был весьма значительным и постепенно увеличивался. Так, за год Институтом в тесном взаимодействии с другими научными учреждениями было проведено несколько научных сессий: в Ташкенте — по теоретическим проблемам первобытного искусства, в Самарканде — по этнографии Средней Азии, в Москве — по вопросам этногенеза славян и сессия, посвященная памяти Д. Н. Анучина. В работе сессий приняло участие более 400 человек. В Москве и Ташкенте регулярно проводились пленарные заседания Института. В 1943 г. состоялось более 160 заседаний, на которых было прочитано 160 докладов²².

Научные доклады и исследования этнографов и антропологов в тот трудный военный год отличались теоретической глубиной. Рассмотреть их все здесь невозможно, поэтому остановимся лишь на некоторых.

¹⁵ Архив ИЭ, д. 8, л. 3 об.

¹⁶ Там же, д. 10, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 2.

¹⁸ Там же, д. 8, л. 6.

¹⁹ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 9.

²⁰ Архив ИЭ, д. 10. лл. 2—6.

²¹ Там же, д. 8, л. 19.

²² Там же, л. 13.

Ряд интересных докладов был прочитан этнографами и антропологами — сотрудниками прикомандированной к Институту Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР, а также представителями других научных учреждений, на сессии, посвященной проблемам этногенеза (Ташкент, 27 августа — 3 сентября 1943 г.). Центральными на сессии были доклад А. Д. Удальцова «Теоретические основы этногенетических исследований» и два доклада С. П. Толстова: «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» и об этногенетических проблемах, связанных с областями, примыкающими к Аральскому морю (названия последнего доклада в архивных документах нет). Выводы А. Д. Удальцова и С. П. Толстова вызвали оживленное обсуждение, причем дискуссия развернулась в основном вокруг определения понятий «нация» и «народность», а также по вопросу о происхождении различных народов Средней Азии²³. Внимание участников сессии привлекли и доклады Л. В. Ошанина («Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии»), А. Н. Бернштама («Древние тюркские элементы в этногенезе народов Средней Азии»), М. М. Герасимова («Восстановление типа ископаемого человека и его значение для разработки этногенеза узбеков»), Г. Ф. Дебеца («Данные антропологии о происхождении туркмен»), А. Ю. Якубовского («Из истории этногенеза туркменского народа. VIII—X вв.»), Н. А. Кислякова («К вопросу об этногенезе таджиков») и некоторые другие. В постановлении сессии констатировались актуальность разработки проблем этногенеза народов Средней Азии и необходимость разоблачения фашистских фальсификаций в области этногенеза. Были отмечены также значительные успехи в изучении этногенеза народов Средней Азии и высокий методологический уровень исследований²⁴.

Этнографы из ташкентской группы приняли участие в сессии по этногенезу славян (декабрь 1943 г.). Особый интерес на ней вызвали доклады А. Д. Удальцова («Основные задачи изучения славянского этногенеза»), Г. Ф. Дебеца («Антропологические данные о формировании славянских племен»), С. П. Толстова («Среднеазиатская предыстория Руси»). Докладчики уделили значительное внимание критике фальсификации этногенеза славян националистически и шовинистически настроенными германскими учеными. В обсуждении докладов участвовали М. Н. Тихомиров, В. И. Пичета, А. В. Арциховский, В. В. Бунак, Т. С. Пассек и другие крупные ученые²⁵.

На торжественном заседании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 100-летию со дня рождения Д. Н. Анучина, от Института этнографии выступили с докладами С. П. Толстов («Анучин и русская этнография») и В. В. Бунак (об Анучине как антропологе)²⁶.

Интересные доклады обсуждались и на заседаниях отделов. Можно назвать доклады В. В. Бунака («Взаимоотношение этнических и расовых группировок»), поставившего проблему антропологической классификации народов мира²⁷, Н. Н. Чебоксарова («Этническая история Русского Севера по данным антропологии»), М. О. Косвена («Этногенез немецкого народа и немецкие племена») и С. А. Токарева (в связи с подготовляемой монографией о народах Чехословакии)²⁸.

Едва ли надо перечислять здесь все проблемы, исследовавшиеся советскими этнографами в 1943 г. Общий объем выполненных работ был достаточно велик (191 авт. л., из них 44 — внеплановые работы)²⁹. Остановимся лишь на самых, на наш взгляд, важных трудах. К их числу

²³ Там же, д. 1, лл. 1—10, 11—30, 52.

²⁴ Там же, д. 1—7.

²⁵ Там же, д. 11—15.

²⁶ Там же, д. 20, лл. 27 и сл., 41 и сл.

²⁷ Там же, д. 18.

²⁸ Там же, д. 21.

²⁹ Там же, д. 8, л. 11

следует прежде всего отметить исследования, проводившиеся под руководством С. П. Толстова и Г. Ф. Дебеца для многотомной серии «Народы мира». Были подготовлены рукописи о народах Северной Африки и Индонезии, о славянах и немцах³⁰. В области изучения этногенеза и историко-культурных связей народов СССР проводились исследования расового состава германских племен (Н. Н. Чебоксаров), соотношения этнической и антропологической классификаций (В. В. Бунак), расового состава народов Северной Азии (Г. Ф. Дебеч), этногенеза славян в свете данных антропологии (Т. А. Трофимова)³¹. Ряд работ был посвящен критике фашистских фальсификаций в области этнографии и антропологии (исследования В. К. Никольского «Против геополитики и расизма в этнографии», М. О. Косвена «Против фашистской фальсификации истории первобытного общества», А. А. Шийка «Истоки немецко-фашистской африканистики»)³². Продолжалась подготовка тома «Народы СССР» серии «Народы мира» (работой над разделом «Средняя Азия» руководили С. П. Толстов, Н. Н. Степанов, С. М. Абрамзон, «Северная Азия» — С. А. Токарев, Н. Н. Степанов, А. А. Попов)³³. Готовился ряд монографий, главным образом в виде диссертаций (С. А. Абрамзон — «Киргизы», А. А. Попов — «Нганасаны», Л. Б. Панек — «Мтиулы»)³⁴. Интенсивно велись исследования отдельных проблем этнографии и антропологии, нашедшие отражение в рукописях «Первобытные общины Африки» (Д. А. Ольдерогге), «Так называемая пигмейская проблема» (М. Г. Левин), «История изучения Африки» (А. А. Шийк), «Межобщинные связи в Индонезии» (Л. Э. Каруновская), «Религия Бенина» (Б. И. Шаревская) и др.³⁵. С. П. Толстовым была представлена рукопись «Среднеазиатская предистория Руси», С. А. Токаревым — «Родовые пережитки у хакасов». А. А. Шийком — «Классификация африканских народов», М. О. Косвеном — «История легенды об амазонках», Е. М. Шиллингом — «Народ уг-бук (Кубачи) и его культура», Н. Н. Чебоксаровым — «Краниологические типы Восточной Азии»³⁶. Однако вследствие трудностей военного времени ни одно исследование (кроме монографии о чехах К. А. Пушкаревича) не вышло в эти годы в свет.

В крайне тяжелых условиях продолжали научную работу сотрудники ленинградской группы. К. В. Вяткина исследовала наскальные изображения Саяно-Алтайского нагорья, В. В. Антропова — военное дело и военную организацию у народов Восточной Сибири, Р. И. Каплан разрабатывал технику экспозиции этнографических музеев³⁷.

Большое внимание уделялось подготовке научных кадров, так как по ряду специальностей ощущалась их острая нехватка. Как отмечалось в предварительном отчете Института этнографии Отделению истории и философии в декабре 1943 г., необходимо было готовить специалистов по этнографии народов Западной Европы, Южной Америки, Индии, Передней Азии, картографии и статистике³⁸. В связи с этим был значительно увеличен прием к докторантуру и аспирантуру. Так, в Москве в июле 1943 г. было всего 2 докторанта, а к концу года их стало 10. Аспирантов в Москве в первом полугодии было 5, а к концу года — 13 (в Ташкенте — 1 аспирант). В связи с трудностями блокадного периода в Ленинграде докторантов и аспирантов не было.

В 1943 г. Н. Н. Степанов, М. О. Косвен и В. К. Никольский защитили докторские, а С. М. Абрамзон и М. Г. Рабинович — кандидатские диссертации. Подготавливалась докторская диссертация Д. А. Ольде-

³⁰ Там же, л. 7.

³¹ Там же, л. 8.

³² Там же, л. 8, 8 об.

³³ Там же, лл. 8 об., 9.

³⁴ Там же, л. 9.

³⁵ Там же, лл. 9 об., 10.

³⁶ Там же, л. 10 об.

³⁷ Там же, л. 10.

³⁸ Там же, л. 5 об.

роге, кандидатские — Е. М. Шиллинг и М. Д. Торэн. В 1943 г. удалось значительно пополнить штат Института³⁹.

Трудности военного времени сказались на экспедиционной работе, которая свелась к отдельным поездкам и командировкам главным образом сотрудников ташкентской группы Института в различные районы Средней Азии в связи с подготовкой многотомника «Народы СССР». Так, Е. Э. Бломквист выезжала в Приаралье для этнографического исследования местного русского населения, Е. М. Пещерева собирала материалы по женскому гончарству в Шахрисябе и Китабе, И. Н. Винников изучал среднеазиатских арабов. Кроме того, научные сотрудники Института выезжали в этнографические музеи Средней Азии для выявления хранящихся там этнографических материалов⁴⁰. Некоторые работники республиканских и областных этнографических учреждений (например, из Ашхабада, Самарканда, Душанбе, Казани и др.) также выезжали для сбора полевых этнографических материалов, однако документальных данных об этом обнаружить не удалось.

Сотрудники московской группы Института принимали участие в выполнении ответственных государственных заданий по определению ущерба, нанесенного фашистскими войсками на временно оккупированной территории. Так, например, по заданию Комиссии по фиксации разрушений, причиненных фашистскими захватчиками, С. А. Токарев, Е. М. Шиллинг и В. Н. Белицер обследовали руины музея в г. Истре⁴¹.

С осени 1943 г. возобновилась подготовка этнографов на кафедре этнографии исторического факультета Московского университета, где читали лекции и вели семинарские занятия С. П. Толстов (заведующий кафедрой), Б. А. Рыбаков, С. А. Токарев и др.⁴².

Таким образом, в рассматриваемое время этнографическая деятельность сосредоточивалась главным образом в трех группах Института этнографии и на кафедре этнографии МГУ. Другие этнографические учреждения либо временно не функционировали, либо объем их этнографических исследований был крайне ограничен.

В целом 1943 год был для советской этнографии временем развертывания научных исследований, возобновления подготовки молодых специалистов и научных кадров, расширения сфер деятельности. Достигнутый успех в значительной мере определялся созданием представительной московской группы, ставшей основой Института этнографии⁴³.

В 1944 г. организационная перестройка Института была в основном завершена. Еще шире развернулись научно-исследовательская этнографическая деятельность и полевые экспедиционные работы, более активно включились в них другие этнографические учреждения. Важным событием стало расширение деятельности кафедры этнографии Московского университета, что позволило уже вскоре после окончания Великой Отечественной войны начать там подготовку аспирантов.

В 1944 г. штат Института пополнился еще 17 сотрудниками. В нем работали 2 члена-корреспондента АН СССР (Д. К. Зеленин и А. Д. Удальцов)⁴⁴, 12 докторов и 16 кандидатов наук. Из Ташкента вернулись в Ленинград Н. Н. Степанов (заместитель директора), А. А. Попов, И. И. Зарубин, Н. В. Кюннер, Д. А. Ольдерогге, Г. М. Василевич и др. Начали свою научную деятельность В. В. Гинзбург (в Ленинграде), П. И. Кушнер, В. Ю. Крупянская (в Москве) и др.⁴⁵. В московской группе Института действовал представительный Ученый совет, в который входило более 30 крупных исследователей⁴⁶.

³⁹ Там же, л. 5.

⁴⁰ Там же, л. 17 об.

⁴¹ Там же, л. 11 об.

⁴² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.

⁴³ См. Отчет Института за 1943 г. (Архив ИЭ, д. 8, л. 19).

⁴⁴ Архив ИЭ, д. 35, л. 5.

⁴⁵ Там же, д. 25, л. 5.

⁴⁶ Там же, д. 35, л. 7.

В Институте были организованы новые отделы: Фольклорная комиссия (руководитель П. Г. Богатырев), группа Сибири (М. Г. Левин) и секция Востока (С. П. Толстов)⁴⁷.

1944 год был ознаменован еще более широкой, чем в 1943 г., программой научных исследований. Велось изучение этнического состава мира, этногенеза, начались комплексные этнографические описания отдельных стран и групп народов. Продолжалась подготовка обобщающего этнографического издания — многотомной серии «Народы мира»: томов «Средняя Азия», «Северная Азия», «Европа», «Кавказ», «Австралия, Океания и Америка», «Африка», «Восточная Европа»⁴⁸. В этой работе участвовали московская и ташкентская группы этнографов. В последней к середине 1944 г. осталось по 5 старших и младших научных сотрудников, 1 аспирант и 1 докторант. В их задачу входило продолжение исследований по этнографии народов Средней Азии и Сибири для серии «Народы мира». А. А. Попов занимался изучением нганасан и эскимосов Аляски 30—40-х годов XIX в., Л. Э. Каруновская — межобщинных отношений в Индонезии⁴⁹. Сотрудники ленинградской группы помимо работы с коллекциями все более активно включались в научные исследования. Д. А. Ольдерогге, например, работал над проблемой «Патриархальная семья у народов Африки», В. В. Антропова продолжала изучение военной организации у народов Сибири⁵⁰. В связи с исследованиями этнического состава различных стран мира отделом картографии московской группы был составлен ряд сводных таблиц и карт⁵¹.

Круг проблем, разрабатывавшихся в Институте этнографии, был очень велик, поэтому мы назовем наиболее значительные из них. Одно из центральных мест в тематике Института занимала, как и в прошлые годы, проблема этногенеза. На совместном заседании Ученого совета Института этнографии и Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР были обсуждены доклады А. Д. Удальцова и С. П. Толстова о происхождении индоевропейцев⁵². Этногенетическим проблемам были посвящены работы В. В. Бунака («Памиро-Алпийский горный пояс и его роль в древнейшем расселении человечества») и М. Г. Левина («Вопросы этногенеза народов Амура и Охотского побережья в свете данных антропологии»)⁵³. Проблему этногенеза восточных славян в свете данных антропологии изучала Т. А. Трофимова. Осуществлялось комплексное исследование народов Европы. Под руководством Г. Ф. Дебеца разрабатывалась проблема «Этногенез народов Северо-Восточной Азии в связи с этногенезом народов Америки»⁵⁴. Нельзя не отметить и исследование М. Г. Левиным проблемы пигмеев, изучение С. М. Абрамзоном киргизского эпоса «Манас» как этнографического источника. Значительные работы велись по фольклору, готовился сборник текстов «Славянские песни и сказки» под редакцией П. Г. Богатырева и С. П. Толстова⁵⁵. В целом же научная продукция Института в 1944 г. составила 40 работ общим объемом 120 авт. л. Кроме того, была выполнена значительная работа справочного характера (70 авт. л.)⁵⁶. Но и в 1944 г. условия военного времени не позволили приступить к публикации, хотя в издательство были сданы тома VI—VII (сдвоенный выпуск) и VIII сборника «Советская этнография». Были подготовлены к печати том IX «Советской этнографии», сборник Музея антропологии и этнографии, а также сборник, посвященный памяти Д. Н. Анучина⁵⁷.

⁴⁷ Там же, д. 25, лл. 33, 34.

⁴⁸ Там же, л. 3.

⁴⁹ Там же, лл. 47, 50.

⁵⁰ Там же, лл. 3, 15.

⁵¹ Там же, л. 8.

⁵² Там же, д. 33, лл. 1 и сл.

⁵³ Там же, д. 25, л. 10.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, лл. 4, 15.

⁵⁶ Там же, л. 20.

⁵⁷ Там же, л. 35.

Бурное развитие научных исследований нашло выражение также в многочисленных докладах на конференциях и заседаниях. В июле было проведено уже упоминавшееся заседание о происхождении индоевропейцев. Серия докладов была прочитана в ходе обсуждения проблемы аккультурации в этнографии и проблемы соотношения этнических и иных исторических категорий⁵⁸. Всего во всех группах Института было заслушано более 130 докладов. Так, в Ленинграде обсуждались доклады Д. А. Ольдерогге («Система родства типа кроу»), А. Н. Бернштама (о проблемах этнографии Киргизии) и др. В Ташкенте прошли Первая конференция по фольклору и этнографии Средней Азии и 24 заседания⁵⁹. Особенно интенсивной была научная деятельность в Москве, где за год было прочитано более 100 докладов⁶⁰.

Большие успехи были достигнуты в 1944 г. в подготовке научных кадров. В начале года в Институте этнографии насчитывалось 5 докторантов и 16 аспирантов, к середине 1944 г. — 11 докторантов⁶¹, а к концу года было уже 12 докторантов и 22 аспиранта (18 в Москве, 3 в Ленинграде и 1 в Ташкенте)⁶². Е. М. Шиллинг защитил кандидатскую диссертацию на тему «Кубачи». Были подготовлены и представлены к защите докторские диссертации Д. А. Ольдерогге («Кольцевая связь родов или трехродовой союз») и Н. Н. Чебоксаровым («Северные китайцы и их соседи»)⁶³. Благоприятные условия для подготовки кадров научных работников были созданы включением Института этнографии в число тех научных учреждений Советского Союза, которым предоставлялось право присуждения ученой степени кандидата наук и представления к ученой степени доктора наук⁶⁴.

Важнейшим событием в этнографической науке было возобновление экспедиционных работ⁶⁵. В них наряду с сотрудниками Института этнографии принимали участие студенты-этнографы Московского университета. Так, в августе — октябре под руководством Е. М. Шиллинга состоялась трехмесячная экспедиция в аваро-андоидийские районы Дагестанской АССР, в которой помимо сотрудников Института работали 12 студентов МГУ⁶⁶. Совместно с МГУ была проведена под руководством Н. Н. Чебоксарова экспедиция в Полтавскую область⁶⁷. Фольклорно-этнографической экспедицией в Московскую область руководил В. И. Чичеров⁶⁸. В различные республики Средней Азии выезжали С. М. Абрамзон (в Киргизию), этнограф из Ташкента В. Г. Мошкова (в Каракалпакцию), Г. Г. Стратанович (в Киргизию)⁶⁹. Состоялись поездки в Приаралье Е. Э. Бломквист, на Алтай Л. П. Потапова, в Смоленск и Новгород М. Г. Рабиновича⁷⁰. Велась подготовка Чукотской экспедиции.

За героическую работу в годы войны орденами и медалями был награжден ряд сотрудников Ленинградской части Института и Музея⁷¹.

1945 г., год победы над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне, ознаменовался для советской этнографии новыми значительными успехами в области научных исследований и совершенствования ее организационной структуры.

⁵⁸ Там же, лл. 13, 25.

⁵⁹ Там же, лл. 26—32.

⁶⁰ Там же, л. 27.

⁶¹ Там же, д. 37, л. 2.

⁶² Там же, д. 25, лл. 6, 44.

⁶³ Там же, л. 43.

⁶⁴ Там же, д. 35, лл. 2, 3.

⁶⁵ Там же, д. 25, л. 3.

⁶⁶ Там же, д. 23, л. 5; д. 25, л. 34.

⁶⁷ Там же, д. 23, л. 7; д. 25, л. 34.

⁶⁸ Там же, д. 23, л. 13; д. 25, л. 34.

⁶⁹ Там же, д. 25, л. 35.

⁷⁰ Там же, д. 23, лл. 1, 14, 17, 21; д. 25, л. 34.

⁷¹ Там же, д. 25, л. 45; д. 26, л. 1.

В мае была завершена эвакуация сотрудников Института этнографии из Ташкента и других городов в Ленинград⁷². Одновременно штат Института был увеличен на 25 единиц и достиг 106 человек (41 в Москве и 65 в Ленинграде), в их числе 12 заведующих секторами, 25 старших (11 в Москве и 14 в Ленинграде) и 24 младших научных сотрудников (11 в Москве и 13 в Ленинграде), технические работники⁷³.

Значительно увеличилось число подготавливаемых на кафедре этнографии МГУ молодых специалистов, где продолжали читать лекции С. П. Толстов (зав. кафедрой), Н. Н. Чебоксаров, С. А. Токарев, В. И. Чичеров, Б. И. Шаревская, Е. М. Шиллинг и другие ученые Института этнографии. Постепенно стала развертываться этнографическая деятельность в учреждениях союзных и автономных республик, крупных университетских городах. Однако ее результаты стали особенно заметны только в последующие годы⁷⁴.

Одним из важнейших событий в советской этнографии в 1945 г. было открытие после вызванного войной перерыва Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого в Ленинграде. В пяти его залах была развернута выставка, характеризовавшая развитие русской этнографии и антропологии со времени основания Академии наук. Несмотря на трудности, связанные с восстановлением Музея, было выставлено значительное число предметов, хранящихся в его фондах. Одновременно продолжалась работа по приведению в порядок коллекций⁷⁵.

Научный план Института на 1945 г. предусматривал продолжение начатых в предыдущем году исследований и разработку новых проблем. Были запланированы исследования этнического состава народов мира, создание обобщающих этнографических трудов и монографий, разработка проблем этногенеза, истории этнографической науки, музейная и библиографическая работа. В план научно-исследовательских работ Академии наук были включены подготовка томов серии «Народы мира», составление этнографической карты Европы под руководством С. П. Толстова, С. А. Токарева, П. И. Кушнера и Н. Н. Чебоксарова, комплексная экспедиция на Чукотку под руководством Г. Ф. Дебеца и др.⁷⁶.

В 1945 г. был завершен ряд крупных исследовательских работ. В основном закончилась подготовка четырех томов серии «Народы мира» и двух томов «Трудов» Института: посвященного памяти А. Грдлички и Ф. Боаса (авторы Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров, М. Г. Левин, Г. Ф. Дебеч, Ю. П. Аверкиев, С. И. Руденко, А. А. Попов и др.) и посвященного памяти Д. Н. Анучина (авторы М. Г. Левин, С. П. Толстов, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов, Н. Н. Чебоксаров и ряд археологов из других научных учреждений)⁷⁷. Для издания в серии «Труды Института этнографии» были подготовлены монографии Г. Ф. Дебеца («Палеоантропология СССР») и А. А. Попова («Нгасаны»). Было завершено составление IX тома «Сборника Музея антропологии и этнографии»⁷⁸. Среди выполненных следует назвать работы Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология германцев раннего средневековья», «Дунгане», «Ильменские поозеры»; В. Н. Белицер «Национальный костюм удмуртов» (кандидатская диссертация), В. И. Чичерова «Школы сказителей Заонежья», М. О. Косвена «Матриархаты Д. К. Зеленина «Чехи и словаки», М. Г. Рабиновича «Военная организация и связь в русском войске до XV в.» и др.⁷⁹. Кроме того, к концу года было выполнено 30 внеплановых работ⁸⁰.

⁷² Там же, д. 51, л. 2.

⁷³ Там же, д. 45, лл. 4, 5.

⁷⁴ Более подробными данными, в том числе о работе кафедры этнографии Ленинградского университета, автор настоящей статьи, к сожалению, не располагает.

⁷⁵ Архив ИЭ, д. 45, л. 3, 3 об.

⁷⁶ Там же, лл. 5 об., 6.

⁷⁷ Там же, д. 44, лл. 3, 5.

⁷⁸ Там же, д. 45, лл. 24 об., 25.

⁷⁹ Там же, д. 44, лл. 9—35.

⁸⁰ Там же, д. 45, лл. 12, 13.

В 1945 г. появились, наконец, этнографические публикации. Были изданы путеводитель по вновь открытой выставке Музея антропологии и этнографии и брошюра А. Липман «Петровская кунсткамера». Увидел свет работы С. П. Толстова «Древняя культура Узбекистана», А. Токарева «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.», В. Ионовой «Очерки по истории Якутии»⁸¹.

Значительной активностью отличалась деятельность Ученого совета Института этнографии и его секторов. Так, за год прошло 16 заседаний совета, всего же в Институте было заслушано 120 научных докладов⁸². Их числе доклады С. В. Иванова («Стенная роспись у горных таджиков»), Б. А. Рыбакова («Славянское языческое искусство»), Я. Я. Рогожского («Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека современной антропологии»), С. А. Токарева («Языки Австралии»), М. Шиллинга и Е. Э. Бломквист, рассказавших о результате экспедиционных работ. Состоялось заседание Ученого совета, посвященное памяти А. Грдлички и Ф. Боаса⁸³.

С марта 1945 г. на Ученом совете Института этнографии начались защиты докторских и кандидатских диссертаций. За год было защищено шесть диссертаций: две докторские (Д. А. Ольдерогге — «Трехродовый союз (кольцевая связь родов)» и казанский этнограф Н. И. Воробьев — «Казанские татары»), четыре кандидатские (П. И. Кушнер — «Западная часть литовской этнографической территории», М. Н. Гринберг — «О западной этнографической границе Белоруссии», Г. Е. Стельмах — «Крестьянское жилище на Украине» и В. Н. Белицер — «Национальный костюм удмуртов») ⁸⁴.

Успешно проходила подготовка докторантов и аспирантов. К концу 1945 г. в докторантуре Института было 13 человек (11 в Москве и 2 в Ленинграде), а аспирантуре 29 (22 в Москве и 7 в Ленинграде)⁸⁵.

В 1945 г. широко развернулись и полевые исследования. Работали этнографических и антропологических экспедиций, в которых участвовали сотрудники Института этнографии и студенты кафедры этнографии МГУ. Был собран богатый материал по антропологии, материальной и духовной культуре народов СССР. Началась подготовка зарубежной экспедиции в балканские страны⁸⁶.

Продолжала работу, начатую еще до войны, Хорезмская комплексная экспедиция, этнографическим отрядом которой руководила Т. А. Жданко. Состоялись Чукотская комплексная экспедиция (руководитель Г. Ф. Дебеч), Антропологическая экспедиция в Закарпатье (В. В. Бунак), Якутская антропологическая экспедиция (М. Г. Левин), Печорская комплексная экспедиция (Н. Н. Чебоксаров), экспедиция в Закарпатскую Украину (В. Ю. Крупянская), Дагестанская экспедиция (Е. М. Шиллинг); три этнографических отряда работали на Украине под руководством С. А. Токарева, Б. А. Рыбакова и И. Ф. Симоненко; были осуществлены поездки к карелам Калининской области (Г. С. Маслова), дунганам (Н. Н. Чебоксаров), таджикам (Е. М. Пешерева) и др.⁸⁷

Работа советских этнографов была высоко оценена партией и правительством. В связи с 220-летием Академии наук СССР 21 сотрудник Института этнографии был награжден орденами и медалями, 27 человек удостоены Почетных грамот Президиума АН СССР⁸⁸.

Завершение крупных исследований, начатых советскими этнографами еще в довоенное время и продолженных в годы войны, осуществлялось уже в первые послевоенные годы. Одновременно были выдвинуты

⁸¹ Там же, лл. 24 об., 25.

⁸² Там же, л. 22.

⁸³ Там же, л. 46, лл. 1—1 об., 2.

⁸⁴ Там же, лл. 1 об., 2.

⁸⁵ Там же, л. 45, лл. 24 об., 25.

⁸⁶ Там же, л. 3 об.

⁸⁷ Там же, лл. 13—16.

⁸⁸ Там же, л. 26.

новые крупные научные проблемы, потребовавшие координации усилий всех советских этнографов. Пожалуй, наиболее характерными явлениями для советской этнографии первых послевоенных лет были: количественное и качественное расширение исследований в области этнографии, в которые все в большей мере вовлекались ученые из союзных и автономных республик и областей; начало публикации этнографических работ; значительное расширение экспедиционной деятельности. Крупными научными центрами становились этнографические учреждения при союзных академиях и филиалах АН СССР, кафедры университетов прежде всего кафедры этнографии Московского и Ленинградского университетов. Продолжалась подготовка специалистов-этнографов. С 1946 г. при кафедре этнографии МГУ была открыта аспирантура. Университетские кафедры стали принимать активное участие в научных исследованиях и экспедициях академических учреждений, а несколько позже, с 1948 г., развернули и собственную экспедиционную деятельность.

К 1946 г. в Институте этнографии было 11 секторов и отделов: Славяно-русский; Неславянских народов; Сибири; Востока; Кавказа; Америки, Австралии и Океании; Африки; Антропологии; Этническая статистики и картографии; Фольклора; Комиссия по этногенезу (первые семь секторов имелись как в Москве, так и в Ленинграде)⁸⁹.

Выполняя запланированные еще в годы войны исследования, сотрудники Института в 1946 г. продолжали изучение этнического состава мира, подготовку обобщающих трудов и монографий и пр. Разработка ряда тем, начатая во время войны, была завершена⁹⁰. Из числа наиболее крупных завершенных исследований можно назвать труды Г. Ф. Дубеца «Палеоантропология СССР» (опубликован в 1948 г.), С. П. Топорова «Древний Хорезм» (опубликован в 1948 г. и удостоен Государственной премии), работы М. Г. Левина по антропологии народов Северной Азии, Н. Н. Чебоксарова по исследованию этнической антропологии Восточной Азии. Были подготовлены рукописи, представленные в качестве диссертаций Л. И. Лавровым «История абазинского народа», Л. П. Потаповым «Алтайцы» (защищена в том же году) и др.⁹¹.

В 1946 г. в Музее антропологии и этнографии были восстановлены постоянные экспозиции — «Африка», «Происхождение человека и повседневного общества», открыты выставки — «Айны», «Кочевые народы Средней Азии, Афганистана и Ирана», «Народы Индонезии», а также выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Н. Миклуковича⁹².

Оживленно проходила научная жизнь в обеих частях Института. В 1946 г. были проведены сессии по вопросам собирания и изучения славянского фольклора Отечественной войны и теоретическим проблемам этнографии, конференция по итогам экспедиционных работ, заседания, посвященные памяти В. Г. Богораза-Тана⁹³ (за год было обсуждено 11 докладов, из них 65 в Ленинграде). Активно работали ученые обеих частей Института (за год было заслушано 120 докладов, в том числе 65 в Ленинграде) и сектора⁹⁴.

В 1946 г., после перерыва, вызванного войной, возобновилась издательская деятельность. Вышли в свет четыре номера сборника «Советская этнография»⁹⁵, первый выпуск «Кратких сообщений Института этнографии АН СССР». Были сданы в печать монографии, второй и третий выпуски «Кратких сообщений», 10-й и 11-й тома сборника Материалы и другие работы⁹⁶. Первоочередными стали следующие задачи: уве-

⁸⁹ Там же, д. 70, л. 6.

⁹⁰ Там же, д. 71, лл. 1 и сл.

⁹¹ Там же, д. 74, лл. 19—27.

⁹² Там же, д. 72, л. 30.

⁹³ Там же, д. 74, л. 58.

⁹⁴ Там же, лл. 10 об., 30.

⁹⁵ Там же, л. 10.

⁹⁶ Там же, д. 70, л. 58; д. 74, л. 38.

в изданиях Института числа работ, посвященных важным теоретическим проблемам; публикация работ этнографов из университетов, вузовских и областных научных учреждений; публикация материалов экспедиционных исследований⁹⁷.

Спешно разворачивалась работа по подготовке научных кадров. В конце 1946 г. в Институте проходили подготовку 10 докторантов (Москва и 1 в Ленинграде) и 33 аспиранта (23 в Москве и 10 в Ленинграде). При этом наметилась явная тенденция к сокращению числа аспирантов и резкому увеличению числа аспирантов⁹⁸. Однако по специальности: этнография народов Прибалтики, Европы и Океанов — финно-угорским народам — аспирантов было недостаточно. В 1946 г. были защищены 1 докторская (Л. П. Потапов) и 6 кандидатских диссертаций⁹⁹. Всего же за год было рассмотрено и обсуждено 1 докторские и 10 кандидатских диссертаций¹⁰⁰.

Исключительно большой размах приобрела в 1946 г. экспедиционная деятельность: состоялись 14 экспедиций и 9 тематических поездок¹⁰¹.

Вскоре после окончания войны начали развиваться контакты с иностранными учеными, прежде всего из социалистических, а несколько позднее и капиталистических стран¹⁰².

Необходимо также отметить, что в годы войны и после ее завершения Институт подготовил и представил в соответствующие организации значительное число записок с характеристикой этнической ситуации в различных районах Европы и Азии.

Рассмотрение деятельности советских этнографов в последующие годы выходит за рамки поставленной в настоящей статье темы. Однако следует еще раз подчеркнуть, что многие успешно решавшиеся в 1940-х — 1950-х годах научные проблемы были поставлены и ставились разрабатываться еще в военные годы. Это было отмечено на первом послевоенном совещании этнографов в 1951 г. в Москве, в котором приняли участие ученые 23 национальностей — представители 10 академий союзных республик, 9 филиалов АН СССР, 7 университетов, более двух десятков музеев¹⁰³.

Большинство трудов, написанных советскими этнографами в годы войны, не потеряли своего значения и в наши дни. Более того, многие из них вошли в золотой фонд советской этнографической науки.

⁹⁷ Там же, д. 83, л. 1.

⁹⁸ Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 8, примеч. 5.

⁹⁹ Архив ИЭ, д. 83, лл. 2, 6.

¹⁰⁰ Там же, д. 74, л. 58.

¹⁰¹ Там же, д. 70, лл. 7, 8.

¹⁰² Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.

¹⁰³ Жданко Т. А. Этнографическое совещание 1951 г. — СЭ, 1951, № 2; Рабинович М. Г., Токарев С. А. Указ. раб., с. 16.

А. К. Байбурин

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СТЕРЕОТИПНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

1. Стереотипные (устойчивые, регулярно повторяющиеся) формы поведения издавна привлекают к себе внимание представителей самых различных научных дисциплин: психологов, социологов, историков, лингвистов, этнологов и др. Такие разновидности стереотипизированного поведения, как обряды и обычаи, стали традиционными объектами этнографических исследований. И это не случайно, поскольку в стереотипах поведения отчетливо выражается этническое своеобразие культуры. Набор стереотипных форм поведения, вырабатываемых в каждом обществе, естественно, не ограничивается сферой обряда и обычая. Они характерны для многих других сфер деятельности, прежде всего общения (этикет), социализации детей, технологических процессов (трудовые приемы и навыки), игрового поведения и т. д. В этнографическом изучении некоторых из перечисленных разновидностей стандартизированного поведения наметился определенный сдвиг. В первую очередь это относится к исследованию традиционных способов воспитания и обучения детей², а также стереотипов общения³. И все же говорить о планомерной, целенаправленной работе по отношению к совокупности стереотипов поведения в целом пока не приходится. Но дело не только в широте охвата различных форм такого поведения (хотя и она необходима). Все больше ощущается отсутствие общих посылок, общего инструментария исследований. В итоге данные, получаемые при изучении различных сфер стандартизированного поведения, оказываются практически несопоставимыми, что резко снижает их ценность. Ближайшими задачами изучения стереотипов поведения являются: выработка общих взглядов на природу и сущность стереотипизации поведения; определение места этого явления в общем механизме культуры; дальнейшее уточнение задач этнографического подхода; объединение усилий с представителями других дисциплин, изучающих шаблонизированные формы поведения, прежде всего с психологами, социологами, семиотиками, лингвистами.

В рамках настоящей статьи затронуты лишь некоторые вопросы изучения стереотипов поведения, имеющие самый общий характер.

2. При рассмотрении стереотипов поведения мы исходим из нескольких предпосылок. Во-первых, стереотипы поведения (как и поведение в целом) — это социальные феномены. Значит, поведение человека в обществе обусловлено особенностями социальной организации, социальными механизмами. Во-вторых, поведение человека вариативно как в диахронии, так и в синхронии (т. е. в историческом и этническом пространстве). В-третьих, стандарты поведения коррелируют с присущей той или иной эпохе стратификацией общества. Другими словами

¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 230.

² См. прежде всего выполненный под руководством И. С. Кона коллективный труд *Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии*. М.: Наука, 1983; *Традиционные формы воспитания детей подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1983.

³ В этом направлении следует отметить серию работ Б. Х. Бражникова, позволяющих обобщение в его последней книге: *Бражников Б. Х. Очерки этнографии обществ адыгов*. Нальчик: Эльбрус, 1983.

дая социальная, классовая, половозрастная, этническая, конфессиональная, профессиональная и другие группы и субкультуры общества накладывают специфическими стереотипами поведения.

Таковы самые общие предпосылки. Специфика этнографического подхода к исследованию стереотипов поведения определяется более конкретными положениями.

Прежде всего следует отметить двуплановость стереотипов поведения. Одной своей стороной они коренятся в сфере обыденного сознания, другой — в эмпирически наблюдаемом пласте традиционно-бытовой культуры. О последних и пойдет речь в настоящей статье. Будучи реальными конструктами (элементами сознания), этнические стереотипы поведения являются объектами изучения этнопсихологии и этносоциологии. Будучи компонентами бытовой культуры и реализуясь в объективированных формах, они представляют собой предмет собственно этнографических исследований. Здесь хотелось бы подчеркнуть нашу необходимость комплексного подхода к изучению этнических стереотипов поведения, что предполагает их рассмотрение не только как объективированных (реализованных в конкретном поведении) форм, но и как структур сознания.

Наконец, стереотипы поведения имеют знаковый характер. Степень знаковости (семиотичности) различных стереотипов может существенно меняться во времени. Это зависит от многих причин, которые будут рассмотрены ниже. Здесь мы лишь подчеркнем, что знаковость является их общим и неотторжимым свойством⁴. Не случайно, когда речь заходит об этносемиотике, имеется в виду в первую очередь изучение наиболее устойчивых форм поведения. Но дело даже не в этом. Семиотичность поведения, способность тех или иных действий быть знаками других (и прежде всего социальных) отношений, позволяет рассматривать их в качестве семиотических объектов и применять для их анализа методы, выработанные в семиотике.

3. Поведение человека вариативно и многообразно. В справедливости этой аксиомы сомневаться не приходится. Однако не менее справедливо и другое утверждение: поведение человека в обществе типизировано, т. е. оно подчиняется нормам, выработанным в обществе, и поэтому во многих отношениях стандартно. Такое положение является результатом действия двух противоположно направленных тенденций⁵. Первую тенденцию можно назвать центробежной. Она проявляется в разнообразии поведения, росте его вариативности. Именно эта сторона поведения имеется в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях, своего рода «стилистике» поведения. Однако многообразие поведения никогда не бывает абсолютным (в противном случае невозможно было бы общение людей, их объединение в различного рода социальные образования). На упорядочение разнородных вариантов поведения направлена противоположная (центростремительная) тенденция к унификации поведения, его типизации, выработке общепринятых схем и стандартов поведения. Эта вторая тенденция выражается в том, что всякое общество, заботясь о своей целостности, вырабатывает систему социальных кодов (программ) поведения, предписываемых его членам.

Набор типовых программ поведения специфичен для каждого коллектива. Все они направлены на то, чтобы сдерживать рост вариативности поведения, ибо ничем не контролируемый рост многообразия неминуемо привел бы к распаду общества. Тем не менее социально одобренные программы поведения никогда не покрывают всей сферы поведения чело-

⁴ Идея о том, что поведение строится на сигнификативной основе, т. е. связано с активным использованием знаков, принадлежит Л. С. Выготскому (*Выготский Л. С. Избранные психологические сочинения*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961, с. 164 и др.).

⁵ О таком принципе функционирования семиотических языков культуры см.: Лотман Ю. М. Место киноискусства в механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам 8. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1977, с. 138 и др.

века в обществе. Некоторые его фрагменты остаются нерегламентированными, поскольку не расцениваются как социально значимые. Более того для каждой этнической культуры характерны свои представления о значимости тех или иных аспектов поведения и, следовательно, своя конфигурация границы между обязательным (типизированным) и свободным (индивидуальным) поведением. При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль за соблюдением стандартов и образцов.

Стандартизированное поведение имеет свои варианты. В соответствии с особенностями социальной организации в сфере «заданного» поведения выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремесленника и т. п. В соответствии с критериями биосоциального членения различается поведение детей, взрослых, молодежи, стариков мужчин и женщин. Типология поведения этим, естественно, не исчерпывается. С учетом иных координат (например, этнических и конфессиональных) можно говорить о поведении японца в отличие от испанца, христианина в отличие от мусульманина. Если перейти на еще более высокий уровень абстракции, то можно вести речь об эпохальных стилях поведения, например поведении средневекового человека или поведении ренессансного типа. Реальное поведение человека — всегда синтез нескольких типов, нескольких программ. «Каждый человек в своем поведении реализует не одну какую-либо программу действия, а постоянно осуществляет выбор, актуализируя какую-либо одну стратегию из обширного набора возможностей»⁶ — в этом смысле в семиотике говорят о полиглотизме личности (ср. теорию социальных ролей в социологии).

Итак, условно можно говорить о двух основных формах поведения. Одна из них — относительно свободное, вариативное поведение; другая представляет собой регламентированное поведение, подчиняющееся выработанным в обществе типовым схемам действий в стандартных ситуациях.

4. Каковы же природа и функции стереотипизации? Каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт, на котором зиждется самая возможность его существования во времени. Естественно, общество заинтересовано в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям. Передача информации происходит двумя путями: генетическим и негенетическим. Ненаследственная информация передается в процессе социализации и целиком основана на научении⁷. Хранение, передача и аккумуляция социальной информации предполагает, во-первых, ее упорядочение и, во-вторых, отбор наиболее значимых фрагментов. На выполнение этих функций ориентирован механизм стереотипизации, с помощью которого накапливаемая информация становится не просто суммой полезных знаний, но определенным образом организованным опытом. Благодаря наличию структуры он и может быть передан во времени. При этом «коллективная память», видимо, тоже имеет свои пределы и не может включать весь опыт. Стереотипизация наиболее значимой информации позволяет не только осуществлять отбор, но и сохранять ее рабочий объем в условиях постоянного обновления. Таким образом, стереотипизация информации явилась действенным средством не только для компенсации энтропийных потерь⁸, но и в борьбе с эктропией, информационным хаосом.

Структурирующее свойство стереотипов непосредственным образом связано с их центростремительной интровертной направленностью, т. е. ориентацией на внутренние механизмы самоорганизации. По мнению Б. М. Бернштейна, чем сложнее система, тем большее место в ее жизни

⁶ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория). — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л. Наука, 1975, с. 27.

⁷ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории традиции. — Сов. этнография, 1981 № 2, с. 81.

⁸ Бернштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 107—108.

тельности занимают самоорганизация, саморегуляция, координация действий составляющих ее подсистем, согласование внутренних процессов и т. п., и сохранение этого опыта обеспечивает системе ее целостность и идентичность⁹.

Интровертный, регулятивный характер стереотипов сближает их с ятием социальной нормы — базисной категории социального контроля. Вопросы, связанные с изучением нормы, относятся к числу наиболее дискуссионных¹⁰. Здесь не место для их подробного обсуждения. Коснемся лишь тех сюжетов, которые могут возникнуть при сопоставлении стереотипов поведения и нормы. Наиболее приемлемую точку зрения на соотношение, на наш взгляд, выразил К. С. Сарингулян: «Любая норма аккумулируемого и транслируемого традицией социального типа, или, говоря иначе, любой составляющий содержание традиции стереотип деятельности, коль скоро мы рассматриваем его под углом зрения того, как он реализуется в деятельности людей, что обеспечивает массовое восприятие и устойчивую повторяемость, выступает как норма»¹¹. При своей привлекательности такой подход нуждается в некоторых коррективах. Во-первых, стереотипизация распространяется на всякое поведение в любой сфере человеческой деятельности, в то время как социальная норма регулирует лишь общественное поведение людей. Следовательно, сопоставляя стандарты поведения с нормой, мы существенно расширяем ее значение¹². Второе соображение вызвано, в частности, известной двусмысленностью понятия «норма». Нормы можно считать исторически сложившимися правилами поведения, и тогда они синонимичны стандартам поведения (с приведенной выше оговоркой). Но в понятии «норма» всегда содержится и оценочный смысл. В этом случае норма выступает как выражение некоей «внешней» точки зрения, в соответствии с которой любой поступок может быть охарактеризован, как «правильный» или «неправильный», «хороший» или «плохой», «высокий» или «низкий» и т. д. Естественным коррелятом нормы в таком понимании будет нарушение (а не «свободное» поведение, как в первом случае). Более того, норма существует только на фоне нарушения. Полное торжество нормы в принципе невозможно, так как тогда это понятие лишается смысла. Между тем стереотипы поведения существуют не только для выражения нормы, ее соблюдения, но и для ее нарушений, т. е. «неправильное» поведение имеет свои стандарты. На это указывает широкий класс явлений, присущих каждой этнической культуре (от обрядов, включающих инверсии повседневных норм, до языковых стереотипов сферы общения). Ю. М. Лотман утверждает: «Норма и ее нарушения не противопоставлены как мертвые данности. Они постоянно переходят друг в друга. Возникают правила для нарушения правил и аномалии, необходимые для нормы. Реальное поведение человека будет колебаться между этими полюсами. При этом различные типы культуры будут диктовать субъективную ориентированность на норму (высоко оценивается „правильное“ поведение, жизнь „по обычаю“, „как у людей“, „по уставу“ и пр.) или же ее нарушение (стремление к оригинальности, необычности, чудачеству, юродству, обесцениванию нормы амбивалентным соединением крайностей)»¹³. Не нужно

⁹ Там же, с. 107.

¹⁰ Из многочисленных работ на эту тему см., например: *Периц А. И.* Проблемы нормативной этнографии. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1973; *Дробницкий О. Г.* Понятие морали. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974; *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978; *Пеньков Е. М.* Социальные нормы — регуляторы поведения. М.: Наука, 1972; *Malinowski B.* Crime and Custom in Savage Society. Peterson, 1959; *Fromm E.* Man for Himself. N.Y., 1950; *Weidkuhn P.* Aggressivität und Normativität. — *Anthropos*, 1968—69, v. 63/64, fasc. 3—4, p. 361—394.

¹¹ *Сарингулян К. С.* О регулятивных аспектах культурной традиции. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 100—101.

¹² *Левкович В. П.* Обычай и ритуал как способы социальной регуляции поведения. — В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976, с. 212.

¹³ *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни..., с. 26. См. о двух типах искусства, ориентированных либо на канон, либо на нарушение канона: *Лотман Ю. М.*

думать, что ориентация на нарушение нормы относится лишь к сфере индивидуального поведения. Целые слои и группы общества имели свои модели как «правильного», так и «неправильного» поведения (ср. многократно описанный «сценарий» купеческого загула), причем второй тип поведения в историческом плане не является новацией. Он имеет гораздо более глубокие корни. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения неизбежно перемежался вторым, ярким выражением которого был праздник¹⁴. В данном случае нас не интересует психофизиологическая подоплека и исторические варианты мотивации этого феномена. Важно то, что соотношение нормы и стереотипа поведения не сводится к их отождествлению. Нормы и стереотипы поведения в каких-то случаях пересекаются, а в каких-то существенно расходятся. Поэтому представляется необходимым рассмотрение конкретных типов соотношений с целью выведения общих закономерностей.

5. Как уже было сказано, основная цель этнографического изучения стереотипов поведения заключается в выявлении их этнически своеобразных черт, что, естественно, предполагает выяснение общего основания. Проблема общего и специфического, сформулированная по отношению к стереотипам поведения, уже сама по себе задает их деление на инварианты и варианты.

Общечеловеческие, инвариантные модели поведения, казалось бы детерминированы биологическими свойствами человека. Однако следует отметить, что они существенно корректируются социальными, культурными механизмами. Особенно ярко действие культурных факторов на универсалии поведения проявляются в тех случаях, когда «естественным» действиям придается социальная значимость. У индейцев кутенаи кашель имеет этнодифференцирующий смысл: по характерной назальной сти кашля они отличают своих соплеменников от представителей других групп¹⁵. По словам С. А. Арутюнова, «даже такие, казалось бы, чисто биологические явления, как половой акт или роды, осуществляются человеком разными приемами, в которых имеются определенные, и очень существенные, этнические различия. Этнические различия проявляются в том, как люди одеваются, как они едят, в их излюбленных позах стояния или сидения, хотя все люди на земле и одеваются, и едят, и сидят»¹⁶. Регламентация в сфере «естественного» поведения затрагивает лишь внешнюю сторону действий, их «оформление» и осмысление, в то время как характер действий остается неизменным, универсальным и инвариантным. Можно спать на возвышении или на полу, в определенной позе, какое-то время воздерживаться от сна, но альтернативного действия (не спать вообще) не может быть. Иными словами, поведение на этом уровне не предполагает категории выбора и, следовательно, имеет только один путь реализации. «Неправильного» варианта в таком поведении не существует¹⁷.

Альтернативное поведение всегда подразумевает выбор и соответственно альтернативное решение: можно поступить «правильно» или «ни

Каноническое искусство как информационный парадокс.— В кн.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973, с. 16—22.

¹⁴ Из последних работ на эту тему см. прежде всего: *Абрамян Л. А.* Первобытный праздник и мифология. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

¹⁵ Примеры подобного рода собраны в большом количестве. См.: *Birdwistell R. L.* Introduction to Kinesics. An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture. Louisville, 1952; *idem.* Kinesics and Communication.— *Explorations*, 1954, 3; *La Barre P.* Paralinguistics. Kinesics and Cultural Anthropology.— In: *Approaches to Semiotics*. L.— P., 1964; *Argyle M.* Bodily Communication. L., 1975; *Van Baal J.* Symbols for Communication. An Introduction to the Anthropological Study of Religion; *Ciolek T. M.* Materials do «Alchemii gestów».— *Ethn. Polska*, t. XVII, zesz. 2; *Benjamin G. P., Craigher C. A.* Social Distinction in Nonverbal Behaviour.— *Semiotica*, 1975, v. 14; *Ekman P.* Body Position, Facial Expression, and Verbal Behaviour During Interviews.— *J. Abnormal Soc. Psychol.*, 1964, v. 68.

¹⁶ *Арутюнов С. А.* Этнографическая наука и изучение культурной динамики. В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 25.

¹⁷ *Лотман Ю. М.* Статья по типологии культуры. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1971, с. 7.

ильно». Такое поведение регулируется исключительно с помощью ричных, не вытекающих непосредственно из контекста ограничений. Ограничения носят частный, условный и относительный характер, что воляет рассматривать их в качестве этнодифференцирующих признаков, лежащих в основе деления людей на те или иные группы¹⁸. В свою редь категория выбора служит основанием для всевозможных эти- жих оценок и концепций относительно тех или иных поступков.

Если в первом случае («естественных» инвариантных форм поведе-) стереотипизации подвергаются внешние аспекты деятельности, то втором стереотипизируется как план выражения, так и план содер- шия. Разумеется, этнические особенности могут проявляться и в глу- шой и в поверхностной структурах стереотипа поведения. Но если вление общего и особенного во внешней стороне стереотипа не вы- яет особых трудностей, то аналогичные процедуры по отношению к тренней, содержательной стороне стереотипа весьма сложны, по- ьку эта сфера не ограничивается прагматическим смыслом или мо- ировкой и, как правило, осложнена бытовыми, этическими, религиоз- ии и другими представлениями.

Например, для общества, ориентированного на такие традиционные ры регуляции, как ритуал и обычай, действующие нормы и правила яются унаследованными от предков и уже поэтому имеют импера- ный характер для любого члена группы. Р. М. Берндт и К. Х. Берндт ют об австралийцах: «Общепринятые стандарты поведения у абори- юв считаются наследием прошлого. По их представлениям, великие фические предки создали тот образ жизни, который ведут теперь ди. И так как сами мифические предки считаются вечными и бес- ртными, таким же неизменным, раз и навсегда установленным дол- я быть и существующий уклад жизни»¹⁹. Ссылка на закон предков ак делали раньше, «так установили предки») — основной и универ- ый способ мотивации действий в данной системе поведения. По- ам Ю. А. Левады, это первый и последний «аргумент» в пользу имен- такого, а не другого решения ситуации²⁰. Другой мотивировки и не бовалось. Вопрос «почему так, а не иначе?» попросту не имел значе- я, ибо весь смысл традиции как раз в том и состоял, чтобы делать так, т это было сделано «в первый раз», во время «первых поступков». По- ная универсальная мотивация действий является следствием такого мещения диахронии и синхронии, при котором прошлое (миф или ми- югизированное предание), выступает в качестве объяснения настоя- го, а иногда и будущего²¹. В системе поведения такого рода, вообще юря, существует только одна стратегия правильного поведения. Дру- ии словами, поведение может быть или «правильным», или «неправиль- м». Варианты «правильного» поведения для одного и того же чело- та возникают лишь в связи с приданием самостоятельной ценности идивидуальным формам поведения, что в свою очередь является дствием ролевой дифференциации членов коллектива, роста индиви- льного самосознания. Общий принцип «единственно правильного ведення» в традиционном обществе, однако, все же полностью не ьключает некоторых возможностей выбора между линиями поведения, пределах которых они не считаются нарушениями. Это происходит ому, что разные сферы жизнедеятельности регулируются с разной ьностью жесткости и всегда существуют области деятельности, где до- тимы альтернативные решения. Но при этом следует иметь в виду, «разнообразие в образе действий не обязательно связано с расхож- ями в установках (во взглядах): просто могут существовать различ- ьспособы выражения одних и тех же представлений»²².

¹⁸ Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston, 1969, p. 8.

¹⁹ Берндт Р. М., Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981, с. 255.

²⁰ Левада Ю. А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965, с. 111.

²¹ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). — В кн.: Ихи истории естественно-научных знаний в древности. М.: Наука, 1982, с. 12—13.

²² Берндт Р. М., Берндт К. Х. Указ. раб., с. 257.

Исходя из сказанного, можно говорить о двух основных типах проявления этнической специфики в стереотипах поведения: 1) когда оди и тем же действиям придается различное содержание в разных этнических культурах и 2) когда одно и то же содержание находит различное выражение в поступках. Результаты исследований в области общенационального специфического в стереотипах поведения зависят не только от имманентных свойств различных культурных традиций, но и от позиции следователя. В этом одно из проявлений относительности различия общего и специфического, на что совершенно справедливо указывает Э. С. Маркарян²³. Нам уже приходилось касаться этого сюжета в связи с понятием этнографичности как выражения соотношения конкретных этнических и общекультурных свойств того или иного явления²⁴. Препятствием является возможным несколько конкретизировать соображения Э. С. Маркаряна с помощью введения понятия этнической дистанции. Дело в том, что сопоставляемые явления не обязательно принадлежат одному народу или одному региону (как бы широко мы его ни понимали), но могут быть разорваны в этническом пространстве (имеется в виду различная дистанция между ними). Здесь действует парадоксальное правило: чем меньше этническая дистанция (например, русские и украинцы), тем более существенны различия между сопоставляемыми однопорядковыми явлениями и, наоборот, чем больше этническая дистанция (например, поляки и японцы), тем более значимыми оказываются совпадения. Конфигурация этнографической парадигмы (сопоставляемых явлений) зависит от конкретных целей исследования, в соответствии с которыми общее и специфическое может трактоваться генетическом, типологическом и других планах.

6. Следует, вероятно, различать стереотипы (модели) поведения само поведение, т. е. конкретные действия и поступки, являющиеся реализацией стереотипа (ср. различие понятий «язык» и «речь» в лингвистике; «код» и «сообщение» в семиотике; «закрытое» и «открытое» поведение в психологии). В этом случае стереотип выполняет роль программы поведения, реализующейся в поведенческом тексте (в семиотическом понимании этого термина). С этой точки зрения, текстами являются стереотипизированные формы поведения: обряды, обычаи, этикет, трудовые навыки и приемы, игра, мода, отдых, праздник, способы воспитания, жилища, оскорбления, наказания и т. п.

Нам представляется удобным говорить об объективированных формах поведения как о текстах, поскольку к ним могут быть с успехом применены те процедуры анализа, которые разработаны в семиотике текста (выявление уровней, единиц; правила организации в синтагматическом и парадигматическом плане; особенности синтактики, семантики и прагматики). Трудности описания сопряжены с тем, что поведение представляет собой в принципе недискретный текст. Дискретен он с точки зрения наблюдателя, хотя у него и нет особых оснований для сегментации поведения. Поэтому членение поведения на дискретные части — это условно и основано чаще всего на отождествлении типовых ситуаций либо на таких признаках, как перемещения в пространстве (ср. «шел — ушел» как обозначения начала и конца поведенческого текста).

Другая трудность проистекает из структурной неоднородности большинства текстов поведения. Они могут включать словесные компоненты, жесты, движения, позы, элементы пространства, утварь, пищу и т. п. и причем это относится не только к «свободному» поведению, но и к стереотипизированным формам (обрядам, обычаям, этикету и т. п.). Существует, например, множество описаний свадебного обряда, независимо от того, кем они сделаны (этнографами, фольклористами, диалектологами или музыковедами), записи существенно различаются

²³ Маркарян Э. С. Указ. раб., с. 86.

²⁴ Байбури А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм поведения (к проблеме этнографического факта). — В кн.: Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР (сб. МАЭ, т. XXXVIII). Л.: Наука, 1982, с.

говоря уже о том, что для некоторых компонентов поведения язык писания еще очень далек от совершенства. Отсюда вытекает основная южность — низкая степень сопоставимости различных описаний. Выдвигается прежде всего в разработке эффективного метаязыка, который позволил бы снять субстанциональную неоднородность таких многословных текстов, как обряд или этикет²⁵.

Соотношение стереотипа и соответствующего ему поведения далеко неоднозначно. В идеале каждому стереотипу должен соответствовать определенный текст поведения. Но так бывает не всегда. Это зависит от многих причин, среди которых следует назвать степень обязательности действующих в культуре норм. При этом нужно учитывать, что каждое общество вырабатывает свои стандарты строгости или терпимости к нарушениям в разных сферах поведения. Так, например, стереотип различных отношений в тех обществах, которым свойственны экзогамные брачные системы, характеризуется жесткой прескриптивностью в отличие от лабильности норм, действующих в обществах с неэкзогамными брачными системами²⁶. Кроме «внешних» существенное значение имеют «внутренние» регуляторы поведения, такие, как стыд, вина, страх, связь с соответствующими этическими, религиозными, эстетическими и другими мотивировками.

В обществах архаического типа сам факт неизменности воспроизведения ритуала рассматривался как залог благополучия коллектива. Это естественно, поскольку ритуал верифицирует устойчивость социальной структуры, ее способность противостоять внешним импульсам. В сфере ритуала всякое нарушение было в принципе невозможно, так как угрожало существованию коллектива во времени. «Не случайно, — пишет Н. Топоров, — что смысл жизни и ее цель человек космологического миросозерцания видел именно в ритуале»²⁷.

Относительно менее строго в архаическом обществе была «зарегулирована» сфера обычая. Если ритуал вообще не допускал никаких искажений, то соблюдение обычая предполагало существование системы санкций, предусмотренных для всевозможных нарушений. Другими словами, обычай реализовался только в контексте нарушений. Разные сферы действия обычая допускали различную степень свободы поведения. В этом смысле особенно показательна система этикета. Прием гостей у многих народов был чрезвычайно жестко регламентирован (не случайно этот фрагмент этикета издавна привлекал внимание этнографов, выделявших его даже в особый обычай, или «ритуал» гостеприимства), тогда как в других сферах общения действовали менее строгие правила. Разумеется, сказанное относится не только к архаическим обществам. Принципиально сходные явления характерны и для современных обществ (ср. хотя бы различную «стилистику» поведения дома и на улице, в театре и на рабочем месте). Положение осложняется быстрой сменностью стереотипов поведения, наличием наряду с общеэтническими разнородных субкультурных и внутрипоколенных стандартов, определяемых действием таких феноменов, как мода²⁸.

7. Выше мы уже коснулись некоторых аспектов соотношения ритуала и обычая. Представляется необходимым специально обсудить эту проблему.

²⁵ Обсуждение этой проблемы см.: Зализняк А. А., Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. *Возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем*. — В кн.: Структурно-типологические исследования. М.: Наука, 1962, 134—143; Байбурин А. К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры..., с. 10—12.

²⁶ Членов М. А. Зависимость развития этнических процессов от лабильности или прескриптивности социальных институтов. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-го АН АрмССР, 1978, с. 110—113.

²⁷ Топоров В. Н. Первобытные представления о мире..., с. 17.

²⁸ Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция. — Сов. этнография, 1981, № 2, 88—99.

Принято считать, что различие между ритуалом и обычаем коренится в сфере прагматики²⁹. Совсем недавно эта точка зрения снова была высказана в статье С. А. Арутюнова: «Под обычаем следует иметь в виду такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение. Ритуал же охватывает только те формы поведения, которые являются чисто знаковыми и сами по себе практического значения не имеют, хотя и могут опосредованно быть использованы в практических целях (коммуникации, психотерапии и др.)»³⁰.

«Морфологические» отношения между ними обычно трактуются по модели «род — вид», т. е. предполагается, что ритуал является специфической разновидностью обычая³¹. При всех очевидных положительных чертах подобных схем и построений в работе на конкретном материале они требуют столь существенных оговорок, что эти достоинства обесцениваются.

Прежде всего отметим, что при таком подходе в сферу ритуала включаются самые разнообразные формы поведения, которые так же, как ритуал, не имеют утилитарного значения (от этикета до индивидуальных форм поведения). Следствием такого расширительного понимания ритуала является, например, понятие «индивидуальный ритуал» в некоторых психологических теориях³² — понятие, которое с точки зрения этнографа и культуролога столь же бессмысленно, как и понятие «индивидуальный язык» с точки зрения лингвиста. Между тем все эти формы поведения имеют различную природу, и их смешение с ритуалом нежелательно, как и в случае с ритуалом и обычаем³³.

Еще существеннее другое. Признак наличия/отсутствия практической полезности, в соответствии с которым предлагается различать обычай и ритуал, характеризует скорее обыденные установки нашей культуры, нежели реальное различие в функционировании обычая и ритуала в тех обществах, для которых они были основными формами регуляции поведения. После работ Мосса, Хокарта, Нидема и др.³⁴ можно считать установленным, что в архаическом обществе все проявления практической и духовной деятельности были настолько тесно связаны между собой, что сколько-нибудь отчетливое противопоставление утилитарных и символических аспектов попросту невозможно. Любой обычай, имеющий с нашей точки зрения практический смысл, был наделен и символическим значением. Это подтверждают сейчас уже многочисленные исследования таких, казалось бы, сугубо утилитарных сфер, как ремесла, трудовые обычаи, технология³⁵. С другой стороны, символичность ри-

²⁹ См., например: Чистов К. В. Обряд.— БСЭ. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия, 1974 г. с. 231; Дробницкий О., Левада Ю. Ритуал.— Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Сов. энциклопедия, 1967, с. 512—513; Benedict R. Ritual.— In: Encyclopedia of the Social Sciences. V. XIII. L., 1934, p. 396; Leach E. Ritual.— In: International Encyclopedia of the Social Sciences. L., 1968, v. 13, p. 521.

³⁰ Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция, с. 97.

³¹ См. например: Левкович В. П. Указ. раб. с. 229; Сарингулян К. С. Ритуал в структуре этнической культуры.— В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978, с. 71.

³² См., например: Davis R. The Ritualization of Behaviour.— Mankind, 1981, v. 11 № 2.

³³ Впрочем, см. у Б. Х. Бгажнюкова: «По своим сущностным характеристикам стандарты общения больше соответствуют ритуалу — особой разновидности обычая. И объединяет с ритуалом и одновременно отделяет от обычая символичность, оторванность от практической деятельности» (Бгажнюков Б. Х. Коммуникативное поведение, культура (к определению предмета этнографии общения).— Сов. этнография, 1971 № 5, с. 7).

³⁴ Mauss M. Sociologie et Anthropologie. P., 1950 (см. также предисловие, написанное Леви-Строссом); Hocart A. M. Kings and Councillors. Cairo, 1936 (см. с. 249—250); Needham R. An Analytical Note on the Kom of Manipur.— Ethnos, 1959, v. 2 № 3—4.

³⁵ Usman Pelly. Symbolic Aspects of the Bugis Ship and Shipbuilding.— J. Stev Anthropol. Soc., v. 8, № 2; Adams M. J. Style in Southeast Asian Materials Processing: Some Implications for Ritual and Art.— Material Culture. Styles, Organization and Dynamics of Technology. St. Paul — New York — Boston, 1977; Wassilewski J. S. Kategorie przestrzeni w kulturze koczowniczej. Analiza przestrzenna jurty mongolskiej.— Etno-

ала, его концентрация на ценностях знакового характера вовсе не иждетельствуют о полном отсутствии практических функций³⁶. Все дело том, что прагматизм человека архаического общества был, вероятно, ориентирован на ценности знакового порядка в гораздо большей степени, чем на материальные ценности, хотя бы в силу того, что последние разделяются первыми, но не наоборот»³⁷. Вообще проблема прагматики (взятая как в историческом, так и в этническом аспекте) требует резкого обсуждения³⁸. Без осмысления особенностей соотношения символического и практического в разные времена, у разных этнических общностей трудно рассчитывать на успешное изучение их культурной специфики. Что же касается рассматриваемого сюжета, то с учетом названного признак наличия/отсутствия практической полезности не может быть признан в качестве дифференцирующего при сопоставлении обычаев и ритуала.

С нашей точки зрения, речь идет не о сходных, а о принципиально различных феноменах. Пожалуй, единственное их сходство в том, что им присуща регулятивная функция. Но если для обычая эта функция является основной и, как правило, единственной, то ритуал всегда полифункционален и в зависимости от конкретной разновидности (свадьба, инициация, похороны, календарные праздники и т. д.) актуализируется одна, то другая его функция³⁹. Если говорить об основной функции ритуала, то это — контроль, точнее проверка соответствия различных аспектов социальной организации коллектива эталонам — сакральным традициям, поскольку в неизменности социальной структуры виделся залог благополучия и процветания коллектива. Другими словами, ритуал служил на «страже» традиции, восполняя всевозможные потери и исправляя искажения, с одной стороны, и не допуская ничего нового в контролируемую сферу — с другой. Исключительная важность подобной проверки объясняется тем, что для так называемых «традиционных» обществ цельность, неизменность и равновесие были заменой прогресса⁴⁰. Контролируя традицию в целом, ритуал контролировал и неизменность входящих в нее компонентов, в том числе (и прежде всего) обычаев. Исходя из такого понимания роли ритуала в механизме культуры, вряд ли можно говорить о нем как о разновидности (пусть даже «специфиче-

afia Polska, 1975, t. XIX, zesz. 1; *Cunningham Clarc E.* Order in the Atony House.— Right and Left. Essays on Dual Symbolic Classification. Chicago—London, 1973.

³⁶ О хозяйственно-экономической роли ритуала см., например, цикл работ Р. Рэппорта, прежде всего: *Rappaport Roy A.* Pigs for the Ancestors. Ritual in the Ecology of a New Guinea People. New Haven—London, 1973.

³⁷ *Топоров В. Н.* Первобытные представления о мире..., с. 17.

³⁸ Необходимость такого обсуждения вызвала и появление ряда работ на эту тему. См., например: *Черных Е. Н.* Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы).— Сов. археология, 1982, № 4, с. 8—11; *Байбури А. К.* Семиотический статус вещей и мифология.— В кн.: Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981, с. 215—226. Еще раньше о соотношении практических и символических функций на этнографическом материале см.: *Богатырев П. Г.* Функции костюма в Моравской Словакии.— В кн.: Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.

³⁹ О функциональной направленности ритуала существует много мнений. Кроме регулятивной выделяются такие функции, как коммуникативность (Е. Leach, J. Frykian, C. Lévi-Strauss, Th. A. Sebeok, R. Davis, F. Barth, M. Kovačević, E. Th. Lawson, J. F. Wallace, K. Lorenz, N. Tinbergen); обмен различного рода ценностями (M. Mauss, C. Lévi-Strauss, P. Ekeh, E. Hagen, M. Sarmela); психотерапевтическая (R. Abrahams, R. Davis, G. Homans, Th. Reik, C. Н. Давиденков); воссоздание мира, его обновление (M. Eliade, A. Jensen, B. Н. Топоров); средство медиации между сакральным и профанным (H. Hubert, M. Mauss; C. Lévi-Strauss, M. Eliade); поддержание естественного порядка (A. М. Hocart, J. Thorpson, Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров); обеспечение единства коллектива, упрочение связей (M. Gluckman, V. W. Turner, E. Leach, Л. А. Абелян); культовое узаконение мифов (общее положение ритуалистического направления); игра (J. Huizinga); шаблонизация внешних форм поведения (R. R. Marrett); символическое выражение определенных чувств (A. Radcliff-Brown); адаптация к внешней среде (R. Rappaport, A. J. Deroy, P. R. Gould, R. Thornton, A. Vaida); социализация индивидов и принятие ими коллективных норм (B. B. Whiting, W. Etkin, G. Cowlishaw, П. Левкович); дифференциация социальных ролей, статусов, ценностей (M. Gluckman, V. W. Turner, E. Leach, M. Wilson и др.).

⁴⁰ *Сегал Д.* Мир вещей и семиотика.— Декоративное искусство, 1968, № 4, с. 39.

ской») обычая. Они принадлежат разным уровням культуры и выполняют различные функции. Во всяком случае, проблема соотношения ритуала и обычая (как, впрочем, и других стереотипизированных форм поведения — игры, моды, этикета) никак не может считаться решенной.

Нами сформулирована лишь небольшая часть вопросов этнографического изучения стереотипов поведения. Можно указать еще на целый ряд проблем, ждущих своего рассмотрения. К их числу относится, например, исследование динамических свойств стереотипов, их «устойчивости к помехам» во времени, смысла традиционной «автокоммуникации», осуществляемой посредством стереотипов поведения, и др. Важно то, что необходимость работы в этом направлении осознается все острее, и это вселяет надежду на дальнейшее обсуждение широкого круга вопросов этнографического изучения стереотипных форм поведения.

Л. В. Остапенко, А. А. Сусоколов

ДИНАМИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СТУДЕНЧЕСТВА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Уровень высшего образования служит одним из важных показателей социально-экономического развития общества. В работах советских ученых раскрыта значительная роль высшего образования в совершенствовании социальной структуры населения СССР, усилении его однородности, росте культурного потенциала. В ряде исследований в той или иной мере освещались и национальные аспекты данной проблемы. В последние годы внимание ученых к национальным особенностям воспроизводства квалифицированных кадров рабочих и служащих заметно усилилось¹.

В документах партии и правительства было обращено внимание на необходимость более строгого учета региональной специфики в подготовке и использовании трудовых ресурсов. Однако в целом динамика национального состава студенчества в союзных республиках изучена пока недостаточно.

В данной статье уделяется внимание проблеме изменения национального состава студентов высших учебных заведений союзных республик на примере коренных национальностей и русского населения. Авторы использовали архивные данные вузов союзных республик, материалы справочников «Народное хозяйство», переписи населения, а также результаты этносоциологического исследования «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», проводившегося в 1970-е годы Сектором конкретно-социологических исследований по проблемам культуры и быта народов СССР Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна в пяти союзных республиках: РСФСР, Молдавии, Грузии, Эстонии и Узбекистане.

¹ См., например: Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— Сов. этнография, 1972, № 3; его же. Изменение социальной структуры советских наций.— История СССР, 1972, № 4; Арутюнян Ю. В., Дробижев Л. М. Этносоциологическое исследование в СССР.— Социол. исслед., 1981, № 1; Дробижева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981; Приходько Ф. Н. Анализ влияния фактора «национальный статус» на образовательные возможности личности в советской системе высшего образования.— Уч. зап. Том. ун-та, 1972, № 82; Руткевич М. Н. Сближение национальных республик и наций СССР по социально-классовой структуре.— Социол. исслед., 1981, № 2; Беляев Е. А., Дубинкин В. Г. Рост численности научных кадров в союзных республиках (1917—1970 гг.).— История СССР, 1972, № 5; Зезина М. Р. Изменение численности и состава интеллигенции союзных республик в условиях развитого социализма: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1976; и др.

К началу социалистического строительства в нашей стране «стартовые позиции» союзных республик в области высшего образования были весьма различны. В 1914—1915 гг. на нынешней территории Советского Союза функционировали 105 высших учебных заведений, из которых 72 находились в нынешних границах РСФСР, 27 — на Украине, 4 — в Эстонии, 1 — в Латвии. Кроме того, в Тифлисе тогда работали высшие женские курсы, выпускавшие менее 100 человек в год. В остальных регионах нашей страны высших учебных заведений вообще не было. У многих национальностей практически отсутствовала собственная национальная интеллигенция как особая социальная прослойка.

Уже в первые десятилетия Советской власти во всех союзных республиках была создана сеть высших учебных заведений, однако различия между республиками в этом плане продолжали сохраняться еще довольно долго. Так, например, в начале 1940-х годов на долю РСФСР и УССР приходилось около 70% высших учебных заведений Советского Союза, в которых обучалось 83% всех студентов страны. Это заметно превосходило удельный вес жителей данных республик в населении СССР. Число студентов на 10 000 жителей колебалось в разных республиках от 82 (Армения) до 10 человек (Молдавия), что определялось прежде всего степенью урбанизированности и грамотности местного населения, его хозяйственными и семейно-бытовыми традициями, особенностями исторического пути. Развитие системы высшего образования происходило медленнее на территориях, позже других вступивших в состав СССР.

Благодаря последовательной политике Советского государства шло постепенное увеличение абсолютной численности студенчества во всех республиках и одновременно сокращение относительных различий между ними по этому показателю. Заметно повысилась доля студентов в ряде республик, ранее отстававших в данном отношении. По сравнению с 1940 г. в 1970 г. число студентов на 10 000 населения возросло; в Белоруссии — в 5 раз, в Казахстане — в 7, в Литве и Молдавии — в 9, а в среднем по СССР — в 4 раза. В 1981/82 учеб. году в СССР на 10 000 жителей приходилось 196 студентов, в том числе в РСФСР — 219, Армении — 176, Азербайджане — 173, Узбекистане — 172, Грузии — 171, Киргизии — 152, Таджикистане — 142 и т. д.²

Повышение доли студенчества в населении всех союзных республик происходило одновременно с ростом в нем удельного веса молодежи коренных национальностей. С первых дней существования Советской власти политика нашего государства была ориентирована на более активное вовлечение в состав квалифицированных кадров представителей местных национальностей. Им были предоставлены определенные льготы при поступлении в высшие учебные заведения как своих, так и других республик, в частности в вузы УССР и РСФСР, где готовили национальные кадры для всех регионов. Еще в 30-е годы во многих республиках началась интенсивная подготовка собственных квалифицированных специалистов³. К концу 50-х годов в 7 из 15 союзных республик (Грузия, Казахстан, Эстония, Литва, Армения, Азербайджан, РСФСР) доля молодежи коренной национальности среди студентов была равна доле лиц этих национальностей в населении соответствующих республик или превышала ее. В остальных республиках удельный вес студентов из числа лиц коренных национальностей оставался еще несколько ниже удельного веса представителей этих национальностей в составе республик⁴. В по-

² СССР в цифрах. М.: Финансы и статистика, 1982, с. 24.

³ В данной статье, говоря о специалистах и интеллигенции, мы имеем в виду только лиц с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, что определяется конкретными задачами работы. Далее эти термины употребляются без специальных оговорок.

⁴ В современных условиях оптимальными считаются такие показатели, при которых национальный состав всех студентов данной республики соответствует национальному составу ее населения в целом. Но это лишь идеальное соотношение, так как в реальной действительности оно нарушается под воздействием целого ряда факторов, таких, как миграция абитуриентов между республиками, льготы, предоставляемые отставшим в прошлом национальностям, демографические различия в системе нацио-

следующие годы во всех союзных республиках шло дальнейшее увеличение как абсолютного, так и относительного представительства лиц коренных национальностей среди студенчества. Особенно интенсивно развивался этот процесс в тех республиках, где доля лиц коренной национальности среди студентов была еще непропорционально мала (в сравнении с долей лиц этой национальности в составе республики). За 20 лет (с 1960 по 1980 г.), например, процент молодежи коренной национальности возрос: в вузах Узбекистана в 1,4 раза, Киргизии — в 1,5, Молдавии и Таджикистана — в 1,3 раза, в то время как в РСФСР, на Украине, в республиках Прибалтики и в Армении он почти не изменился. Благодаря этому сокращались различия между республиками по показателям вовлеченности молодежи коренных национальностей в состав студенчества. Так, коэффициент вариации показателей представительства⁵ лиц коренных национальностей союзных республик в вузах своих республик, уменьшаясь с каждым десятилетием, к концу 1970-х годов составлял всего 12%. Различия между республиками в этом плане оказались, таким образом, к настоящему времени весьма незначительными.

Тем не менее важно выделить республики, где высокий уровень представительства лиц коренных национальностей среди студенчества сочетается с уже достаточно значительной долей специалистов этих национальностей среди всей республиканской интеллигенции (Грузия, Эстония, Литва, Армения, РСФСР). В то же время для ряда республик повышение интенсивности формирования национальных студенческих отрядов более значимо, так как в составе всей республиканской интеллигенции доля специалистов коренных национальностей ниже представительства лиц этих национальностей в населении (республики Средней Азии, Молдавия).

Одним из путей повышения доли лиц коренных национальностей в составе студенчества служит более широкое привлечение к учебе в высших учебных заведениях сельских жителей, составляющих большую часть коренного населения. Основой протекающего в настоящее время закономерного процесса дальнейшего возрастания роли коренных национальностей во всех сферах жизни республик явилось развитие процессов индустриализации и урбанизации. Однако было бы упрощением сказать, что масштабы воспроизводства национальной интеллигенции сейчас не посредственно связаны, например, с численностью городских жителей принадлежащих к данной национальности. Так, в настоящее время среди украинцев горожане составляют 53%, среди белорусов — 49, грузин — 47, узбеков — 24%, а число студентов этих национальностей на 10 000 населения соответственно равно 151, 169, 190, 163. Влияние процессов индустриализации и урбанизации ведет к постепенному сближению условий жизни в городе и на селе; возможности получения высшего образования сельской молодежью растут.

За последнее десятилетие численность студентов, приехавших из села существенно увеличилась во всех республиках. Весьма показательным примером в этом плане может служить Узбекистан. Несмотря на сокращение доли сельчан в составе населения всей республики, удельный вес сельских жителей в вузах с 1971 по 1979 г. увеличился с 59 до 61%, повысив их долю в населении республики. В большинстве других республик с высоким процентом сельского населения доля сельчан среди студентов дневного обучения соответствует их доле в составе населения республик

нальностей и республик и т. п. Учитывая все это, мы все же для удобства анализа материалов и проведения необходимых сопоставлений будем сравнивать долю лиц данной национальности среди студентов или специалистов республики с долей представителей этой национальности в составе всего ее населения.

⁵ Показатель представительства лиц коренных национальностей в составе студенчества определялся по формуле

$$\frac{\text{доля лиц коренной национальности среди студентов республики}}{\text{доля лиц коренной национальности в населении республики}} \times 100.$$

естественно, еще нево всех вузах процент учащихся из села одинаков. Если в учебных заведениях сельскохозяйственного и педагогического профиля он выше или равен доле сельчан в населении, то, например, в медицинских, художественных, инженерно-технических вузах ощущается необходимость его повышения. Это особенно важно в связи с быстрым развитием в сельской местности промышленности и строительства, индустриализацией сельскохозяйственного производства, совершенствованием культурно-бытовых условий.

Определенный прирост интеллигенции из числа лиц коренных национальностей в республиках Средней Азии, по всей видимости, будет происходить и за счет более широкого вовлечения в вузы женской молодежи. Доля узбеков, таджиков, туркменок с высшим и средним специальным образованием ниже, чем доля мужчин тех же национальностей, соответственно в 2; 3,5 и 3,1 раза. Однако абсолютная и относительная численность девушек этих национальностей в составе студенчества постоянно повышается, что говорит о важных переменах в образе жизни женщин среднеазиатских республик, в их ценностных установках. Так, процент узбеков, туркменок и таджиков в общей численности студентов данных национальностей с 1960 по 1979 г. возрос более чем в 1,5 раза. Тем не менее различия в республиках по этому показателю еще сохраняются. Так, в конце 70-х годов на 10 000 узбеков приходилось 115 студенток, а на то же число их землячек-русских — 230. Подобная ситуация характерна и для Таджикистана и Туркмении. В то же время в Грузии, Армении, республиках Прибалтики доля женщин среди студентов коренных национальностей такая же, как среди русских, или даже несколько выше. В основе этих различий лежит, видимо, своеобразие образа жизни лиц разной национальной принадлежности прежде всего в семейно-бытовой сфере; важную роль играют возраст вступления в брак, число детей в семье, отношение к женскому труду вообще, к овладению женщинами профессиями умственного квалифицированного труда в частности, и т. п.

Показатели воспроизводства национальной интеллигенции непосредственно связаны с уровнем представительства в студенчестве союзных республик инонациональных групп, живущих в них. Рассмотрим эту взаимосвязь на примере русских — одной из наиболее многочисленных инонациональных групп в союзных республиках (естественно, кроме РСФСР). В течение определенного времени в большинстве республик доля русских среди интеллигенции и студенчества превосходила их долю в населении республик. Так, в 1960/61 учеб. году уровень относительного (в сравнении с долей в населении) представительства лиц коренных национальностей в вузах превышал соответствующий показатель по русскому населению лишь в трех республиках (Казахстан, Грузия, Эстония). К 1979/80 учеб. году аналогичное положение наблюдалось уже и в Литве, Киргизии, Армении. Рост удельного веса лиц коренной национальности и соответственно уменьшение доли русских среди студенчества происходили во всех республиках, хотя и с разной степенью интенсивности.

Непропорционально сокращению численности русских в населении республик в целом снизилось их представительство в студенчестве республик Средней Азии, Казахстана, Армении, Грузии. Особенно заметно развивался этот процесс в последнее десятилетие. На фоне уменьшающегося диапазона различий между республиками по общим масштабам подготовки специалистов, в том числе из лиц коренных национальностей, происходила их дифференциация по степени участия в воспроизводстве республиканской интеллигенции молодежи коренной и русской национальностей. Чем выше была интенсивность подготовки национальной интеллигенции, тем меньше ощущалась необходимость в трудовой помощи со стороны инонационального населения республик. Там, где потребность в специальной оставалась достаточно высокой (республики Средней Азии, Молдавия), русские, несмотря на весьма заметное снижение их доли в студенчестве, не только широко представлены среди всей республиканской интеллигенции, но и продолжают составлять довольно значительный отряд студенческой молодежи. В Казахстане и Литве пред-

ставительством русских в вузах существенно снизилось, но они по-прежнему составляют здесь значительный процент специалистов с высшим образованием. В Грузии и Эстонии доля русских среди специалистов студентов примерно в 2 раза ниже удельного веса лиц этой национальности в составе населения данных республик и имеет тенденцию к дальнейшему уменьшению. Однако подобная ситуация не связана с какими-нибудь преимуществами для абитуриентов коренных национальностей при приеме в вузы. Напротив, русские в Грузии, как и в других республиках, в основном городские жители, уровень школьной подготовки которых, как неоднократно отмечалось в печати, зачастую выше, чем у сельчан. Соответственно, выше и вероятность их поступления в вузы. Так, в Грузии, где горожане составляют 80% русского населения республики и 41% грузинского, в конце 70-х годов среди абитуриентов успешно сдавших экзамены и принятых, доля русских превышала долю грузин. В Тбилисский политехнический институт было принято 46% русских абитуриентов и 32% грузинских, в университет — соответственно 31 и 18%. Сравнительно малый контингент русских студентов объясняется низкой численностью абитуриентов русской национальности. Можно, впрочем, сказать, что русские, живущие в Грузии, меньше ориентированы на получение высшего образования в своей республике, что частично связано с «перенасыщением» народного хозяйства Грузии собственными национальными кадрами интеллигенции, а также с необходимостью знания языка коренной национальности. Русская молодежь Грузии ищет иное применение своим силам или уезжает учиться в другие республики.

Изменение национального состава было характерно как для всего студенчества союзных республик, так и для его отдельных профессионально-отраслевых отрядов. Везде действовала общая тенденция повышения удельного веса молодежи коренных национальностей среди будущих специалистов, однако этот процесс в разных вузах имел свои особенности.

В первые десятилетия социалистического строительства большинство союзных республик испытывало недостаток в собственных квалифицированных кадрах по многим профессиям. Особенно необходимыми для большинства союзных республик были формирование и интенсивное воспроизводство местной производственной интеллигенции, в том числе технической. Сейчас отряд студентов политехнических вузов всюду один из наиболее многочисленных. Естественно, в разных республиках процесс подготовки инженерно-технических работников шел далеко не равномерно. Так, например, в Молдавии и Туркмении до середины 60-х годов отсутствовали высшие учебные заведения технического профиля. Это тормозило процесс пополнения ряда важных отраслей народного хозяйства новыми квалифицированными кадрами специалистов из среды местной молодежи.

К настоящему времени крупные политехнические вузы существуют во всех союзных республиках. Ежегодно в них рос контингент студентов; вместе с ним росла и доля юношей и девушек коренных национальностей. За последние два десятилетия в большинстве республик этот процесс приобрел массовый характер. С 1959 по 1979 г., например, процент молодежи коренной национальности, обучающейся в политехнических институтах своей республики, повысился в Грузии с 21 до 36%, в Эстонии соответственно с 21 до 29, превывсив удельный вес грузин и эстонцев в населении своих республик. Весьма важным было повышение темпов подготовки национальных кадров инженерно-технических работников в республиках Средней Азии и в Молдавии, где значительная масса населения коренных национальностей еще проживает в селе, а удельный вес лиц иной национальности, в том числе русских, среди инженерно-технического персонала достаточно высок. Наиболее быстрыми темпами по сравнению с другими профессионально-отраслевыми отрядами студенчества (за исключением студентов университетов) рос контингент узбекских студентов политехнических вузов. По абсолютной численности узбекских студентов этих вузов — за 10 лет (с 1970 по 1979 г.) передвинулись

четвертого на второе место, составив в 1979 г. почти 1/3 всех студентов-узбеков. Среди всей молодежи, обучающейся в политехнических институтах Узбекистана в конце 1970-х годов, доля узбеков составляла 53%, то время как в 1970 г. — 41% (доля лиц этой национальности в населении республики — соответственно 69 и 62%). Удельный вес молдаван в политехнических вузах Молдавии возрос за тот же период с 55 до 60%, почти приблизившись к удельному весу лиц этой национальности в населении республики (64%). Конечно, приведенные цифры еще не говорят о том, что в названных республиках, как и в большинстве других (за исключением РСФСР, Грузии, Армении) уже совсем нет потребности в расширенном воспроизводстве технической интеллигенции из лиц коренных национальностей. Но налицо серьезные изменения в характере трудовой занятости местного населения, в профессиональных ориентациях молодежи.

Специфика национального состава разных профессионально-отраслевых отрядов республиканской интеллигенции в значительной степени объясняется историческими условиями ее формирования. Еще в первые годы социалистического строительства в отстававшие в прошлом республики было направлено немало специалистов из более развитых регионов, прежде всего из России и Украины. Работали они в основном в новых развивающихся отраслях промышленности и в строительстве, где и раньше был велик процент некоренного населения. В конце 50-х годов во всех республиках доля русских среди специалистов и студентов технического профиля в несколько раз превышала их долю в населении. Постепенно в связи с ростом собственных национальных кадров этот показатель стал несколько снижаться. Но и сейчас всюду, кроме Грузии, удельный вес русских среди инженерно-технических работников и студентов соответствующих вузов превышает их удельный вес в населении республик.

В отличие от инженерно-технических работников пополнение сельскохозяйственных отрядов интеллигенции в значительной степени происходит за счет молодежи коренных национальностей. В целом по СССР за последние 15 лет численность студентов сельскохозяйственных вузов увеличилась почти в 2 раза. Но доля будущих специалистов сельского хозяйства среди студенчества почти не изменилась, а в некоторых республиках (РСФСР, Грузия) даже снизилась, что связано с уменьшением доли сельского населения, развитием в сельской местности промышленного производства, ростом потребности в высококвалифицированных кадрах промышленно-производственного персонала. Масштабы и интенсивность воспроизводства сельскохозяйственных отрядов интеллигенции в разных республиках, естественно, неодинаковы и зависят от развития самого сельскохозяйственного производства и его потребностей в специалистах. Еще в конце 50-х годов республики заметно различались и по степени представительства среди студенчества сельскохозяйственных вузов молодежи коренных национальностей. Например, доля грузин и абхазцев в республиканских учебных заведениях сельскохозяйственного профиля уже превышала их удельный вес в населении республик (соответственно 94 и 90%), а доля молдаван и узбеков была ниже. К настоящему времени показатели участия молодежи коренных национальностей разных союзных республик в формировании новых кадров сельскохозяйственной интеллигенции заметно выравнивались. В исследованных нами республиках доля лиц коренных национальностей среди студентов сельскохозяйственных вузов превышает их удельный вес в населении и является наиболее высокой по сравнению с другими высшими учебными заведениями.

Весьма важным процессом с точки зрения социально-культурного и экономического развития наций, роста их интеллектуального потенциала является расширенное воспроизводство национальных кадров научной интеллигенции. Одним из главных каналов подготовки научных работников служат университеты, число которых постоянно растет. Научно-техническая революция повышает потребность в кадрах научных работ-

ников, что ведет к увеличению доли студентов университетов среди вузовской молодежи. Этот процесс характерен как для страны в целом, так и для отдельных республик. Доля студентов университетов с 1959 по 1979 г. возросла в Молдавии с 18 до 23%, в Узбекистане — с 12 до 15, в Грузии — с 13 до 19% и т. д.

С первых лет создания университетов в союзных республиках состав их был многонациональным. При этом в течение ряда лет в университетах большинства союзных республик сравнительно высокий процент студентов составляли представители инонациональной молодежи. За последние два десятилетия ситуация существенно изменилась. Темпы роста числа студентов университетов из лиц коренных национальностей республик стали особенно высокими. Так, например, численность узбеков обучающихся в университетах Узбекистана с 1959 по 1979 г., увеличилась в 3,4 раза, а всех студентов этой национальности во всех вузах — в 1,5, грузин — соответственно в 3,7 раза и 1,9 и т. д. Сейчас в обследованных нами республиках доля студентов коренных национальностей, обучающихся в университетах, равна или превышает их долю в населении республик. В то же время, например, в Молдавии и Узбекистане значительную часть студенчества университетов составляют русские. В Эстонии и Грузии, где образовательный уровень коренного населения выше и его интеллигенция относительно многочисленнее, участие инонационального населения в пополнении республиканских отрядов университетской молодежи в настоящее время существенно снизилось.

Широкое представительство лиц других национальностей среди республиканской творческой интеллигенции служит ярким показателем интернационализма советского образа жизни, взаимообогащения национальных культур. Однако в различных республиках вузы, готовящие творческую интеллигенцию, еще различаются по национальному составу студентов. Если, например, в вузах художественного профиля Грузии и Эстонии молодежь коренных национальностей представлена так же широко, как и в других высших учебных заведениях, то в Узбекистане и Молдавии участие местного населения в формировании пополнения творческих работников несколько ниже среднего уровня; доля узбеков и молдаван в вузах художественного профиля не превышает 54%, в то время как среди всех студентов лица этих национальностей составляют соответственно 64,5 и 62%. Это отчасти объясняется необходимостью первоочередного решения в данных республиках народнохозяйственных задач, требующих развития других отрядов интеллигенции, где доля коренного населения существенно выше. Необходимо учитывать также, что художественные учебные заведения расположены в основном в городах и имеют меньше заочных отделений; это не очень удобно для сельских жителей, представленных в основном коренными национальностями. Не удивительно поэтому, что в Молдавии и Узбекистане значительную часть студентов вузов, готовящих художественную интеллигенцию, составляет русская молодежь.

Весьма многочисленны отряды национальной интеллигенции среди работников массовых профессий — учителей и медицинского персонала. Эти группы специалистов в большинстве республик комплектовались одними из первых и включали большие отряды представителей коренных национальностей. В конце 50-х годов, например, у молдаван студенты пединститутов составляли более 60% всех обучающихся в вузах, у узбеков — 50%. С ростом удельного веса лиц коренных национальностей среди других профессионально-отраслевых отрядов студенческой молодежи доля будущих педагогов и медиков повсеместно сокращалась. Уменьшились различия между республиками в масштабах подготовки педагогических и медицинских кадров. Некоторые до сих пор сохранившиеся особенности объясняются прежде всего спецификой демографического состава населения, численностью детей, престарелых и т. п. Сейчас в большинстве республик доля лиц коренных национальностей в составе студентов педагогических и медицинских вузов в основном соответствует их доле в населении или даже превышает ее. Это особенно важно для

тех республик, прежде всего среднеазиатских, где среди работников просвещения и здравоохранения еще значителен процент русских, украинцев и других более урбанизированных в прошлом народов. Расширенное воспроизводство педагогического и медицинского персонала из представителей коренных национальностей должно способствовать дальнейшему развитию национальной культуры, более эффективному использованию в области медицины и педагогики лучших национальных традиций, опыта прошлых поколений, старинных народных навыков и т. п.

Динамика национального состава студенчества союзных республик связана с одной из центральных экономических и социальных проблем нашего общества, ставшей особенно актуальной в последние годы, — с проблемой трудовых ресурсов, в частности с перспективами межрегионального перераспределения специалистов. Потребности народного хозяйства республик в специалистах удовлетворяются пока довольно неравно. Например, в Узбекистане, по данным бюро по трудоустройству и информации населения, в 70-х годах спрос на специалистов, в особенности занятых в сфере материального производства, был равен предложению или даже несколько превышал его. А в таких республиках, как Грузия и Эстония, отдельные специалисты не сразу находили работу, соответствующую их квалификации.

В последние годы несколько изменился характер ориентации молодежи разной национальной принадлежности на те или иные формы обучения. В 1978/79 учеб. году по сравнению с 1970/71 конкурс в вузы в целом по стране снизился с 2,4 до 2,2 человек на одно место. За то же время в Таджикистане, например, этот показатель повысился с 2,3 до 2,9, в Туркмении — с 2,4 до 2,9 человек на одно место. Аналогичная ситуация была характерна и для других республик Средней Азии, а также для Азербайджана. Вместе с тем сейчас прослеживается довольно четкая тенденция ко все большей ориентации представителей коренных национальностей республик Европейского региона на получение профессионально-технического образования, что соответствует народнохозяйственным задачам и является результатом планомерно проводимой массовой пропаганды рабочих профессий. Поэтому в республиках Европейского региона, особенно Прибалтики, конкурс в вузы снизился — 1,5—1,8 чел. на одно место. В республиках Закавказья (в том числе в Грузии и Армении) конкурс в вузы, несмотря на некоторое снижение, остается наиболее высоким (3,3—3,7 человек на одно место).

В настоящее время в условиях определенной стабилизации численности студенчества в Грузии и Армении молодежь коренных национальностей все чаще получает высшее образование в других регионах. Подобная миграция, безусловно, способствует усилению межнациональных контактов, развитию двуязычия, расширению общего кругозора молодежи. Однако после окончания высшего учебного заведения молодые люди обычно возвращаются в свои республики, где иногда работают не по специальности. Поэтому возникает потребность в более контролируемом, плановом перераспределении «интеллектуальных ресурсов» республик. В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР» отмечалось: «Важно и дальше совершенствовать систему планирования и качество подготовки специалистов, точнее учитывать при их распределении реальные потребности республик и Союза ССР в целом, полнее использовать их творческий потенциал в интересах коммунистического строительства»⁶. Конечно, этот вопрос требует более глубокого изучения, в частности точного учета соотношения отраслевого состава студенчества и рабочих мест различных республик. Вместе с тем помимо объективных важны также и субъективные предпосылки, например, готовность к межреспубликанской миграции. Можно выделить две группы предпосылок: во-первых, позитивные установки на миграцию, во-вторых, способность к адаптации в иноэтнической среде, важнейшим условием ко-

⁶ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. — Коммунист, 1982, № 4.

горой является знание русского языка как языка межнационального общения. Для того чтобы межреспубликанская миграция могла стать реальным фактом, влияющим на распределение специалистов, необходимо совпадение уровня развития объективных и субъективных факторов. Однако такое совпадение наблюдается далеко не всегда. Так, по данным этносоциологического исследования, в середине 1970-х годов среди грузин — специалистов с высшим образованием в городах Грузии лишь 6—7% хотели переехать на новое место, причем подавляющее большинство — в город в пределах республики. Для сравнения отметим, что в Молдавии, например, где доля интеллигенции ниже, чем в Грузии, около 19% молдаван — специалистов с высшим образованием ориентировано на миграцию, в том числе в другие республики. Также соотносятся показатели двуязычия: 25—30% грузинской городской интеллигенции ответили, что владеют русским языком столь же свободно, как и языком своей национальности; среди указанной категории молдаван этот показатель вдвое выше. Приведенные цифры говорят в пользу гипотезы о том, что темпы воспроизводства интеллигенции коренной национальности не влияют существенно на ее миграционные установки.

В нашей статье мы коснулись лишь некоторых социально-этнических аспектов развития системы высшего образования в союзных республиках. Огромные достижения нашей страны в формировании многонациональной интеллигенции, интенсивный процесс сближения количественных и качественных показателей ее развития у различных национальностей неизбежно вызывают ряд вопросов, требующих дальнейшего внимательного изучения.

И. С. Гурвич, Ч. М. Таксами

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРА И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СССР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исторический путь, пройденный коренными малочисленными народами Севера и Дальнего Востока СССР после Великой Октябрьской социалистической революции, неоднократно освещался в этнографической литературе¹. За советский период жители приполярных и заполярных районов благодаря братской интернациональной помощи русского и других народов нашей страны преодолели многовековую отсталость; на социалистической основе перестроили хозяйство, традиционный быт и культуру.

Социальные мероприятия, проведенные на Севере, сказались на языковой жизни народностей тайги и тундры². Однако языковые изменения, так же как и современная языковая ситуация на Севере, еще недостаточно исследованы в нашей литературе. Это обстоятельство побудило авторов настоящей статьи проанализировать изменение общественных функций языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР³ за советский

¹ *Сергеев М. А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955; Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971; *Увачан В. Н.* Народы Севера в условиях развитого социализма. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1977, и др.

² См.: *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития литературных языков народов СССР. М.: Наука, 1976, с. 60—61; *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975, с. 233—241.

³ Термин «Народности Крайнего Севера» (ранее — «малые народы Севера») стал применяться в советское время для обозначения коренного населения тайги и тундры. Основанием для этого послужили их малочисленность, общая направленность хозяйства (оленьеводство, охота, рыболовство), особенности быта. Согласно перечням, имеющимся в постановлениях правительства СССР и РСФСР, в эту группу включаются

период. Понятие «северные языки» или «языки народностей Севера» является в известной мере условным, собирательным. Оно включает генетически не связанные между собой языковые группы и отдельные языки малочисленных народностей Севера и Дальнего Востока.

Северные языки обычно подразделяются на самодийскую, тунгусо-маньчжурскую и палеоазиатскую группы; к ним относят также языки трех финно-угорских народностей — саамов, хантов и манси — и ряд обособленных языков — кетский, нивхский и др.

В лингвистическом отношении территория Крайнего Севера и Дальнего Востока отличается значительной сложностью. Здесь бытуют 24 языка. Большая часть их подразделяется на диалекты и говоры, фонетические и грамматические различия между которыми в ряде случаев настолько велики, что препятствуют взаимопониманию их носителей. Так, коряки-чавчулены с трудом объясняются с пенжинскими и паланскими коряками, верхнеколымские юкагиры плохо понимают речь нижнеколымских юкагиров, носителей омокского диалекта. Значительные лексические и фонетические различия мешают общению носителей отдельных диалектов хантов и манси. Амурские нивхи испытывают некоторые затруднения, объясняясь с восточносахалинскими нивхами, и т. д.

Языковая и диалектальная разобщенность способствовали замкнутости этнических и этнографических групп народностей Севера. Однако на границах между этносами и в районах со сложным этническим составом населения еще в дореволюционный период языковая обособленность преодолевалась благодаря бытовому билингвизму. Так, на территории Якутии большинство эвенков, эвенов и юкагиров в той или иной мере владели разговорным якутским языком. В тундре, в бассейне Колымы, эвены и чукчи кроме своего родного языка пользовались омокским диалектом юкагирского. Южные селькупы, западные ненцы, эвенки, кочевавшие по берегам больших сибирских рек, нередко владели разговорным русским языком, так как часто общались с русскими крестьянами и промышленниками.

В некоторых районах коренное население, сблизившись с русскими старожилами, переходило на русский язык. Так, например, к началу XX в. русский язык полностью вытеснил ительменский в долине р. Камчатки. На Чукотке русский язык стал родным для значительной части юкагиров и чуванцев.

Все же большая часть народностей Севера и Дальнего Востока в дореволюционный период была одноязычна. Лишь старосты (князцы), старшины, подторговщики, общавшиеся с местным начальством и купцами, и лица, почему-либо попадавшие надолго в русскую среду, могли свободно объясняться по-русски.

Во второй половине 1920-х годов, после окончания интервенции и гражданской войны, когда местные Советы развернули культурную работу среди народностей Севера, языковая обособленность стала значительным тормозом на пути социальных преобразований. Направляемые в эти годы на Север учителя, культпросветработники и медики говорили преимущественно на русском языке, понятном далеко не всем коренным жителям. Единственной возможностью для скорейшего массового распространения грамотности, повсеместного введения начального школьного образования, приобщения самих народностей Севера к сознательному строительству новой жизни было широкое использование родных языков. Для этого необходимо было создать на них письменность, подготовить буквари, учебники, наладить их издание.

В дореволюционный период было сделано лишь предварительное описание основ фонетики и грамматики некоторых северных языков, поэтому потребовалась огромная исследовательская работа по изучению лексики,

---

чукчи, азиатские эскимосы, алеуты, коряки, энцы, ительмены, юкагиры, чуванцы, эвены, эвены, долганы, нганасаны, ненцы, селькупы, кеты, ханты, манси, саамы, нивхи, на-вайцы, негидальцы, ульчи, орочи, ороки, удэгейцы и тофалары. См.: Постановления ЦИК и СНК СССР. Собрание узаконений и распоряжений, 1925, № 74, 1926, № 21.

фонетики, грамматики всех языков народностей Севера. Она проводилась под руководством опытных лингвистов молодыми энтузиастами-этнографами, языковедами, фольклористами, направившимися на Север по призыву Комитета содействия народностям северных окраин в качестве учителей, фельдшеров, руководителей культбаз, красных яран и т. д.⁴ В 1926 г. эту работу возглавил Северный факультет Ленинградского восточного института, а позднее — Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера. В 1931 г. был подготовлен проект единого алфавита для языков народностей Севера. В 1932 г. в целях скорейшего распространения письменности на языках народностей Север Президиум ВЦИК образовал Комитет нового алфавита народов Севера с филиалами в национальных округах. В 1931—1932 гг. началось издание букварей, учебников и литературы на ненецком, хантыйском, мансийском, эвенкийском, эвенском, корякском, чукотском, эскимосском, нанайском, удэгейском, нивхском, кетском и селькупском языках. Следует отметить, что потребность в букварях и учебниках на родных языках была столь велика, что некоторые учителя школ этого региона, не дожидаясь пока будет налажено издание учебных пособий, сами разрабатывали соответствующие рукописные учебники, размножали их в нескольких экземплярах и по ним преподавали⁵. К 1934 г. на языках народностей Севера было выпущено 200 тыс. учебников, более 100 тыс. экземпляров политической литературы и 6 тыс. — по промыслам и медицине⁶.

В создании письменности на языках народностей Севера, подготовке учебников и словарей участвовали и представители этих народностей: учителя, студенты, слушатели окружных курсов по подготовке колхозных кадров (нанайцы, коряки, эскимосы, чукчи). Создание письменности на родных языках сыграло важную роль в ликвидации неграмотности, в становлении начального школьного образования. Северные школы, работавшие до этого нерегулярно, стали превращаться в обычные учебные заведения. В 1933—1934 гг. в большинстве школ преподавание в 1-м и 2-м классах велось на родном языке. Со 2-го класса начиналось изучение русского языка, постепенно процесс обучения переходил на этот язык. Использование родных языков позволило избежать перегрузки учащихся начальных классов. Ранее малышам с первых дней учебы в северных школах с русским языком преподавания приходилось не только привыкать к новой обстановке, но и овладевать новыми знаниями и навыками пользования не родным языком. Чрезмерная нагрузка нередко подрывала у учащихся веру в свои силы и приводила к утрате интереса к учебе и к отсеву. Преподавание на родных языках позволило избежать эти негативные явления. Соответственно изменилось и отношение к школе коренного населения, которое стало больше заботиться о школьных помещениях, своевременно направлять детей на учебу и т. д.

Возможность обучения на родном языке вызвала у жителей Севера массовое стремление к образованию. Как отмечал С. Н. Стебницкий, в Корякском округе после введения образования на корякском языке «грамотность стала распространяться буквально эпидемически — дети обучают родителей, мужья жен»⁷.

Во всех северных округах и районах с распространением грамотности появилась новая форма общения — письма. Создание письменности способствовало возникновению литературы на языках народностей Севера и развитию периодической печати в северных округах.

Вместе с тем уже в начале 30-х годов выявилось множество трудностей с внедрением письменности. Так, письменность, созданная на основе опорных диалектов, в ряде случаев оказалась недоступной носителям

⁴ Антропова В. В. Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере (1920—1930 г.). — Сов. этнография, 1972, № 6, с. 25—27.

⁵ Сергеев М. А. Указ. раб., с. 276—277.

⁶ Там же, с. 376—377.

⁷ Стебницкий С. Н. Нымыланский (корякский) язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. III. М. — Л.: Учпедгиз, 1934, с. 48.

других диалектов и не получила у них распространения. Например, учебная литература, разработанная на сосвинском диалекте мансийского языка, оказалась непонятной остальным манси (семь диалектов). Издания на чавчувенском диалекте корякского языка не удовлетворяли носителей береговых диалектов. При подготовке учебников выявилась лексическая ограниченность северных языков.

Повсеместно ощущался недостаток опытных педагогов, знающих языки коренного населения. Направленные на Север молодые учителя, выпускники педагогических институтов и училищ, не знакомые с языком коренного населения, должны были овладевать им в процессе практической работы. Нередко в помощь учителю местные советы выделяли помощника, двуязычного коренного жителя, переводившего учащимся слова учителя, а ему — ответы и вопросы детей. И все же следует признать, что преподавание в начальных школах на родных языках учащихся позволило широким фронтом развернуть школьное строительство на Севере, привлечь в школы значительное число детей, а в ряде районов к 1934 г. даже осуществить всеобщее начальное образование.

Вместе с тем одним из важнейших результатов распространения письменности на родных языках и использования их в школьной практике явилась открывшаяся возможность систематического овладения учащимися русским языком. В 1937 г. письменность народностей Севера была переведена с латинского на русский алфавит и русскую орфографию, что облегчило им восприятие языка межнационального общения в нашей стране.

Во второй половине 1930-х годов общественные функции родных языков народностей тайги и тундры резко расширились. Эти языки стали средством общения в общественно-политической жизни, на них развернулось преподавание в начальной школе, стали издаваться учебная и художественная литература, периодическая печать.

В годы Великой Отечественной войны издание литературы на языках народностей Севера прекратилось, но преподавание их продолжалось⁸. Родные языки широко использовались в созданных в эти годы в северных школах так называемых «нулевых», или подготовительных, классах. Здесь дети, не знавшие русского языка, овладевали им в играх, беседах. В подготовительных классах, как правило, преподавали учителя из среды коренного населения, окончившие педагогические училища. В эти классы поступали дети с шестилетнего возраста.

В послевоенный период в районах Севера резко изменилась этническая ситуация. Развитие промыслового хозяйства, промышленное и транспортное освоение Севера, культурное строительство потребовали привлечения сюда значительного числа рабочих, специалистов, учителей, медицинских работников и т. д. Уже в 1950-х годах в связи с укрупнением колхозов и совхозов большая часть поселков центральных усадеб северных колхозов и совхозов стали многонациональными, здесь появились русские, украинцы, белорусы, татары, якуты, коми.

Частое повседневное общение с пришлым русскоязычным населением привело к значительному распространению русского языка среди коренных обитателей Севера. Их дети, общаясь со своими русскоязычными сверстниками из числа приезжего населения, еще до школы нередко овладевали русским языком. В 1950—1960 гг. во многих северных поселках были открыты детские сады и ясли. Совместное воспитание детей коренного и пришлого населения также способствовало широкому распространению русского языка. Однако все эти обстоятельства не означали, что население перестало пользоваться родным языком.

Специальное социолингвистическое обследование использования родных языков народами Сибири и Дальнего Востока, проведенное в 1968—1969 гг. Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, показало, что эти языки сохраняют роль важнейшего

⁸ Севильгаев Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972, с. 304—306.

средства общения в быту и семейной жизни. Большинство опрошенных признали их родными языками, а родители высказали пожелание, чтобы их дети изучали в школе и родной, и русский языки⁹.

Как переписи, так и наблюдения этнографов и языковедов свидетельствуют о том, что в послевоенный период среди коренных народностей Севера СССР широкое распространение получило национально-русское двуязычие. Так, согласно переписи 1970 г., 51% коренного населения Севера владел русским в качестве второго языка, а в 1979 г. этот процент увеличился до 60¹⁰. Кроме того, около 30% лиц из числа народностей Севера указали русский в качестве родного языка.

Разумеется, в разных районах проживания народностей Севера, а также в различных социально-профессиональных и возрастных группах наблюдаются разные формы двуязычия. Так, лица старше 50 лет, не получившие в свое время достаточного образования, хорошо владеют родным языком, но слабо знают русский язык. Жители крупных поселков городского типа, укрупненных центральных усадеб совхозов и колхозов обычно владеют русским языком лучше, чем население мелких поселков. В совершенстве владеют русским языком лица со средним, средним специальным и высшим образованием, а такие составляют теперь значительную часть населения¹¹.

Распространению русского языка особенно способствуют труд в многонациональных коллективах и проживание в крупных многонациональных поселках. В таких поселениях дети коренных жителей нередко владеют только русским и лишь немногие — родным языком родителей, и то пассивно.

Широкие этнокультурные контакты на Севере приводят к частым межнациональным бракам. В национально-смешанных семьях языком общения, как правило, становится русский.

В некоторых районах Севера коренное население в результате широких историко-культурных контактов не только двуязычно, но и многоязычно. Кроме родного, они, как уже отмечалось, владеют языком населения, проживающего в контактных зонах. Например, жители полуострова Таймыр — долганы нередко помимо родного владеют нганасанским или эвенкийским и русским языками. Нганасаны пользуются не только родным, но и долганским, и энецким, и русским языками. Многие ненцы владеют языком коми, а также хантыйским и селькупским. Северные ханты понимают разговорную речь ненцев и коми; манси знают язык коми и ненцев; отдельные кетские семьи владеют эвенкийским и селькупским языками. Эвенки, проживающие на территории Якутской ССР, свободно владеют якутским языком, а живущие в Бурятской АССР — бурятским.

Эвены Якутской АССР, за небольшим исключением, наряду с родным и русским владеют якутским языком. В эвено-якутских семьях нередки случаи, когда родным языком считается якутский. Представители старшего поколения эскимосов, как правило, владеют чукотским языком.

Как показывают переписи, родные языки народностей Севера прочно сохраняют свои позиции. 61,8% коренного населения в 1979 г. показали, что они считают родным язык своей национальности. Наибольший процент считающих родным язык своей национальности у долган (90%), наименьший — у крайне малочисленных групп, таких как ительмены (24%), юкагиры (37%), алеуты (17%)¹².

⁹ Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975, с. 233—237.

¹⁰ Итоги всесоюзной переписи населения 1970. Т. IV, с. 47; Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1984, с. 72.

¹¹ В 1982 году в 639 школах Севера обучалось свыше 30 тыс. детей из числа коренных народностей Севера; 4,6 тысяч юношей и девушек продолжали учебу в средних специальных учебных заведениях страны, а несколько сот — в вузах. Все они, естественно, владеют русским языком.

¹² Численность и состав населения СССР..., с. 72.

В отдельных районах Севера и в разных возрастных группах наблюдается разная степень владения родным языком. Старшее поколение, как правило, пользуется преимущественно родным языком, среднее — родным и русским, младшее — главным образом русским. Так, у эскимосов представители старшего поколения хорошо знают родной язык, а младшего — русский.

Народности Таймыра и Заполярного Севера широко пользуются родными языками в производственной деятельности и в быту. Родной язык в обиходе сохраняется у кетов, селькупов, саамов. На Нижнем Амуре и Сахалине родные языки используют преимущественно представители родного и старшего поколений.

В настоящее время языки народностей Севера изучаются в начальных классах школ. Министерство просвещения и местные органы народного образования придают большое значение их преподаванию.

На важность преподавания родных языков у народностей Севера обращено внимание в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», принятом в феврале 1980 г.¹³ Это постановление обязало Академию наук СССР усилить исследование языков народностей Севера, создать письменность для тех языков, которые еще не имеют ее. Министерство просвещения РСФСР и местные органы народного образования, выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, провели большую работу по улучшению преподавания северных языков, изданию соответствующих учебников и учебных пособий.

У разных народностей Севера в зависимости от их численности, исторического прошлого, культурных связей с соседями и языковой ситуации наблюдаются значительные различия в использовании родного и русского языков.

Имеющиеся данные позволяют разделить языки народностей Севера в зависимости от численности их носителей, а также по территориально-административной принадлежности на ряд групп: 1) языки относительно крупных народностей — ненецкий, эвенкийский, хантыйский, чукотский; 2) языки менее крупных народностей, имеющих свою автономию, — корякский, мансийский, долганский; 3) языки малочисленных дисперсно расселенных народностей, имеющих свою письменность, — нанайский, эвенский, нивхский, эскимосский, селькупский; 4) языки крайне малочисленных народностей — алеутский, нганасанский, энецкий, кетский, юкагирский, ительменский, ульчский, орокский, ороцкий, негидальский, удгейский.

Проиллюстрируем на отдельных примерах функциональную роль каждой из этих групп языков.

Из языков первой группы остановимся на ненецком и чукотском. Согласно переписи 1979 г., 80,4% ненцев показали в качестве родного язык своей национальности¹⁴. Ненецкий язык широко используется в сфере традиционной хозяйственной деятельности (среди членов промысловых бригад) и в семейном быту. Он наряду с русским является средством общественно-политической и массовой информации. Родной язык используется в детских садах, расположенных в поселках, где основное население составляют ненцы. Ненецкие дети изучают его в начальных классах школы, проявляя к этому предмету большой интерес¹⁵.

В настоящее время разработана программа изучения ненецкого языка также для 4—6-х классов и запланировано составление соответствующих учебников¹⁶. В ненецких национальных школах родной язык преподают выпускники Ленинградского государственного педагогического институ-

¹³ Правда, 26 февраля 1980 г.

¹⁴ Численность и состав населения СССР..., с. 72.

¹⁵ Никольская Г. Н. Повысить качество обучения родным языкам. — В кн.: Провещение на Крайнем Севере: Сборник в помощь учителю школ Крайнего Севера. В. 20. Л.: Просвещение, 1983, с. 30.

¹⁶ Там же с. 28.

та им. А. И. Герцена, а также Салехардского и Нарьян-Марского педагогических училищ.

На ненецком языке изданы букварь, книги для внеклассного чтения в подготовительном — 1-м и 2—3-м классах¹⁷. Авторы их — ненцы, научные сотрудники Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР (Е. Г. Сусой, Е. М. Талеева, П. А. Явтысый, М. И. Ледкова), писатель Л. В. Лапцуй и др. Появились также пособия по преподаванию ненецкого языка¹⁸. В разработке и усовершенствовании учебников по ненецкому языку, методических пособий и т. п. активное участие принимают представители ненецкой интеллигенции — учителя, ученые и др.

На ненецком языке изданы тексты новых Конституций СССР и РСФСР, речь В. И. Ленина на III съезде комсомола, произведения ненецких писателей — Л. Лапцуя, В. Ледкова и др.

Ненцы имеют возможность читать произведения своих писателей и газету на родном языке, слушать на нем передачи по радио. Родной язык играет существенную роль в культурной жизни ненцев, проживающих на территории Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономных округов. В Ямало-Ненецком автономном округе на ненецком языке выходит газета «Нарьян нгерм» (орган Ямало-Ненецкого окружного КПСС и окружного Совета народных депутатов). Ее редактором длительное время был ненецкий писатель Леонид Лапцуй, автор многих прозаических произведений и поэтических сборников. В газете сотрудничает широкий круг ненецкой интеллигенции, в том числе языковеды, писатели, поэты.

Ямало-Ненецкое окружное радиовещание (г. Салехард) регулярно ведет передачи не только на русском, но и на ненецком языке для оленеводов, рыбаков, охотников и других лиц, занятых в промысловом хозяйстве.

Таким образом, ненецкий язык используется в целом ряде сфер общественной и семейной жизни.

По переписи 1979 г. 78,3% чукчей считали своим родным языком чукотский¹⁹. На нем говорят в семье, в оленеводческих и охотничьих звенох, в бригадах. На этом языке издается окружная газета, ведутся передачи по радио. Чукотский язык используется участниками художественной самодеятельности и т. д.

В чукотских школах, как и в ненецких, родной язык изучается в начальных классах. Изданы букварь, учебник чукотского языка для учащихся 1—3-го классов, книга для внеклассного чтения для учащихся подготовительного — 1-го, 2—3-го классов, пособия для проведения кружковой работы с учащимися 4—7-го классов, учебный чукотско-русский и русско-чукотский словарь и др. Авторы школьных учебников — чукчи: сотрудница Института национальных школ Министерства просвещения РСФСР Н. Б. Емельянова-Тынат, кандидат филологических наук П. И. Инэнликеэ, Л. Г. Тынель и др.

В чукотских школах родной язык преподают представители коренного населения, получившие специальную подготовку в Анадырском педагогическом училище, Магаданском, Хабаровском и Ленинградском педагогических институтах, в Ленинградском государственном университете.

Магаданское книжное издательство публикует на чукотском языке общественно-политическую и художественную литературу: Конституции СССР и РСФСР, некоторые произведения В. И. Ленина, книги, освещающие жизнь и деятельность В. И. Ленина, многочисленные брошюры об

¹⁷ Прокофьева Е. М. Издание учебной литературы для школы. — В кн.: Просвещение на Крайнем Севере. В. 19. Л.: Просвещение, 1981, с. 65—74.

¹⁸ Куприянова З. Н., Бармиц М. Я., Хомиц Л. В. Ненецкий язык (пособие для педагогических училищ). Л.: Просвещение, 1977; Бармиц М. Я., Куприянова З. Н. Программу по ненецкому языку. Пособие для педагогических училищ. Л.: Просвещение, 1979.

¹⁹ Численность и состав населения СССР..., с. 72.

пленоводстве и промысловом хозяйстве, о гигиене, а также фольклорные прозаические и поэтические произведения»²⁰.

На территории Чукотского автономного округа радиовещание ведется на трех языках — русском, чукотском и эскимосском. Ежедневная передача на чукотском языке (0,3 часа) рассчитана на широкий круг населения. По радио рассказывается о жизни страны, о важных событиях дня в автономном округе. Особое место в передачах занимают рассказы о жизни оленеводов, об охотничьем и морском промыслах, часто передаются записи бесед с оленеводами, охотниками, сделанные на местах — в самых отдаленных населенных пунктах, а также повести и рассказы чукотских писателей, записи произведений устного народного творчества, выступления самодеятельных художественных коллективов, в частности чукотско-эскимосского ансамбля Лаврентьевского сельского дома культуры, национального ансамбля «Рырка» Шмидтовского района, а также профессионального чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон» (Рассвет). В г. Анадыре ведутся также телепередачи на русском, чукотском и эскимосском языках.

Такое же применение находят хантыйский и эвенкийский языки.

Заслуживают внимания особенности бытования языков сравнительно небольших по численности народностей Севера. Так, манси, проживающие в Ханты-Мансийском автономном округе, составляют всего лишь 1% по отношению ко всему населению округа (6,2 тыс. чел.). Это обстоятельство сказывается на жизни мансийского языка. Согласно переписи 1979 г., только 49,5% манси считают родным языком мансийский²¹. Из четырех мансийских локальных групп владеют и пользуются родным языком только северные манси. Длительные исторические связи отдельных групп манси с русскими привели к значительному распространению у них русского языка. И тем не менее мансийский язык играет известную роль в сохранении и развитии национальной культуры манси. Он остается средством общения в семейно-бытовой и даже в производственной сфере (в однонациональной среде). Он преподается в 0—2-м классах. Местные школы пользуются букварем мансийских авторов — Е. И. Ромбандеевой и М. П. Вахрушевой, учебником мансийского языка для подготовительного класса М. П. Вахрушевой и А. А. Хромова, учебником мансийского языка для первого класса мансийки А. И. Сайнаховой, мансийско-русским и русско-мансийским словарями, составленными кандидатами филологических наук Е. И. Ромбандеевой и Е. А. Кузаковой²².

На мансийском языке изданы произведения лауреата Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького мансийского писателя Ювана Шесталова «Миснэ» («Добрая фея»), стихи М. П. Вахрушевой и др.

В Ханты-Мансийском автономном округе выходит газета на языке хантов. В ней печатаются произведения поэтов и писателей на мансийском языке.

Однако в целом сфера использования мансийского языка значительно уже, чем хантыйского или ненецкого.

Функционирование языков дисперсно расселенных народностей может быть показано на примере нанайцев и эскимосов.

Нанайцы (10516 чел. — 1979 г.) издавна проживают небольшими группами в Хабаровском и Приморском краях среди преобладающего иноязычного населения. В связи с бурным развитием промышленности на Дальнем Востоке в последние десятилетия многие нанайские семьи переехали в города и рабочие поселки и стали трудиться в новых, нетрадиционных отраслях хозяйства. Это обстоятельство способствовало широкому распространению среди них русского языка. Во время переписи

²⁰ Кеулькит В. Моя Чукотка. Магадан, 1958; Камытваль А. Песни сердца. Магадан, 1960; его же. Тебе, Магадан. Магадан, 1967; Беликов Л. В. Сказки. Магадан, 1980; Рытхей Ю. С. Самые красивые корабли. Магадан, 1968; Ф. Тынытэгин. Сказки Чаучу (на чукотском и русском языках). Магадан, 1959, и др.; С душой о завтрашнем дне (сборник статей). Магадан, 1971.

²¹ Численность и состав населения СССР..., с. 72.

²² Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Л.: Просвещение 1928.

населения 1979 г. только 55,8% нанайцев назвали родным языком нанайский²³. Согласно последним исследованиям, свободно владеют этим языком главным образом лица старшего и среднего возрастов. Для первых нанайский язык остается средством общения почти во всех случаях жизни. Для лиц среднего возраста он, как правило, является вторым языком, которым пользуются лишь в быту. Младшее поколение обычно пассивно владеет нанайским языком, многие вообще его не знают. В тех селениях, где проживают более или менее значительные группы нанайцев, нанайский язык находит применение и в общественной жизни. На нем местные коллективы художественной самодеятельности исполняют песни, рассказы, шуточные сцены, стихи.

После постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» в нанайских школах возобновилось преподавание нанайского языка, прерванное со времени Великой Отечественной войны. Были изданы букварь, учебник нанайского языка для 1-го класса, школьный нанайско-русский и русско-нанайский словари²⁴. На нанайском и русском языках издан сборник стихов нанайских поэтов А. Самара и А. Пассара «Мангбо дярини (песни Амура)». Широкую известность приобрели произведения нанайского писателя Д. Г. Ходжера.

Нанайский язык преподается в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена на факультете народов Севера. Учащиеся педагогического училища в Николаевске-на-Амуре изучают нанайский язык как факультативный предмет. Обсуждается вопрос о введении преподавания нанайского языка на северном отделении Хабаровского педагогического института.

Такие же черты наблюдаются в функционировании эскимосского языка. Азиатские эскимосы, несмотря на свою малочисленность (1500 чел. — 1979 г.), за последние десятилетия широко расселились в прибрежных поселках Чукотки, от Уэлена до залива Креста. Крупные группы эскимосов сосредоточены в поселках Новое Чаплино, Сиреники и Лаврентия, где живут также русские и чукчи. И хотя языком межнационального общения здесь является русский, 60,7% эскимосов во время проведения переписи 1979 г. назвали в качестве родного языка эскимосский. Он используется главным образом в семейно-бытовой, а также в производственной сферах, в частности в бригадах охотников-зверобоев. Только эскимосским языком владеют лишь представители старшего поколения. Большая часть эскимосов двуязычна. Молодые эскимосы (в возрасте до 20 лет) нередко слабо (пассивно) владеют родным языком своих родителей²⁵. На эскимосском языке исполняют фольклорные произведения участники художественной самодеятельности в селах Сиреники и Чаплино.

Сохранению эскимосского языка способствует преподавание его в подготовительных — начальных классах школ. Оно ведется эскимосами, получившими педагогическое образование в Анадырском педагогическом училище, в Магаданском и Ленинградском педагогических институтах.

На эскимосском языке изданы букварь, учебники и учебная литература (авторы их — эскимосы В. А. Анальквасак, Л. И. Айнана и др.) а также произведения местных литераторов — Ю. Анко, Т. Гухувье З. Нелюмкиной и др. Время от времени печатаются литературные материалы на страницах окружной газеты «Советская Чукотка», выходящей на чукотском языке. На эскимосском языке ведутся радиопередачи.

Рядом особенностей отличается современная жизнь языков крайне малочисленных народностей Севера, издавна двуязычных или многоязычных, таких как юкагиры, ительмены, алеуты и др. Некоторые из них еще

²³ Численность и состав населения СССР..., с. 72.

²⁴ Прокофьева Е. М. Издание учебной литературы для школы, с. 72; Никольская Г. Н. Повысить качество обучения родным языкам, с. 27—33.

²⁵ Крупник И. И., Членов М. Н. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. — 1970 гг.). — Сов. этнография, 1972, № 2.

в начале нашего века в значительной степени перешли на русский или язык своих ближайших соседей. Ительмены, чуванцы и алеуты настолько сблизились с окружающим старожильческим русским населением, что уже к началу XX в. русский язык стал для них родным. Наблюдения этнографов показывают, что лишь отдельные семьи ительменов используют свой язык в домашней обстановке. И тем не менее в настоящее время разработана письменность на ительменском языке. В пос. Кавран, где живет относительно крупная группа ительменов, в старших классах школы факультативно изучается ительменский язык. Как предмет ительменский язык преподается в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена.

За последние годы подготовлены также алфавиты для удэгейского, нганасанского, селькупского и юкагирского языков²⁸, а в школах налажено факультативное преподавание этих языков. Однако в целом сфера использования языков народностей Севера, насчитывающих в своем составе от нескольких сот до полутора тысяч человек, крайне ограничена.

Таким образом, в зависимости от численности народностей, диалектальных различий, языковой ситуации наблюдаются значительные особенности в функционировании северных языков. Это обстоятельство учитывается органами народного образования и издательствами. В зоне Севера ведется большая разносторонняя работа по развитию родных языков и их преподаванию. При этом созданы все условия и для изучения русского языка.

В настоящее время в 268 национальных школах Севера преподаются 15 языков (в том числе и отдельных диалектов) коренных народностей. Родные языки изучают в семи педагогических училищах Севера, в ряде педагогических институтов. Только за период с 1976 по 1980 г. ленинградским отделением издательства «Просвещение» для школ Севера издано 35 наименований учебной литературы на родном языке.

В текущем пятилетии расширяется издание книг для школ народностей Севера. Запланировано выпустить новые учебники.

В Институте языкознания АН СССР ведется углубленное исследование северных языков. Систематически публикуются труды, посвященные грамматике, лексике и фонетике.

Языки народностей тайги и тундры, несмотря на малочисленность их носителей, продолжают играть важную роль в общественной жизни Севера. При широком распространении русского языка как языка межнационального общения, служащего «окном в мир», родные языки народностей Севера оказывают большое влияние на этническую идентификацию их носителей, способствуют сохранению и развитию многих как традиционных, так и новых элементов национальной культуры северян.

Приобретение языками народностей Севера и Дальнего Востока новых, хотя и ограниченных социальных функций в области просвещения, книгоиздательства, периодической печати сказалось на происходящих у них этнических процессах. Укрепилось национальное самосознание, ускорило преодоление былой культурной замкнутости этнических, диалектных и территориальных групп в составе отдельных народностей и в связи с этим упрочилось их этническое единство. Свободное развитие северных языков и широкое распространение русского языка способствуют активному восприятию народностями Севера многих интернациональных элементов материальной и духовной культуры. Вместе с тем культурные достижения жителей Севера получают нередко всесоюзную известность. Так, яркие младописьменные северные литературы стали заметным явлением в содружестве советских литератур. Все это сближает народности Севера с окружающим, преимущественно русским населением.

Тесное взаимодействие родных языков народностей Севера и русского — характерная черта языковой ситуации в зоне Севера.

²⁸ Скорик П. Я., Инэнликей П. И. Роль родного языка в культурном развитии коренного населения Чукотки. — В кн.: Опыт некапиталистического пути развития малых народов Дальнего Востока СССР. Владивосток: Наука, 1981, с. 77.

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ М. М. ГРОМЫКО «МЕСТО СЕЛЬСКОЙ (ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ, СОСЕДСКОЙ) ОБЩИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ, ХРАНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИЙ» *

Т. А. Бернштам

Вопрос о механизме сохранения, воспроизводства, передачи традиций по сути давно не только находится в поле зрения научной общественности, но и активно разрабатывается специалистами. Другое дело, что слово «механизм» не стало научным понятием, т. е. не определены его границы, содержание и методические приемы исследования как в отдельных науках, так и на их стыке.

В археологии, этнографии, языкознании, семиотике, фольклористике, этномузыковедении достигнуты большие успехи в деле изучения «механизма»: причины перерыва и появления, сохранности и изменчивости археологических «культур», соотношение традиций этнических массивов региональных, локальных и этнически изолированных групп населения, межэтнические взаимовлияния, семантическая устойчивость и подвижность, стабильность и варьирование традиций и т. д. Знаменателен поиск в науке нашего времени новых методических путей исследования народной культуры, от ее отдельных элементов до феномена в целом, особенно в так называемых традиционных науках — археологии, этнографии, фольклористике. Этот поиск вызвал тенденцию к источниковедческой и методической комплексности — объединенным усилиям ряда смежных дисциплин, избираемых в комбинациях соответственно близости научных интересов, предмета и задач исследования, степени овладения соседними науками и их методиками. В таком комплексном подходе, как известно, заложены большие возможности, реализуемые с тем большим успехом, чем правильнее очерчены задачи и корректнее использованы методические приемы разных наук. По всей видимости, настало время не только обобщения результатов исследования проблемы «механизма» в пределах одной или нескольких дисциплин, но и определение самого понятия во всей его многозначности, многоуровневом и многоаспектном содержании.

Статью М. М. Громыко я и рассматриваю как предложение начать разговор об осмыслении данной проблемы на историко-этнографическом уровне, с учетом возможностей и средств, которыми располагает современная социология. Такое предложение можно только приветствовать: оно знаменует еще один «виток» науки и позволяет подвести некоторые итоги общих и индивидуальных изысканий. Любое начинание вызывает, как правило, критическую атаку, которую справедливее было бы считать и самокритикой, поскольку в ней присутствуют и элемент пересмотра собственных позиций, и не всегда верное понимание хода рассуждений автора-новатора, и неизбежность своих ошибок в возражениях. Изложенное ниже следует рассматривать как диалог с автором статьи, стремление найти более четкие параметры сложнейшей пространственно-временной проблемы «механизма».

* Статья М. М. Громыко обсуждалась в четырех номерах журнала (№ 5 и 6 за 1984 г. и № 1 и 2 за 1985 г.); все ссылки на материалы дискуссии даются в тексте с указанием года, номера и страниц соответствующего выступления.

Начнем с названия статьи. Само по себе оно бы не вызвало сомнений, если бы в содержании мы нашли ответы на заложенные в заглавии вопросы. «Место общины» — какое же оно, в чем его отличие от «мест» других перечисляемых автором общностей («малых групп»)? Почему в заглавии названы «формирование, хранение и изменение традиций», а в тексте неоднократно говорится также об аккумуляции и воспроизводстве? Следует ли рассматривать сочетание «социальный механизм» как ограничение задач данной статьи лишь социальным аспектом?

Заметим, что в статье содержится возможность более четкой формулировки задач: сельская община как цельный социально-экономический организм с определенной исторической стадией действительно занимает исключительное по емкости *социальное место* в любой крупной общности. Тем же обусловлена ее важная роль в социальной жизни, традиции которой образуют систему «включения человека в непосредственно окружающую его социальную среду»; развитие и функции общины в России в пореформенный период (о котором в основном идет речь) действительно способствовали формированию ряда новых социальных традиций (например, общественного протеста, мнения) и усилили социализацию «старых». Однако поздними социальными формами и нормами нельзя объяснить механизм воспроизводства многих архаичных традиций в народной жизни и культуре, приведенных автором в одном ряду с социально-экономическими. Об этом мы будем говорить ниже.

Заявление М. М. Громыко, что положения статьи основываются прежде всего «на материалах истории сельской общины восточных славян периодов феодализма и капитализма (и могут быть отнесены к более широкому кругу этносов)», видимо, подразумевает желание автора в дальнейшем держаться в этих пределах, так как данная работа ограничивается материалом сибирской и севернорусской общин, в основном с пореформенного периода. Выход в современность, намеченный в конце работы, является скорее всего «данью» социологии, но задачами и содержанием статьи не обоснован.

На наш взгляд, статью М. М. Громыко можно было бы разделить на две части: общеметодическую — постановка проблемы в рамках комплексного историко-этнографически-социологического изучения — и конкретно-содержательную — социально-экономические функции (земельно-хозяйственная, окладная, фискальная, охранная) поздней русской общины (в ее локальных вариантах), влиявшие на формирование новых традиций и общую социализацию ее традиционной системы. Нам представляется, что именно такое содержание (и задачи) подспудно осознавались автором, в чьих работах уже частично ставились и исследовались вопросы общей проблемы «механизма» на сибирском материале.

В своих дальнейших рассуждениях мы основываемся на материале поздней русской общины в комплексе данных истории, этнографии, языкознания, фольклора, исходя также из личного и совместного опыта исследования и результатов методических приемов ряда наук (в том числе этномусиковедения и семиотики), чрезвычайно важных при реконструкции многих мировоззренческих основ в механизме функционирования традиций.

Будучи этносоциальной единицей этнической, этнографической и других крупных общностей, община сама, как справедливо замечает М. М. Громыко, является структурно-составной общностью, включающей на поздней стадии развития различные коллективы — семейные, родственные, соседские, иноэтничные, конфессиональные, производственные, полковозрастные и т. д. Очевидно, что община не может находиться с этими коллективами (по М. М. Громыко, «малыми группами») в одном ряду. Но эти составные части общины заведомо предполагают некую множественность традиционных механизмов, выявление и соотнесение (наложение) которых может дать наиболее достоверную картину, свидетельствующую о механизме традиционной системы в объеме общины. Любая из перечисленных внутриобщинных групп никогда не являлась (а тем более на изучаемой стадии развития) носителем каких-то «чи-

стих», только ей присущих традиций — это ясно, но они обладали специфичными групповыми традициями — важными и необходимыми «винтиками» в общем механизме. А разностадийность этих групп позволяла изучать традиционный «механизм» в пространственно-временных параметрах.

Среди внутриобщинных групп в ряду первичных (в стадийном отношении) предстают *половозрастные*, сохраняющие, как показывали многочисленные исследования, наиболее архаичные слои группового опыта. Воспроизводство населения было одной из главных функций человеческого коллектива (наряду с воспроизводством средств к жизни), и нарушение половозрастной структуры общества приводило к деформации или уничтожению его социокультурных признаков. Поэтому задачей любого коллектива было создание системы ценностей (путем опыта, самозапоминания), призванной поддерживать стабильность соотношения природно-космических и социальных ритмов, обеспечивать продолжение человеческого рода. Половозрастная структура, при всех историко-социальных изменениях, еще в начале нашего века обладала большой устойчивостью в русской общине и в значительной мере определяла *стабильность* ее культурно-бытового уклада и трудо-обрядового поведения членов общины, т. е. в конечном счете *воспроизводство традиционной системы*. Эта важнейшая стабилизирующая роль была менее заметна, чем активная «изменяющая» роль постоянно эволюционировавших иных социальных групп общины.

Однако понятие «стабилизирующая», равно как и «изменяющая» роль, относительно, т. е. имеет свою иерархическую шкалу. В половозрастных категориях имелись две динамичные группы: *мужчины* (особенно молодые) и *молодежь*, составлявшие реформаторскую силу в общинном коллективе и осуществлявшие межобщинные и межэтнические контакты. Принимая же общину как этническую единицу, можно сказать, что именно от этих групп зависело основное *направление* этнокультурных и этносоциальных изменений любой сколь угодно крупной общности. На этом фоне самой консервативной частью общинного коллектива, в большой степени обеспечивавшей устойчивость архаичных основ, предстают *женские группы* и *старики*. Кстати сказать, эта их роль исследователями известна и прослежена на многих уровнях — культурно-бытовом, семейном, религиозно-этническом, фольклорном и т. д. Без осознания воспроизводящей (стабилизирующей) и изменяющей (подвижной) роли половозрастной структуры в достаточно замкнутом традиционном механизме общины невозможно исследовать такие вопросы, как язычески-христианский синкретизм, соотношение индивидуума и общества, мастера и традиции, профессионализма (эпического певца, музыканта, «жреца», специалиста-ремесленника и т. п.).

Среди множества вопросов, которые встают по мере углубления в сложнейшую проблему механизма функционирования и эволюции традиционной системы, хотелось бы в этой краткой заметке остановиться еще на двух, связанных со статьей М. М. Громыко. Историко-этнографическое изучение общины восточных славян началось, как известно, с интереса к северорусской общине, но «повезло» более всего сибирской общине, которой в течение последних десятилетий занимались видные историки и этнографы страны, включая и М. М. Громыко. Северорусская община после работ А. Я. Ефименко не получила пока достойного освещения. Понятия же «средне-южнорусская», «белорусская» или «украинская» община являются в большой степени абстракцией. Изучение нами традиционной обрядовой системы (в половозрастном аспекте) в рамках северорусской общины, с привлечением материала по русской и восточнославянской общине, показало, что значительный пласт архаичных традиций, оформленных культами, ритуалами, праздниками, очерчивает иные, нежели социально-экономические, границы «общины»; варьировал семантический статус ее ядра — от «конца» деревни до общины другой волости или прихода (например, в зависимости от того, было ли это «ядро» центром праздника или на его периферии). В связи с этим не-

обходим поиск того «центра», который содержал (выражал) глубинную суть общинного коллектива, его *коммунитас* (В. Тэрнер), что, по нашим представлениям, весьма поможет при исследовании проблемы «механизма».

Думается также, что в целях более точного методически-научного определения понятия «механизм» необходимо искать (и использовать) народную терминологию, эквивалентную научным терминам, например слову «традиция». Известно, что наиболее близкими к нему можно считать слова *обычай/обык* и *порядок/обряд* (с вариантами), употреблявшиеся в народной среде, как и нами «традиция», в узком и широком значениях и по отношению к различным формам группового опыта. Уверена, что пристальное изучение бытования даже этих распространенных терминов выявит оттенки пространственно-временного значения и их возможные смысловые синонимы. А это в свою очередь приведет к выявлению понятий, которыми народ обозначал смысл и границы того, что мы называем «механизмом» в традиционной системе.

А. М. Решетов

Статья М. М. Громыко акцентирует внимание на очень существенной проблеме — выяснении системы средств, при помощи которой реализуются формирование и передача традиций. Автор подчеркивает важность изучения в этом плане малой социальной группы, т. е. как она говорит, такой социальной общности, «члены которой имеют постоянные непосредственные контакты»: семья, локальные общины, построенные на принципах территориальной или конфессиональной общности, внутриобщинные, родственные, соседские и половозрастные группы и пр. (1984, № 5, с. 70). Постановка этой проблемы весьма своевременна и исключительно важна для этнографической науки.

Уже название статьи как бы предупреждает, что речь пойдет о месте именно сельской общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. Нам хотелось бы подчеркнуть необходимость изучения специфики аналогичного процесса в предшествующих сельской общине типах общин или в последующих формах социальной организации. Можно предполагать, что в родовой и сельской общинах, например, уже существовали различия в социальном механизме формирования и передачи традиций. Ведь в первых не выделялись неродственные группы по соседскому принципу, отсутствовало влияние конфессиональных различий, большую роль играл механизм трансмиссии, основанный на родственных связях, и т. д.

Сельская (территориальная, соседская) община — форма социальной организации, существовавшая на протяжении длительного исторического периода, охватывавшего по крайней мере время от разрушения первобытно-общинной формации до развитого капиталистического общества. Естественно, соотношение факторов в социальном механизме формирования и передачи традиций на разных этапах многовекового развития сельской общины не было одинаковым. Известно, что некоторые старые институты и формы внутриобщинных связей могли ослабляться и даже ликвидироваться, другие, ранее отсутствовавшие, — проявляться и укрепляться.

При изучении поставленной проблемы, очевидно, важно также пытаться определить роль тех или иных малых социальных групп в этом процессе, а она может быть различной. Одно дело, когда сельская община близка к моногенной по составу, другое — когда ее гетерогенность велика, например она состоит из нескольких неродственных групп. Если сельская община моноэтнична по составу, то в ней действует один механизм хранения и передачи традиций; совсем другая ситуация в полиэтнической общине. То же можно сказать и о конфессионально неоднородной общине.

Интересен также вопрос о формах взаимопомощи в сельской общине. Некоторые этнографы считают, что они сложились еще в родовом обществе, и предполагают следующую схему их развития: сначала действовала обязанность помогать членам своего рода, со временем трансформировавшаяся в добровольное участие в союзах взаимопомощи соседствующих семей. Такая добровольность, как полагают некоторые ученые, была освящена обычаем, а потому члены общины воспринимали взаимопомощь как необходимость. Общинное землевладение почти всегда считалось древним социальным институтом, восходящим к эпохе родового строя. Такое представление кажется довольно упрощенным. Действительно, в совместном хозяйствовании складывается теснейшее сочетание, переплетение прав, обязанностей, добровольности, ответственности, т. е. в конечном итоге совпадение интересов отдельных семей. Это единство интересов зиждется на необходимости вести коллективное хозяйство наиболее рациональным способом, причем такое коллективное хозяйство развивается в конкретных социально-экономических условиях. Так, в XVIII—XIX вв. из самых разнородных компонентов сложилась система коллективных хозяйств в Сибири, получивших название русской сибирской общины. Такой тип общины отнюдь не уходит своими корнями в далекое историческое прошлое. Благодаря исследованиям советских ученых мы хорошо знаем историю формирования общины у русского населения Сибири. Но ведь это не единственный случай в истории воссоздания общинной организации в вынужденных условиях. Достаточно вспомнить освоение ханьцами территории к югу от р. Янцзы в последние века до н. э. и в первом тысячелетии н. э. За этот период они ассимилировали расселенные в разных районах группы малае-полинезийского или тайского аборигенного населения, что привело в конечном итоге к формированию этнорегиональных групп, существенно различающихся между собой прежде всего по языку, а также некоторым особенностям культуры. Вплоть до середины XX в. у южных групп ханьского населения сохранялась сельская община (имелись определенные участки общинной земли, действовали традиции взаимопомощи и т. д.). На территорию современной Синьцзяна пришли в конце I тысячелетия уйгуры, смешавшиеся с жившим здесь ранее ирано- и тюркоязычным населением. У уйгуров в первой половине XX в. зафиксированы четко выраженные традиции сельской общины. Этнографической науке известны и случаи, когда народы, стоявшие на более высокой ступени хозяйственно-экономического и социального развития, двигались в своем развитии как бы вспять, т. е. возвращались к уже пройденным этапам. Но и в этом случае возрождался соответствующий новой ситуации уровень социальной организации. Восстанавливались такие малые социальные группы, которые по форме были аналогичны древним, но в них уже сочетались, переплетались, а потом и переплавлялись в нечто единое различные традиции, создавая новую традицию.

Конечно, упомянутые выше сельские общины формировались как бы заново: какие бы факторы ни действовали (переселения, войны, эпидемии и т. д.), они вновь регенерировались как социальный институт, отвечающий соответствующему уровню развития производительных сил. При этом в каждом случае действовал тот же самый социальный механизм сначала формирования, а затем хранения и передачи традиций, оптимально обеспечивающий рациональную систему организации труда, жизни коллектива.

Бывали случаи, когда общины создавались за счет покупки общественной земли. В ряде случаев такую землю даже сдавали в аренду отдельным семьям этой или иной общины, а доходы от аренды шли по решению схода на покрытие расходов на общие нужды. Иногда, а в период разложения сельских общин — нередко, уже не существовало коллективной собственности на землю. У общинников были только общие обязанности: поддержание в порядке ирригационных сооружений, дорог, общинных храмов, охрана общественного порядка, несение внутренней караульной службы в деревне, а также в полях, лесных угодьях, на паст-

бишах и т. д. Вместе с тем по традиции основные виды сельскохозяйственных работ начинались с какого-то общего, пусть символического действия, например проведения первой борозды. При отсутствии общинной коллективной собственности едва ли общине необходима была функция контроля за соблюдением производственных сроков и норм, передачей их следующему поколению. Если и можно говорить в данном случае о контроле, то только через общественное мнение: о нерадивых хозяевах отзывались неуважительно. Но община сохраняла контроль за продажей земель, расположенных на ее территории.

Общественное мнение поддерживает освященный традицией порядок во всех сферах жизнедеятельности человека, от самых интимных сторон ее до общественно значимых и открытых. В каждом обществе на основе живых этнических традиций вырабатывалась идеальная модель поведения человека, и всякое отклонение от нее порицалось.

Многие стороны деятельности общины определялись прежде всего рациональностью. Показателен в этом отношении такой пример. Во время Великой Отечественной войны, когда мужчины ушли на фронт, на селе остались лишь женщины и дети. Чтобы они могли сами обеспечить себя продовольствием, им выделялись участки под огороды. Обработка земли, посадка и уборка сельскохозяйственных культур производились исключительно вручную, что потребовало кооперации усилий отдельных семей. В этой ситуации добровольно создавались группы взаимопомощи, состоявшие преимущественно из неродственных семей. Они поочередно производили сезонные работы на огородах. Семья, на огороде которой работала группа, обеспечивала работников питанием. Другой оплаты или доплаты за труд не существовало. Сообща содержали пастуха, совместно рылись колодцы, пруды для водопоя скота или содержания птицы и т. д. Конечно, нельзя в данном случае говорить о возрождении общины, но, несомненно, специфика времени требовала внедрения особых способов группового ведения хозяйства, при которых исключительно велика была роль взаимопомощи, общественного мнения.

Очевидно, общественное мнение в разные периоды существования общины также играло неодинаковую роль. Например, в ранние периоды существования сельской общины роль схода, мира, общественного мнения была исключительно велика (издавна бытует поговорка: «мир — всему голова») и уменьшалась по мере разложения общины. Общественное мнение формировалось открыто, гласно, путем сопоставления разных точек зрения. Для семьи и ее членов общественное мнение мира значило весьма много. Если какой-то член семьи отступал от общепринятых норм поведения, ему грозила участь быть ославленным и в общине, и в семье.

Важен также анализ соотношения различных групп, например семьи и общины, в процессе передачи и хранения традиций. Хотя такое событие, как свадьба, кажется делом внутрисемейным, в действительности это праздник общинный. Как известно, во время свадьбы широко практикуется обычай дарения подарков и получения отдарков. Через эту систему обмена (подарок — отдарок) у молодой семьи уже на свадьбе, т. е. еще только на стадии формирования семьи, устанавливались связи с общиной в целом и ее отдельными членами: теперь новая семья должна была включиться в обмен подарками, знаменующий одно из проявлений общности, единства коллектива общины.

Ученые обращали внимание на традицию, согласно которой больше подарков получает семья невесты, происходящей из другой деревни (общины), и соответственно меньше подарков семья невесты, если невеста родом из той же общины. Некоторые считают, что большее количество подарков — это своеобразный выкуп невесты, как бы плата за ее потерю общиной. Но, как представляется, указанный обычай связан с тем, что в случае межобщинного брака обмен подарками между двумя общинами носил только разовый характер, тогда как при внутриобщинном браке обмен подарками и соответственно отдарками между всеми семьями общины производился постоянно. При соблюдении брачных

экзогамных норм просто происходил обмен самими невестами и соответственно большего выкупа за невесту не нужно было.

Таким образом, община — это коллектив, регулировавший брачные связи, поддерживавший определенные нормы социализации детей, отношения к старикам и т. д. Порой община представляла собой коллектив объединенный вокруг одного алтаря духа земли наличием общинного дома и т. д. Контроль за соблюдением одинаковых норм отношения духам, сохранение непрерывности этой традиции были актуальнейшими функциями общины в целом и каждого общинника в отдельности. И в этом смысле община — коллектив, сплоченный единством культовой практики. В общинной жизни ритуал также выступает как один из самых действенных способов социокультурного регулирования поведения человека века.

Особо следует сказать о социальной мобильности, общественной активности коллектива и каждого общинника в отдельности. Они были настолько высоки, насколько это диктовалось потребностями, а потому в разных случаях и на разных этапах были различными. Каждый член малой социальной группы осознавал свою обязанность принимать без дополнительных принудительных мер участие в жизни коллектива: будь то свадьба или похороны, совместный труд или общинное жертвоприношение, расследование по поводу неблагоприятного поступка или участие в обряде наречения имени новорожденного младенца.

Община пыталась наиболее полно использовать имеющийся в ее распоряжении арсенал средств для обеспечения своего существования, и совершенно права М. М. Громыко, когда пишет, что община при обсуждении и принятии общего решения являлась «относительно гибким механизмом» (1984, № 5, с. 74). Ее усилия были в конечном итоге направлены на обеспечение прочности социальных связей, рациональное использование рабочей силы в зависимости от особенностей половозрастной структуры, обеспечение передачи хозяйственного и ритуального опыта от старшего поколения младшему. Хотя обучение молодежи шло преимущественно в семье, община также участвовала в воспитании детей начиная с раннего возраста. С детства ребенок уже четко осознавал свое место в обществе и в дальнейшем на каждом этапе своей жизни, в соответствии с возрастом и полом, выполнял определенные обязанности, детерминированные коллективом.

Важная роль принадлежит общине в организации коллективных игр и состязаний, различных по своему значению. Их устраивали и для развлечения, чтобы в определенной степени снять психические нагрузки, и для выработки и тренировки важных производственных навыков, будь то скачки на лошадях или стрельба из лука, борьба или перетягивание каната. Показательно, что массовые игры и состязания продолжались по несколько дней и сопровождалась коллективными трапезами. Складывается впечатление, что все способы формирования, хранения и передачи традиций в сельской общине полифункциональны: воспроизводство самых различных традиций во всех сферах жизнедеятельности общины диктуется прежде всего стремлением добиться четкого ритма жизни коллектива и оптимального обеспечения жизнедеятельности всех членов общины.

Общественное мнение, будучи неформальным средством контроля за поведением индивидов, служило в любой малой социальной группе средством сохранения и передачи традиций. Соотношение общественного мнения и традиций бывает различным: в одном случае изменение общественного мнения может привести к изменению традиции, в другом происходит обратный процесс. В то же время названные выше общественные феномены развиваются в зависимости от различных факторов — объективных и субъективных.

Наряду с наиболее прочными и распространенными родственными связями, немалую роль играют и связи иного порядка, также приводящие к образованию объединений, где действуют определенные традиции и общественное мнение. Так, у грузин существовали *мегабари* — «товари-

чества по пище» (тарелке). Следует вспомнить и о группах сверстников, которые оформляются уже в период детства. Дети воспитываются не только в семьях, но и в данной общине, приобщаясь к ее экономической и ритуальной жизни.

Музыкально-танцевальная традиционная народная культура неразрывно связана с социальной жизнью крестьянского коллектива. К сожалению, в этнографических работах трудно найти конкретные характеристики этих связей. Чаще всего рассматриваются жанры песенного или танцевального фольклора либо состав музыкальных инструментов. Нелзя не отметить, что этномузыкология, как и этнохореография, в нашей науке делает пока еще лишь первые шаги. Правда, еще в конце прошлого века исследователи обращали внимание на связь народной музыки и танца с социальной жизнью общины. Выдающийся советский композитор и музыковед Б. В. Асафьев специально изучал искусство русских крестьянских хоров с их многоголосием, писал о них как о своего рода песенной общине¹. По своему характеру многие народные песни, особенно связанные с коллективной трудовой деятельностью, являются массовыми, т. е. предназначены для коллективного исполнения.

Обрядовые и игровые танцы носили преимущественно массовый, групповой характер, они могли быть по составу исполнителей женскими, мужскими или смешанными². У известного сибиревода проф. В. Г. Богораза есть, например, описание праздника, устраивавшегося коряками по случаю окончания промыслового сезона и посвящавшегося духам убитых морских зверей. Как отмечал исследователь, «пляшут мужчины и женщины, старики и старухи, маленькие дети»³. Здесь общинный коллектив охотников хореографическими средствами передавал или сам процесс добычи зверя, или жизнь и повадки диких животных и по существу выступал, применяя слова Б. В. Асафьева к данной ситуации, как своего рода танцевальная община. Отнюдь не случайно праздничные торжества, непременной составной частью которых были танцевальные действия, проводились в специальных общинных домах⁴. Это еще раз убедительно показывает единство жизни общины в процессе формирования, хранения и изменения традиций.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть плодотворность мысли М. М. Громыко об актуальности «изучения как исторического развития, так и современного механизма формирования общественного мнения малых социальных групп» (1984, № 5, с. 80). В этом отношении большой научный и практический интерес представило бы изучение городских жилых кварталов в Средней Азии — махалля, а также больших семей⁵. В границах своего махалля соседи хорошо знают друг друга; они часто собираются вместе, обмениваются новостями, советуются друг с другом. Здесь почитают старших, развита взаимопомощь, уважается общественное мнение и т. д.

Изучение национальных традиций в современном механизме формирования общественного мнения на уровне малых социальных групп представляется важной задачей нашей науки.

¹ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М.: Музыка, 1971, с. 218; Земцовский И. И. Академик Б. В. Асафьев как этномузыковед. — Сов. этнография, 1984, № 5, с. 92—93.

² См. об этом, например, Карабанова С. Ф. Танцы малых народов юга Дальнего Востока СССР как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1979; Жорницкая М. Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983.

³ Богораз В. Г. Игры малых народностей Севера. — Сборник МАЭ. Т. XI. М.—Л., 1949, с. 238.

⁴ См., например, Жорницкая М. Я. Указ. раб., с. 16.

⁵ Решетов А. М. Некоторые традиционные социальные институты у советских уйгуров и дунган. — В кн.: Всесоюзная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований. 1978—1979. Уфа, 1980, с. 48—50.

ИСТОРИЗМ КАК ПРИНЦИП ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРАДИЦИЙ В МАЛЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППАХ

В ходе дискуссии получила поддержку постановка задачи историко-этнографического (с применением социологических методов) исследования механизма воспроизводства традиций в малых общностях (социальных группах). В данном случае мы применяем понятие «воспроизводство», включая в него все процессы, связанные с традициями: формирование, закрепление и хранение, межпоколенную и территориальную трансляцию, развитие (изменение), исчезновение и пр. Перечень включает, разумеется, и взаимопроникающие, а также параллельно идущие во времени процессы, которые в определенных ситуациях могли совпадать. Так уже в ходе формирования какой-либо традиции решаются задачи ее сохранения и закрепления; межпоколенная и территориальная передача традиции означает одновременно сохранение и закрепление, а отчасти и изменение ее и т. п. Это разъяснение необходимо, чтобы снять недоумения, возникающие от употребления разнородных терминов (трансляция, аккумуляция и пр.) и приводящие к противопоставлению задач изучения стабильности традиций, с одной стороны, их изменчивости — с другой. Изучение традиций в любых сферах общественной жизни, на любых исторических этапах и в пределах общностей любых уровней включает, естественно, и изменение их.

В связи с этим важно подчеркнуть, что традиции при присущей им стабильности (в силу самой сути этого понятия) тем не менее всегда подвергались изменениям, что не снимает вопроса о темпах и характере этих изменений, а также разрушении традиций революционным путем. Соответственно выяснение того, как именно (какими способами) осуществляла та или иная малая общность свою функцию в отношении традиций, охватывает все перечисленные процессы.

Все участники обсуждения считают целесообразным обращение к внутренней жизни территориальной общины как одной из малых социальных групп для выявления действия в ней механизма воспроизводства традиций. Наиболее развернуто это раскрыто в выступлениях В. А. Александрова, Л. В. Марковой, С. А. Маретиной, А. М. Решетова, М. Н. Шмелевой. Но нельзя согласиться с формулировкой С. А. Маретиной, выдвигающей общину в качестве «основного носителя традиций», так же как и с тенденцией этого автора «поднять значение функции воспроизводства традиций» над другими функциями общины (1985, № 1, с. 71). В обсуждаемой статье подчеркивалось, что обращение к малым социальным группам не означает противопоставления их крупным общностям «и не превосходит ответа на вопрос, какого уровня общности играют определяющую роль» в аккумуляции и трансляции традиций (1984, № 5, с. 70). Территориальная община в этом отношении может быть поставлена в один ряд с такими малыми группами, как семья или конфессиональные общины, так как, на наш взгляд, состояние исследований не позволяет еще говорить здесь о какой-либо иерархии. Преувеличение же роли функции воспроизводства традиций в жизни общины чревато созданием того «замкнутого круга», против которого предостерегает Ю. И. Семенов (1985, № 1, с. 74).

Очень существенно, на наш взгляд, при обсуждении данного круга проблем четко представлять, о какой именно общине (в стадийном аспекте) идет речь. Мы говорили о территориальной общине (к этому же типу общины в философской и исторической литературе применяются названия «соседская» и «сельская») периода феодализма и капитализма. Значительная часть выступлений имеет в виду именно эту общину. Более ранние стадийные формы общины требуют особого рассмотрения. Разумеется, возможно и сопоставление, но вряд ли правомерно опровергать

или подтверждать что-либо из положений, касающихся рассматриваемого типа общины, материалом древних мифов гималайских народов или деятельностью института, распространенного «на этапе доклассовой общинно-родовой демократии».

Принцип историзма — важнейшая предпосылка объективного анализа системы средств, при помощи которой та или иная малая социальная группа осуществляла хранение и передачу традиций. Обращение к микрообщностям предполагает такое же строгое использование исторически определенного материала, как и анализ на макроуровне. Лишь основываясь на источниках, имеющих достаточно определенный хронологический и этнический адрес, можно избежать в изучении территориальной общины как преувеличения степени ее социально-культурного развития, так и архаизации, проистекающей из априорного навязывания ей свойств нных общностей.

Мы не можем согласиться с отнесением положений, изложенных в обсуждаемой статье, лишь к пореформенной и только северно-русской и сибирской общине (1985, № 2, с. 65). Т. А. Бернштам полагает, что «средне-южнорусская», а также белорусская и украинская общины «являются в большой степени абстракцией» (1985, № 2, с. 66). Между тем существует обширный материал массовых опубликованных источников (мы оставляем сейчас в стороне потенциальные возможности вполне определенных архивных фондов), которые характеризуют разные стороны соседской общины на Украине, в Белоруссии, в Центральной и Южно-Русской этнографических областях. Не имея возможности охарактеризовать здесь эти материалы, отошлем читателей к первым четырем томам библиографии Е. И. Якушкина, посвященной обычному праву¹. Заметим также, что отмеченная Т. А. Бернштам новейшая литература по сибирской общине и исследованию В. А. Александрова, посвященные сельской общине *помещичьих крестьян центрально-европейской полосы России*², охватывают XVII — первую половину XIX в., т. е. отнюдь не пореформенный период.

Автор отклика относит общественный протест и мнение к «новым социальным традициям», сформировавшимся лишь в пореформенной общине России (1985, № 2, с. 65). Можно выразить только огорчение по поводу «межведомственных перегородок», которые вырастают иногда между этнографическими и историческими исследованиями. В советской историографии обстоятельно исследованы на базе разнотипных источников многообразные формы протеста крестьянства феодального периода, в том числе и непосредственно связанные с территориальной общиной, — от бесчисленных мирских челобитных до использования сельской общины в качестве формы самоуправления при открытых выступлениях³. Разумеется, без общественного мнения не могли обойтись ни одна мирская челобитная и ни одна сельская сходка, не говоря об иных сторонах жизни общины. В других выступлениях (С. А. Маретина, А. М. Решетов,

¹ Якушкин Е. И. Обычное право. Материалы для библиографии. Ярославль, 1876; вып. 2. Ярославль, 1896; вып. 3—4. М., 1908, 1909. В библиографию включены публикации, касающиеся разных сторон общественного быта (автор очень широко трактует понятие обычного права); подавляющая часть изданий относится к общине названных регионов. См. также: Инкин В. Ф. Крестьянский общинный строй в Галицком Прикарпатье: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Львов, 1978; Громыко М. М. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.). — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М.: Наука, 1983, с. 108—123.

² Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М.: Наука, 1976; *его же*. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М.: Наука, 1984.

³ См., например: Сахаров А. Н. Формы классовой борьбы крестьянства крупной феодальной вотчины. — В кн.: Русская деревня XVII в. М.: Наука, 1966; Раскин Д. И. Мирские челобитные монастырских крестьян первой пол. XVIII в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л.: Наука, 1974; Пушкаренко А. А. Крестьянские челобитные как источник для изучения классовой борьбы российского крестьянства в феодальную эпоху. — В кн.: Советская историография аграрной истории СССР. Кишинев, 1978; и др.

Ю. И. Семенов) подчеркнута важнейшая роль общественного мнения соседской общины в сохранении, передаче и изменении традиций.

При рассмотрении вопроса о способах передачи традиций в территориальной общине в ходе дискуссии был отмечен аудиовизуальный характер трансмиссии культурного опыта (Л. В. Маркова, Я. В. Чеснов). Возникает необходимость, на наш взгляд, предостеречь против несколько одностороннего подхода к этому вопросу — рассмотрения лишь контактных форм передачи традиций. Следует вспомнить о трансляционной функции предметов многообразной материальной культуры, бережном отношении к святыням и их значениях в передаче духовных традиций не только в памяти, но и в предметах быта и предметах-символах (1984, № 6), повсеместном распространении прикладного искусства, бытовании резных и шитых календарей и т. п. Современные исследования существенно расширили наши представления о грамотности крестьян XVII—XIX вв.: больше учитывается частное обучение в деревнях грамоте — от писарей, грамотных крестьян, бродячих недоучек из семинарий и др.; вовлечены в научный оборот новые источники — написанные самими крестьянами челобитные, крестьянские частные письма, надписи на книгах, подписи в деловых документах, тетрадки наговоров и др. Особенно существенные результаты по этому вопросу дали археографические сборы. Методика формирования собраний по территориальному принципу (по месту сбора) позволила представить крестьянскую (преимущественно старообрядческую) рукописно-книжную традицию определенных районов. Крестьянские *общинные* и личные библиотеки, начало которым нередко было положено в XVII—XVIII вв., выявлены в ряде районов Поморья, Прикамья, Поволжья, Белоруссии, Украины, Урала, Сибири. Обращает на себя внимание значительный удельный вес «Азбук», «Псалтырей», «Часовников», предназначенных для домашнего обучения, в составе книжных собраний конфессиональных крестьянских общин⁴. Речь идет не только о хранении и перепишке книг, авторитете печатного и письменного слова (в частности, употреблении книжных ссылок при решении морально-этических вопросов), но и о создании местной крестьянской литературы, бытовавшей в сельских общинах, писавшейся в традициях древнерусской литературы, но отражавшей факты духовной культуры крестьянства края XVIII—XIX вв.⁵

Соседская община, несомненно, «среда контактного способа обмена информацией», «сфера непосредственного включения индивида в общество», где «механизм трансмиссии культуры наиболее обнажен» (Л. В. Маркова — 1984, № 6, с. 53). Но это не означает, что в рамках общины традиция транслируется только через непосредственный контакт. Вызывает возражения утверждение Я. В. Чеснова о том, что опыт передавался в общине персонально, от личности к личности, преимущественно визуальным путем — показом по типу «делай, как я» (1984, № 6 с. 62). Выше мы назвали многообразные средства неустной трансмиссии традиций, бытовавшие в территориальной общине. Но когда передача была только устной, то в самой информации все равно жил спрессованный опыт многих (мы имеем в виду как преемственность поколений, так и учет синхронной практики целых общностей). Пословицы, афористические и вольноизлагаемые приметы, фольклор семейных и календарных праздников, духовные стихи, исторические песни, предания, легенды «приговоры» общинных сходов, коллективные прошения, наказания доверенным лицам и т. п. — как далеки все эти средства передачи традиций от примитивного «делай, как я» (автор отклика возвращается к нему трижды в разной связи, называя «генеральным принципом»). Даже если речь идет о простейшем случае обучения детей каким-то конкретным при-

⁴ См., например: Русские письменные и устные традиции и духовная культура (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966—1980 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1982.

⁵ Там же, с. 40—71.

⁶ Там же; Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII в. — В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. XXX. Л.: Наука, 1976, с. 165—183 и др.

шам, наряду с «делай, как я» бытуют принципы: «так делали деды и прадеды», «так делали отцы и деды», «делай, как мы», «делай, как он» и пр.

В обсуждаемой статье мы стремились показать, что опыт передавался отнюдь не только «от личности к личности»; вся община, или территориальные части ее, или отдельные внутриобщинные структурные группы — все это постоянные коллективные блюстители традиций.

Из этих групп наибольший отклик получили в ходе обсуждения половозрастные объединения. Л. А. Тульцева подчеркивает значение сообществ сверстников в процессе включения индивида в окружающую его социальную среду, в приобщении к установившимся образцам поведения (1984, № 6, с. 60—61). Она справедливо полагает, что такие объединения были лишь одним из структурных элементов общины, через которые реализовывалась функция воспроизводства традиций. В половозрастных группировках, по мнению автора выступления, «интернализировались социально значимые формы общения, которые были соотнесены со всеми другими „этапами“ общественной и производственной деятельности общины» (1984, № 6, с. 61).

Соглашаясь с этим положением, мы считаем в то же время необходимым дифференцировать два (по меньшей мере) разных диахронных уровня развития половозрастных группировок. Архаичный их уровень был тесно связан с ритуальным поведением; в XVIII—XIX вв. он проявлялся лишь в пережиточных формах — в возрастных группах колядовщиков и выюнщиков, в возрастной последовательности участия в некоторых развлечениях на масленицу и др. Наблюдение таких остаточных явлений, как и анализ соответствующей семантики в обрядовом фольклоре, представляет несомненный научный интерес для реконструкции древней обрядности и определенного этапа общественного сознания, понимания генезиса некоторых жанров народного творчества и пр.

Совершенно иной характер имели общности молодежи, среднего поколения или стариков в территориальной общине периодов позднего феодализма и капитализма. Они проявлялись в проведении досуга по возрастным интересам (посиделки и хороводы молодежи, сборища людей среднего и старшего возраста для бесед) или в деятельности формализованных социально-возрастных групп (сходка дворохозяев, суд стариков).

В связи с вопросом о сложности структуры самой общины Т. А. Бернштам говорит о «множественности традиционных механизмов, выявление и соотнесение (наложение) которых может дать наиболее достоверную картину, свидетельствующую о механизме традиционной системы в объеме общины» (1985, № 2, с. 65). Такой подход представляется нам продуктивным. Автор отклика относит половозрастные группы к числу первичных в стадильном отношении внутриобщинных объединений, сохраняющих «наиболее архаичные слои группового опыта». Значение их Т. А. Бернштам связывает с задачей воспроизводства населения как одной из главных функций человеческого коллектива. Это справедливое наблюдение. Однако прямая связь между задачей воспроизводства населения и определенными малыми группами существовала, видимо, лишь на самых ранних стадиях развития общины, в первобытном обществе. Здесь опять-таки очень важно при анализе функционирования половозрастных групп остаться на почве конкретно-исторического подхода, учитывающего не только и не столько семантику архаичных слоев фольклора, сколько реальную жизнь территориальной общины того или иного времени, отраженную в исторических и этнографических источниках разного типа.

Т. А. Бернштам связывает вопрос о внутриобщинных группах с проблемой половозрастной структуры населения. Отмечая, что в русской общине еще в начале нашего века половозрастная структура обладала большой устойчивостью, автор отклика делает затем неожиданный, на наш взгляд, логический переход от этой посылки: утверждается, что половозрастная структура распределяла стабильность культурно-бытового

уклада и трудообрядового поведения, т. е. в конечном счете воспроизводство традиционной системы (1985, № 2, с. 66). С этим утверждением мы не можем согласиться. Во-первых, в ходе изложения (может быть, из-за краткости?) произошла подмена вопроса о половозрастных структурах внутриобщинных группах совершенно иной (демографической) проблемой половозрастной структуры населения. Во-вторых, здесь преувеличена роль фактора воспроизводства населения в функционировании традиций.

Л. В. Маркова оценивает половозрастную и поколенную стратификацию как архаический слой социальной стратификации (мы относим это определение, как уже отмечалось, лишь к пережиточным явлениям — остаткам, отголоскам древних форм половозрастных групп, ибо само по себе изучение возрастных групп возможно применительно к обществу любого стадийного уровня). Она ставит вопрос о значении внутриобщинных групп, специализирующихся на разных отраслях хозяйства, в процессе передачи и хранения хозяйственно-трудовых традиций. Основываясь на конкретном историческом материале (болгарская община XIX в.), Л. В. Маркова приходит к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что в самом процессе трансмиссии традиции «в условиях имущественной и социально-профессиональной дифференциации появился момент напряженности или открытой борьбы как следствие разной оценки опыта прошлого. Тем не менее механизм действия традиций в этих условиях скорее деформировался, чем изменился кардинально... Поздний слой социальной стратификации как бы вращался в старом, авторитет богатства поддерживался авторитетом старшинства» (1984, № 6, с. 55).

Добавим к этому, что хозяйственное процветание воспринималось крестьянством в значительной мере как признак уместности, трудолюбия, сметки, т. е. качеств, заслуживающих уважения в общине. По мере развития капиталистических отношений в общине усиливались противоречия, возникавшие в результате социального расслоения. Взаимодействие этого процесса с воспроизводством традиций было сложным и зависело не только от конкретной хозяйственной и социальной ситуации, расстановки сил в той или иной общине, но и от того, о какой именно сфере традиций шла речь. Нередко именно зажиточные крестьяне становились защитниками традиционных норм поведения, а беднейшие — их разрушителями.

Проблема противоречий внутри общины затронута также Я. В. Чесновым, который напоминает о двойственности крестьянской соседской общины в социально-экономическом отношении, проявляющейся в сосуществовании частных и общественных интересов. От этого известного положения автор отклика делает переход к противоречиям в соционормативной культуре общины, утверждая, что в «синкретическом мировосприятии довлеет бинарно-классификационная логика, резко разделявшая всех на „своих“ и „чужих“. Эта логика не может не вести к постоянным колебаниям от стремления к порядку, с одной стороны, к его нарушению, бунтарству и насилию — с другой» (1984, № 6, с. 61). Возникает закономерный вопрос: о какой общине идет речь? Где, когда наблюдались явления, характеризующиеся таким образом? Какие материалы содержат информацию, приводящую к подобным заключениям? Исторические источники, отразившие общественное сознание русского крестьянства периодов позднего феодализма и капитализма, не дают никаких оснований для столь упрощенной модели мировосприятия в целом. При подобном уровне абстракции и гипотетичности модель, по-видимому, перестает быть полезной в рамках этнографических исследований. Заметим, кроме того, что понятие «синкретическое мировосприятие», нуждается в дальнейшей разработке и соответствующих разъяснениях при применении его к крестьянству. Дело в том, что нередко имело место конфессиональное противоречие внутри общины между язычеством (если оно проявлялось в определенных носителях, например колдунах) и христианством.

Вопрос о степени четкости деления на «своих» и «чужих» в крестьянском сознании должен быть рассмотрен конкретно, применительно к разным уровням общностей: от малых социальных групп до крупных — классовых, этнических, конфессиональных, государственных. В рамках

данной дискуссии проблема связи механизма трансляции традиций в общине с этническим самосознанием поставлена Л. В. Марковой, подчеркнувшей осознанное и целенаправленное усиление этнического фактора в передаче народной культуры в Болгарии в условиях османского владычества и национально-освободительной борьбы. Эта проблема заслуживает самостоятельного рассмотрения. Здесь отметим лишь, что и в иных, чем у болгар, условиях непреднамеренность передачи этнической культуры весьма относительна. По восточно-славянским материалам XVIII—XIX вв. мы видим, что этническое осмысление в воспроизводстве разного рода материальных и духовных традиций на уровне общины усиливалось в условиях инородной этнической среды. Это происходило в ходе миграций на окраины страны (например, забайкальские семейские, группы русских на Кавказе и др.).

В условиях сплошного расселения коллективное (всей общиной или ее частями) восприятие общенационального сознания и соответствующее воздействие контактной группы на личность сопровождалось определенным осмыслением внешней информации на местном материале. Отдельный человек воспринимал общенациональное отчасти через общественное мнение мира. Большой популярностью пользовались рассказы солдат (как останавливавшихся на время в селении, так и своих, вернувшихся со службы), странников-богомольцев и других пришлых людей. Исторические песни, легенды, местные предания, слухи — все это воспринимали и обсуждали коллективно, передавали отсутствовавшим жителям селения, при передаче комментировали и т. д.

Наиболее выражено национальное самосознание в рассказах о войнах, конкретных битвах, общенациональных героях, общегосударственных деятелях. Повсеместность, многообразие, количественные масштабы записей исторических песен и преданий уже сами по себе говорят о значимости исторических понятий и фактов в развитии общественного сознания крестьянства. Все основные события истории России двух веков получили в той или иной степени отражение в песнях и преданиях⁷. Близкие варианты собственно исторических песен распространялись по всей стране; их сюжеты и содержание определялись национальной историей. Предания же чаще носили локальный характер: они могли иметь в своей основе общенациональные, даже интернациональные, сюжеты и мотивы, но прикреплялись к конкретной местности и известны были в таком конкретном преломлении лишь группе селений⁸.

Широкое бытование в крестьянской среде исторических жанров фольклора отвечало разным потребностям общественного сознания: формированию национального и классового сознания, с одной стороны, и утверждению значимости своей родной местности, группы селений, деревни — с другой. Ответы на анкеты научных обществ и другие источники XVIII—XIX вв. дают возможность наблюдать механизм формирования, бытования, территориальной и поколенной трансляции этих двух жанров (как и других) в рамках общины (сведения о коллективных — однородного и смешанного половозрастного состава — прослушиваниях и обсуждениях, о взаимодействии исполнителя и слушателей и пр.).

Относительно национальных (этноса в целом) и социальных (крестьянства как класса) традиций община не является только воспринимающим звеном системы. Солдат, сознающий себя защитником национальных интересов, и мастер, ушедший в село, специализирующееся по какому-либо виду художественных промыслов, участник восстания и странник-богомольец, поверенный от общины, отстаивающий ее интересы в административном центре, и купец — выходец из крестьян, ведущий торговлю в широких масштабах, — все они (и многие другие) прошли

⁷ Соколова В. К. Русские исторические песни XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1960; *еж. же.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970; Исторические песни XVII в. М.—Л.: Наука, 1966; Исторические песни XVIII в. Л.: Наука, 1971; Исторические песни XIX в. Л.: Наука, 1973; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 1. Л.: Наука, 1977; и др.

⁸ Соколова В. К. Русские исторические предания, с. 230—231.

этап воспитания своим сельским миром и несут его конкретные особенности в макромир. Община участвует как в интегрирующих, так и в локально-дифференцирующих процессах развития традиций.

Из сказанного вытекает, что при изучении воспроизводства традиций в соседской общине исследуется не только «традиция на микроуровне», как полагает Я. В. Чеснов (1984, № 6, с. 62). Вопрос о соотношении механизма бытования традиций в сельской общине с аналогичными системами в крупных общностях связан также с проблемой внешних и внутренних импульсов развития традиций, затронутой в ряде выступлений (В. А. Александров, С. А. Маретина, Л. В. Маркова, С. Б. Рождественская, Ю. И. Семенов). Большой интерес, на наш взгляд, представляет постановка вопроса об импульсах, заключенных в некоторых внутренних свойствах народной культуры (Л. В. Маркова — 1984, № 6, с. 56). Наиболее сильным из них автор отклика считает морально-этический. Такой подход, при котором морально-этические основания отнесены к крупной общности в целом, представляется нам более обоснованным, чем выделение особой общинной морали (С. А. Маретина — 1985, № 1, с. 71).

В ходе обсуждения было подчеркнуто влияние на развитие традиций такого внешнего (по отношению и к общине, и к крестьянству в целом) фактора, как государство. С. Б. Рождественская прослеживает по разным по времени редакциям «Русской Правды» изменения соотношения норм обычного права и княжеского законодательства, относящихся к общине, показывая, как государство «корректирует» традиции народного правотворчества (1984, № 6, с. 58—59). Аналогичные процессы применительно к периоду позднего феодализма отмечены в отклике В. А. Александрова (1984, № 6, с. 52—53). Оба автора справедливо связывают задачу изучения передачи традиций в общине с исследованием функций этого института. Развитие последних зависело от общегосударственных социально-экономических и полигических процессов.

Сфера поземельных отношений и правовых норм была наиболее подвержена прямому вторжению государства во внутреннюю жизнь общины. Но несмотря на наступление правовых узаконений государства, развитие и укрепление его бюрократического аппарата и аппарата насилия, восточно-славянская деревня сохраняет обычное право и в XIX в. и осуществляет его даже в практике решения официальными низовыми инстанциями ряда вопросов. Сфера его применения постепенно сужается, нередко оно приходит в острые противоречия с официальным законодательством, испытывает влияние последнего, видоизменяется под воздействием динамики самой социальной структуры деревни. Тем не менее Комиссия о народных юридических обычаях, созданная в 1876 г. при Императорском Русском географическом обществе (РГО), констатируя наличие обширного материала, собранного в 40—60-х годах XIX в., и, создав свою программу, продолжила фиксацию обычного права на новом временном срезе⁹. В дальнейшем продолжают разработку программ и поступление записей народных юридических традиций¹⁰.

Процесс взаимодействия государственного законодательства и обычного права, одним из коллективных хранителей которого являлась община, не сводится к наступлению первого и сохранению позиций второго в ограниченных масштабах. Он осложнен их взаимопроникновением. Первые записи права раннефеодальных государств включили в себя, как известно, большой пласт обычного права. Юридическая практика общины периода позднего феодализма (семейные разделы, наследование и пр.) несет в себе много элементов государственного законодательства предшествующих периодов.

Аналогичные явления прослежены специалистами в ряде областей духовной жизни крестьянства, где шел медленный, но постоянный про-

⁹ Программа для собирания народных юридических обычаев. Спб., 1904; АГО! ф. 1, оп. 1, д. 29, лл. 1—12 об.

¹⁰ Липец Р. С. Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М.: Наука, 1968.

цесс взаимовоздействия с профессиональной культурой. Устное народное творчество не только служило источником для литературы, но и воспринимало ее сюжеты и образы, возвращая их преобразованными в литературный процесс на другом временном, а иногда и стадийном этапе. Подобное же движение прослеживается во взаимопроникновении профессионального и крестьянского прикладного искусства.

Здесь мы подходим к проблеме соотношения многообразия традиций, различий сфер их применения со спецификой способов передачи, рассматриваемой в нескольких откликах (Л. В. Маркова, С. Б. Рождественская, Ю. И. Семенов, Л. В. Чеснов). «Рассматривая механизмы действия традиции, очевидно, нельзя обойтись без изучения влияния самого объекта передачи на этот процесс», — пишет Л. В. Маркова (1984, № 6, с. 55), и с этим нельзя не согласиться. Но из этого не следует, что разные сферы приложения традиций обязательно различаются по механизму их трансляции, как считает Я. В. Чеснов (1984, № 6, с. 62). Противоположную точку зрения по этому вопросу высказал А. М. Решетов, утверждая, что все способы формирования, хранения и передачи традиций в сельской общине полифункциональны (1985, № 2, с. 67).

Общественное мнение мира и отдельных формальных и неформальных внутриобщинных групп «работало» на воспроизводство традиций во всех сферах. Направленное обучение (на нем останавливает внимание С. Б. Рождественская — 1984, № 6, с. 58) применялось в очень разнородных областях жизни. Конкретные пути формирования общественного мнения и многие способы его выражения также были одинаковы для разных сфер приложения традиций — производственных, социальных, этических, художественных и пр. Кроме того, одно и то же средство в одном и том же случае его применения могло служить одновременно трансляции традиций, относящихся к разным сферам общественной жизни. При этом оно нередко в одном или нескольких направлениях применялось осознанно, целенаправленно, в другом (или других) функционировало как средство передачи традиции лишь объективно. Например, некоторые специфические способы выражения общественного мнения по семейно-брачным, религиозно-нравственным и другим вопросам являлись в то же время и средствами воспроизводства художественных традиций фольклора. Участие детей в определенных этапах коллективных работ позволяло передать им конкретные трудовые навыки и одновременно было способом воспроизводства определенных традиций соционормативной культуры и народной педагогики. Все это делает правомерной постановку вопроса об изучении действовавшего в общине механизма формирования, хранения и изменения традиций в целом, что не исключает раздельного рассмотрения его в разных областях: земледелии, фольклоре и др.

Противопоставление в этом отношении материальной и духовной культуры (мы имеем в виду обычное в этнографической литературе употребление этих понятий, прозвучавшее и в дискуссии) представляется нам неоправданным потому, что функционирование традиций неразрывно связано с общественным сознанием; следовательно, любая традиция является неотъемлемой частью духовной жизни. Приемы земледелия, скотоводства, промыслов, изготовления орудий труда не могут быть переданы, не пройдя через сознание. Все традиционные накопленные поколениями эмпирические знания о культурных и дикорастущих растениях, животных, климате, почвах и пр. составляют существенную часть духовной культуры крестьянства; не менее органичной принадлежностью последней являются знания традиционных норм поведения и представления о социальных институтах, правовое сознание и правотворчество и др.

Принцип историзма в исследовании вопросов, связанных с воспроизводством традиций, включает задачу максимально полной, системной реконструкции сознания большой или малой общности с учетом особенностей его выражения. Одна из опасностей, подстерегающих здесь исследователя, — применение мерок современной действительности и, как след-

стве этого, упрощенное, обведенное восприятие иного образа жизни общественного сознания. Своеобразие форм духовной жизни крестьянства не должно закрывать для исследователя значимость ее содержания. В противном случае ученый сам оказывается во власти стереотипа элитарных представлений и вместо богатства народной культуры, составляющей основу, постоянный источник профессиональной культуры, видит некий аморфный, застойный слой сознания. Основанием для таких научных представлений нередко служит материал пережиточных явлений (например, тщательно собираемые этнографами и фольклористами элементы дохристианских верований, ценные для реконструкции древнего язычества, но не отражающие конфессиональную принадлежность крестьянства) при отсутствии исследования многих других сторон духовной жизни.

Особой осторожности требует в этом плане анализ вопроса о взаимодействии личностного и коллективного сознания в процессе трансляции традиций. На наш взгляд, нет оснований считать, что «член сельской общины не имел еще настоящей потребности проявлять свою индивидуальность, престижно было делать „так, как люди“» (Л. В. Маркова, 1984, № 6, с. 55). Источники показывают, что в сельской общине было немало лиц, проявлявших свою индивидуальность. В какой мере основная масса испытывала эту потребность? На этот сложный вопрос мы, по-видимому, не умеем еще ответить относительно любого общества, так как при изменении самих образцов остается стремление следовать «престижным» стереотипам. Вызывает возражения в этой связи и слишком однозначная оценка больших, чем у села, возможностей города для развития личности (М. Н. Шмелева — 1985, № 1, с. 77). Вопрос этот может решаться лишь конкретно-исторически, с учетом других факторов.

Действительно, отходники нередко приобретали более широкий кругозор в результате временного отрыва от своей деревни. Но вряд ли рабочий, вынужденный ежедневно выполнять однообразную операцию на капиталистической фабрике, обладал более богатыми возможностями формирования личности, чем крестьянин, связанный по характеру труда с многообразием хозяйственных задач и соответствующих природных условий.

Сельская община как малая социальная группа, в которой были объединены функции производственного коллектива (лишь отчасти, ибо не следует забывать, что в территориальной общине основным производственным коллективом была семья при наличии и других хозяйственных объединений), соседской общности, социального института, административной единицы, а нередко и конфессиональной общины Ю. И. Семенов определяет это в целом как социальный суборганизм (1985, № 1, с. 75), в силу этого соединения обладала большими возможностями воздействия на личность. Несомненный интерес в этом аспекте представляет проведенное М. Н. Шмелевой (1985, № 1, с. 77) сопоставление с малыми соседскими общностями городов. При социально-профессиональной топографии городского населения ситуация в соседских общностях ближе к сельской общине, чем при четком разграничении производственных, соседских и других общностей.

Человек и в сельской общине является одновременно членом малых общностей разной устойчивости. Например: семья; общность лиц, связанных отношениями родства; конфессиональная община; общность семей, связанных дружескими или дружеско-соседскими отношениями (могла совпадать с объединением семей для отдельных видов работ — покоса, молотбы — или пользования отдельными видами тягловой силы, хозяйственных построек); промысловая артель; сход дворохозяев. Но в отличие от города все эти общности более контактные, тесно переплетены.

Перспектива исследований, о которых шла речь в данном обсуждении, состоит в выявлении того, как именно малая (контактная) общность участвует в воспроизводстве различных традиций (и «больших», и «малых», принадлежащих разным областям общественной жизни), иными словами, как функционируют малые социальные группы во взаимодей-

ствии личность — общество в сфере традиций. Но структурно-функциональный и системный подходы к решению этой задачи эффективны, на наш взгляд, лишь при последовательном соблюдении принципа историзма.

ОТ РЕДАКЦИИ

Обсуждение статьи М. М. Громыко «Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций», опубликованной в № 5 «Советской этнографии» за 1984 год, явилось прямым продолжением дискуссии по узловым проблемам теории традиции, которая состоялась на страницах нашего журнала в 1981 году. Уже тогда был поставлен вопрос о необходимости изучения механизма формирования, передачи (трансмиссии) и изменения традиции.

Несомненным достоинством обсуждавшейся статьи было стремление связать реальный механизм функционирования традиции с одним из важнейших для крестьянства феодального и раннекапиталистического периода социальных институтов — территориальной или соседской общиной. Она трактуется как малая контактная социальная общность, основной создатель и хранитель бытовых традиций, микросреда их воспроизведения. Автор дискуссионной статьи и большинство участников обсуждения подчеркивали при этом взаимосвязанность общины и семьи. По-видимому, следует отметить, что на практике дело отнюдь не ограничивалось одной только связью между механизмами функционирования традиции и общины. Действие этих механизмов переплеталось, усиливая друг друга и увеличивая вариативность форм их проявления в общественной реальности.

Важной методической идеей исходной статьи был также анализ функций общины. Представляется, что именно функциональный подход — наиболее плодотворный метод этнографического изучения общины как социальной общности, создающей и производящей бытовую традицию. Выделение функций помогло систематизировать способы и средства сохранения традиции. Вместе с тем участники обсуждения справедливо писали, что и состав (набор), и наименование функций, предложенные М. М. Громыко, нуждаются в целом ряде коррективов. Дальнейшее совершенствование представлений о наборе функций общины и их иерархических соотношениях, вероятно, может быть осуществлено только в процессе их сопоставительного изучения с функциями, свойственными как социальным общностям более высокого уровня (сословно-социальные слои, локальные группы, региональные общности, этнос), так и более низкого уровня, — семья, профессиональные и конфессиональные группы, группы родственных семей, составные части сложных общин («концы», «углы» и т. п.), брачные пары и их дети в большой семье.

В ходе обсуждения, так же как в статье М. М. Громыко, было показано, что трансмиссия традиции не только в сфере духовной или соционормативной, но и материальной культуры имела очеловеченный характер. Для того чтобы построить дом или сшить сарафан, необходимо, чтобы в сознании человека, этот акт совершающего, жило представление (идеал, норма, минимум) о том, как это делали до него. Именно поэтому всякая подобная традиция — всегда и одновременно — явление духовной или соционормативной культуры, а процесс ее воспроизведения — материализация человеческих представлений, складывающихся под воздействием опыта, накопленного поколениями. В связи с этим весьма важным представляется замечание М. М. Громыко, высказанное в заключительной статье, о необходимости комплексного изучения всех сторон духовной жизни крестьянства, ибо только таким способом раскрывается богатство содержания народной культуры и ее значение для развития культуры профессиональной.

Современное понимание предмета этнографии как науки неизбежно

подводит к вопросу: выполняла ли община этнические функции? В ходе дискуссии его коснулась только Л. В. Маркова, которая оперировала болгарским материалом. Она ответила на этот вопрос утвердительно. Ее вывод, вероятно, можно распространить не только на этнополитические ситуации, сходные с болгарской в эпоху до освобождения Болгарии от турецкого ига, но и на другие полиэтнические районы, контактные межэтнические зоны, этнические анклавы и т. д. Когда же речь идет о крестьянской общине в моноэтническом массиве, то, естественно, возникают иные вопросы. Отдельные общины в таких ситуациях обычно не преднамеренно и неосознанно участвуют в общем процессе воспроизведения этнических и этнокультурных традиций, не противопоставляя их традициям иноэтническим. При этом этнические традиции, обладающие определенными общими свойствами в масштабах всего этноса, функционируют как вариационное множество конкретных реализаций некой инвариантной сферы. Вопрос о том, как складывается взаимовлияние общинных и этнических традиций в разных конкретных исторических и социальных ситуациях, изучен еще недостаточно. Механизм подобного взаимодействия, видимо, станет предметом дальнейших исследований.

М. М. Громыко рассматривает общину как малую контактную социальную общность (группу), которая является основной социальной единицей, воспроизводящей бытовую традицию. Вероятно, точнее было бы говорить, что традиция воспроизводится всей системой социальных общностей разного порядка, образующих внутреннюю структуру этноса. Однако следует признать, что при такой формулировке может исчезнуть специфическая роль общины в процессе создания и воспроизведения традиции. Между тем несомненно, что именно семья и община являются первичными контактными группами, которые в отличие, например, от половозрастных или конфессиональных групп, имели хозяйственную (производственную) и имущественную основу и потому по терминологии Ю. В. Бромлея были самодостаточными для функционирования в качестве относительно автономных социальных общностей. Взаимоотношения семьи и общины в этом плане определялись конкретными формами дуализма, свойственного общине — в ее структуре объединялись собственность частная и коллективная, производственная деятельность семьи и общины в целом, повинности, которые несет семья (тягло), и ответственность общины за их исполнение и т. д.

И автор дискуссионной статьи и большинство участников дискуссии справедливо подчеркивали необходимость исторического подхода к обсуждаемым проблемам. Разные стадии социально-экономического развития, различные социальные ситуации (например, в России — общины государственных, монастырских или помещичьих крестьян, оброчных или барщинных и т. д.), характер и интенсивность вмешательства феодала и феодального государства во внутренние дела общины, степень и характер развития элементов капиталистических отношений и т. д. приводили к увеличению значимости одних и редукции других функций, к деформации их иерархических соотношений. Традиционные функции общины могли становиться формальными или насыщались социальным содержанием. В этом смысле весьма полезно было участие в дискуссии, в основе которой лежали представления об общине восточных славян позднего, дальнего и раннекапиталистического периода, этнографов и историков, изучающих разные народы и в разные исторические эпохи. (Ю. И. Семенов, Л. В. Маркова, С. А. Маретина и др.), что показало со всей ясностью необходимость дальнейшего развития историко-сравнительных и межэтнических (кросскультурных) исследований общины.

И, наконец, дискуссия показала, что, несмотря на определенные успехи в изучении общины, нерешенных проблем достаточно много (и исторических, и теоретических). Именно поэтому так важна отработка общей теории общины, понятийного аппарата и методов исследования. Будем надеяться, что состоявшаяся дискуссия даст дальнейший стимул для разработки этих проблем.

Т. И. Андреева, О. В. Сомова

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

(Из истории Этнографического театра)

В творческой деятельности выдающегося советского театроведа и фольклориста В. Н. Всеволодского-Гернгросса есть неисследованный эпизод, относящийся к 1920—1930-м годам, когда он создал в Ленинграде своеобразный Этнографический театр.

В 1920-е годы театр называется «Экспериментальный», а с 1930 г. — «Этнографический». Он стал заметным явлением в культурной жизни не только Ленинграда, но и всей страны. По существу деятельность театра — это длительный эксперимент, единственный в своем роде.

В небольшой посвященной театру брошюре, ставшей теперь библиографической редкостью, отмечалось: «Этнографический театр является организацией, не имеющей себе подобной в отношении своей общей установки и своих заданий ни в СССР, ни в буржуазных странах»¹.

Парадоксально, что история создания и развития этого уникального коллектива до сих пор не изучена, опыт его не только не систематизирован, но даже не учтен театроведами, этнографами, фольклористами. Вместе с тем периодическая печать 1920—1930-х годов, архивные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ) и Музее этнографии народов СССР в Ленинграде (ГМЭ), свидетельствуют об интереснейших поисках В. Н. Всеволодского-Гернгросса и всего коллектива театра в целях воспроектирования и сохранения народной культуры.

«...это спектакль особенный, необыкновенный, и писать о нем надо особенно, особо... Про себя лично скажу: это единственный виденный мною в этом сезоне в России спектакль, который я запомнил»² — так восторженно писал критик А. Меньшой об «Обряде русской народной свадьбы» — центральной работе театра. Разумеется, не все воспринимали театр столь однозначно: вокруг его спектаклей, да и всей его деятельности не замолкали споры критиков, ученых и просто зрителей. Действительно, были у театра взлеты и падения, высокие творческие результаты и ошибки.

В уже упоминавшейся брошюре сказано: «...на сегодняшнее число театр еще далеко не готов ответить на все требования, которые вправе ему предъявить и... этнография и широкая общественность»³. Абсолютная новизна эксперимента не позволяла опереться на уже имевшуюся теорию или опыт.

Экспериментальный театр официально был открыт в 1923 г., отпочковавшись от Института живого слова. В. Н. Всеволодский-Гернгросс в 1927 г., выступая с докладом о деятельности института, так рассказывал об этом: «...я говорил, что работа моей студии включилась в Экспериментальный театр, который и вырос из одной части моей студии в стенах Института. Это вырастание театра было постепенным, и когда в один прекрасный день стало ясно, что нужно выбирать между Институ-

¹ Ленинградский государственный этнографический театр Русского музея. Л., 1930—1931, с. 1.

² Меньшой А. Об «обряде русской народной свадьбы». — Жизнь искусства, 1924, № 9, с. 5.

³ Ленинградский государственный этнографический театр..., с. 1.

том как педагогическим учреждением и, с другой стороны, между Экспериментальным театром, мы должны были выйти из стен Института. Это было в 1923 году. Мы построили свой собственный театр...»⁴.

Театр как творческий коллектив к тому времени был уже известен петроградской публике, ибо в течение нескольких лет⁵ группа молодежи (более 40 человек), «воспитанной Всеволодским в определенной идеологии и обладающей однородной техникой»⁶, выступала с весьма разнообразным репертуаром, пока еще не связанным с этнографией («Читра» Р. Тагора, «Строитель Сольнес» Г. Ибсена, «Потонувший колокол» Г. Гауптмана, «Снегурочка» А. Н. Островского, «Жизнь человека» Л. Андреева и др.)⁷.

В сезон официального открытия театр планировал показать ряд новых спектаклей. Об этом рассказывает архивный документ — письмо: Художественный отдел Петрогубполитпросвета с просьбой утвердить производственный план на 1923/24 г.

Театр готовился показать четыре спектакля: «Небожественную комедию» З. Красинского, «Русскую народную свадьбу» и «Свадьбу» С. Вынянского, «Прометея» Эсхила⁸.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс, объясняя причины обращения театра к этим произведениям, писал о «Русской народной свадьбе»: «Постановка интересна для театра как опыт исполнения народного обряда в условиях, насколько возможно приближенных к действительности, однако вне жанровых наслоений и сюжетной канвы»⁹.

Важная тенденция, прослеживаемая в деятельности театра, — осуществление этнографических постановок.

Настоящая статья не претендует на анализ всей многообразной деятельности Экспериментального театра — всего репертуара и творческих поисков, а посвящена той стороне деятельности театра, которая стала основополагающей на протяжении всего периода его существования. Чем объясняется глубокий интерес выдающегося театроведа В. Н. Всеволодского-Гернгросса к обрядово-фольклорному, этнографическому театру? Ответ на этот вопрос мы находим в трудах самого ученого. Исследуя историю русского театра, Всеволодский-Гернгросс обратился к народному творчеству, обрядам, фольклору, стремясь обнаружить в них истоки русской театральной культуры.

Огромный материал, собранный под его руководством в многочисленных экспедициях, стал, с одной стороны, необходимой фактической основой его научной работы, а с другой — позволил ученому сделать народное творчество достоянием зрительской аудитории.

Сам Всеволодский-Гернгросс подчеркивал, что этнографический, или, точнее, фольклорный, театр не только возможен в принципе, но и необходим по существу «в качестве своеобразного „живого“ художественного музея, ибо фольклор является историческим документом исключительной художественной ценности, является культурным наследством, знание которого необходимо для построения искусства социалистического будущего»¹⁰.

Можно предположить, что Всеволодский-Гернгросс, закончивший Высшие драматические курсы в Петербурге и в течение 10 лет служивший актером Александринского и других театров, реализовал в Экспериментальном (Этнографическом) театре свое стремление к практической актерской и режиссерской деятельности.

Постепенно в Экспериментальном театре явно обнаруживался перевес в сторону этнографических постановок. Об этом свидетельствуют

⁴ ЛГАЛИ, ф. 82, оп. 3, ед. хр. 32, с. 124.

⁵ Коллектив, называвшийся «Народная студия», впервые выступил 8 марта 1920 г. См. ЦГАЛИ, ф. 2640, оп. 1, ед. хр. 122, с. 32.

⁶ Там же, ед. хр. 121, с. 3.

⁷ Там же, ед. хр. 122, с. 12.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив ГМЭ, ф. 2, сп. 1, ед. хр. 299, с. 30.

как архивный документ, так и практика театра, прежде всего большой заслуженный успех спектакля «Обряд русской народной свадьбы».

В 1926 г. в письме к директору Русского музея В. Н. Всеволодский-Гернгросс писал: «Опыт постановки „Обряда русской народной свадьбы“ и воспроизведения крестьянских сказок, былин, духовных стихов, песен и пляса, выполняемый руководимой мною молодежью, невзирая на ряд недостатков, которые проистекают как из новизны самого опыта, так и из несовершенства этнографических записей, привлек большое внимание публики самого разнообразного состава: этнографы, преподаватели русского языка, школьники, интеллигенция, рабочие, крестьяне выше 200 раз наполнили зрительные залы. Это доказывает: 1) что подобные опыты находят себе отклик и 2) что они служат верным средством популяризации этнографического материала»¹¹.

В производственном плане Экспериментального театра на 1928/29 г. руководство предполагало уже три этнографических постановки. Готовился концерт из произведений крестьянского искусства: сказки, песни, игры, хороводы, пляски и танцы, исполняемые с этнографической точностью в подлинно традиционных костюмах. На экране должен был демонстрироваться фильм, заснятый во время экспедиций по северу Архангельской губернии¹².

Вторым представлением в репертуаре оставался «Обряд русской народной свадьбы», который был рассчитан на два вечера.

Третий этнографический спектакль — «Солнцеворот». Так названы были русские календарные земледельческие обряды и игры (святки, масленица, семик, ярило, Иван Купала, обжинки)¹³.

В этих постановках обнаруживается стремление коллектива к созданию синтетических спектаклей, где особое внимание уделяется гармонии слова, музыки, пластического движения. Однако слово выступает все же главнейшим компонентом спектакля. Мастерство актеров не раз отмечалось критикой: «Экспериментальный театр, единственный театр, где в двух его постановках — „Обряд русской народной свадьбы“ и „Небожественная комедия“ — можно было слушать весь спектакль, а не только смотреть его»¹⁴; «...на спектакле «Обряд русской народной свадьбы» Экспериментальный театр вырос в организм большой ритмико-мелодической культуры. Только этот театр сумел по-настоящему показать хоровую декламацию, хоровую песню, напевы эпоса»¹⁵.

С 1928 г. фольклорные спектакли Экспериментального театра включались в политико-просветительные мероприятия этнографического отдела Государственного Русского музея. Двухлетняя совместная работа с музеем подсказала и определила направление театра.

Критика поддерживала новое начинание: «Обряды получают осмысленность, когда смотришь их после толкового вступительного слова руководителя театра В. Н. Всеволодского. Правдивость и документальная подлинность сценического материала — костюмы, декоративное убранство, слово и музыка — сразу захватывают зрителя. Безмолвный, мертвый музей ожил. Манекены превратились в живых голосистых девок, в веселых остроумных парней, в степенных стариков. Если это начинание удержится, мы получим любопытное явление — театрализацию музея, новый научный театр, который принесет большую пользу учащимся»¹⁶.

В 1930 г. в коллективе происходят изменения. Он приобретает новый статус, становится Государственным этнографическим театром Русского музея. Учрежден он был в феврале, а официально открылся 6 апреля 1930 г.¹⁷ К этому времени коллектив имел почти 10-летний опыт

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 2640, оп. 1, ед. хр.: 122, с. 35.

¹² Там же, ед. хр.: 126, с. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ М. Стенька Разин. — Рабочий и театр, 1927, № 8, с. 10.

¹⁵ Бадинг Б. Возрождение Экспериментального театра («Стенька Разин»). — Красная газета, 1927, 12 февраля, веч. вып.

¹⁶ Д. М. Театр-музей. Экспериментальный театр в этнографическом музее. — Смелая [Ленинград], 1929, 5 апреля.

¹⁷ См. Ленинградский государственный этнографический театр..., с. 1.

работы, определенными были его теоретическая платформа, цели и задачи творческой деятельности.

В. Н. Всеволодский-Гернгросс писал: «Можно без преувеличения сказать, что широкие слои современной советской общественности не знают его (фольклор.— Т. А.). Словесный фольклор воспринимается в книгах вне его музыкального оформления, неразрывно с ним связанного. Песенный фольклор втиснут в прокрустово ложе европейской гармонизации. Подлинный фольклор был знаком лишь небольшой группе специалистов. Этнографический театр в том виде, в каком он задуман в настоящее время, и должен иметь в виду популяризацию фольклора. Но так как предполагается фольклор народов СССР, то его популяризации должна сыграть большую роль в деле интернационального воспитания масс трудящихся... Существование Этнографического театра должно сыграть серьезную роль в деле культурной революции»¹⁸.

Всеволодский-Гернгросс считал, что такой театр включает в себя синтез научного и художественного начал. В брошюре, где излагалось основное кредо коллектива, находим такую характеристику театра: «Это единственная в своем роде научно-художественная организация. Она дает одновременно то, что может дать театр и музеев, каждый в отдельности, так как театральная репродукция быта усиливает впечатление и помогает глубокому усвоению культурных ценностей прошлого»¹⁹. Эта общая концепция не вызывала сомнений: этнографический музей и театр были нужны друг другу. Но существовало еще множество вопросов, нерешенных, противоречивых, требующих длительной проверки конкретной практикой. Так, «до сих пор нельзя считать твердо установленным,— писал В. Н. Всеволодский-Гернгросс, где границы этнографизма и можно ли переносить этнографический материал на сцену, не прибегая решительно ни к каким приемам театрализации»²⁰.

Выше говорилось, что к фольклорным спектаклям театра относились по-разному. Уже упоминавшийся рецензент А. Меньшой писал: «Мне пришлось слышать такое мнение: это не искусство, это — этнография. Мнение, конечно, ошибочное: это именно искусство, самое подлинное. Однако в ошибочном этом мнении есть доля истины, которую я сформулировал бы так: это безыскусственно. И именно потому, что это безыскусственно, это есть самое подлинное искусство... „Безыскусственно“ — значит непосредственно, стихийно... Вот именно в непосредственности и стихийности этой — вся суть, весь смысл драмы-обрыва»²¹. Это отзыв критика явно доброжелательного, стремящегося увидеть в спектакле «Обряд русской народной свадьбы» самую суть представления.

Практика, опыт подсказывали путь к более точному и верному воссозданию этнографического материала и фольклора на сценической площадке. В 1930/31 г. Всеволодский-Гернгросс видел задачу дальнейшего развития театра в том, чтобы «преодолеть излишне сгущенную театрализованность постановок, находящуюся в художественном противоречии с методом открытой натуральности приемов подачи песенного материала»²².

В 1934 г. Всеволодский-Гернгросс определил основную задачу театра более четко: «Театр будет стремиться подавать фольклор по возможности ближе к подлиннику, к подлинной манере исполнения, к подлинной гармонизации, на подлинном звучании, в подлинных костюмах»²³. Примечательно, что в одной фразе пять раз повторяется слово «подлинный». В этом заключен большой смысл. К такому пониманию задач коллектив во главе с руководителем пришел, продумав и проанализировав весь свой путь. В полном доверии к народному творчеству, народному

¹⁸ Архив ГМЭ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 299, с. 30—31.

¹⁹ Ленинградский государственный этнографический театр..., с. 1.

²⁰ Там же, с. 2.

²¹ Меньшой А. Указ. раб., с. 5.

²² Ленинградский государственный этнографический театр..., с. 2.

²³ Всеволодский В., Маторин Н., Шагин Н. Этнографический театр.— Рабочий театр, 1934, № 32, с. 13

Обряду был залог дальнейшего существования Этнографического театра. Его репертуар в 30-е годы чрезвычайно разнообразен, но центральной работой остается обряд русской крестьянской свадьбы, центральной, но не единственной, как ошибочно утверждает Ю. Дмитриев в очерке «Историк русского театра»²⁴.

Театр пользовался огромной популярностью. На афише, сохранившейся среди архивных документов, читаем: апрель 1932 г. — «Обряд русской крестьянской свадьбы» идет в 523-й раз, анонс — «все билеты проданы»²⁵; «Четыре деревни» — март 1932 г., в 197-й раз, тот же анонс — «все билеты проданы»²⁶.

Выступления коллектива проходили таким образом: по этнографическим залам музея проходили экскурсии, и после ознакомления с экспонатами перед посетителями выступали артисты Этнографического театра. Представление обычно происходило в Мраморном зале, где в ту пору была устроена эстрада. Каждый спектакль сопровождался вступительным словом.

В основу большинства этнографических спектаклей был положен материал, собранный во время многочисленных экспедиций в Карелию, Поволжье, Сибирь. Так было и с «Обрядом русской народной свадьбы», который составлялся по материалам северного края, собранным М. Е. Киссель, Е. М. Розенберг, Е. И. Степановой и А. Н. Фоминой. Постановку осуществлял В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Песни подбирали В. Г. Каратыгин, оформление выполнялось под руководством Н. П. Гринковой и Д. А. Золотарева²⁷.

Спектакль «Обряд русской народной свадьбы» не оставался неизменным. Он изменялся в процессе становления театра. В первых постановках 1923 г. были заметны элементы натурализма, в последующие годы спектакль приобрел более стройный характер. В 1930 г. «Обряд...» состоял из трех действий и семи картин: 1) Сватовство, 2) Дума, 3) Смотрины, 4) Переговоры дружек, 5) Прощание с красотой, 6) Бранье, 7) Княжий стол²⁸.

По свидетельству бывшей актрисы Этнографического театра Зинаиды Васильевны Кичигиной (в 1934 г. она начала в театре свою профессиональную артистическую деятельность), действие в спектакле в последний период существования театра (1934—1936 гг.) развивалось так. 1. В доме девушки появляются сваты. Ведется иносказательный диалог. Сваты и родители приходят к согласию. Невеста засватана. Родители зовут невесту. Она любит другого, плачет. Родители непреклонны, отец заманивается на девушку. За этой сценой наблюдают подружки невесты. 2. «Девичник»: идет приготовление к свадьбе. Подруги в доме невесты шьют для нее приданое. Девушки поют песни, водят хороводы. Появляются парни, начинаются игры, кадрили. Невеста причитает, плачет. 3. Приезд жениха: девушки просят выкуп. Идет шуточное противоборство двух хоров — мужского и женского. Родители благословляют невесту и жениха иконой. Молодые отправляются к венцу. 4. Действие переносится в дом жениха. Родители встречают молодых, благословляют их. Застолье. Всеобщее веселье. Звучат обрядовые песни. Молодых провожают ко сну.

О спектакле «Обряд русской крестьянской свадьбы» еще в 1924 г., по первым впечатлениям, подробно писал критик А. Меньшой. В ряду достоинств постановки он отмечал: «...скупость и высокую значимость слов и движений. И высокую значимость молчанья и неподвижности... Это очень молчаливая пьеса. В ней, если не считать песен и причитаний, не более 2—3 десятков слов. И каждое из этих слов нужно, необходимо — без него не обойдешься. Каждое слово полновесно, полноценно. Ни одно слово не произносится зря, так себе, между прочим. Каждое

²⁴ Дмитриев Ю. Историк русского театра. — В кн.: Вопросы театра. М., 1970, с. 220.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 2640, оп. 1, ед. хр. 130, с. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 10.

²⁸ Там же, с. 2.

...вынесено, выдуманно до конца... Гнет полуслов, намеков, недок, что сказано, то сказано. Слова круглые, простые, ясные, всем понятные... и то же с движением. Каждый шаг имеет полную и законченную значимость. Каждое движение нужно...»²⁹

При всех поисках и изменениях в спектакле оставались целостность, основательность, подлинность воспроизведения — главные качества, которые и сделали спектакль заметным явлением в театральной жизни Петрограда-Ленинграда и, можно смело сказать, всей страны. Действительно, театр знакомил со своими представлениями зрителей из Сибири, Поволжья, Чувашии, Татарии, Башкирии, Узбекистана, Таджикистана, Карелии, множества городов РСФСР³⁰.

В 1930 г. коллектив участвовал в I Всесоюзной олимпиаде национальных искусств в Москве. Жюри олимпиады высоко оценило спектакли театра: «Среди этнографических выступлений на олимпиаде Ленинградский этнографический театр занял особое место. Театр показал не только значительные результаты проведенной им исследовательской работы в области русского народного песенного творчества, но и чрезвычайно интересный метод демонстрации этого творчества, основанный на театрализованном вскрытии социально-бытовых корней исполняемого песенного и плясового материала. Жюри отмечает особую ценность этого метода в деле агитации среди трудящихся масс за изучение быта народностей СССР. Проработка плана спектаклей, а также исполнительская часть стоят на большой высоте. Тщательная и серьезная работа, проделанная театром до настоящего времени, служит достаточной гарантией его дальнейшего роста как крупного общественно-культурного учреждения»³¹.

Репертуар театра (речь идет об этнографических постановках) был весьма разнообразен. В течение долгих лет популярным было представление «Солнцеворот» (работа 1928 г.). Это инсценировка русских календарных земледельческих игр и обрядов, составленная еще артисткой Экспериментального театра В. С. Ковалевой. Режиссер «Солнцеворота», как и большинства представлений, — В. Н. Всеволодский-Гернгросс.

«Материал для „Солнцеворота“ позаимствован в самых различных местностях Европейской России. ...Отдельные эпизоды связываются в одно целое при помощи непрерывного объяснительного слова.

Действие I

Весна. Кликание весны. Обряд березки. Гадание. Весенние хороводные игры. Мак. Похороны Костромы.

Действие II

Лето. Проводы русалки. Иван Купала. Обжинки.

Действие III

Зима. Домашние святочные обряды. Колядование. Гадание. Игры: Игры-комедии. Женитьба барина. Царь Максимилиан.

Действие IV

Масленица. Ряженье и встреча масленицы. Кулачки. Игра в городок. Проводы масленицы»³².

Интересной была постановка «Четыре деревни». В ней показывались быт и культура русской деревни разных эпох, включая современность: Это была своеобразная история русского крестьянского искусства. Постановка состояла из четырех эпизодов. I. Деревня старой Руси; II. Деревня усадьбно-помещичья; III. Деревня капиталистическая; IV. Деревня советская³³.

Спорными были постановки театра 1930—1932 гг. В прессе тех лет можно найти резко противоположные оценки таких представлений, как]

²⁹ Меньшой А. Указ. раб., с. 7.

³⁰ ГМЭ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 299, с. 29.

³¹ Решения жюри Олимпиады искусств народов СССР. Ленинградский этнографический театр.— Сов. театр, 1930, № 9, 10, с. 14.

³² Ленинградский государственный этнографический театр..., с. 5—6.

³³ Там же, с. 6.

«Цыганская дорога», «Песни и пляски цыган», «Село рязанское», «Медвежь углы».

В 1931 г. в журнале «Рабочий и театр» рецензент Н. Малков, анализируя представление «Цыганская дорога», отмечал: «Это была чрезвычайно интересная и поучительная демонстрация с обстоятельной информацией из области истории культуры, быта и искусства цыган и устройством особой выставки, в которой достаточно полно и детально были подобраны экспонаты, иллюстрирующие тему: цыгане в науке, литературе и искусстве».

Но главное достоинство этого вечера заключалась в том, что демонстрировавшийся музыкально-хореографический материал, расположенный в порядке исторической постепенности, дал ясную основу для обсуждения, что имеется в искусстве цыган национально-самобытного и художественно ценного, а следовательно, подлежащего сохранению и что имеется в нем наносного, чуждого национальной природе искусства цыган („цыганщина“), а стало быть, и не нужного в эпоху строительства социалистической культуры»³⁴.

Через год, несмотря на большой успех практически всех постановок Этнографического театра, пресса обрушивается на его спектакли с резкой критикой. «Табор театральной реакции в стенах Русского Музея» — так называется одна из рецензий, в которой помимо полного неприятия постановки «Цыганская дорога» звучит требование снять спектакль и закрыть театр³⁵. Такого же рода отзывы появились и о спектаклях «Медвежь углы», «Село рязанское». Очевидно, не все в этих представлениях было удачным, театр искал свой путь, а недоброжелательная критика не только не помогала в поисках, но и существенно тормозила их. Театр и его руководителя обвиняют в излишнем любовании стариной и недостаточном внимании к современному народному творчеству. В 1932 г. театр закрывают.

В это трудное для театра и Всеволодского время его поддержал А. В. Луначарский, и в 1934 г. театр возобновил свою работу, о чем сообщалось в ряде ленинградских газет и журналов. «В помещении Русского музея вновь открылся Этнографический театр. Он ставит своей задачей работать в области собирания, изучения и пропаганды средствами театра устного народного художественного творчества — фольклора...

На новом этапе своего развития Этнографический театр будет строить свои постановки лишь на произведениях фольклора. Это будут или спектакли-концерты, или спектакли в общепринятом смысле этого слова.

Зимний сезон в Ленинграде театр открывает новой постановкой „Свадьбы“... Следующей постановкой будет „Степан Разин“ — инсценировка исторических песен о нем в оформлении палехских мастеров. В 1935 году намечены постановки „Царь Максимилиан“, „Про попа“, „Война и солдатчина“. Во главе театра стоят профессора Н. М. Маторин, В. Н. Всеволодский и ученый совет из специалистов-фольклористов»³⁶.

На новый спектакль «Степан Разин» театр возлагал большие надежды. Всеволодский-Гернгросс неоднократно выступал в печати с информацией о будущей постановке. «Текст „Степана Разина“ представляет собой ряд исторических песен, тематически связанных и уложенных в длинную поэму на 4 действия... Исторические песни о Разине полны сказочной фантастики, идеализации. Их слушание требует больших комментариев. Эта сказочность песен очень близка искусству Палеха. Но поручая им оформление постановки, театр в своей режиссерской экспозиции должен был учесть специфику их творчества. Театр использует систему плоскостных декораций, при которой подвижные части пе-

³⁴ Малков Н. Цыганское искусство и «цыганщина». — Рабочий и театр, 1931, № 3, с. 5.

³⁵ См. Гранин Р. Табор театральной реакции в стенах Русского музея. — Красная газета, 1932, 27 февраля, веч. вып.

³⁶ Всеволодский В. Открывается этнографический театр. — Смена, 1934, 17 октября.

редвигаются по прорезям в полу сценического планшета»³⁷. Всестремящийся к более точному воспроизведению духа изображаемой эпохи, Всеволодский-Гернгросс заказал декорации в Палехе. Это обошлось дорого. Всеволодскому-Гернгроссу предъявляют обвинения в расточительстве. Спектакль не оправдал возлагаемых на него надежд.

В 1936 г. театр прекращает свою деятельность. Актеры объединяются в ансамбль песни и пляски народов СССР, но продолжают борьбу за воссоздание театра. И Всеволод Николаевич, и актеры Этнографического театра пишут многочисленные докладные записки в Наркомпрос с просьбой разрешить существование Этнографического театра.

Со специальным письмом в Наркомпрос обращались такие видные деятели советской культуры, как А. Яблочкина, А. Толстой, В. Качалов, И. Москвин, Ю. Юрьев, Л. Леонидов, Всеволод Иванов, И. Яунзек, Влад. Бонч-Бруевич и др.

Однако восстановить Этнографический театр не удалось.

Незначительная часть труппы продолжала выступать в составе ансамбля при Ленгосэстраде, но сам дух театра был утерян.

Уникальный по своей сути эксперимент создания Этнографического театра не был в свое время оценен по достоинству, однако сейчас его значение становится ясным.

В истории этого театра раскрылась личность Всеволодского-Гернгросса — не только оригинального исследователя, но и режиссера, практика, организатора. Ему удалось сплотить коллектив единомышленников, привлечь к работе театра директора Музея антропологии и этнографии АН СССР Н. М. Маторина, профессора Ленинградской консерватории В. Г. Каратыгина, научных сотрудников Государственного института истории искусств этнографов и фольклористов Н. П. Колпакову, С. С. Писарева.

Сам В. Н. Всеволодский-Гернгросс был человеком редкой одаренности. В 1934 г. на роль жениха Всеволодский пригласил студента театрального института, ныне народного артиста СССР И. П. Дмитриева, который свидетельствует: «Всеволод Николаевич не был музыкантом, но имел абсолютный музыкальный слух и разучиванием песен с актерами помимо специалистов зачастую занимался сам. Постановку танцев опять же корректировал Всеволодский-Гернгросс, планы танцев тоже давал он»³⁸.

Известна работа Всеволодского-Гернгросса под названием «Крестьянский танец»³⁹, в которой ученый рассматривает танец в его развитии от утилитарных движений, связанных с производственной деятельностью, к танцу как виду искусства.

Всеволодский-Гернгросс отдал театроведению более полувека жизни. Его многочисленные труды получили широкое признание и высоко оцениваются специалистами. Но очень редко, вскользь упоминается об Этнографическом театре, который по своей сути явился новой оригинальной театральной формой, содержащей в себе сплав науки и искусства.

Думается, этот опыт заслуживает серьезного и тщательного изучения фольклористами, театроведами, музыковедами, практиками советского театра.

³⁷ Всеволодский В. Палехская живопись и театр.— Смена, 1934, 22 декабря.

³⁸ Из беседы с И. П. Дмитриевым.

³⁹ См. Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. 2-е изд. Л., 1927, с. 235-248.

В. Е. Гусев, Н. А. Михеева, Л. Н. Рыжкова

КИРИШСКИЕ ФЕСТИВАЛИ И ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИЗМА В МОЛОДОМ ГОРОДЕ

Интерес городского населения к народным традициям особенно возрос в нашей стране в 1970-е годы в связи с социокультурным движением, именуемым современным фольклоризмом, — возникновением и деятельностью многочисленных фольклорных ансамблей, организаций так называемых «этнографических концертов» и фольклорных фестивалей, выставок изданий народных художественных промыслов и т. п.

Это движение развивается не только в столичных городах и центрах национальной культуры, но и в новых городах и поселках городского типа.

В советской социологии стало привычным понятие «молодой город», которым обозначают характерный для социалистического общества быстро формирующийся городской организм с преобладанием в его населении молодежи¹. За годы Советской власти в нашей стране построено свыше тысячи молодых городов.

По наблюдениям социологов, темпы развития производственной и непроизводственной сфер в этих городах, как правило, неодинаковы. Процесс формирования инфраструктуры культуры в них замедлен, что сказывается на общем состоянии культурной среды². Возникает опасность недооценки элементов традиционной культуры, органически присущих городам с длительной историей, в частности элементов традиционной народной художественной культуры.

Своевременное и оптимальное решение проблем культурного развития молодого города предполагает создание в нем такой культурной среды, которая удовлетворяет прежде всего духовные потребности молодежи и способствует развитию творческой активности населения³.

Данные многих конкретных социологических исследований, проведенных в последнее десятилетие в молодых городах, свидетельствуют о значительном увеличении числа людей, посвящающих свой досуг разнообразным видам художественного творчества⁴.

В связи с этим в культурно-просветительной работе среди населения молодых городов важное значение приобретают обращение к историче-

¹ Куцев Г. Ф. Молодежь и молодые города. М.: Мол. гвардия, 1977.

² Понятие «культурная среда» (Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 17, с. 190) прочно вошло в труды советских социологов (Л. Н. Коган, Ю. Р. Вишневский, В. Н. Орлов, А. Г. Левицкая, Л. П. Бувель, М. П. Козлова), изучающих ее структуру и отдельные элементы.

³ Левицкая А. Г. Духовные потребности молодежи новых городов и возможности их удовлетворения. — В кн.: Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1971, с. 143—160; Культура молодого социалистического города. Свердловск: Урал. науч. центр АН СССР, 1972; Чолакян Н. А. Проблемы развития культурно-просветительной работы в условиях молодого социалистического города. — В кн.: Научные основы планирования и прогнозирования идейно-воспитательной работы клубных учреждений. Л.: Ин-т культуры, 1979; Соколов К. Б. Культура: день завтрашний. — Клуб и худож. самодеятельность, 1982, № 5, с. 20—22.

⁴ Культура и творчество масс. Свердловск: Урал. науч. центр АН СССР, 1976; Пименова В. П. Свободное время и всестороннее развитие личности. М.: Знание, 1976; Михеева Н. А. Свободное время и развитие социальной и творческой активности мо-

ски сложившимся традициям народного творчества и развитие различных видов художественной самостоятельности, организация крупных массовых мероприятий, объединяющих традиционные и новые формы культуры. В решении этой проблемы большую помощь должны оказать этнографы и фольклористы.

Примером целеустремленных поисков в данном направлении может служить процесс формирования культурной среды в Киришах — самом молодом городе Ленинградской области.

Поселок, возникший в 1961 г. на месте старого села в связи со строительством нефтеперерабатывающего завода, объявленным ЦК ВЛКСМ Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, был в 1965 г. преобразован в город. Здесь были возведены также электростанция и биохимический завод белково-витаминных концентратов для животноводства⁵.

Кириши — типичный молодой промышленный город; его жители, в основном рабочие и служащие названных предприятий; средний возраст жителей — 28 лет. Население города составляют представители 26 национальностей (преобладают русские).

Освоение народных традиций в системе городской культуры здесь активизировалось с середины 1970-х годов, чему способствовал ряд обстоятельств, прежде всего установившаяся к этому времени повседневная связь населения города и окружающих деревень.

Развитие фольклоризма в Киришах стимулировалось шефской работой фольклористов Ленинграда, сотрудников Ленинградского отделения Общества охраны памятников истории и культуры, Областного научно-методического центра культурно-просветительной работы и народного творчества, Высшей профсоюзной школы культуры.

Деятельность этих коллективов, инициатива и энтузиазм работников отдела культуры Киришского горисполкома и сотрудников культурно-просветительных учреждений Киришского района, поддержанные местными общественными организациями, позволили определенным образом направить развитие фольклоризма в Киришах, выявить и поддержать те его формы, которые оказались органически присущими культуре молодого города.

Начало исследовательской и шефской работе в Киришском районе положила секция фольклора Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Осуществляя задачи комплексного изучения духовной культуры населения Северо-Запада РСФСР, секция выбрала Киришский район в качестве стационара для полевой работы. Этот выбор был обусловлен слабой изученностью и местной фольклорной традиции района, и, особенно, современного состояния духовной культуры его населения⁶. Кроме того, близкое соседство молодого города и старых деревень создавало интересные перспективы изучения процесса их культурного взаимодействия.

С 1970 г. было предпринято несколько экспедиционных поездок по программе, подготовленной секцией и изданной Комиссией комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР⁷.

Работа велась несколькими группами во главе с И. В. Мациевским и А. А. Горковенко и была потом продолжена в комплексных экспедициях секции совместно с Ленинградским отделением Общества охраны памятников истории и культуры (под общим руководством И. В. Мациевского)⁸.

лодежи в условиях нового города. Л.: Знание, 1983.

⁵ И возникают города. М.: Сов. Россия, 1967, с. 65; Иванов М. И., Шахнин А. П., Савельев П. М. Трудовой подвиг на Волхове. Л.: Стройиздат, 1972; Здравствуй, город Кириши. Л.: Лениздат, 1977.

⁶ В распоряжении исследователей были немногочисленные публикации дореволюционного времени (среди них выделяются сообщения В. Н. Перетца).

⁷ Программа для комплексных фольклорных экспедиций/Отв. ред. В. Е. Гусев. М.: Наука, 1971.

⁸ О методике экспедиционной работы и материалах экспедиции см.: Мациевский И. В. Комплексные экспедиции в междуречье Волхова и Сяси. — В кн.: Актуальные проблемы современной фольклористики. Л.: Музыка, 1980, с. 211—245; Ивле-

Полевая работа в Киришском и Тихвинском районах выявила относительно хорошую сохранность традиционного фольклора. Участники экспедиции ознакомились также с немногочисленными в начале 1970-х годов попытками включения некоторых жанров фольклора в честную художественную самодеятельность (фольклорный ансамбль в д. Белая Киришского района под руководством заведующей клубом К. П. Белянко, фольклорный ансамбль при Доме культуры г. Тихвина под руководством В. А. Игумнова).

Толчком к развитию фольклоризма в Киришском районе послужил Первый областной фольклорный фестиваль в Ленинграде (1972 г.), где успешно выступили и киришане⁹.

С середины 1970-х годов один за другим возникают ансамбли в деревнях Горчаково, Мотохово, Пчева, Березняк, Солоницы, Городище, Мимино, Луч. Их деятельность создала реальную возможность для организации районных фестивалей в г. Кириши.

Первый фестиваль (июнь 1976 г.) произвел большое впечатление на городскую общественность¹⁰. Второй фестиваль состоялся в сентябре 1977 г. и имел еще более массовый характер¹¹. Третий фестиваль прошел в январе 1980 г.¹², Четвертый, приобретший статус Второго областного, — в июне 1982 г.¹³.

О престижности киришских фестивалей свидетельствует участие в них фольклорных коллективов из других районов Ленинградской области (в Первом фестивале — ближайших: Тихвинского и Волховского, в последующих — более отдаленных: Бокситогорского, Выборгского, Всеволожского, Подпорожского, Сланцевского), а также из Белоруссии, с Украины, из Эстонии, Карелии. В фестивалях участвовали и коллективы, представляющие малые народы Северо-Запада РСФСР (вепсов, ингерманландцев). Наряду с местными певцами и танцорами произведения фольклора исполняли известные ансамбли под руководством Д. Покровского, И. и В. Потравных (Москва), И. Мацневского и А. Мехнецова (Ленинград), «Лявониха» (Белоруссия), «Ляэгаюс» и «Геллеро» (Эстония), «Карьяла» (Карельская АССР).

В дни фестивалей фольклорные коллективы выступали не только на сценах Дворца культуры и городских клубов, но и на открытой эстраде и на центральной площади (так, вечером 11 января 1980 г., во время Третьего фестиваля, у общегородской елки состоялось театрализованное гулянье с участием фольклорных коллективов и ряженных). Фестивали широко рекламировались (объявления в местной печати, афиши и транспаранты на улицах города). Помещения, где проходили концерты, украшались тканями ковровыми изделиями местных мастериц — «тканками».

Л. М. Экспедиция в Киришский район Ленинградской области. — Там же, с. 214—

Вик.: Современность и фольклор. М.: Музыка, 1977, с. 312—319.

¹⁰ Первый районный фестиваль народного творчества. — Киришский факел, 1976, 6 июня; Леонтьева Л. Они были первыми. — Там же, 1976, 12 июня; ее же. Народ — творец прекрасного. — Там же, 1976, 10 июля; Рыжкова Л. Ансамбль из Белой. — Там же, 1976, 3 июля; И песня за душу брала. — Там же, 1976, 17 июля.

¹¹ Сердобольский О. Фольклорный фестиваль. — Ленингр. правда, 1977, 9 сентября; Рыжкова Л. Народ — творец прекрасного. — Киришский факел, 1977, 10 сентября; Леонтьева Л. Второй киришский фольклорный. — Там же, 1977, 12 и 15 сентября; Расовская Ю. Живая связь времен. — Клуб и худож. самодеятельность, 1978, № 4, 32—36 (ст. с фотоил.).

¹² Глясин Ю. Праздник народного творчества. — Ленингр. правда, 1980, 11 января; Глясин Ю. Третий фольклорный. — Киришский факел, 1980, 19 января; Ларин О. Гуляние в Киришах. — Вокруг свега, 1980, № 5, с. 42—45 (ст. с фотоил.).

¹³ Леонтьева Л. И песни эти из глубины веков. — Киришский факел, 1982, 26 июня; Рыжкова В. Е., Михеева Н. А. Не замутнить чистый родник. — Сов. культура, 1983, 4 июня. К этому народно-музыкальному фестивалю Ленинградской консерватории выпущен диск с записями произведений фольклора, прозвучавших на Третьем фестивале («Отлетала ледяная»). Свадебные и лирические песни. С 20 — 19041 — 2, фирма «Мелодия». Л., 1983).

Рис. 1. Ряженые — участники «Киришских посиделок». Эта и остальные фотографии выполнены Ю. Н. Пучковым

Фестивали проходили одновременно в городе и ближайших деревнях, а также в пос. Будогощь, куда выезжали и некоторые горожане, и гости фестивалей. К ним обычно приурочивались выставки изделий местных художественных промыслов (гончарных, кружевных, ткацких), ярмарки, народные гулянья, катанья на санях (зимой) и на лодках (летом).

Подготовка к фестивалям и сами они способствовали тому, что фольклор вошел в художественную культуру местного населения, заняв прочное место в культурно-просветительной работе Дворца культуры и других городских учреждений.

При отделе культуры Киришского горисполкома была создана фольклорная секция. В Киришском краеведческом музее появилась фольклорно-этнографическая коллекция. В рабочих клубах, ПТУ, местной музыкальной школе ленинградские фольклористы проводили беседы о фольклоре, выступали исполнители фольклорных произведений. Так в 1978 г. в общежитии ПТУ № 27 состоялись «Киришские посиделки» организованные отделом культуры горисполкома. В один из вечеров ПТУ приезжал фольклорный ансамбль кружевниц из д. Мотохово. К выступлению была приурочена выставка кружевных изделий из фондов краеведческого музея. В гости к учащимся ПТУ приезжал и фольклорный ансамбль из д. Горчаково, славящейся также произведениями ткачества и вышивками. К этой встрече краеведческим музеем была подготовлена этнографическая выставка. Директор музея М. Д. Двоглазova рассказала о местных художественных промыслах.

В «Киришских посиделках» участвовали ленинградские фольклористы. Их рассказы о русских народных песнях, обрядах и играх сопровождались выступлениями фольклорного ансамбля из д. Березняк, также прослушиванием магнитофонных записей, сделанных в Киришском районе в ходе фольклорных экспедиций¹⁴.

В 1980—1984 гг. отдел культуры горисполкома организовывал аналогичные «посиделки» в общежитиях рабочих и служащих¹⁵.

Особенно содержательной и интересной оказалась работа созданного в начале 1977 г. при Киришском дворце культуры молодежного клуба «Беседа» (председатель совета — А. И. Мозиас), объединившего мест-

¹⁴ Мотоховские кружевницы.— Киришский факел, 1978, 28 февраля; Рыжкова Киришские посиделки.— Там же, 1978, 11 апреля.

¹⁵ Магдиева Т. И песня русская лилась...— Киришский факел, 1982, 13 февраля.

Рис. 2. В дни Третьего киришского фестиваля

ных любителей истории, этнографии и фольклора. Благодаря деятельности клуба народные традиции стали достоянием городской молодежи. Встречи членов клуба до 1984 г. проходили регулярно, и программы заседаний и вечеров были весьма разнообразны. В 1978 г. на одном из вечеров выступили фольклорный ансамбль кружевниц д. Мотохово и Ленинградский экспериментальный фольклорный ансамбль, был проведен конкурс на лучшее исполнение произведений фольклора. Присутствующие состязались в пении колыбельных и величальных песен, частушек и припевок, звучали прибаутки, загадки, считалки. Демонстрировались слайды о Втором киришском фестивале, экспонаты из коллекций краеведческого музея (народный костюм, традиционные украшения и пр.). В заключение собравшихся угостили изделиями местной традиционной кулинарии (пироги-«калитки», каравай, кренделя, медовые ковриги, печатные пряники).

В 1979 г. клуб организовал пять фольклорных вечеров. Они были посвящены различным видам русского народного творчества и традиционных обрядов, в том числе святочному (показаны игры ряженых из д. Березняк) и свадебному обрядам (выступили фольклорные ансамбли деревень Белая и Мотохово, сыгравшие некоторые эпизоды местного свадебного обряда: девичник, встречу жениха, «выкуп» невесты, величание молодых и гостей).

В 1981 г. клуб провел вечера «Мастерицы одной деревни» (посвящен ткачихам и исполнительницам народных песен д. Горчаково) и «Фольклор нового времени» (с участием народных исполнителей Киришского района). В 1982 г. состоялся вечер «Фольклорный театр»; члены клуба познакомились с местной народной зрелищно-игровой культурой и деятельностью Ленинградского народного экспериментального театра-студии «Суббота», творчески развивающего традиции городского фольклора.

Программа клуба «Беседа» предусматривала также знакомство с народной медициной, народным зодчеством и прикладным искусством, русской сказкой и фольклором народов СССР. На одном из заседаний обсуждалась тема «Фольклор и современная музыка»; после докладов состоялся концерт из произведений русских, западноевропейских и советских композиторов (исполнялись произведения, в которых нашли отражение фольклорные традиции).

Члены клуба участвовали в фольклорно-этнографических экспедициях в села Киришского района, выезжали на фольклорно-этнографические концерты в Ленинград. Была предпринята попытка организовать

Рис. 3. Ряженные (Третий киришский фестиваль)

на базе клуба местный молодежный фольклорный ансамбль, провел фольклорный вечер в общежитии рабочих Киришского нефтеперерабатывающего завода им. 50-летия ВЛКСМ¹⁶.

Важным событием в культурной жизни города, привлечшим местную интеллигенцию, стали приуроченные к фестивалям научные заседания «За круглым столом», посвященные проблемам фольклоризма, и особенно проведенная в Киришах республиканская конференция на тему «Традиционный фольклор и современность», в которой приняли участие только молодые фольклористы Ленинграда и других городов РСФСР, но и местные энтузиасты фольклористической работы. На этой конференции обсуждалась и проблема фольклоризма в Киришах¹⁷.

В дни последнего фестиваля состоялась научная конференция «Традиционные и современные праздники и обряды», был проведен также семинар руководителей фольклорных коллективов Нечерноземной зоны РСФСР.

Все отмеченные формы фольклоризма систематически пропагандируются газетой «Киришский факел» и местным радио, освещаются они и в ленинградской прессе, что в немалой степени способствует формированию положительного общественного мнения об опыте освоения фольклорной традиции в культуре г. Кириши.

Однако необходимо отметить и некоторые негативные тенденции в этом движении. Анализ репертуара фольклорных ансамблей и программ фестивалей и сравнение его с местной живой народной традицией приводит к выводу о недостаточном включении бытующих жанров фольклора в художественную самодеятельность. Правда, отчасти это связано с спецификой последней, условиями выступления на сцене, не всегда оптимальными, а иногда и вовсе не подходящими для демонстрации или иных произведений фольклора.

Рассмотрим эту проблему на примере возрождения в современном быту некоторых обрядов и попыток их театрализации в художественной самодеятельности. Так, во время фестивалей, а затем и независимо

¹⁶ Гости клуба «Беседа». — Киришский факел, 1977, 21 мая; «Беседа» — фольклорный клуб. — Там же, 1977, 7 июня; Знакомство с фольклором. — Там же, 1977, 28 июня; Михеева Н. А. Приглашает клуб «Беседа». — Смена, 1978, 26 декабря; Айвазян «Беседа» ждет гостей. — Киришский факел, 1980, 16 февраля.

¹⁷ Поляков А. О развитии и пропаганде фольклора в современных условиях (на материале Киришского района). — В кн.: Традиционный фольклор и современность. Всероссийская конференция молодых фольклористов, 20—26 февраля 1978 г. Тез. докл. М.: Фольклор. комис. при Союзе композиторов РСФСР, 1978, с. 66—67.

них можно наблюдать ряженье, приуроченное к новомуднему празднику, проходам зимы, свадьбам и некоторым общественным и семейным торжествам. При этом, естественно, в современном быту исчезли некоторые характерные для прошлого традиционные виды ряженья (в «покойника», «попа», «смерть») и действия ряженных (пародийное отпевание «покойника», венчание «молодых» и пр.).

Вместе с тем в карнавальных забавах на улицах и в помещении наряду с традиционными масками («доктор», «старик», «медведь», «кикимора») появляются новые, актуализированные типы ряженных («солдат», «иностранец», «фотограф», «электрик», «налоговый агент», «спекулянт», «спьяница», «ленивый работник»). Эти персонажи импровизируют незаготовленные сценки, соответствующие их амплуа. Характерно, что ряженые выполняют различные функции: во время новогодних праздников — разыгрыш неряженных, насмешка над объектом действий и реплик ряженого; на свадьбах — сатира, направленная против вымышленного типажа, т. е. ряженный сам становится объектом смеха. Отметим, что на семейных праздниках ряженые иногда помогают восстановить добрые отношения между повздорившими соседями.

Организаторы фестивалей и «посиделок» переносят ряженые (например, названные выше его традиционные виды) на эстраду, где оно становится развлечением, игрой. Ряжеными предпринимаются попытки создать игры на новый сюжет (например, сценки «Курортники», «Свадьба Адама и Евы», показанные во время фестивалей).

Опыты театрализации ряженья не всегда удачны, несмотря на элементы импровизации, поскольку игра ряженных нередко переходит в посредственную театральную самодеятельность. Демонстрация на сцене одних и тех же масок на протяжении ряда лет производит однообразное впечатление. Впрочем, следует отметить, что включение ряженья в фестивали и концерты повлияло на форму молодежных карнавалов и маскарадов в Киришах: маски на них стали разнообразнее, приблизилась к народной традиции, и их действия воспроизводят некоторые черты реального быта. Особым успехом пользовались, например, сценки, разыгрываемые ими во время Третьего фестиваля («перегораживание» дороги и требование «выкупа» у гостей на «заставах», забавы и действия на улице)¹⁸.

Интересным оказался опыт инсценировки свадебного обряда ансамблем д. Белая, хотя театрализация по понятным причинам не могла отразить все эпизоды традиционного обряда. Свадебные песни часто и охотно исполняются во время фестивалей и концертов, однако некоторые характерные жанры местного свадебного фольклора (например, причитания) отсутствуют в программах художественной самодеятельности, что несколько обедняет представление современного зрителя о севернорусской народной свадьбе.

Внимание киришской общественности привлекла свадьба одной молодой пары киришан, проводившаяся по специально разработанному сценарию и включавшая много элементов местного традиционного обряда (прощание невесты с подружками, «выкуп» невесты, встреча молодых, посыпание их зерном и хмелем). Приглашенный на свадьбу фольклорный ансамбль д. Белая исполнял величальные и лирические свадебные песни, традиционные благопожелания, приговоры дружки, причитания, припевки. Свадебное торжество было устроено не на квартире молодоженов, а во Дворце культуры и проходило при большом стечении гостей, преимущественно жителей г. Кириши.

Элементы традиционного свадебного обряда («перегораживание» дороги» свадебному поезду, посыпание молодых зерном, исполнение величальных песен) использовались при проведении свадеб в д. Горчаково (1980 г.), пос. Будогощь (1981 г.), д. Кукуй (1982 г.) и в г. Кириши —

¹⁸ Фотоальбом современных ряженных и масок, составленный Л. Н. Рыжковой, хранится в архиве сектора источниковедения научно-исследовательского отдела ЛПИТМиК.

в Зале торжеств во время Четвертого фестиваля фольклора (1982 г. В 1984 г. в пос. Кусино также состоялась свадьба с элементами народного обряда.

Отдел культуры Киришского горисполкома в настоящее время рекомендует проведение торжественных бракосочетаний с участием фольклорных коллективов. В современный ритуал бракосочетания будет включено исполнение народных величальных песен.

Наиболее популярными жанрами в выступлениях фольклорных коллективов на фестивалях оказались хороводные (игровые) и шуточные песни, различного типа частушки и припевки (среди них специфически местный тип — «спасовские») ¹⁹, кадрили, инструментальные наигрыши (на балалайке и гармонике, на соломке, на местном типе варгана) ²⁰.

По нашим наблюдениям, условия концертных выступлений ограничивают репертуар ансамблей и отдельных исполнителей. Часто повторяемый, этот репертуар воспринимается городской аудиторией как уже знакомый, и интерес к нему постепенно снижается.

Однако вне концертной программы, когда те же исполнители остаются в своем кругу, во время гуляний и на упоминавшихся «Киришских посиделках» репертуар расширяется и разнообразится. Думается, одним из условий успешного развития фольклоризма является организация новых ансамблей, особенно среди городской молодежи (подобно успешно работающему в г. Тихвине), включение в их репертуар кроме песен традиционных жанров и народных песен литературного происхождения, бытующих среди местного населения, народных песен гражданской и Великой Отечественной войн.

Если для сельской художественной самодеятельности естественна ориентация на местную фольклорную традицию, то для молодого города перспективным представляется сочетание местной традиции с общенациональным фольклором и характерными для городской традиции произведениями народного творчества.

Четвертый фестиваль фольклора выявил и некоторые недостатки организационного характера. Горожане были недостаточно информированы и подготовлены к предстоящему празднику. Попытки привлечь зрителей к активному участию в нем не всегда удавались. Вообще в последнее время заметны тенденция к сокращению состава фольклорных ансамблей, слабое участие в них молодежи.

Опыт культурно-просветительной работы в Киришах свидетельствует, что она достигает хороших результатов только тогда, когда все инициаторы и организаторы фестивалей, концертов, вечеров, бесед, народных гуляний действуют дружно и согласованно.

Следует иметь в виду, что современный фольклоризм не стихийный и спонтанно развивающийся процесс, а результат инициативы носителей народной традиции и целенаправленной деятельности научных и культурно-просветительных учреждений. Дальнейшая судьба фольклоризма в Киришах в большой мере зависит от организаторских усилий всех причастных к этому процессу учреждений, организаций и лиц, от более активных поисков новых форм освоения народных традиций.

Замечательный, сыгравший значительную роль в развитии современного фольклоризма эксперимент в г. Кириши заслуживает глубокого изучения и популяризации. Творчески воспринятый, он может способствовать решению проблем культурно-просветительной работы в молодых социалистических городах. При этом должен быть учтен аналогичный опыт, накопившийся в разных республиках СССР. Известно, что в культуре ряда молодых городов также осваиваются местные национальные традиции.

Так, наблюдения, проводившиеся в городе автомобилестроителей на берегу Камы в Татарской АССР (г. Брежнев, б. Набережные Челны),

¹⁹ Бойко Ю. Е. «Спасовские» припевки междуречья Волхова и Сяси в быту и на эстраде. — В кн.: Традиционный фольклор и современность, с. 66—67.

²⁰ Мацневский И. Мелодии пастушьего рожка. — Киришский факел, 1975, 13 декабря; Петриченко О. В Киришах звучит варган. — Там же, 1977, 28 сентября.

свидетельствуют, что ежегодный фестиваль песни и танца здесь сливается с традиционным татарским праздником «Сабантуй». Он проходит одновременно в нескольких районах молодого города и в нем участвуют десятки тысяч жителей. Во время праздника устраиваются народные игры и развлечения, организуются состязания по борьбе, выступления фольклорных ансамблей.

В молодых городах с многонациональным населением проявляется интерес к разным этническим традициям, происходит процесс их взаимодействия, что способствует интернационализации культуры. При изучении этого процесса выявляется специфика разных регионов страны.

Обсуждение проблем фольклоризма в СССР и других социалистических странах этнографами, фольклористами и искусствоведами дало уже существенные результаты. Выяснены социальные функции современного фольклоризма, его связь с народными традициями, с одной стороны, и новыми формами общественного быта и культуры — с другой, его типология²¹. Думается, в настоящее время наука особенно нуждается в конкретных исследованиях различных типов и форм фольклоризма в разных этнических общностях и социумах. В связи с этим большой научный и общественный интерес представляет затронутая в настоящей статье проблема.

²¹ О фольклоризме, его проблематике и литературу о нем см.: Гусев В. Е. Фольклор и социалистическая культура (К проблеме современного фольклоризма). — В кн.: Современность и фольклор. Статьи и материалы. М.: Музыка, 1977, с. 7—27; его же. Фольклор в системе современной культуры славянских народов. — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978, с. 283—298; его же. Типология фольклоризма. — В кн.: *Folklór Társadalom Étvészeti*, № 8. Понятие и явления фольклоризма. Доклады. Kecskemét, 1981, с. 43—45. См. также статьи и материалы в международном издании: *Folklorismus Bulletin*, Budapest, 1979, № 1, 1980, № 2.

М. Б. Мужухоев

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫЧЕСТВА ВАЙНАХОВ

(пантеон божеств в позднем средневековье)

В связи с общей проблемой древнего мировоззрения народов Кавказа пристального внимания заслуживает пантеон божеств, почитавшихся вайнахами (чеченцами и ингушами) в средневековье, а в Ингушетии и позднее — в XIX — начале XX в. Об этом свидетельствуют этнографические данные¹, раскопки каменных святилищ², случаи превращения христианских храмов в языческие молельни³, довольно позднее проникновение ислама в Чечено-Ингушетию⁴.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть пантеон вайнаховских божеств как единую взаимосвязанную систему. Для такого иссле-

¹ См., например, Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, с. 29, 33 сл.

² Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 годах). — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 62—95; см. также полевые отчеты автора за 1970—1981 гг. в архиве Института археологии АН СССР.

³ Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII—XVI веках. — В кн.: История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981, с. 13.

⁴ Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах (далее ССКГ). В. VI. Тифлис, 1872, с. 19—22; Грабовский Н. Ф. Ингуши. — ССКГ. В. IX. Тифлис, 1876, с. 17; Шамилев А. И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам. — Изв. Чечено-Ингушского научно-иссл. ин-та истории, яз. и лит. (далее ИЧИНИ ИЯЛ). Т. III. В. I. Грозный, 1963, с. 97—107; Мужухоев М. Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам. — В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с. 125—150 и др.

дования к настоящему времени мы располагаем немногими письменными свидетельствами, разбросанными в кавказоведческой литературе прошлого и настоящего⁵, и некоторыми археологическими материалами, добытыми нами в результате раскопок. Среди первых прежде всего следует назвать статью Е. М. Шиллинга, основанную на собранных им в 1920—1921 гг. полевых материалах и представляющую наиболее системную характеристику вайнахских (преимущественно ингушских) домусульманских верований. Весьма существенны также раскопочные материалы, полученные нами во время полевых работ в некоторых районах Чечено-Ингушетии.

Следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы характеризуют в основном пантеон ингушских божеств. Однако, как справедливо отметил Е. М. Шиллинг, эти данные вполне пригодны, чтобы иметь представление и о божествах чеченцев⁶. Таким образом, рассматриваемый в настоящей статье пантеон был известен по всей территории вайнахов как в Ингушетии, так и в Чечне. Некоторые реальные подтверждения этому мы все-таки имеем: например, в названиях сохранившихся в Чечне немногочисленных памятников домусульманского периода отражены имена традиционных чеченских божеств, совпадающих с ингушскими⁷. Исчезновение же из чеченского быта многих традиционных верований, вероятно, связано с более ранней по сравнению с ингушами исламизацией чеченцев, а также с более активным и массовым переселением на равнину⁸. В целом пантеон божеств в сознании вайнахов представлялся в виде иерархической лестницы, где божества в соответствии с их значением в жизни народа занимали определенные ступени. Во главе этой лестницы находились общевайнахские Диела, Тушולי, Мятцил, Ерды, Галь-Ерды. Вторую ступень занимали общинные, т. е. покровители групп селений, Тхаба-Ерды, Дзорах-Диела, Гурмет-цуу, Итаз-Ерды, Долте и др. Далее располагались сельские божества (Эрдзели, Тумгой-Ерды, Морч-Сиели, Бейни-Сиели и др.) и наконец, фамильные (Дик-Сиели, Ауша-Сел, Тамыж-Ерды, Амгали-Ерды и др.)⁹.

⁵ См., например, *Ахриев Ч.* Ингушские праздники.— ССКГ. В. V. Тифлис, 1871, с. 2; *Далгат Б. К.* Первобытная религия чеченцев.— Терский сборник (далее — ТС). В. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893, с. 92; *Горепекин Ф. И.* Маги-Ерда, языческий бог-покровитель у ингушей.— Терские ведомости, 1909, № 81—82, 84 и др.; *Алборов Б. А.* Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды». Известия Ингушского научно-исследовательского краеведения (далее — ИИ НИИК). В. I. Владикавказ, 1928, с. 325; *его же.* Ингушское Делла «бог» и осетинское Далимон «злой дух». — ИИ НИИК. В. III. Владикавказ, 1930, с. 483; *Генко А. И.* Из культурного прошлого ингушей. — Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР (далее — ЗКВ). Т. V. Л., 1930, с. 749; *Шамалев А. И.* К вопросу о христианстве у чеченцев и ингушей. — ИЧИ НИИ ИЯЛ. Т. III. В. I. Грозный, 1963, с. 85; *Хасиев С. А.* О некоторых древних чеченских оберегах (к вопросу о пережитках первобытных культов у вайнахов). — Археолого-этногр. сборник (далее — АЭС). Т. III. Грозный, 1969, с. 185; *Басилов В. Н., Кобычев В. П.* Галгай — страна башен. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1971, № 3, с. 132 сл.; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971, с. 181—186; *Исламов А. А.* Вайнахские культы огня и плодородия как явления матрилинейного порядка. — ИЧИ НИИ ИЯЛ. Т. IX. В. I. Грозный, 1972, с. 79—84; *Далгат У. Б.* Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972, с. 53—63; *Марковин В. И.* К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа. — Вестн. Кабардино-Балкарского науч.-исслед. ин-та (далее — ВКБ НИИ). В. 6. Нальчик, 1972, с. 261—263; *Кобычев В. П.* Храмовые древние стены. — СЭ, 1979, № 4, с. 137—139 сл.; *Калоев Б. А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981, с. 181, 190, сл.; *Мадаева З. А.* Календарные празднества и обряды весеннего периода у чеченцев и ингушей (конец XIX — начало XX в.). — В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 94—99 и др.

⁶ *Шиллинг Е. М.* Ингуши и чеченцы. — В кн.: Религиозные верования народов СССР. Т. II. М. — Л., 1931, с. 22—38.

⁷ См.: *Далгат Б. К.* Указ. раб., с. 100, 101; *Мальсагов Д. Д.* О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве». — ИЧИ НИИ ИЯЛ. Т. I. В. 2. Грозный, 1961, с. 135; *Далгат У. Б.* Указ. раб., с. 59—63; *Исламов А. А.* Указ. раб., с. 79—84 и др.

⁸ *Калоев Б. А.* Указ. раб., с. 181, 190 и др.; *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 34 и др.

⁹ *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. — ССКГ, В. I. Тифлис, 1868, с. 48; *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии. Материа-

Диела. В молитвах, обращенных к различным чечено-ингушским общеплеменным и менее значимым патронам-покровителям, почти всегда упоминается имя Диела. Это «главный» бог вайнахского пантеона и в то же время нарицательное имя бога вообще¹⁰. Действительно, судя по этнографическим материалам, он не наделен какими-либо особыми функциями, отличающими его от подчиненных божеств. Обращенные к Диела молитвы-просьбы касались многих важных вопросов хозяйственной и общественной жизни, что указывает на его главенствующую роль в вайнахском пантеоне божеств. Вполне возможно, что Диела был в далеком прошлом первым объектом почитания всех нахских племен, что позволило ему со временем стать «главным» богом пантеона и сохранить свое значение и после исламизации края. Тогда становится понятным и подчиненная роль в молитвах обращенных к Диела других божеств.

Мнение, что Диела являлся верховным божеством вайнахского пантеона, может быть подтверждено различными источниками. Как известно, повсеместно в горной зоне края в средневековые возводились каменные святилища, по форме и различным конструктивным деталям близкие к надземным склепам для коллективных захоронений, а также простые культовые постройки в виде небольшого глухого столпа часто с нишами для приношений¹¹. Данные такого рода приведены Е. М. Шиллингом¹². В последние годы нашими раскопками установлено, что склепообразные святилища в честь божества Диела — один из самых ранних сооружений культового характера (X—XII вв.), расположенных на труднодоступных, издревле почитавшихся вершинах гор (Цей-лам и др.)¹³.

Известны святилища в честь божества Диела и в более поздний период (XIII—XV вв.), служившие местом молений и жертвоприношений для жителей групп башенных поселений (в окрестностях селений Оздик, Гадаборш, Карт в горной Ассиновской котловине и др.)¹⁴. С XV в. культовые сооружения в честь этого божества уже не возводились, посвященные же другим общеплеменным божествам таким как Тушоли, Сиели и Ерды, продолжали строиться. Чем это можно объяснить? Оказывается, что святилища в честь этих божеств со временем превращались в места почитания лишь отдельных селений или даже фамилий¹⁵. Следовательно, можно предположить, что статус общеплеменных божеств менялся и они превращались в патронов, так сказать, местного значения. Однако Диела, как и ранее, сохранял в вайнахском пантеоне свое прежнее положение главного бога.

Интересны данные анализа остеологического материала, выявленного при раскопках в камерах средневековых культовых памятников. Они показывают в святилищах общевайнахского божества Диела (в отличие от других культовых построек) резкое преобладание остатков крупного рогатого скота, который, видимо, приносили в жертву этому божеству¹⁶.

10 по археологии Кавказа (далее — МАК). В. И. М., 1888, с. 21; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 82, 83; *Мужухов М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 75; *Шиллинг Е. М.* Указ. раб., с. 22—38; *Семенов Л. П.* Указ. раб., с. 11—15 сл.; *Мужухов М. Б.* Эволюция верований чеченцев и ингушей в период средневековья. — Х Крупновские чтения. Тезисы докладов. М., 1980, с. 73.

11 *Шиллинг Е. М.* Указ. раб., с. 38; *Алборов Б. А.* Ингушское Делo «бог»...

12 *Семенов Л. П.* Указ. раб., с. 11; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Указ. раб., с. 81—84 сл.

13 *Шиллинг Е. М.* Указ. раб., с. 38.

14 *Мужухов М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 66—68, 70.

15 *Крупнов Е. И.* Указ. раб., с. 186; *Мужухов М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 73—75.

16 *Далгат Б. К.* Указ. раб., с. 122; *Семенов Л. П.* Указ. раб., с. 73; *Робакидзе А. И.* Жилища и поселения горных ингушей. — Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). Т. II. Тбилиси, 1968, с. 110.

17 *Мужухов М. Б.* Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 67—77.

Иногда в кавказоведческой литературе можно встретить утверждение, что главным божеством вайнахского пантеона было Галь-Ерды. Действительно, в договоре 1810 г. о принятии равнинными ингушами подданства России названо божество Галь-Ерды. «...Мы, нижепоименованные лучшие и почтеннейшие люди,—говорится в документе,—с каждой фамилии по 10 человек, по обычаю нашему, по особому присяжному листу, перед всемогущим богом небесным и почитаемым за святость нами кумиром, находящимся в горах, именуемым Галь-Ерды, утверждаемся клятвою...»¹⁷. Под «всемогущим богом небесным», очевидно, подразумевается божество Диела, и лишь затем по тексту следует подчиненный ему Галь-Ерды. Однако сам Диела не называется. Почему? Дело в том, что другие пункты договора были направлены против дальнейшего распространения среди равнинных ингушей ислама, в котором богу вайнахов стал называться Диела¹⁸.

Тушоли. Культ этого божества, занимавшего одно из главных мест в вайнахском пантеоне божеств, был широко распространен в Чечено-Ингушетии. В народном представлении божество Тушоли было существом женского пола и почиталось преимущественно женщинами¹⁹. Первые святилище этой богини близ с. Мохде в горной Ингушетии было открыто В. Ф. Миллером и кратко им описано. Ежегодно в святилище, согласно его записям, устраивались специальные моления с жертвоприношениями скотом²⁰. Святилище под названием Тушол известно также в верховьях р. Чанты-Аргун, около с. Сахано в горной Чечне, и описано А. В. Мачинским²¹. Праздник в честь этого божества у горных чеченцев отмечает Д. Д. Мальсагов²². Во время археолого-этнографических разведок в горной Ингушетии в 1925—1932 гг. Л. П. Семеновым зафиксировано около 10 пунктов, где ранее имелись святилища в честь Тушоли²³. Культовые сооружения в честь Тушоли называют и другие авторы²⁴. По рассказам старожиллов горноингушских селений, в святилище Тушоли около с. Кок некогда находилось изображение богини Тушоли в виде женской поясной фигуры из серебра. Е. М. Шиллинг в опустевшем святилище Тушоли в Ингушетии в Хамхинском обществе нашел металлическую полумаску («лицо» богини Тушоли)²⁵.

Помимо Тушоли в народном представлении оплодотворяющей и целительной силой обладали также фаллические памятники, известные в горной Чечено-Ингушетии у селений Кок, Нижний Кий, на вершине горы Цей-лам²⁶. У столпообразных святилищ с. Эрзи мы нашли каменную плиту, которой при обработке была придана форма женского знака плодородия²⁷.

В честь божества Тушоли у его святилища ежегодно отмечался праздник, продолжавшийся трое суток. Он начинался весной в месяце Тушоли в один из воскресных дней с прилетом удода (птица Тушоли). Накануне, после приготовления специальной пищи для торжества, к месту назначения отправлялись девушки и молодые женщины. Их встречал жрец и, вынося из святилища изображение Тушоли, к которому прикасались грудью бесплодные женщины, веря, что это поможет им избавиться от такого недуга. Расположенные близ святилищ фаллические

¹⁷ Акты Кавказской археографической комиссии (далее — АКАК). Т. IV. Тифли., 1870, с. 991.

¹⁸ Грабовский Н. В. Указ. раб., с. 8.

¹⁹ Шиллинг В. М. Указ. раб., с. 32.

²⁰ Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 3.

²¹ Виноградов В. Б., Марковин В. И. Указ. раб., с. 83.

²² Мальсагов Д. Д. Указ. раб., с. 135.

²³ Семенов Л. П. Указ. раб., с. 40, 99, сл.

²⁴ Шиллинг Е. М. Указ. раб., с. 33; Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 184, 185.

²⁵ Шиллинг Е. М. Культ Тушоли у ингушей. — ИИ НИИК. Т. IV. В. 2. Орджоникидз-Грозный, 1934—1935, с. 100.

²⁶ Семенов Л. П. Указ. раб., с. 56; Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 91.

²⁷ Мужухоев М. Б. Новые археологические памятники горной Ингушетии эпохи позднего средневековья. — АЭС. Т. 4. Грозный, 1976, с. 160.

женички, по представлению вайнахов, служили этой же цели. Женщины отбивали от таких памятников кусочки и вешали себе на шею²⁸. Утром съезжались мужчины, большей частью молодые. Происходило всеобщее моление.

Такие действия характеризуют Тушоли как покровительницу всякого плодородия, в том числе и деторождения. Об этом же свидетельствуют тексты молитв-обращений к богине. Бывший жрец святилища с. Кок рассказывал Е. М. Шиллингу: «Тушоли считалась имеющей образ женщины. Ей ходили молиться женщины, молодые люди и дети. Про нее говорили: людей мать. Ей молились: „О, от бога идущая Тушоли, не сделанному бытие дай среди нас, сделанное оставь жить среди нас, скотину люди и умножай нам“»²⁹. Приведем еще текст, опубликованный Б. К. Далгатом: «Худое мы будем откармливать для себя, а откормивши, будем резать тебе (в жертву). Божье лицо Тушоли, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе; дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей, а родивших оставь в живых. Пошли нам обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лекарственное»³⁰.

В кавказоведческой литературе Тушоли известна как богиня весеннего оплодотворения³¹, богиня деторождения³², божество плодородия³³, весеннее божество плодородия³⁴. Говоря о генезисе культа богини Тушоли, Л. П. Семенов сопоставляет ее с фригийской богиней Кибелой, вавилонской Иштарью и приходит к заключению о возможном зарождении данного культа еще в глубокой древности³⁵.

Мятцил (Мятсели) в представлении вайнахов — покровитель земледелия и общего благополучия³⁶. Святилище в честь этого божества находилось на вершине Столовой горы, с двумя другими — под названиями Мятер-Диела и Сусон-Диела. Ежегодно в один из воскресных дней в конце июня — начале июля в святилище Мятцил отмечался праздник в честь этого божества, причем в нем принимали участие не только ингуши, но также осетины и чеченцы из ближних селений³⁷. Жрец в произносимой им молитве сперва обращался к божеству Диела, затем к Мятцилу с просьбами о хорошем урожае, потомстве, приплоде скота, о хорошем госте и избавлении от несчастий и т. д. Женщины во время молитвы пели, обращаясь к божеству Диела: «Колючим град не делай нам, жгучего мороза не посылай нам, о тяжелый (т. е. могучий) Диела»³⁸. После молитвы приносили в жертву скот. Затем для продолжения церемонии мужчины направлялись к Мятер-Диела, женщины — к Сусон-Диела³⁹. Как видим, общественные моления в честь Мятцила проводились как совместно, так и раздельно — мужчинами и женщинами. Это подтверждается имеющимися в литературе описаниями (В. Ф. Миллер, Л. П. Семенов)⁴⁰ других ингушских молений.

Все три святилища на Столовой горе расположены по линии восток — запад: с восточной стороны устроены входы в камеры, причем в

²⁸ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 32—34.

²⁹ Там же, с. 32.

³⁰ Далгат Б. К. Указ. раб., с. 101.

³¹ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 32, 33; Далгат Б. К. Указ. раб., с. 102.

³² Мугуев Х. М. Ингушетия: М., 1931, с. 136.

³³ Семенов Л. П. Указ. раб., с. 99.

³⁴ Калоев Б. А. Указ. раб., с. 181.

³⁵ Семенов Л. П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре. — ИЧИ НИИ ИЯЛ. т. I. В. I. Грозный, 1959, с. 204; его же. К вопросу о мировых мотивах в фольклоре ингушей и чеченцев. — Сб. АН СССР. В. 45, посвящ. акад. Н. Я. Марру. М. — Л., 1935, с. 551—552.

³⁶ Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 182; Калоев Б. А. Указ. раб., с. 181.

³⁷ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 73.

³⁸ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 31.

³⁹ Там же, с. 32. Е. М. Шиллинг подробно описывает отдельные этапы молений в честь Мятсели.

⁴⁰ Миллер В. Ф. Указ. раб., с. 3; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 73, 74.

святилище Мятцилце два — второй в западной стене⁴¹. Подобная ориентировка культовых сооружений и месторасположение входов не случайны и связаны, скорее всего, с культом солнца (восход, движение, ход). Паломники поднимались к святилищам на рассвете⁴² и начинали торжества (солнце всходит и освещает восточные стены зданий). Жрец читал молитву, обратив лицо к востоку⁴³. Праздник заканчивался чером у главного святилища Мятцил⁴⁴ (заход, проводы солнца, последние лучи на западной стене и отражаются в камере через дверной проем).

Святилище в честь божества Мятцил по раскопанным материалам датируется X—XI вв.⁴⁵ Как отмечает Л. П. Семенов, это святилище функционировало еще в начале XX в.⁴⁶

Сиели. В вайнахском пантеоне — это бог неба, молнии и грома⁴⁷. В представлениях чеченцев и ингушей, антропоморфное божество-громовержец Сиела грозен, но и справедлив. Б. К. Далгат со слов старожил горных селений писал в свое время: «Сиела представляется человеком подобным богом, отделенным от самого явления природы. Это самый страшный бог, но в то же время он справедлив и карает лишь тех, кто заслуживает этого. Это самый справедливый судья, земной, принимающий близкое участие в жизни людей; ему приписывалась заслуга в руководстве народной нравственностью»⁴⁸. Именем Сиели называли радугу — «Сиели-ат» (лук божества) и молнию — «Сиели-хаштак» (головешка Сиели). Убитого молнией было принято считать удостоившимся благодати громовержца, поэтому такого покойного не оплакивали. Умиротворительные моления с жертвоприношениями скотом совершались 1-м месяце Сиели (видимо, в мае) у святилищ божества.

Культовые постройки в честь божества Сиели, как показали данные раскопок, возводились с X—XI вв.⁴⁹ Функционирование же самих памятников божества продолжалось, как отмечалось, до недавнего прошлого.

Ерды, по представлениям вайнахов, — божество в виде мужчины, постоянно жившего в пещере на северной стороне Скалистых гор (Цейлам). Однако здесь празднеств в его честь не устраивали. Молились божеству в начале покоса, в так называемый «ветреный понедельник», когда все работы приостанавливались из-за боязни вызвать неудовольствие ветра и его незамедлительную кару — губительную для всех бурю⁵⁰.

Функции божества Ерды определить довольно трудно⁵¹. Возможно, в прошлом он считался общеплеменным божеством, почитавшимся в более ранние по сравнению со средневековым исторические эпохи. Тогда станут понятными такие свидетельства, как проживание Ерды в пещере и отождествление его с божеством пещер и скал⁵². В XVIII—XIX вв. в молитвах и названиях культовых объектов он фигурировал как нарицательное имя бога вообще — «божество», «святая», «патрон», «покровитель» и т. п. Вот несколько примеров.

Слово ерды — составная часть названия известного средневекового христианского храма в горной котловине Тхаба-Ерды. Существует целый ряд мнений о переводе этого названия. Большинство исследователей склоняется к мысли, что под словом «Тхаба-Ерды» следует пони-

⁴¹ Щерблякин И. П. Архитектура древних ингушских святилищ. — ИИ НИИК. В. 2-3. Владикавказ, 1930, с. 412—420.

⁴² Семенов Л. П. Указ. раб., с. 15.

⁴³ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 31.

⁴⁴ Там же, с. 32.

⁴⁵ Мужухов М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 64—67.

⁴⁶ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 73.

⁴⁷ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 35; Далгат У. Б. Указ. раб., с. 55.

⁴⁸ Далгат Б. К. Указ. раб., с. 21.

⁴⁹ Мужухов М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 64—66, 81.

⁵⁰ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 37.

⁵¹ Там же.

⁵² Далгат Б. К. Указ. раб., с. 101; Далгат У. Б. Указ. раб., с. 61.

мать «храм святого двух тысяч»⁵³. Имеются и другие объяснения этого названия: «храм святого Фомы»⁵⁴, божества «Тхаба», или «Тхъа»⁵⁵. Последнее предположение нам представляется наиболее убедительным. Действительно, если воспринимать слово «ерды» как общее понятие божества, то название «Тхаба-Ерды» надо переводить — «храм божества Тхаба, или Тхъа». Укажем, что в районе расположения храма есть ущелье и река, носящие также название «Тхаба»⁵⁶. Следовательно, в данной местности особым почитанием пользовалось божество Тхаба, именем которого назывались храм, ущелье и река.

Названия многих вайнахских святилищ XIII—XIV вв. являются сложными и оканчиваются на -ерды. Например, Маго-Ерды. По преданиям, Маго — родоначальник ингушей и святилище было построено в его честь⁵⁷. Поэтому название культового здания следует воспринимать как святилище «святого Маго». В литературе существует также мнение, что эта постройка первоначально была христианской церковью⁵⁸. Праздничный ритуал с молитвами и жертвоприношениями скотом в честь покровителя Маго подробно описан Ф. П. Горелекиным⁵⁹. Памятник расположен близ с. Маготе в горной Ингушетии и по раскопчным материалам датируется XIII—XIV вв.⁶⁰ В с. Тумгой Ассиновской котловины есть святилище под названием Тумгой-Ерды, что должно означать — культовая постройка божества, патрона с. Тумгой. Подобные примеры при необходимости можно значительно умножить. Однако и этого нам представляется достаточным для заключения о возможности отождествления слова ерды в названиях культовых сооружений эпохи позднего средневековья с нарицательным именем божества (патрона, святого) вообще.

Галь-Ерды — покровитель скотоводства⁶¹. Святилища в его честь отмечены в различных местностях горной Ингушетии⁶². Под Галь-Ерды следует понимать божество Галь, которому посвящались культовые объекты. Дважды в году, зимой и летом, у стен святилищ ему устраивали милостивительные моления с принесением в жертву животных — коз и коров. Женщины в этом празднике не участвовали. Жрец во время празднования произносил следующую молитву: «О великий боже Деа-ла! Да будет на нас милость твоя! Чтобы наш род сделался великим, чтобы наш скот стал многочисленным!... О золотой Галь-ерды!... Не лиши нас родственных связей, не сделай нас немощными и бедными, избавь от града, молнии, ветра, не погуби напрасно нашего труда»⁶³. Как видим, текст этой молитвы начинается обращением к Диела, после которого следует обращение к Галь-Ерды. Это, несомненно, говорит о подчиненной роли последнего верховному патрону пантеона. Одно из святилищ в честь Галь-Ерды, раскопанное нами у горного с. Шуан, датируется XIII в.⁶⁴

⁵³ Далгат Б. К. Указ. раб., с. 142; Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 106; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1970, с. 128 и др.

⁵⁴ Гамбашидзе Г. Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. — IV Крупновские чтения. Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1974, с. 69; его же. К объяснению названия храма Ткобъ-Ерды. — Мацне. Тбилиси, 1974, № 2, с. 120—129 (на груз. яз.).

⁵⁵ Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 82; Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды»..., с. 337; Алироев И. Ю. К вопросу о роли древнейшей религии вайнахов в пропаганде научного атеизма. — В кн.: Социология, атеизм, религия. Т. I. Грозный, 1972, с. 160.

⁵⁶ Берже А. П. Указ. раб., с. 82.

⁵⁷ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 74.

⁵⁸ Кобычев Б. П. Указ. раб., с. 140.

⁵⁹ Горелекин Ф. И. Указ. раб.

⁶⁰ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 73.

⁶¹ Крупнов Е. И. Указ. раб., с. 183.

⁶² Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 33.

⁶³ Алборов Б. А. Ингушское «Гальерды»..., с. 349.

⁶⁴ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 71.

Наряду с общевайнахскими божествами в поздние средневековья быту чеченцев и ингушей были широко распространены культы в честь покровителей групп селений, отдельных населенных пунктов и фамилий. Все они не имели ярко выраженной специализации, и жертвоприношения в их честь могли происходить в связи с самыми различными вопросами хозяйственной и общественно-семейной жизни горцев.

Общинные покровители

Тхаба-Ерды. Е. М. Шиллинг правомерно отнес это божество в группу общинных покровителей, указав, что так называется и «средневековая христианская церковь, построенная грузинами и позднее приспособленная галгаями (ингушами) для своих родовых культов»⁶⁵. Если судить по сохранившимся преданиям, то храм Тхаба-Ерды был построен на месте древнего капища, посвященного местному божеству Тхаба. В дальнейшем, видимо, этому же божеству совершались моления в христианском храме, превратившемся в языческое святилище. Праздник в честь Тхаба-Ерды отмечали ежегодно весной жители трех главных селений горной Ингушетии — Эгикала, Хамхи и Таргима, а также с. Евла. Моление о всеобщем благополучии сопровождалось жертвоприношениями скотом (резали быков и баранов), варили пиво. В святилище приносили также наконечники стрел, которые сохранились еще в конце XIX — начале XX в. Моление Гоанцхой (на Рождество) продолжалось три дня, Ноджой (Новый год) — один день, причем участвовали в нем только мужчины. Молились о всеобщем благополучии, хорошей погоде, урожайности полей, приплоде скота, удачной охоте и т. п.

Гурмет-цуу. Святилище в честь этого божества близ с. Гапп в горной Ингушетии почиталось жителями группы сел — Гаппи, Пуй, Кяхк и Хайрах. Праздник в честь Гурмет-цуу отмечался летом в месяце оджой-бут. Как и другим общинным покровителям, этому божеству молились о всеобщем благополучии⁶⁶. Кроме названных, среди ингушей были известны культы других общинных божеств: Маги-Ерды, которому поклонялись жители селений Салги и Гув, Фаппи-Ерды в Мецхальском обществе Боалам-диела и др.⁶⁷.

Сельские покровители

В поздние средневековья в горных районах Чечено-Ингушетии появляется множество культовых построек нового типа — склепообразных и столпообразных. Все они располагались вблизи башенных поселений или по их окраинам. Склепообразные святилища часто носят названия селений с прибавлением к этой основе имени какого-либо языческого божества. Так, в с. Эрзи известна культовая постройка под названием «Эрдзели» (Эрд-Сиели), в с. Тумгой — святилище «Тумгой-Ерды», в Морч — «Морч-Сиели», в Бейни — «Бейни-Сиели» и т. д. Как видим, повсеместно известное божество Сиели оказывается в значении местного сельского покровителя, а ерды, как мы пытались обосновать выше, выступает в качестве нарицательного имени бога вообще.

Сохранившиеся названия святилищ отдельных селений свидетельствуют о том, что они были построены в честь общесельских богов-патронов. К ним, очевидно, могут быть причислены и безымянные святилища, которые, как и все другие, связаны с конкретными населенными пунктами, а несохранившиеся названия их скорее указывают на узкий круг почитания (отдельное поселение). Они, надо полагать, и назывались по примеру других просто по названию отдельных селений.

⁶⁵ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 26, 27.

⁶⁶ Там же, с. 23.

⁶⁷ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 79.

Правомочность выделения сельских святилищ и связанных с ними патронов может быть хорошо проиллюстрирована и материалами раскопок. Приведем несколько примеров.

Морч-Сиели. Святилище в честь этого местного божества-покровителя находится близ с. Морч, в Джейраховском ущелье горной Ингушетии. Во время раскопок в небольшом культурном слое были найдены наконечники стрел, с помощью которых (по аналогиям, а также по стратиграфическим данным) данную культовую постройку можно датировать XV—XVI вв. Костные остатки животных минимальны⁶⁸.

Эрдзели (Эрд-Сиели). Святилище в честь этого божества находится недалеко от с. Морч и по обнаруженным наконечникам стрел датируется XV—XVI вв. Найденное в камере святилища небольшое число костей животных свидетельствует о жертвоприношениях, совершавшихся в честь этого божества⁶⁹.

Как можно видеть, оба культовых памятника были возведены в сравнительно позднее время. Слабый культурный слой, незначительные костные остатки животных, названия святилищ, их местоположение указывают на довольно узкий круг почитателей местных патронов — жителей одного селения. Наиболее значительные жертвоприношения скотом, судя по раскопочным материалам, совершались в основном у культовых сооружений в честь общинных и особенно общевайнахских божеств.

Фамильные покровители

По преданиям божество Мятцил имело двух братьев — Тамыж-Ерды и Амгали-Ерды, которые в более поздних представлениях вайнахов считались фамильными божествами. Однако вполне вероятно, что здесь налицо пример изменения статуса общевайнахского божества, со временем оказавшегося на более низкой ступени — в группе фамильных божеств.

Тамыж-Ерды считался покровителем фамилии Борцовых, одному из представителей которых, как гласят предания, он явился в образе белого козла — Тамыж-Ерды. Постоянным местопребыванием почитаемого патрона считалась пещера на самой вершине горы, в районе с. Хули в горной Ингушетии. Здесь, согласно преданию, находилось каменное ложе кумира и жертвенник. В пещере, по рассказам старожилов, имелся и какой-то сосуд с жидкостью, по уровню которой определяли урожайность наступающего года. Моление в честь Тамыж-Ерды совершалось ежегодно во время сенокоса. «Войдя в пещеру, — пишет Б. К. Далгат, — потомуки Борца разводят огонь, и, осмоллив баранью голову, начинают петь молитвы голосами, напоминающими вой зверей. Народ танцует и веселится, но воздерживается от пищи»⁷⁰. Празднество в честь патрона фамилии Борцовых сопровождалось небольшим жертвоприношением скота.

Амгали-Ерды. Сведения о нем очень скудны и отрывочны. По Б. К. Далгату, это божество почитала лишь одна фамилия в Джейрахском ущелье. Амгали — урочище на вершине горы, где находились культовые постройки общевайнахского божества Тушоли. Здесь и происходили моления в честь Амгали-Ерды. Специальных же святилищ в его честь не было⁷¹.

Наряду с Тамыж-Ерды и Амгали-Ерды известны и другие фамильные патроны и культовые памятники, названные их именами. Так, по рассказам старожилов, святилище Дик-Сиели было возведено Куштиевыми из с. Дугаргишт Джейраховского ущелья⁷². Святилище Ауша-Сел, находившееся недалеко от с. Эфкал, где проживала фамилия Аушевых⁷³ по-

⁶⁸ Там же, с. 79, 80.

⁶⁹ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 29.

⁷⁰ Далгат Б. К. Указ. раб., с. 102; Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 28, 29.

⁷¹ Далгат Б. К. Указ. раб., с. 102.

⁷² Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 73.

⁷³ Робакидзе А. И. Указ. раб., с. 110.

читалось только этой фамилией. Данное святилище, исследованное нами, датируется XVI в.⁷⁴.

К средневековым культовым сооружениям горной Чечено-Ингушетии относятся также многочисленные столпообразные святилища, наряду с которыми продолжали функционировать и все другие виды святилищ. Столпообразные культовые постройки были местом почитания уже не целого селения и тем более группы сел, а лишь отдельных фамилий. До настоящего времени такие святилища сохранились у некоторых селений; например, около с. Эрзи — их два, у с. Эгикал — три. К тому же они нередко располагаются вблизи фамильных склепообразных святилищ⁷⁵.

Моления у склепообразных святилищ, на которые распространялись названия конкретных божеств, строго регламентировались. Святилища общеплеменные в основном посещались в определенные времена года, как правило, по всенародным праздникам; святилища, предназначенные для групп селений, собирали молящихся чаще, по более широкому кругу вопросов; святилища сельские и фамильные были предназначены для повседневных нужд. Поэтому далеко не случаен был выбор места для строительства святилищ: общеплеменные возводили на труднодоступных, издревле почитаемых вершинах гор (в народном сознании это было постоянным местопребыванием главных божеств), вдали от поселений; общинные — на склонах гор, сравнительно недалеко от селений, сельские и фамильные — по окраине селений. Произносимые во время ритуала молитвы первоначально обращались к общеплеменным божествам и лишь затем к божествам-покровителям более низшего ранга.

Анализ рассмотренных в статье материалов говорит о достаточно сложном составе вайнахского пантеона божеств, в представлениях чеченцев и ингушей связывавшихся с самыми различными сферами их быта и окружающей природой. Верховным божеством вайнахского пантеона был Диела. Подобный сложный пантеон языческих божеств с их подразделением на общевайнахские, общинные, сельские и фамильные оказался вполне жизнеспособным и в развитом социально-экономическом обществе⁷⁶. Каждому из божеств возводили одно или несколько святилищ, причем место для их строительства выбиралось в соответствии с установившейся в сознании вайнахов иерархией божеств. Иерархия вайнахских божеств отражена также в формуле молитвенных обращений, произносившихся вайнахскими жрецами в святилищах: как правило, первым называлось имя общеплеменного божества, вторым — имя божества более низшего ранга.

Четко установленные даты для посещений святилищ были определены лишь в отношении общеплеменных божеств. В эти дни здесь устраивали широкие общественные моления с большим жертвоприношением скотом. В общинных, сельских и фамильных святилищах моления происходили чаще и не обязательно в установленные обычаем даты, когда местные жители обращались с самыми различными нуждами.

Рассмотренный в статье пантеон не составляет исключения. Аналогии ему широко известны у многих других народов Кавказа и довольно полно описаны в кавказоведческой литературе⁷⁷.

⁷⁴ Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы, с. 20, Мужухов М. Е. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии..., с. 81.

⁷⁵ Щерблякин И. П. Указ. раб., с. 439; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания, с. 99, 101.

⁷⁶ Мужухов М. Б. Эволюция верований..., с. 73.

⁷⁷ См., напр.: Шиллинг Е. М. Указанные работы.

ГУСЛИ У ПОВОЛЖСКИХ НАРОДОВ

Музыкальный инструментарий народов Среднего Поволжья богат и разнообразен. Здесь с давних пор получили широкое распространение духовые, струнные, мембранные и самозвучающие инструменты. Это различные флейты из глины, тростника, дерева с игровыми отверстиями и без них; трубы, сделанные из бересты, дерева или рога животных; волынки, трещотки, барабаны, скрипки, гармоники, гусли и др. Разнообразны и формы их функционирования. С давних пор музыкальные инструменты использовали на различных общественных и семейных праздниках, а также во время земледельческих, культовых и других обрядов; они служили сигнальным средством на охоте, употреблялись в качестве манков для ловли птиц и т. д.

Многообразие музыкальных инструментов и форм их функционирования отражает длительную историю народной культуры, сложные пути формирования и расселения поволжских народов.

Некоторые из музыкальных инструментов были характерны только для одного народа Среднего Поволжья и бытовали на территории его расселения; другие, в равной мере известные многим народам, были распространены широко. Так, *кубыз* и *курай* наиболее характерны для татар, многоствольная флейта *чипсан* — для удмуртов, волынки и барабаны — для чувашей и марийцев, гармоника и балалайка — для русских. Вместе с тем у всех поволжских народов издавна был известен очень древний музыкальный инструмент — гусли. Наличие их у славян Поволжья отмечено арабскими путешественниками X в. Ибн-Фадланом и Ибн-Даста¹. Каких-либо данных о бытовании гуслей у местных поволжских народов в это время мы пока не имеем. Однако наличие их у татар в более позднее время отмечено многими исследователями края.

Так, автор «Казанской истории» (XVI в.) среди музыкальных инструментов, известных в то время татарам, называет гусли². Гусли упоминают участники академических экспедиций второй половины XVIII в. Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас, И. Г. Георги, С. Г. Гмелин³. О широком распространении гуслей у народов Поволжья в XIX в. писали А. Фукс, В. Сбоев, С. Михайлов, А. Риттих, В. Мошков и др.⁴ В начале 20-х годов XX в. появилась специальная статья, посвященная гусям чувашей⁵. Вместе с тем в работах указанных авторов сведения о гусях отрывочны, неполны. Они не дают возможности представить конструктивные особенности поволжских гуслей, их строй, способы игры, музыкально-выразительные возможности т. д.

Мы в течение ряда лет собирали материал по музыкальным инструментам поволжских народов, в том числе и по гусям. Встречи с мастерами, изготовлявшими гусли, и гусярами разных народов, знакомство с гусями татар, чувашей, марийцев и других народов, живущих компактными массивами или чересполосно, дали возможность выявить разнообразие конструктивных особенностей поволжских гуслей и их роль в жиз-

¹ Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России. М.—Л., 1928, с. 23.

² Казанская история. М., 1953, с. 149.

³ Миллер Г. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791, с. 80; Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773, с. 145; Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, с. 29, 38, 45, 52; Харлампович К. Известия Гмелина о Казани и о Казанских инородцах.—Изв. О-ва археологии, истории и этнографии, т. XIX, в. 5—6, 1908.

⁴ Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840, с. 75, 224; Сбоев В. Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань, 1856, с. 76; Михайлов С. О музыке чуваш.—Казанские губ. ведомости, 1852, № 31, с. 41; Риттих А. Материалы для этнографии России. Казанская губерния.—Казань, 1870, с. 102; Мошков В. Музыка чувашских песен.—Изв. О-ва археол., ист. и этногр. при Казанском ун-те. т. XI, в. 1. Казань, 1893, с. 47.

⁵ Павлов Ф. Чувашские гусли.—Сунтал, 1928, № 8 (на чувашск. яз.).

ни поволжских народов. Нами рассмотрены также гусли, хранящиеся в коллекциях краеведческих музеев Казани, Йошкар-Олы, Чебоксар, Козьмодемьянска и других городов.

Термин «гусли», как известно, имеет общий корень во всех славянских языках. Он применяется для обозначения струнных инструментов. У южных и западных славян это смычковый инструмент: *гусле* (сербы, хорваты), *гусла* (болгары), *gešle* (поляки), *housle* (чехи, словаки); у восточных славян (русские, белорусы) *гусли* — щипковый инструмент. Народы Прибалтики аналогичный по конструкции струнно-щипковый инструмент называют *kannel* (эстонцы), *kokle* (латыши), *kankles* (литовцы); *kantele* (карелы и финны). У народов Поволжья бытуют следующие названия гуслей: *гәслә* (татары), *кёсле* (чуваши), *кӱсле* (марийцы), *крезы* (удмурты), *кайга* (мордва).

С давних времен у народов Восточно-Европейской равнины были известны два типа гуслей — крыловидные и шлемовидные. Крыловидные гусли имеют долбленный корпус в форме крыла, изготовленный из березы, сосны, ели. Сверху он накрывается еловой декой. В узкий конец корпуса вставляется круглый деревянный или металлический струнодержатель, а на широком конце, так называемом открылке, размещаются деревянные колки. В верхней деке вырезаются резонаторные отверстия. Длина инструмента колеблется в пределах 550—650 мм, ширина открылка — 200—300 мм. Высота боков — 30—40 мм. Пять — девять металлических струн расположены радиально. Настраивается инструмент в диатонике. Во время исполнения музыкант сидит, прижимая корпус гуслей к животу, узкая сторона их обращена вправо, широкая влево. Основной прием игры — бряцание пальцами правой руки по всем струнам одновременно; пальцы левой руки, касаясь струн, глушат ненужные звуки. Басовые звучат непрерывно. Крыловидные гусли в прошлом были распространены в Карелии, Псковской, Калининской и Новгородской областях РСФСР, в Белоруссии, а также в Прибалтике. Наиболее полно конструктивные особенности и разновидности крыловидных гуслей, а также некоторые вопросы их происхождения освещены в работах И. В. Тынуриста⁶. На территории Среднего Поволжья этот тип гуслей не отмечен.

Шлемовидные гусли имеют глубокий корпус из тонких еловых или сосновых дощечек, формой своей напоминающий шлем. Верхняя и нижняя деки плоские, левая сторона верхней деки выступает над корпусом, и в этом месте размещены колки и порожек. На противоположной стороне — дугообразный струнодержатель. В центре вырезано резонаторное отверстие. Примерные размеры гуслей: длина 850—1050 мм, ширина — 350—500 мм. Высота обечаек — около 100 мм. Струны жильные, общим числом от 11 до 35, расположены параллельными рядами, сверху дискантовые, внизу басовые. Инструменты конца XIX — начала XX в. настраивались следующим образом: дискантовые по ступеням диатонического ряда (преимущественно мажорного наклонения), басовые по квинтам или квартам. Благодаря жильным струнам инструмент звучал мягко, но достаточно громко. На струнах высокого регистра исполняла мелодию, а на струнах низкого велось гомофонно-гармоническое сопровождение и непрерывное басовое звучание (бурдон). В прошлом шлемовидные гусли были широко распространены в Новгородской, Вятской и Смоленской губерниях, а также на территории Среднего Поволжья. В настоящее время это единственный тип гуслей, встречающийся у поволжских народов.

Шлемовидные гусли на территории Среднего Поволжья не однотипны. Они различаются конфигурацией верхних и нижних дек, формами резонаторов, количеством струн, строем и др. Так, по конструкции верхние

⁶ Тынурист И. В. Где во гусли звонили? (Опыт картографирования народных музыкальных инструментов). — В сб.: Этнографические исследования северо-запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л.: Наука, 1977. Его же. Кантеле от земли вепсов до земли сету. — В сб.: Музыкальное наследие финно-угорских народов. Таллин, 1977.

деки шлемовидные гусли делятся на гусли с цельной и составной верхней декой.

Первые имеют размеры 790—890 мм на 300—350 мм. Форма деки у них либо в виде шлема с выступающими концами, либо в виде трапеции с закругленными углами. Струнодержатель прямой или слегка изогнутый. Резонаторные отверстия в форме круга, звезд, полумесяца, иногда крестообразные. Головки колков в виде лопаточек, ромбов, квадратов, кругов. Струны (от 10 до 21) в старинных гуслих жильные, в более поздних — металлические (гитарные, мандолинные, домровые).

Составная верхняя дека имеет две части: тонкую, резонирующую (правая) и толстую, колковую (левая). По форме такая дека напоминает шлем. Длина ее — 750—1200 мм, ширина — 340—540 мм, толщина резонирующей части — 2—3 мм, колковой — 10—13 мм. К верхней деке крепятся обечайки — правая изогнутая, левая иногда прямая. К обечайкам прикрепляется нижняя дека (в форме изогнутого треугольника), по размерам несколько меньшая, чем верхняя (длина 660—725 мм, ширина 260—360 мм). Слева верхняя дека выступает над нижней, образуя открьлок, где расположены отверстия для колков или струнодержатель. Колки обычно деревянные с головками в виде лопаточек, усеченного треугольника, квадратиков. Встречаются и металлические колки в виде штифтов. Струны (от 18 до 40) жильные или металлические.

Отмеченные конструктивные особенности шлемовидных гуслей на рассматриваемой территории четкой локализации не имеют. Так, гусли с составной верхней декой встречаются почти у всех поволжских народов, различаясь лишь небольшими конструктивными особенностями (формой и количеством резонаторных отверстий, формой колков, количеством струн и т. д.). Гусли с цельной верхней декой отмечены в Горномарийском районе Марийской АССР, Ядринском районе Чувашии, известны они и в районах расселения татар-крышен и удмуртов. Татарские и удмуртские гусли различаются лишь рядом несущественных признаков. Так, на татарских гуслих в основном круглые резонаторные отверстия, причем в нечетном количестве (3, 5, 7). Расположены они неодинаково; если их три, то одно — у вершины верхней деки, а два — вдоль боковых ее сторон, если пять или семь, то одно (большее по размерам) находится в середине, остальные — симметрично вокруг него. На инструментах удмуртов отмечены резонаторы в виде крестов, такая же форма резонаторов — на гуслих карел, хантов и манси. Вместе с тем у разных народов встречаются одинаковые по конструктивным особенностям гусли. Так, удмурты, проживающие на территории Елабужского и Балталинского районов ТАССР, играют на гуслих, ничем не отличающихся от татарских. В Козьмодемьянском районе Марийской АССР и Ядринском районе Чувашии бытуют гусли, в одинаковой мере используемые горными марийцами и чувашами-вирьялами. Сходства у этих народов прослеживаются и по другим элементам материальной и духовной культуры.

Строй гуслей в Поволжье отличается ладовым разнообразием. Так, татарские гусли в настоящее время, как и в прошлом, настраиваются в пентатонике, что отражает ладовую структуру татарской народной музыки. Марийцы в прошлом играли на гуслих в пентатоническом и диатоническом строе, сейчас преимущественно в диатонике. Чувашские гусли настраивались в диатонике с преобладанием гексахордовой (шестиступенной) последовательности. В настоящее время в инструментах с большим количеством струн (22—34) в отдельных регистрах используются хроматические ступени.

Играют на гуслих сидя, положив их на колени, при этом верх инструмента упирается в грудь. Играют и стоя. В этом случае инструмент привязывают за концы верхней деки веревкой, набрасывают ее на шею, и гусли находятся в висячем положении. Во время домашнего музицирования инструмент обычно кладут на стол или на подставку. При игре исполнитель пальцами правой руки выводит мелодию, а левой, вытянутой вперед над корпусом гуслей и чуть-чуть согнутой в локте, исполняет гомофонно-гармоническое сопровождение, состоящее из одного-двух ба-

Гусли: а — с составной верхней декой, б — с цельной верхней декой (Марийская АССР, Горномарийский район, дер. Емангаши)

в квартово-квинтовом или октавном соотношении и двух-трех звуковых аккордов. Функции правой и левой руки могут меняться. Например, Горномарийском районе Марийской АССР отмечен способ игры, когда музыкант левой рукой исполняет мелодию, а правой — бас и аккомпанемент. В зависимости от положения инструмента постановка рук может несколько изменяться за счет повышения или понижения предплечья, локтевого и плечевого суставов. Иногда на одном инструменте играют двое исполнителей. В этом случае один стоит, исполняя мелодию в верхнем регистре, а другой сидит, держа на коленях инструмент и аккомпанируя в нижнем и среднем регистрах.

Гусли в Среднем Поволжье делали, как правило, местные мастера. В конце XIX в. на рассматриваемой территории существовал даже кустарный промысел по изготовлению народных музыкальных инструментов, в том числе и гуслей, производство которых было сосредоточено в Казанской губернии, преимущественно в Козьмодемьянском, Ядринском, Царевококшайском уездах. Так, во многих деревнях Царевококшайского уезда (ныне Новотурьяльского, Оршанского, Юринского и Моркинского районов Марийской АССР) было по два-три мастера профессионала. Они же, как правило, умели хорошо играть на инструменте. Изготавливали гусли и в Симбирской, Вятской и Нижегородской губерниях⁷. Поволжские гусли пользовались большой популярностью за пределами края. Так, гусли чувашских мастеров, в 1865 г. принесенные в дар Русскому географическому обществу⁸, в 1896 г. экспонировались на XIV Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде⁹, а в 1902 г. — на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в Петербурге¹⁰. Термин «чувашские гусли» вошел в обиход, и многие музыканты шлемовидные гусли называли «чувашскими». В 1913 г. в Козьмодемьянске была открыта первая в России школа инструкторов по изготовлению музыкальных инструментов, где под руководством опытных мастеров делали и гусли¹¹. Гусли, изготовленные в Козьмодемьянске, вывозили на продажу в уездные города Вятской губернии, Казань, Нижний Новгород¹².

Процесс изготовления гуслей начинался с предварительных заготовок необходимого материала. Еловые доски, предназначенные для изготовления инструмента, подвергали «закаливанию». Для этого их 6—8 раз замачивали водой, а затем сушили в течение 2—3 лет. Мастера говорили, что «чем больше дерево выдерживали, тем громче играли гусли». Наиболее ответственным и сложным был процесс изготовления верхней деки. От ее качества зависели тембр и громкость инструмента. Вначале соби-рался деревянный щит из отдельных досок, тщательно подогнанных друг к другу. Он склеивался деревянным клеем и закреплялся снизу поперечными планками. Затем его шлифовали и осторожно, по предварительной разметке, вырезали необходимую форму деки. Колковую деку изготавливали из цельного куска дерева. После соответствующей обработки и подгонки сверху выжигали отверстия для колков. Колки вырезали ножом и шлифовали кусочками стекла. Нижняя дека выпиливалась по рисунку из фанеры. Для придания боковым обечайкам нужных изгибов доски обтупляли в горячую воду, распарив, их гнули тут же в воде и «закрепляли» веревкой «на манер тетивы лука». После этого вынимали из воды и высушивали. Струнодержатель выстругивали, сверху в нем прорезали и выжигали отверстия для крепления струн.

⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества/Под ред. Семенова В. П. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901, с. 253—254.

⁸ Чуваш. Этнографическое исследование. Чебоксары, 1970, с. 255.

⁹ Липаев И. Музыка на XIV Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896.

¹⁰ Инструмент, изготовленный мастером П. Е. Волковым, был удостоен медали, которая хранится в архиве Чувашского научно-исследовательского института (инв. № 382).

¹¹ Васин К., Сануков К., Сергеев М. По памятным местам. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1968, с. 66.

¹² Крюкова Т. А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1956, с. 82.

Изготовление струн имеет в Среднем Поволжье свои национальные традиции. Чувашские и марийские музыканты струны выделывали сами. Для этого брали кишки барана, овцы, ягненка, промывали их и помещали на 10—12 часов в соленую воду. После вымачивания мягкая оболочка отпадала. Оставшийся твердый остов — струну подвешивали в натянутом положении для сушки, после чего ее шлифовали. В настоящее время жилые струны встречаются редко, лишь в старых инструментах у пожилых исполнителей. В новых же инструментах широко применяются металлические струны фабричного производства (для балалайки, домры, мандолины, гитары).

Гусли имели широкое распространение в быту всех поволжских народов. У удмуртов игра на гуслях была неотъемлемым компонентом обряда первой борозды (*гырыны потон*), летнего праздника *мудор суд*, свадебного обряда¹³. У марийцев гусли также звучали во время праздничных, свадебных и религиозных обрядов, например во время молений и похорон. У чувашей гусли были в центре любого праздника. Гусляры всегда пользовались особым вниманием и уважением. На пасхе у чувашей непременно звучали гусли. Во время обряда *вирем* (изгнание из дома «шайтана») употреблялись гусли и разнообразные трещотки. Гусли звучали и на поминках¹⁴. Татары играли на гуслях во время свадьбы, на сабантее, на различных молодежных гуляниях. У всех народов широко было распространено ансамблевое исполнительство. В состав ансамблей народных музыкальных инструментов входили гусли, гармоника, скрипка, пузырь.

На гуслях в прошлом играли как мужчины, так и женщины. Сейчас у горных марийцев и татар исполнители в основном женщины, у луговых марийцев и чувашей-вирьял — мужчины.

Широкое бытование на рассматриваемой территории у разных народов близкого по форме и художественно-выразительным возможностям инструмента с давних пор породило различные версии о его происхождении. Участник академической экспедиции второй половины XVIII в. Г. Ф. Миллер считал, что русские, чуваша, марийцы и удмурты заимствовали у татар — «как употребление сего инструмента, так и его название»¹⁵. Однако каких-либо данных в подтверждение этой точки зрения он не приводил. Известный ученый XIX в. А. С. Фаминцын считал родной гуслей Восточную Азию, откуда через Византию они проникли в Европу, а затем к русским. Распространение гуслей у поволжских народов Фаминцын считает вторичным, связанным с русским влиянием. Для доказательства этого он приводит лишь славянское название инструмента¹⁶. Чувашский ученый Ф. П. Павлов высказал предположение о возможности принесения гуслей в Поволжье предками чувашей из Азии.

Версии о восточном происхождении гуслей придерживался и автор «Очерков по истории русских народных инструментов» А. Новосельский. Он считал, что гусли, занесенные с Востока, были заимствованы сначала русскими, а от них уже поволжскими народами¹⁷. Существует точка зрения, связывающая происхождение гуслей с финскими племенами. Ее отстаивал известный исследователь русских народных инструментов конца XIX — начала XX в. Н. И. Привалов и его современник искусствовед Н. М. Лисовский. Они указывали на большую древность финской «Калевалы» по сравнению с русскими былинами (в них упоминаются соответ-

¹³ Истоки удмуртского музыкального искусства.— Сб.: Путь к удмуртской опере. Ижевск, 1969, с. 4.

¹⁴ Михайлов С. Краткое этнографическое описание чуваш.— Сб.: Труды по этнографии. Чебоксары, 1972, с. 80.

¹⁵ Миллер Г. Ф. Указ. раб., с. 80.

¹⁶ Фаминцын А. Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1894, с. 67, 68, 100—104.

¹⁷ Новосельский А. Очерки по истории русских народных инструментов. М.: Госмуз. изд-во, 1931, с. 30.

венно кантеле и гусли)¹⁸. Все эти точки зрения можно рассматривать только как гипотезы, требующие еще серьезных доказательств.

В настоящее время широкое распространение получила восточнославянская теория происхождения гуслей. Ее придерживаются и авторышедшего недавно «Атласа музыкальных инструментов народов СССР». Они считают, что гусли были заимствованы поволжскими народами у скоморохов, в XVII в. изгнанных на окраины Московской Руси. Скоморохи способствовали распространению инструмента по всей территории Поволжья. В подтверждение этой точки зрения авторы приводят лишь славянское происхождение термина «гусли», бытовавшего всех поволжских народов¹⁹.

В середине XIX в. была высказана точка зрения о конвергентном происхождении гуслей. Она принадлежала известному исследователю культуры и быта поволжских народов В. Сбоеву²⁰. Он считал, что поволжские народы заимствовали у русских лишь название инструмента, сам инструмент является творением многих народов. В настоящее время данную точку зрения поддерживает музыковед М. Н. Нигмедзянов²¹. Эта точка зрения нам представляется более правильной. Можно предположить, что происхождение гуслей в Поволжье было связано с древнейшим струнным инструментом — музыкальным луком. Еще до недавнего времени он бытовал на территории Марийской и Удмуртской ССР. Здесь было известно несколько разновидностей музыкального лука. У марийцев музыкальный лук *конг-конг* (*чыра кӱсле*) имел одну струну. Основным способом звукоизвлечения было зажимание струны пальцами. Материалом для инструмента служила тонкая, хорошо высушенная еловая лучина длиной 400—600 мм, шириной 30—40 мм. Ее концы для получения необходимой формы изгиба стягивали тетивой (струной), сделанной из овечьих кишок, льняных ниток или из волокон хлопчатника. Встречались инструменты с жильными и металлическими струнами. Во время игры инструмент держали в горизонтальном положении, плотно прижав один конец лучины ко рту: полость рта служила резонатором, а движения губ изменяли высоту и тембр инструмента. Разновидностью музыкального лука у марийцев были так называемые земляные гусли *келе*. Резонатором у них была не полость рта, а земля. Инструмент ставили в вертикальное положение, оперев одним концом о землю. Нажатием руки на другой конец изменялось натяжение струны, которая так же, как и в первом случае, зажималась пальцами. Несмотря на иные конструкции и способ звукоизвлечения характерны для удмуртского музыкального лука (*пукыч*). Инструмент имел две-три струны, звук извлекался трением смычка, также в форме лука, но с одной натянутой струной (тетивой). Усовершенствование музыкального лука (устройство резонаторного корпуса, увеличение количества струн и т. д.) способствовало появлению музыкального инструмента, близкого по форме к современным гуслям. Дальнейшее развитие гуслей привело к модификации их формы, размеров, появлению некоторых конструктивных деталей (например, переключателей для изменения строя инструмента), увеличению количества струн. Все это было связано с ладовыми особенностями музыки и художественными вкусами поволжских народов.

Изложенный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Гусли — один из древнейших музыкальных инструментов народов Поволжья. Их бытование отмечено до присоединения края к русскому государству, т. е. до начала массового заселения Поволжья русскими.

¹⁸ Привалов Н. Звончатые гусли на Руси. — Музыка и пение, 1908, с. 7, 8, 10; Лисовский Н. Отзыв о сочинении А. Фаминцына «Гусли — русский народный инструмент». — Записки Археологического общества, нов. сер., 1893, т. 6, с. 82.

¹⁹ Вертков К., Благодатов Г., Язовицкая Э. Атлас музыкальных инструментов народов СССР. М.: Музыка, 1975, с. 9, 36.

²⁰ Сбоев В. Указ. раб.

²¹ Нигмедзянов М. Татарские народные музыкальные инструменты. — Сб.: Музыкальная фольклористика. В. 2. М.: Сов. композитор, 1978, с. 279.

О древности гуслей свидетельствует их использование в различных ритуальных церемониях и культовых обрядах, а также упоминание о них в различных источниках начиная с X в.

2. Гусли прошли длительный путь совершенствования от простейших форм музыкального лука до сложного в конструктивном и музыкально-выразительном отношениях инструмента. В изготовлении гуслей и исполняемых мелодиях отразились художественный вкус народа и национальные традиции. В настоящее время гусли широко используются в семейном и общественном быту в качестве сольного инструмента, а также в составе различных ансамблей.

3. На всей территории Среднего Поволжья бытовали шлемовидные гусли, различавшиеся главным образом конструкцией верхней деки: гусли с цельной и составной верхней декой. Встречались и другие, менее значимые конструктивные особенности. Бытование однотипных инструментов зафиксировано у различных народов, живущих по соседству или чересполосно друг с другом, что свидетельствует об их длительных культурно-бытовых контактах.

Д. Л. Бродянский

**СТРЕЛОК КАДО И БОГИНЯ АМАТЭРАСУ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НЕОЛИТИЧЕСКИХ СКУЛЬПТОРОВ
(два опыта соединения мифологических
и археологических текстов)**

Монументальные и портативные формы первобытного искусства: петроглифы, скульптура, личины-маски и личины-рельефы, пластины-чуринги, зернотерки с рисунками, орнаментированная керамика, штампы для нанесения орнамента, навершия-диски с ритуальными знаками и множество других предметов заключают в себе систему образов и знаков, не поддающихся, на первый взгляд, адекватному прочтению и дешифровке¹. При изучении живых культур этнографы обращаются к информаторам и фольклору.

Археологи также используют фольклорные тексты, чаще всего записи мифов (достаточно здесь упомянуть регионально наиболее близкие нам работы В. Е. Ларичева, В. В. Евсюкова, М. Д. Хлобыстиной, Я. А. Шера). Ввиду фрагментарности соответствующих археологических источников и большого хронологического разрыва неизбежно при этом возникает проблема адекватности и корректности реконструкции. Автор попытался сопоставить два мифологических текста с неолитическими памятниками на Дальнем Востоке.

В интересующем нас регионе опыты подобной реконструкции предприняли А. П. Окладников и А. П. Деревянко². Все они связаны с дешифровкой монументальных рельефов-святилищ—петроглифов Нижнего Амура и Уссури. Фиксируется космогонический миф о лебедях, первых людях, трех солнцах и стрелке-первочеловеке, сбившем лишние светила. С этим же мифом соотносится идея смерти-возрождения. Нанайская традиция связывает само происхождение петроглифов с эпохой трех солнц.

¹ Кабо В. Р. Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев.— В кн.: Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов (Сб. МАЭ, т. XXIII). М.—Л., 1966, с. 254—267.

² Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971, с. 90—123; *его же*. Лики древнего Амура. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968; Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1973, с. 160—170; Деревянко А. П. В краю трех солнц. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1970.

Этот миф в разных вариантах зафиксирован у всех народностей Приамурья: нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей. Есть записи П. Шимкевича, Л. Я. Штернберга, Е. А. Крейновича, В. А. Аврорина, Е. П. Лебедевой, В. Г. Ларькина, И. А. Лопатина³, но наиболее подробный вариант записан и опубликован Б. Лауфером в 1899 г.: «В начале света жили три человека: Шанвай, Шанкоа, Шанка. Однажды три человека послали трех лебедей нырять, чтобы достать для земли камней песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли, смотрят, земля растет. Амур течет. Тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчи. Потом деву по имени Мамилжи. Народ размножался и занял всю территорию, соседнюю с Амуром. Кадо сказал: „Есть три солнца на небе. Невозможно жить, слишком горячо. Хочу застрелить солнце!“ Его жена сказала ему: „Иди“. Кадо пошел восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но мимо. Третье солнце вернулось домой — не так жарко. Мамилжи сделала рисунки на мнях. Джулчи сказала: „Теперь люди будут видеть, что мой муж ил два солнца“»⁴.

Стрелок Кадо (Ходай — по И. А. Лопатину, Хадау — по В. А. Аврорину и Е. П. Лебедевой) — культурный герой, известный в разных вариантах солярного мифа от Суматры до Калифорнии⁵. В ороческом варианте он создал еще семь воронов и семь орлов⁶.

Среди петроглифов Сакачи-Альяна, Шереметьевского, Кии, Калинов нет достоверного сюжета с образом стрелка. Только на камне № 63 Сакачи-Альяне как будто изображен лучник, стреляющий в лося или оленя с семью отроками на рогах и тремя концентрическими кругами на боку. А. П. Окладников привел прорисовку⁷, но на фотографии лучник практически не просматривается⁸. Зато здесь есть солярные знаки, на камне № 9 — фигуры трех воронов⁹ (рис. 1, 1); ворон же в ряде дальневосточных мифов — символ солнца. Воронов три, а не два, как в древнейшей мифологии (оба ворона — супруги солнца)¹⁰ и они не трехглавые, как на когуреских фресках V—VII вв. и в китайской мифологии (символика¹¹). Амурские варианты сближает с корейской и японской мифологией представление о солнце как женщине¹². Лебеди (гуси, утки) на амурских петроглифах зафиксированы еще Б. Лауфером и И. А. Альфтаном, есть сюжеты с тремя птицами (рис. 1, 2, 3)¹³, но попытка опознать антропоморфные персонажи мифа о стрелке до сих пор не удается, не предпринимались.

Руки с тремя и четырьмя пальцами на вознесенновской вазе показывают (нивхская числовая символика), что изображены мужчины и женщины.

³ См.: Окладников А. П. Лики древнего Амура..., с. 163—169; Смоляк А. В. Представления нанайцев о мире. — В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976, 132—136, 160; Киле Н. Б. Лексика, связанная с религиозными представлениями нанайцев. — Там же, с. 196.

⁴ Цит. по: Окладников А. П. Лики древнего Амура..., с. 163—164.

⁵ Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М.: Наука, 1965, с. 175—195; Эберхард В. Китайские праздники. М.: Наука, 1977, с. 94; Мифология древнего мира. М.: Наука, 1977, с. 390—391; Мифы народов мира. Т. II. М.: Сов. энциклопедия, 1982, с. 462.

⁶ Ороческие сказки и мифы/Сост. Лебедева Е. П., Аврорин В. А. Новосибирск: Наука, 1966, с. 193—194.

⁷ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура..., с. 36—37, табл. 71.

⁸ Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья. Л.: Аврора, 1981 (на англ. яз.), с. 44 на рис. 44.

⁹ Там же, рис. 52.

¹⁰ Никитина М. И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982, с. 138.

¹¹ См.: Фрески периода Когуре. Пхеньян: Редакция альбомов управления по охране памятников культуры КНДР, 1979, с. 75 (на русск. яз.); Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактровка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975, с. 28, табл. I, слева вверху.

¹² Лопатин И. А. Голды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922, с. 231; Никитина М. И. Указ. раб., с. 91—176.

Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура..., табл. 118, 129.

Рис. 1. Петроглифы Амура и Усури; 1, 4, 7 — Сакачи
Алян; 2, 3 — Шереметьевское

щины (рис. 2, 5). Пол первых людей: Шанвай, Шанкоа, Шанка в тексте мифа не оговорен (возможно, это зооморфные существа) (рис. 2, 1, 6) допустимо предположение, что три сохранившиеся личины — это стрелы Кадо (Ходай), его жена Джулчи и дева (сестра) Мамилжи (Мяменди). В таком случае личина с продолговатыми глазами («рыбками») — мужская (рис. 2, 2), а две личины с круглыми глазами — женские (рис. 3, 4). Одна из женских личин, как и мужская, имеет сердцевидную форму, другая — овальную. По какому признаку: родство (сестра) или брак (жена) сближены мужская и женская личины¹⁴, мы не знаем, но вероятнее по признаку брака. На отсутствующих частях вазы могли быть изображены и остальные персонажи мифа: Шанвай, Шанкоа, Шанки лебеди, солнца (воробьи — или змеи? — змеи-супруги ассоциировались солнцем у айнов¹⁵). Ваза в целом — ритуальный сосуд с иллюстрациями мифа о солнечном стрелке. Если догадка автора получит новые подтверждения, вознесенская ваза станет ключом к дешифровке частей петроглифов. С «личиною Кадо» сближаются изображения Сакачи Аляна, показанные А. П. Окладниковым в книге «Петроглифы Нижнего Амура» на таблицах 25, 26, 62, 64, 82, 85, 98, 115, 116, и Шереметьевское (таблицы 124, 131), к изображению «жены Джулчи» близкие таблицы 57, 117 (?), 124; «сестры Мамилжи» — 19, 21, 63 (рис. 1, 4—7)¹⁶.

Цепочка допущений состоит из следующих звеньев. 1. Неолитический возраст и вероятная принадлежность кондонской археологической культуре петроглифов Сакачи-Аляна и Шереметьевского доказывается находками в Кондонских слоях личин, скульптуры, выполненных в тех

¹⁴ Окладников А. П. Древнее искусство Приамурья..., рис. 18.

¹⁵ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933, с. 571—572.

¹⁶ Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура...

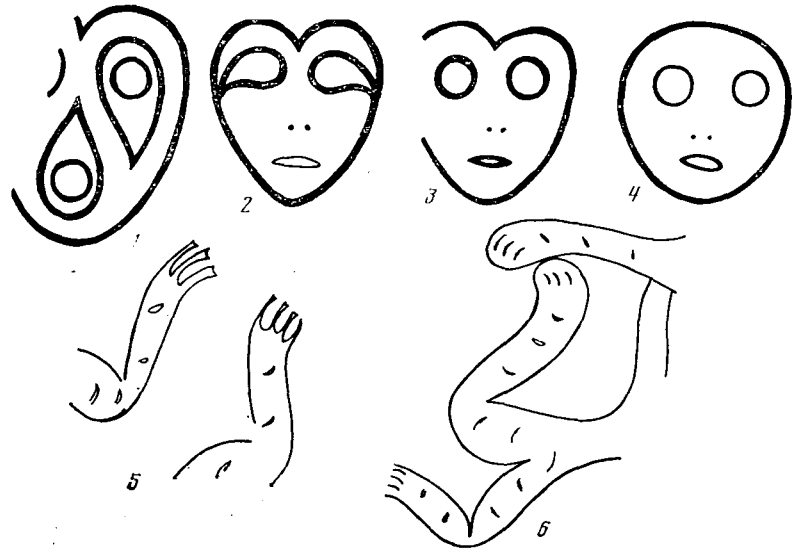

Рис. 2. Изображения на керамической вазе из Вознесенки (Нижний Амур)

нике рельефа желобками. 2. Мифологический контекст наскальных рисунков и их соотнесение с амурским космогоническим солярным мифом, доказываемое сочетанием рисунков водоплавающих (лебедей), антропоморфных личин, воронов, солярных знаков, а также устной традицией, соединяющей петроглифы и миф. 3. Ритуально-мифологический смысл изображений на вазе из Вознесенки подчеркнут сложностью и высокохудожественным уровнем рельефно-скульптурных изображений, соотнесенность с солярным мифом — ярко-красной окраской, красными кругами-глазками. 4. Мотив и стиль личин вазы, очевидно, един с мотивом и стилем личин петроглифов. 5. Нивхская числовая символика (три — мужчина, четыре — женщина) используется для фактовки персонажей вазы как разнополых. 6. По форме глаз личин на вазе (см. рис. 2) соотношение изображений 2 : 1 — два изображения с круглыми глазами и одно с продолговатыми, что согласуется с полом персонажей мифа — две женщины, один мужчина. 7. Таково же соотношение изображений по рисунку лба — два с треугольным вырезом на лбу, одно с округлым лбом. Допущения 1—7 дают основание для предположения, что на вазе изображен сюжет мифа, личина с продолговатыми глазами (мужчина) — солярный стрелок.

Принципиально важны несколько моментов. Ваза, как и другие вещи из культурного слоя, датируется. Принятая в настоящее время датировка IV—III тысячелетиями до н. э. имеет, безусловно, предварительный характер, но уточнение возраста — решаемая задача. Хронологические реперы при изучении мифологии переоценить трудно. Второй момент — принципиальная возможность чтения серии петроглифов и находок как контекста в сопоставлении с позднейшими записями мифов и изучение мифов в развитии. Третий фактор — сохранение в устной традиции приамурских этносов локального варианта мифа о стрелке, восходящего к неолиту, что подтверждает глубокую древность еще одного элемента их культуры. Новую информацию может дать просмотр этнографических коллекций и сравнение антропоморфных изображений на женских и мужских вещах. Если наша цепь допущений получит подтверждение в новых материалах амурского неолита, миф о стрелке и множестве солнц приобретет на Амуре самую раннюю из существующих датировок: вплоть до V тысячелетия до н. э.

В сравнительном плане возможность соотнести текст мифа и археологические объекты может быть показана еще на примере поселения

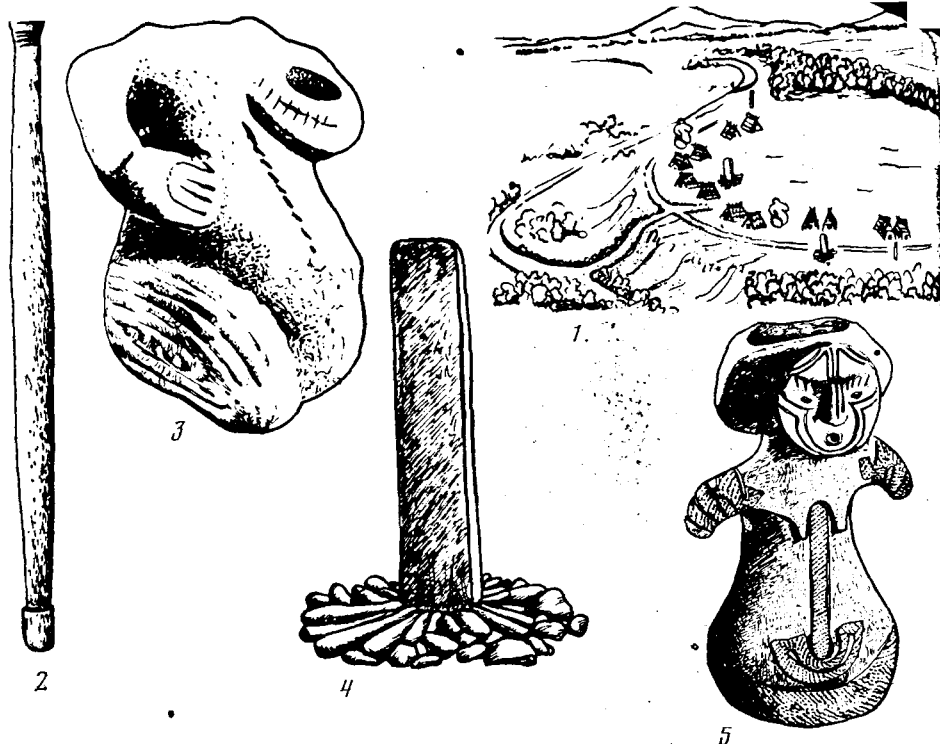

Рис. 3. Расположение ритуальных объектов в пос. Ескэонэ: 1 — пос. Ескэонэ; 2 — сэкибо; 3, 5 — керамический догу; 4 — каменный столб

среднего дзёмона Ескэонэ и мифа о Женщине-Солнце. Поселение Ескэонэ раскопано в префектуре Нагано, у подножия гор Яцугадакэ, на западе о. Хонсю. В этом районе обнаружены следы неолитического земледелия. Поселок состоял из 12 домов (рис. 3, 1), располагавшихся попарно вдоль края террасы. Дома вытянулись дугой в одну линию. Возле каждой пары домов находился один ритуальный предмет, с востока на запад эти культовые предметы располагались в следующем порядке: сэкибо (изображение фаллоса из камня) — догу (глиняная женская фигурка) — каменный столб — догу — каменный столб — сэкибо¹⁷. В таком расположении объектов, несомненно, заключена определенная информация о семантике каждого предмета и их ряда в целом. Какая? Представляется допустимым сравнить ряд в Ескэонэ с сюжетом мифа, известного в японской мифологии и расшифрованного М. И. Никитиной на основании песен-хянга в корейской мифологии¹⁸. Миф включает сюжет, как муж и жена после ссоры по очереди переправляются через какое-то разделяющее их водное препятствие (пролив, река); все переправы «работают» в направлении запад — восток; средством переправы служат скала (камень, столб) или рыба (черепаха, крокодил, корабль, который несли рыбы). На востоке происходит примирение супругов, рождается и восходит солнце.

В сказаниях о Ено («Расширяющаяся ворона») и Сео («Сужающаяся ворона»), помещенных в «Самгук юса», сначала на скале отправляется из Кореи в Японию муж, затем тем же способом его жена Сео¹⁹. Жену можно соотносить с Солнцем, то же в японском мифе о Сусанно и Аматэрасу. М. И. Никитина предполагает, что есть в «корейской и япон-

¹⁷ Чан Су Бу. Жилища и поселения позднего дзёмона Хоккайдо. — В кн.: Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: Дальневост. науч. центр АН СССР, 1978, с. 41—43, рис. 2, 2.

¹⁸ Никитина М. И. Указ. раб., с. 77, 78, 103—116, 133—146.

¹⁹ Никитина М. И. Указ. раб., с. 133—134, 138.

ской архачической традиции представления о том, что Солнце — женщины-за и что в эпизодах супружеского разрыва и возвращения отражен момент заката Солнца и его возвращения утром»²⁰, и далее видит в мифе о Женщине-Солнце общую модель функционирования космоса в целом и в то же время модель жизни каждого человека²¹.

Если мы посмотрим на ряд в Ёскэонэ с запада на восток, то его легко представить в следующем виде: сэкибо (муж) — столб (скала, средство переправы) — догу (жена, Женщина-Солнце) — столб (средство переправы) — догу и сэкибо (жена и муж, солярная семья, вновь рождающая солнце). Сопоставление такого явно не плавающего предмета, как каменный столб, со средством переправы не столь уж редко в мифологии и встречается от Скандинавии до Океании и Индонезии²². Напрашивается вывод, что неолитические женские фигурки-догу — образ Аматаэрасу, а сэкибо — ее буйного супруга Сусанно²³.

Некоторые догу соответствуют эпизоду, когда Аматаэрасу по бедра уходит в землю²⁴, и вид ее напоминает мощного воина²⁵ (рис. 3, 5). Разумеется, и этот ряд допущений требует проверки. В большом разнообразии типов догу и в ситуациях их обнаружения (поломаны, похоронены²⁶) отразились не только миф о Женщине-Солнце, но и другие мифы и ритуалы.

В Кондоне, на Нижнем Амуре, в неолитическом жилище № 3, где найдена керамическая фигурка, изображающая молодую женщину, обнаружен также фаллос из камня²⁷. Были здесь и отдельные камни, т. е. в жилище вознесеновской неолитической культуры (IV—III тысячелетие до н. э.), с которой и связана ваза из Вознесеновки, найден комплекс вещей, представляющий половину ряда из Ёскэонэ, а это означает, что в одной археологической культуре Приамурья встречаются два солярных мифа: о космическом Стрелке и Женщине-Солнце, изображением которой и является, очевидно, фигурка из Кондона.

В двух рассмотренных примерах структура текста сопоставлена со структурой археологического объекта, в первом по схеме: текст — петроглифы — отдельный предмет — текст; во втором: текст — ряд предметов, найденных *in situ* в закрытом комплексе, — текст. Возможны и другие варианты, например прямое сравнение текста с целым уникальным предметом типа вознесеновской вазы. Отдельно взятые вещи выводят нас на уровень предварительных наблюдений; их «прочтение» возможно только в комплексе типа Ёскэонэ. В конечном счете за любым знаком: орнаментом на сосуде, желобками на каменном диске — скрываются мысли, чувства, ритуальные действия людей.

Показать принципиальную возможность их «чтения» (в плане постановки задачи) и было целью автора.

²⁰ Там же, с. 137.

²¹ Там же, с. 146.

²² Петрухин В. Я. Погребальная ладья викингов и «корабль мертвых» у народов Скандинавии и Индонезии (опыт сравнительного анализа). — В кн.: Символика культовых ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1980, с. 79—89.

²³ Никитина М. И. Указ. раб., с. 104; Мацокин Н. П. Японский миф об удалении Аматаэрасу в небесный грот и соднечная магия. — Изв. Вост. ф-та Гос. Дальневост. ун-та. 1966, в. 3. Владивосток, 1921; Сондерс Э. Д. Японская мифология. — В кн.: Мифология древнего мира. М.: Наука, 1977, с. 411—416; Воробьев М. В. Некоторые черты древней японской культуры в свете типологического анализа. — В кн.: Страны и народы Востока. XXIII. М.: Наука, 1982, с. 135—137.

²⁴ Памятники древней истории. Т. 3. Токио: Коданся, 1973, рис. 36, 37 (на японск. яз.).

²⁵ Сондерс Э. Д. Указ. раб., с. 415.

²⁶ Чан Су Бу. Искусство позднего дзёмона Хоккайдо. — В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978, с. 175.

²⁷ Окладников А. П. Древнее поселение Кондон (Приамурье). Новосибирск: Наука, 1983, с. 18—19.

**О НЕСКОЛЬКИХ РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Публикуя ниже работу сотрудника Ленинградской части Института этнографии АН СССР Э. Е. Фрадкина «О нескольких ранних произведениях изобразительного искусства», которую автор не успел завершить до своей безвременной кончины в июле 1984 г., редакция не просто воздает дань памяти ветерану Великой Отечественной войны, исследователю-энтузиасту и обаятельному человеку.

Э. Е. Фрадкин посвятил много времени и труда изучению вопроса о возникновении изобразительного искусства — одного из самых сложных и интересных в мировой науке. Надо сказать, что его идеи и аргументы не всегда находили поддержку у коллег. Редакция отдает себе отчет в спорном характере и данной публикации.

Но тем не менее никак нельзя исключить, что продолжение изысканий на пути, которым шел Э. Е. Фрадкин, в конечном счете сможет привести к обнаружению аутентичных произведений раннепалеолитического искусства, которые, по крайней мере большинством специалистов, будут признаны именно таковыми.

А кроме того, даже спорная работа будит мысль исследователей и уже этим способствует дальнейшему развитию науки.

Редакция

Потребность в изобразительном искусстве должна была существовать у человека на пороге его становления и отделения от мира животных. Эта мысль уже высказывалась автором настоящей статьи¹. Природа в процессе эволюции наградила человека бесценным даром: она разделила его мозг на две неравные, а главное, неравноправные в жизни человека части. Мы хорошо знаем теперь, что если одно из больших полушарий ведает миром действий и мышления, то другое — миром художественных образов и чувств.

В этих условиях человек не мог не быть «двуязычным»: он — единственный из всех живых существ в мире — нуждался и в звуковом языке, и в равной степени в языке образов и обладал ими.

Человеку свойственны эмоции, без которых он не может существовать. Но поскольку эмоции возникают и внешне проявляются только в определенных условиях, человек не в состоянии сразу передать их другим людям. Поэтому и появилась общественная потребность в создании средств передачи эмоций. Такими средствами становятся изобразительное искусство, а также танцы, музыка и др.²

В области производства орудий труда человек был творцом, ибо не было ничего подобного в природе, что бы он мог копировать. Таким же творцом он оказался и в области изобразительного искусства: отбирал главное, стремился при этом выразить свое отношение к действительности, изменял ее по-своему, и в этом смысле художественный образ отражает действительность. Мозг человека, который приобрел способность сложной понятийной и целенаправленной трудовой деятельности, не мог оказаться на должном уровне развития и для материализации эмоций и чувств. Рождение искусства не было обставлено пышными рядами, не облакалось пышными одеждами, а произведения искусства имели первоначально эстетических достоинств. Искусство родилось из

¹ Фрадкин Э. Е. К вопросу о времени возникновения скульптуры из кремня (в связи с проблемой происхождения палеолитического искусства). — В кн.: Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР, посвященной 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л.: Наука, 1980. с. 90—91.

² Юдашев Л. Г. Искусство: философские проблемы исследования. М.: Мысль, 1981, с. 50—51.

человечество, в том материале, который с самого начала человек выбрал для производственной деятельности. Весьма вероятно, для Африки это был базальт. Пора олдувая известна нам пока меньше всех других эпох. Но для Европы это должен был оказаться кремь, без которого не создавались в ту пору орудия труда. Конечно, никто не может поручиться, что древнейшие орудия, начиная с олдувая, не были также и деревянными. Но ведь давно общепризнано, что орудия из дерева всегда имели вспомогательный характер и, как мы видим, сохраняются необыкновенно редко, в то время как природа вложила в руки олдувайца, ашельца, мустьерца кремь, для того чтобы именно из этого самого неприглядного из всех возможных материалов, из материала, в котором нет и не может быть никакого объема и от которого так трудно добиться формы, родилось бессмертное, негасимое пламя искусства. И хотя автора могут обвинить в излишней фантазии, нельзя забыть того, что человек родился на Земле скульптором. Именно как скульптор, отсекая лишнее, работал он в течение сотен тысяч лет, если не больше, создавая орудия из камня и дерева.

Могут спросить: где доказательства? Ведь никто и никогда не видел еще столь древней скульптуры. Но она не только воссоздана чисто теоретически, а и найдена исследователями. Следует напомнить, что находка А. П. Черныша — открытие первого в истории Земли и пока единственного рисунка мустьерского времени, процарапанного на кости, может служить таким доказательством³. Но есть и другие, не менее веские аргументы. Широко известны неолитические кремневые скульптуры, найденные на территории Северо-Восточной Европы, а также изготавливавшиеся древними майя и в додинастическом Египте. В 1948 г. С. Н. Замятнин провел очень интересное исследование этой удивительной скульптуры, существовавшей как самостоятельный вид искусства. Одновременно уже широко были известны гончарные изделия, украшенные скульптурой. Послушаем С. Н. Замятнина: «...кремь теряет свою исключительную роль, как основной материал для изготовления орудий в неолите—Э. Ф.)... и только в области культа, сохраняясь как пережиток, кремь прочно удерживает свои позиции. Закрепление в религиозной практике этого значения и вызвало к жизни появление кремневых скульптур. (курсив мой.— Э. Ф.). Время их возникновения — это время появления и развития культа камня в различных его проявлениях»⁴. Когда писались эти строки, существовал только один факт, казавшийся случайным, который противоречил выводу С. Н. Замятнина о времени появления кремневой скульптуры. Но спустя 23 года, в 1971 г., в монографии А. П. Окладникова о петроглифах нижнего Амура были опубликованы материалы раскопок мезолитического поселения в Осиповке («Гора Сунь»). Среди них особый интерес представляет кремневая скульптура, изображающая лесную птицу. Эта первая известная кремневая скульптура эпохи, непосредственно предшествовавшей неолиту. И несмотря на то что она единственная, для нас это очень важный факт⁵.

Имеются ли какие-нибудь сведения о находках кремневой скульптуры еще более раннего времени? Обратимся снова к исследованию С. Н. Замятнина. Он пишет: «Достаточным для изготовления изображений мастерством владеет уже и верхнепалеолитический человек, однако это не вызвало их массового появления. Интересную кремневую фигурку медведя, происходящую из нижних (раннемалленских) очагов пещеры

³ Черныш А. П. О времени возникновения палеолитического искусства в связи с исследованиями 1976 г. стоянки Молодова 1.— В кн.: У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978, с. 18—23; Окладников А. П. По поводу открытия А. П. Чернышом образца искусства в мустьерском слое скульптура поселения Молодова 1.— Там же, с. 23—25; Черныш А. П. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова 1.— В кн.: Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М.: Наука, 1982, с. 64—65.

⁴ Замятнин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.— Сов. археология (далее — СА), 1948, т. X, с. 86—113.

⁵ Окладников А. П. Петроглифы нижнего Амура. Л.: Наука, 1971, с. 87, рис. 25.

Рис. 1. Скульптурное изображение из Гагаринской стоянки

Кап-Блан, издал Ж. Буиссони, сравнивающий ее с „костяными гравюрами с обрезанными контурами“. Во всем верхнепалеолитическом кремневом материале автор смог подобрать к ней только одну маловыразительную аналогию»⁶. Таким образом, Замятин *знал* о существовании, пусть только двух, кремневых скульптур эпохи позднего палеолита. Но поскольку основная его мысль сводилась к тому, что кремневая скульптура родилась из культа камня, он не придал должного значения находкам, хотя и тщательно, с указанием литературы, обратил внимание на то, что не укладывалось в его схему. Итак, кремневая скульптура существует по крайней мере с позднелеолитического времени. Но при чем здесь культ камня? Чтобы понять это, автор данной статьи в свою очередь начал поиски кремневой скульптуры прежде всего среди материалов позднелеолитического, а затем и мустьерского времени. Но как искать произведения искусства среди безбрежного кремневого материала? Ответ помог найти все тот же С. Н. Замятин. Описывая кремневые изображения, он указывал, что внешне они должны быть похожи либо на скребки, либо на стрелы, но они всегда отличаются от последних, наличием заведомо излишней обработки материала, не отвечающей функциональному назначению этих орудий⁷. Имея такую подсказку, можно смело пускаться в, казалось бы, безнадежные поиски. Результаты не заставили себя долго ждать. Удалось найти кремневую скульптуру среди тех материалов, которые пользуются широкой известностью благодаря находкам их вместе со скульптурами из мягкого камня и бивня мамонта. Имеются в виду всемирно известные стоянки Костенки 1 и Гагарино. Но позднелеолитическая скульптура оказалась и в материалах, которые никогда не содержали известных пластических произведений из бивня мамонта. Обнаружена кремневая скульптура даже среди немногочисленных французских материалов, хранящихся в МАЭ и привезенных в разное время, и самое главное, среди материалов мустье и даже ашеля. Мы публикуем лишь две кремневые скульптуры из двух с лишним десятков, имеющих в нашем распоряжении: одну из стоянки в Гагарино, другую с горы Яштух.

Гагаринская стоянка (рис. 1). Широкий, но короткий отщеп длиной 4,1, шириной в наиболее широкой части 2,8 см, под № Г-4а 3555—338 не имеет ударной площадки (она сбита в процессе вторичной обработки), в то время как ударный бугорок сохранился почти полностью. В описи артефакт именуется скребком.

Со стороны «брюшка» справа выделяется короткий, но слишком широкий для размеров отщепа выступ. Снизу край отщепа закруглен, а сверху заужен и приострен. На «брюшке», кроме небольшого следа скола на ударном бугорке, нет никаких признаков вторичной обработки.

⁶ Замятин С. Н. Указ. раб., с. 11.

⁷ Там же.

Иначе выглядит отщеп со стороны «спинки». Снизу край его закруглен сколами и грубой ретушью. Почти посередине поверхности «спинки» проходит грань, оставшаяся от предыдущего скола. Она делит отщеп на две неравные части. Справа весь край отщепа обработан сколами и грубой ретушью. Сверху он скруглен и постепенно переходит в грубое острие, кончик которого притуплен ретушью. Слева форма отщепа нарушена выступом, по всей видимости, оставшимся на нем в результате скола нуклеуса. Край выступа обработан ретушью, и поэтому его первоначальная длина остается нам неизвестной. Снизу выступ отделен от левого края отщепа небольшой выемкой, край которой обработан ретушью. Сверху выступ отретуширован. Оставшийся край отщепа слева несколько заужен и обработан сколами, переходящими постепенно в грубое затупленное острие. Если поделка является, как утверждает опись, скребком, то почему слева на отщепе не удален выступ, оставшийся от предыдущего скола (более того, он как бы подчеркнут выемкой снизу, обработанной ретушью)? Также неясно, какую роль должно было играть «затупленное острие» и как оно связано со скребком. Эти и другие особенности поделки и обработки отщепа становятся понятными и оправданными, если мы будем рассматривать артефакт не вертикально, т. е. рассчитывая увидеть в нем скребок,

Рис. 2. Скульптурное изображение из палеолитического местонахождения на горе Яштух

а горизонтально, и тогда он будет восприниматься в качестве кремневого скульптурного изображения фигуры медведя.

В этом положении «затупленное острие» окажется уже не сверху, а слева и превратится в изображение головы медведя и его шеи. Выступ, оставшийся от предыдущего скола и подчеркнутый слева выемкой в камне, использован для передачи передней ноги зверя. Овальная форма отщепа, приданная нижней; а в нашем ракурсе правой стороне, становится оправданной, поскольку она необходима для изображения задней части туловища животного. Теперь понятно, для чего сбит ударный бугорок со стороны «брюшка». Ведь «брюшко» — задняя часть поверхности изображения, она в результате становится более плоской, как бы выровненной, и кремневая фигурка получает большую устойчивость.

Гора Яштух (рис. 2). Вторая поделка происходит со всемирно известного палеолитического местонахождения на горе Яштух, где собраны на поверхности впервые производились С. Н. Замятниным в 1935 г. Хранящаяся в Музее антропологии и этнографии АН СССР коллекция (№ 5359—277) столь многочисленна, что лишь часть ее зарегистрирована в основной коллекции. Все остальное находится в резерве. Нам удалось выявить скульптуры как среди основной коллекции, так и в резерве. В музейной описи о предмете сказано: «Небольшой широкий отщеп с выемками по краям, обработанный ретушью» (музейная опись МАЭ, № 5359/277, с. 21).

Перед нами отщеп почти правильных подчетыреугольных очертаний с тремя глубокими выемками (длина 3,5, ширина в наиболее широкой части 3,5 см). Ударная площадка здесь отсутствует полностью, но некоторый след от ударного бугорка все же сохранился. По всей высоте отщепа, занимая половину его поверхности, имеется негатив от широкого скола. Есть также маленький негатив и на самом ударном бугорке. Справа от ударного бугорка располагается глубокая выемка, постепенно переходящая в большой выступ с неровным зубчатым краем. Выступ

сверху довольно плавно переходит в неглубокую широкую выемку, та же с неровным зубчатым краем. Столь же плавно эта выемка в свою очередь образует небольшой круглый выступ, опять-таки с зубчатым краем, за которым следует последняя на отщепе длинная, охватывающая более половины его длины, выемка, на этот раз с ровным краем. Таким образом, общий силуэт этого отщепа может напомнить мощный ствол с пышной неровной кроной. Посмотрим теперь на отщеп со стороны «спинки». На первый взгляд, общий силуэт отщепа изменился незначительно. Перед нами все то же дерево с мощным, разделившимся надвое стволом: один из них — короткий и узкий, другой — более мощный с пышной кроной. Однако присмотримся к форме этого отщепа внимательнее. Почти половину площади «спинки» отщепа занимает негатив скола. Он смещен вправо вниз от середины поверхности. Справа же по контуру от ударного бугорка находится широкая, почти во всю длину отщепа выемка, край которой обработан сколами и ретушью. За этой выемкой следует короткий выступ, край которого обработан сколами и ретушью. Следующая за выступом выемка производит впечатление глубокой и широкой. Ее неровный край также сформирован сколами и ретушью. Эта вторая выемка, как и две предыдущие, сменяется широким и коротким выступом с очень неровным, но тщательно созданным с помощью сколов и ретуши краем. За широким выступом, правый и левый концы края которого оформлены в виде острых шипов, возникает новая, третья и последняя выемка на этом отщепе. Глубокая и длинная, она занимает более половины общей длины поделки. Край выемки не менее тщательно, чем остальные края предмета, обработан сколами и ретушью. Третий, последний выступ образован двумя широкими и длинными выемками. Край этого выступа, подобный всем остальным, обработан сколами и ретушью.

Естественно, возникает вопрос о назначении предмета, поскольку поделка столь сложной формы, тщательно обработанная по всему контуру, явилась результатом достаточно большого и кропотливого труда. Первое впечатление — перед нами многоцелевое орудие, выступы которого могли служить скребками, два острия — проколками. Но тогда почему так тщательно сформированы края всех выемок? Почему сами выступы (виртуальные скребки) имеют разную ширину и края их также неодинаковы? В попытке представить себе, что отщеп сознательно создан фигурным, а его участки связаны в единую композицию, попробуем увидеть эту композицию, поворачивая отщеп по часовой стрелке вокруг его оси. У нас нет другого пути, поскольку у поделки отсутствуют равновесие и ритм масс, без которых не может существовать артефакт любого назначения. Равновесие и ритм масс достигаются тогда, когда нижний выступ (с «брюшка» это тот край, где есть след ударного бугорка) оказывается слева сверху, а выемка, отделяющая малый выступ от большого, — наверху. Тут выявляется и изобразительное значение изделия!

Насколько же целесообразной и продуманной предстает перед нами теперь вся форма отщепа, еще недавно казавшаяся столь нелепой. Средний из выступов создан, как выясняется, для передачи высоко поднятой головы и уха животного. Она отделена от остальной части туловища глубокой выемкой. За этой выемкой следует самый широкий из выступов отщепа. Он необходим для передачи короткой задней части животного. Левое острие на конце выступа, которому мы отводили роль возможной проколки, теперь оказывается поднятым вверх хвостом. Выемка, следующая за этим выступом, разделяет конечности; правое острие на самом широком выступе служит краем задней конечности. Последняя выемка завершает оформление контура зверя, отделяя голову от туловища. Без сомнения, перед нами хищник, и когти его мы отлично видим.

Итак, сделаем выводы.

Изобразительное искусство родилось вместе с человеком как один из продуктов его духовной деятельности и как производное его трудовой деятельности. В процессе труда, создавая орудия, человек пристально всматривался в формы отщепов, находя в них отдаленное сходство с

формами животных, птиц и т. д., затем сознательно подправлял эти случайно возникшие формы, доводя их до художественного образа. Так, предмет, который первоначально задумывался как орудие труда (скребок, острое, резец и т. д.), терял свое первоначальное функциональное назначение и превращался в произведение искусства.

Л. Т. Яблонский

К КРАНИОЛОГИИ КЕЛЬТЕМИНАРЦЕВ. ВНУТРИГРУППОВОЙ АНАЛИЗ

В результате планомерных раскопок могильника Тумек-Кичиджик в Присарыкамышской дельте Амударьи (Ташаузская область Туркменской ССР) была получена краниологическая серия, которая является пока единственной, представляющей неолит широкой степной полосы Средней Азии. Погребения датируются IV—III тысячелетиями до н. э., оставлены они носителями кельтеминарской неолитической культуры¹. Руководитель раскопок, А. В. Виноградов, подчеркивал южное происхождение этой культуры, выводя ее из областей Передней Азии². Семь черепов из этой серии были опубликованы Т. А. Трофимовой³. Позднее мною были обнаружены еще два мужских черепа из раскопок этого же могильника. Таким образом, общая численность серии — девять черепов. Все они были измерены вновь по полной краниометрической программе⁴. Из-за плохой сохранности костей пришлось провести кропотливую работу по реставрации и консервации обнаруженных черепов с использованием методики, разработанной М. М. Герасимовым⁵.

Практика палеоантропологических исследований показывает, что только тщательный и детально проведенный внутригрупповой краниологический анализ может стать основой для расогенетических построений. Численность серий, датируемых каменным веком, как правило, невелика. С учетом этого факта огромное значение для теоретического осмысления и реконструкции этнических процессов, протекавших в древних коллективах, имеет накопление и систематизация первичных краниологических данных. Между тем часто этим сведениям отводится второстепенная роль, в то время как основное место в исследованиях занимает межгрупповой анализ и связанные с ним попытки создания этноисторических схем, порой весьма гипотетичных в силу малочисленности и фрагментарности имеющихся в науке объективных данных.

В связи с этим представляется целесообразной публикация материалов, специально посвященных внутригрупповому анализу краниологических серий, особенно если это серии уникальные, как исследуемая в данной статье.

¹ Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. — Археолог. открытия (далее — АО) — 1972. М., 1973; Виноградов А. В. Работы на могильнике Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. — АО — 1973. М., 1974; *его же*. Могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. — АО — 1974. М., 1975; *его же*. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIII. М.: Наука, 1981.

² Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. — Материалы Хорезмской экспедиции. В. 8. М.: Наука, 1968; *его же*. Древние охотники и рыболовы.

³ Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик. — Сов. этнография, 1974, № 5; *его же*. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.

⁴ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

⁵ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. XXVIII. М., 1955.

Неолитические черепа из могильника Тумек-Кичиджик. Индивидуальные данные *

Признак	Мужчины			Женщины				
	п. 6. ск. 2	п. 25	п. 28	п. 5	• п. 10	п. 13	п. 18	п. 19
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мозговая коробка								
1. Продольный диаметр	195(5)	—	181(3)	185(5)	—	—	170(3)	171(3)
8. Поперечный диаметр	152(5)	—	151(5)	140(4)	141(4)	143(4)	133(2)	131(2)
17. Высотный диаметр (ba—b)	134(3)	—	124(1)	140(5)	139(4)	141(5)	—	129(3)
20. Ушная высота (po—b)	108(1)	—	104(1)	109(3)	115(4)	124(5)	—	—
5. Длина основания черепа	—	—	90(1)	103(5)	—	—	—	84(1)
9. Наименьшая ширина лба	103(5)	102(4)	105(5)	91(3)	—	—	102(5)	89(2)
10. Наибольшая ширина лба	110(1)	105(1)	118(3)	111(3)	—	—	—	105(1)
11. Ширина основания черепа	120(2)	—	129(4)	123(4)	111(1)	119(3)	—	110(1)
12. Ширина затылка	—	106(2)	111(3)	110(4)	114(5)	108(4)	—	117(5)
29. Лобная хорда	112(3)	123(5)	98(1)	111(4)	—	—	106(3)	101(1)
30. Теменная хорда	—	—	117(4)	107(3)	115(4)	112(4)	97(1)	117(5)
31. Затылочная хорда	—	—	96(3)	108(5)	101(5)	106(5)	—	—
23а. Горизонтальная окружность через офрион	535(5)	—	—	510(4)	—	—	473(2)	475(2)
24. Поперечная дуга порион — брегма — порион	310(3)	—	283(1)	298(3)	334(5)	315(4)	—	316(4)
25. Сагиттальная дуга	—	—	343(1)	374(4)	—	—	—	—
26. Лобная дуга	124(2)	140(5)	101(1)	123(3)	—	—	115(2)	108(1)
27. Теменная дуга	—	—	136(4)	120(3)	124(3)	120(3)	105(1)	135(5)
28. Затылочная дуга	—	—	106(2)	131(5)	119(4)	122(5)	—	—
7. Длина затылочного отверстия	35,0	—	34,0	36,7	37,1	38,2	—	—
16. Ширина затылочного отверстия	36,2	22,2	33,0	30,4	30,0	30,6	—	—

Высота изгиба лба Высота изгиба затылка	24,0	27,2	—	25,6 29,9	26,3	25,0	—	18,3
Указатели мозговой коробки								
8:1. Черепной	79,17(3)	—	83,42(5)	75,68(2)	—	—	78,24(3)	76,61(2)
17:1. Высотно-продольный	69,79(2)	—	68,51(1)	75,68(3)	—	—	—	75,44(3)
17:8. Высотно-поперечный	88,16(2)	—	82,12(1)	100,00(4)	98,58(4)	98,60(4)	—	98,47(4)
9:8. Лобно-поперечный	67,76(3)	—	69,54(3)	65,00(2)	—	—	76,69(5)	67,94(3)
9:10. Лобный	78,03(5)	85,71(5)	88,98(5)	81,98(3)	—	—	—	—
20:1. Высотно-продольный (от порионов)	56,25(1)	—	57,46(1)	58,92(1)	—	—	—	—
20:8. Высотно-поперечный (от порионов)	71,05(1)	—	68,87(1)	77,86(2)	81,56(3)	86,71(5)	—	84,76(4)
Лицевой скелет								
45. Скуловой диаметр	132(2)	—	151(5)	134(5)	—	132(5)	137(5)	124(3)
40. Длина основания лица	—	—	95(2)	93(3)	—	—	—	91(2)
48. Верхняя высота лица	74(4)	71(3)	72(3)	66(3)	—	—	68(3)	69(4)
47. Полная высота лица	132(5)	118(3)	—	104(2)	—	—	112(3)	117(4)
43. Верхняя ширина лица	113(5)	102(2)	114(5)	108(5)	113(5)	—	110(5)	100(3)
46. Средняя ширина лица	—	—	104(4)	99(4)	91(3)	86(2)	96(4)	82(1)
60. Длина альвеолярной дуги	—	—	54(3)	54(4)	—	—	57(5)	—
61. Ширина альвеолярной дуги	—	61(2)	73(5)	60(2)	—	—	63(4)	—
62. Длина нёба	—	—	40(1)	44(2)	—	—	47(4)	—
63. Ширина нёба	—	—	46(5)	—	—	—	40(4)	—
55. Высота носа	47,0(1)	46,2(1)	54(4)	50,0(3)	—	—	45(2)	50,0(3)
54. Ширина носа	23,3(2)	23,0(2)	26,2(3)	24,0(3)	22,1(4)	—	25,5(4)	23,0(2)
51. Ширина орбиты от m'	41,3(3)	37,5(1)	42,8(3)	44,2(5)	41,5(4)	—	48,0(5)	43,0(5)
51a. Ширина орбиты от d	38,3(2)	—	—	41,5(5)	39,3(4)	—	—	—
52. Высота орбиты	37,0(4)	30,5(1)	32,2(2)	34,1(3)	35,2(4)	—	28,0(1)	34,8(3)
Бималлярная ширина	103	87	107	101	—	—	101	93
Высота назиона над $fmo-fmo$	19,9	16,9	17,0	23,2	—	—	20,5	18,4
Зигомаксиллярная ширина	—	—	105	103	91	91	95	84
Высота subspinale над $zm'-zm'$	—	—	26,5	26,5	20,2	—	25,0	—
57. Симотическая ширина	11,5(5)	8,2(3)	8,3(3)	11,0(4)	11,9(5)	—	10,8(4)	8,7(3)

Таблица 1 (продолжение)

Признак	Мужчины			Женщины				
	п. 6. ск. 2	п. 25	п. 28	п. 5	п. 10	п. 13	п. 18	п. 19
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Лицевой скелет								
SS. Симотическая высота	6,8(5)	3,5(3)	3,0(2)	4,8(5)	—	—	5,0(5)	4,1(4)
MC. Максиллофронтальная ширина	19,9	—	22,2	21,7	20,1	—	22,0	20,0
MS. Максиллофронтальная высота	8,5	—	7,8	7,9	—	—	6,3	9,3
DC. Дакриальная ширина	—	—	—	24,0(5)	25,4(5)	—	—	—
DS. Дакриальная высота	—	—	—	12,4(5)	—	—	—	—
FC. Глубина клыковой ямки	3,3(2)	—	+0,5(1)	7,8(5)	4,0(3)	—	5,5(4)	4,5(3)
Высота изгиба скуловой кости	11,1	11,4	10,0	9,5	11,3	8,0	9,8	7,0
Ширина скуловой кости	57	47,8	52	54	51	42	51	43
Указатели лицевого скелета								
9: 45. Лобно-скуловой	93,64(5)	—	69,54(2)	67,91(2)	—	—	74,45(1)	71,77(1)
45: 8. Поперечный фацио- ребра́льный	86,84(1)	—	100,0(4)	95,71(4)	—	92,31(3)	103,01(5)	94,66(4)
40: 5. Выступания лица	—	—	105,56(5)	90,29(1)	—	—	—	108,33(5)
48: 17. Вертикальный фа- циоцеребра́льный	56,06(4)	—	58,06(4)	47,14(2)	—	—	—	53,49(4)
48: 45. Верхнелицевой	55,07(4)	—	47,68(1)	49,25(2)	—	—	49,64(2)	55,64(4)
47: 45. Общий лицевой	100,00(5)	—	—	77,61(1)	—	—	81,75(2)	94,35(4)
61: 60. Челюстно-альвеоляр- ный	—	—	135,18(5)	111,11(2)	—	—	110,52(2)	—
63: 62. Не́бный до стафили- она	—	—	115,00(5)	—	—	—	85,11(3)	—
54: 55. Носовой	49,57(3)	49,76(3)	48,52(3)	48,00(3)	—	—	56,67(5)	46,00(2)
52: 51. Орбитный от <i>mf</i>	89,69(5)	81,33(3)	75,23(2)	77,15(2)	84,82(3)	—	58,33(1)	80,93(2)
52: 51a. Орбитный от <i>d</i>	96,61(5)	—	—	82,17(2)	89,57(3)	—	—	—
SS: SC. Симотический	59,13(5)	42,68(3)	36,14(2)	43,64(4)	—	—	46,30(4)	47,13(4)

MS : MC. Максиллофронтальный	42,71	—	35,14	36,41 (3)	—	—	28,64 (2)	46,50
DS : DC. Дакриальный	—	—	—	51,67 (4)	—	—	—	—
Изгиба скуловой кости	19,47	23,85	19,23	17,59	22,2	19,05	19,22	15,22
69 : 9. Челюстно-лобный	100,00 (2)	89,22 (1)	—	108,79 (5)	—	—	—	—
Углы лицевого скелета								
77. Назомаллярный	137,8 (2)	137,6 (2)	144,7 (4)	130,6 (1)	—	—	135,8 (2)	136,8 (2)
∠ ZM'. Зигомаксиллярный (zm'—ss—zm')	—	—	126,5 (2)	125,6 (2)	132,1 (3)	—	124,5 (2)	—
32. Угол профиля лба от назиона	75	85	—	79	—	—	82	84
Угол профиля лба от глабеллы	63	71	—	76	—	—	71	74
33(1). Угол верхней части затылка к горизонтали	—	87	87	83	—	92	—	—
33(2). Угол нижней части затылка к горизонтали	—	21	35	42	—	46	—	—
33(4). Угол перегиба затылка	—	108	122	125	—	138	—	—
34. Угол затылочного отверстия	—	—	—3	15	—	9	—	—
72. Общий лицевой угол	80	78	75	86	—	—	83	80
73. Средний лицевой угол	83	80	74	88	—	—	—	—
74. Угол альвеолярной части	—	78	68	72	—	—	72	60
75. Угол наклона носовых костей	55	—	47	63	—	—	—	—
75(1). Угол выступания носа	25	—	28	23	—	—	40	35
Описательные признаки								
Форма черепа сверху	Сфен.	Овоид.	Сфен.	Бирз.	Овоид.	Эллипс.	Овоид.	Овоид.
Надпереносье (1—6)	4	4	3	2	—	—	1	2
Надбровные дуги (1—3)	2	2	—	1	—	—	1	2
Наружный затылочный бугор	—	1	—	1	2	2	—	—
Сосцевидный отросток (1—3)	2	2	3	1	2	2	1	2

Таблица 1 (окончание)

Признак	Мужчины			Женщины				
	п. 6, ск. 2	п. 25	п. 28	п. 5	п. 10	п. 13	п. 18	п. 19
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Описательные признаки								
Нижний край грушевидного отверстия	fos. pr.	ant.	ant.	fos. pr.	ant.	ant.	—	—
Передненосовая ость (1—5)	4	—	3	2	—	—	—	—
Нижняя челюсть								
68(1). Длина от мыщелков	135	137	—	123	128	131	134	—
79. Угол ветви	115	118	—	121	125	127	128	—
68. Длина от углов	109	108	—	97	94	100	103	—
70. Высота ветви	70	70	—	62	54	65	62	—
71a. Наименьшая ширина ветви	37,4	36,3	—	35,5	28,2	34,0	—	31,0
65. Мыщелковая ширина	110	—	—	114	—	108	—	—
66. Угловая ширина	103	91	—	99	—	—	—	—
67. Передняя ширина	59	48	—	60	—	47	60	—
69. Высота симфиза	41	38	—	—	37,1	30	35	28
69(1). Высота тела	37	38	—	—	—	33	31	31
69(3). Толщина тела	14	12	—	12	10	11	14	12
С. Угол выступания подбородка	78	72	—	58	—	66	—	70

* В скобках указан балл признака по пятибалльной шкале (см. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ. раб.). Сокращения: п — погребение, ск. — скелет.

Морфологические особенности черепов (описательные признаки) *

Признак	n	Признак	n
<i>Общий вид черепа</i> <i>n. vertikalis</i>		<i>Форма глазниц</i> <i>n. frontalis</i>	
воид	4	Прямоугольная	5
дипсоид	1	Квадратная	1
ирзид	1	Округлая	1
феноид	2	<i>Нижний край грушевидного</i> <i>отверстия</i>	
<i>Контур лба</i> <i>n. lateralis</i>		anthropina	4
эзкопокатый	2	iossae graepasalis	2
реднепокатый	1	<i>Поперечный контур</i> <i>носовых костей</i>	
прямой	5	Средний	2
<i>Контур темени</i> <i>n. lateralis</i>		Высокий	6
блоский	2	<i>Выступление подбородка</i> <i>n. lateralis</i>	
круглый	3	Слабое	2
гловатый	3	Умеренное	3
<i>Контур перегиба затылка</i> <i>n. lateralis</i>		Сильное	2
круглый	4		
лабопреломленный	2		
плосенный	1		
преломленный	1		

* Не встречающиеся в серии формы из таблицы исключены.

Индивидуальные измерения кельтеминарских черепов (трех мужских и пяти женских) ⁶ выявляют известную морфологическую неоднородность серии (табл. 1). Эту общую картину дополняют сведения, касающиеся описательных признаков черепов (табл. 2). В серии преобладают ввидные черепа с прямым лбом (при наличии двух черепов с резко выраженной покатостью лба), округлым или слегка уплощенным сводом, округлым в профиль затылком, подпрямоугольными глазницами, антропийной формой нижнего края грушевидного отверстия и высоким поперечным сечением носовых костей. На мужских черепах отмечена лопатообразность резцов (в двух случаях), краудинг (тоже в двух) и затек эмали в межкорневое пространство первых верхних моляров (в одном случае). Макрорельеф на женских черепах выражен слабо, зато мужские отличаются сильно развитым надбровьем и надпереносьем при умеренном развитии сосцевидных отростков и затылочных бугров.

В табл. 3 приводятся средние размеры краниометрических признаков. Мужская серия ($n=3$) характеризуется крупными размерами мозговой коробки ⁷. Черепа матуризованные, с большим продольным и средним поперечным диаметром, мезокранные, с низким сводом. Величины высотного диаметра от базина и порионов попадают в категорию малых. Лоб, широкий в передней части, кзади сужается. Лицо средней ширины и высоты (при наличии черепа со скуловым диаметром 151 мм!), по общему лицевому углу прогнатное. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на верхнем уровне и хорошо профилировано на уровне зигомассильярных точек. Грушевидное отверстие малой высоты и ширины. Переносье резко профилировано при умеренном выступании носовых костей. Глазницы небольшие, малой высоты и ширины. Клыковые ямки

⁶ Обнаруженные мною позднее два мужских черепа изменили представление о масштабе полового диморфизма в серии. Череп из погр. 18, ранее отнесенный Т. А. Трофимовой к мужским (Трофимова, Т. А. Неолитические черепа...), с учетом новых сравнительных данных определен как женский. Один череп пришлось исключить из обработки в силу очень плохой его сохранности.

⁷ Категориальный способ оценки признаков, основанный на разработанной Г. Ф. Дебецом шкале (Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ. раб.), нашел широкое применение в работах палеоантропологов. Он позволяет дать сравнительную оценку признаков черепа в едином общемировом масштабе.

Средние размеры и указатели неолитических черепов из могильника Тумек-Кичидж

Признак	Мужчины		Женщины	
	<i>min — max</i>	$\bar{x}$	<i>min — max</i>	$\bar{x}$
1. Продольный диаметр	181—192	186,5(2)*	170—185	175,3(3)
1а. Продольный диаметр от офриона	—	184,0(1)	168—183	175,5(2)
8. Поперечный диаметр	151—152	151,5(2)	131—141	137,6(5)
8 : 1. Черепной указатель	79,2—83,4	81,3(2)	75,7—78,2	76,8(3)
17. Высотный диаметр (<i>ba—b</i>)	124—134	129,0(2)	129—141	137,2(4)
20. Ушная высота (<i>po—b</i>)	104—108	106,1(2)	109—129	119,2(4)
17 : 1. Высотно-продольный указатель	66,8—68,5	69,2(2)	75,4—75,7	75,6(2)
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	82,1—88,2	85,1(2)	98,5—100,0	98,9(4)
20 : 1. Высотно-продольный указатель от порионов	56,2—57,5	56,9(2)	58,9—75,4	67,2(2)
20 : 8. Высотно-поперечный указатель от порионов	68,9—71,1	70,0(2)	77,9—98,5	86,2(4)
5. Длина основания черепа	—	90,0(1)	84—103	93,5(2)
9. Наименьшая ширина лба	102—105	103,3(3)	89—102	94,0(3)
10. Наибольшая ширина лба	105—118	111,0(3)	105—111	108,0(2)
9 : 10. Лобный указатель	67,8—77,3	71,5(3)	82,0—84,8	83,4(3)
11. Ширина основания черепа	120—129	124,5(2)	110—123	115,6(4)
12. Ширина затылка	—	111,0(1)	108—117	112,2(4)
23а. Горизонтальная окружность через офрион	521—535	528,0(2)	473—510	486,0(3)
24. Поперечная дуга	283—310	296,5(2)	298—334	315,8(4)
32. Угол профиля лба от назиона	75—85	80,0(2)	79—84	81,7(3)
Угол профиля лба от глабеллы	63—71	67(2)	71—76	73,7(3)
33(4). Угол перегиба затылка	108—122	115,0(2)	125—138	131,5(2)
Надпереносье (1—6)	3—4	3,7(3)	1—2	1,7(3)
Сосцевидный отросток (1—3)	2—3	2,3(3)	1—2	1,6(4)
45. Скуловой диаметр	132—151	141,5(2)	124—137	131,8(4)
40. Длина основания лица	—	95,0(1)	91—93	92,0(2)
48. Верхняя высота лица	71—74	72,3(3)	66—69	67,7(3)
47. Полная высота лица	118—132	128,6(3)	104—117	111,0(3)
40 : 5. Указатель выступающего лица	—	105,6(1)	90,3—108,3	99,3(2)
48 : 45. Верхнелицевой указатель	47,7—55,7	54,4(2)	47,1—55,6	50,8(3)
55. Высота носа	46,2—54,0	49,1(3)	45—50	48,3(3)
54. Ширина носа	23,3—26,2	24,2(3)	22,1—25,5	23,6(4)
54 : 55. Носовой указатель	48,5—49,8	49,3(3)	46,0—56,7	50,2(3)
52. Высота орбиты	30,5—37,0	33,2(3)	28,0—35,2	33,0(4)
51. Ширина орбиты от <i>mf</i>	37,5—42,8	40,5(3)	41,5—48,0	44,2(4)
51а. Ширина орбиты от <i>d</i>	—	38,3(1)	39,3—41,5	40,4(2)
52 : 51. Орбитный указатель от <i>mf</i>	75,2—89,6	82,0(2)	58,3—84,8	75,3(4)
52 : 51а. Орбитный указатель от <i>d</i>	—	96,6(1)	82,2—89,6	85,9(2)
SC. Симотическая ширина	8,2—11,5	9,3(3)	8,7—11,9	10,6(4)
SS. Симотическая высота	3,0—6,8	4,4(3)	4,1—5,0	4,6(3)
SS : SC. Симотический указатель	36,1—59,1	46,0(3)	43,6—47,1	45,7(3)
DC. Дакриальная ширина	—	—	24,0—25,4	24,7(2)
DS. Дакриальная высота	—	—	—	12,4(1)
DS : DC. Дакриальный указатель	—	—	—	51,7(1)
77. Назомаллярный угол $\angle zm$. Зигомаксиллярный угол ($zm'—ss—zm'$)	137,6—144,7	140,0(3)	130,6—136,8	134,4(3)
	—	126,5(1)	124,5—132,1	127,4(3)
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	+0,5—3,3	1,4(2)	4,0—7,3	6,0(4)

Таблица 3 (продолжение)

Признак	Мужчины		Женщины	
	min — max	$\bar{x}$	min — max	$\bar{x}$
Указатель изгиба скуловой кости	19,2—23,8	20,8(3)	15,2—22,2	18,7(4)
12. Общий лицевой угол	75—80	77,7(3)	80—86	83,0(3)
13. Угол средней части лица	74—83	79,0(3)	—	88,0(1)
14. Угол альвеолярной части	68—78	73,0(2)	60—72	68,0(3)
15(1). Угол выступания носа	25—28	26,5(2)	23—40	32,7(3)
18(1). Длина нижней челюсти от мышелков	135—137	136,0(2)	123—134	129,0(4)
11a. Наименьшая ширина ветви	36,3—37,4	36,8(2)	28,2—35,5	32,2(4)
16. Угловая ширина	91—103	97,0(2)	—	99,0(1)
166. Лобно-челюстной указатель	89,2—100,0	94,6(2)	—	91,9(1)
19. Угол ветви нижней челюсти	115—118	116,5(2)	121—128	125,2(4)
С. Угол выступания подбородка	72—78	75,0(2)	58—70	64,7(3)

* В скобках указано число черепов.

Таблица 4

Коэффициенты полового диморфизма (K) некоторых признаков в сравнении со стандартными

Признак	$K_{\text{эмп}}$	$K_{\text{ст}}$
1. Продольный диаметр	1,064 *	1,049
8. Поперечный диаметр	1,101 *	1,037
17. Высотный диаметр ($ba-b$)	0,940 *	1,047
5. Длина основания черепа	0,963 *	1,054
9. Наименьшая ширина лба	1,099 *	1,032
10. Наибольшая ширина лба	0,960 *	1,040
11. Ширина основания черепа	1,052 *	1,048
12. Ширина затылка	0,989 *	1,038
45. Скуловой диаметр	1,074	1,072
40. Длина основания лица	1,033 *	1,042
48. Верхняя высота лица	1,068 *	1,076
47. Полная высота лица	1,126 *	1,077
55. Высота носа	1,017 *	1,061
54. Ширина носа	1,025 *	1,041
52. Высота орбиты	1,006	1,005
51. Ширина орбиты от mf	0,916 *	1,041
51a. Ширина орбиты от d	0,948 *	1,040
20. Ушная высота ($po-b$)	0,870 *	1,046
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	0,233 *	1,100
SC. Симотическая ширина	0,877 *	1,000
SS. Симотическая высота	0,956 *	1,207
$\frac{\sum K}{n}$	0,968	1,055

* Выход за границы средних значений стандартных коэффициентов полового диморфизма (Алексеев В. П., Дебев Г. Ф. Указ. раб.).

неглубокие. Нижние челюсти очень массивные, с хорошо выраженным рельефом.

Женская серия ($n=5$) представлена черепами относительно меньших размеров, со средним продольным и поперечным диаметром мозговой коробки. По указателю черепа мезокранные, но в отличие от мужских имеют тенденцию к долихокрании и высокий или очень высокий свод. Лоб средней ширины. Лицо средней или малой высоты и очень широкое, резко профилированное в горизонтальной плоскости на обоих

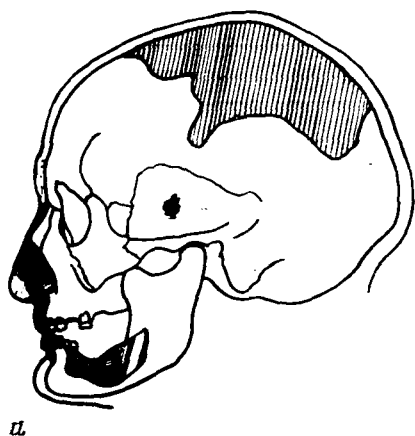

Рис. 1. Голова женщины из погр. 5: обвод мягких тканей (а) и восстановление лица (б) по черепу; реконструкция Г. В. Лебединской

Рис. 2. Голова мужчины из погр. 6 (реконструкция Г. В. Лебединской)

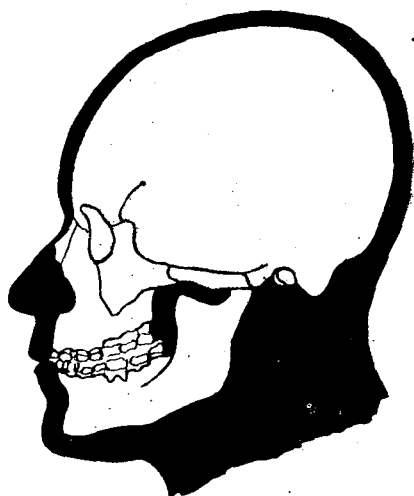

Рис. 3. Профильный обвод по черепу женщины из погр. 18 (реконструкция автора)

уровнях, мезогнатное, с тенденцией к альвеолярному прогнатизму. Нос средней высоты, широкий, резко выступающий, с хорошо профилированным переносьем. Глазницы широкие и высокие. Клыковые ямки очень глубокие. Нижняя челюсть грацильная, со слабо развитым рельефом.

Некоторое представление о физическом облике кельтеминарцев дают графические реконструкции по черепам (см. рис. 1—4). Даже при внешнем осмотре мужских и женских черепов заметны некоторые различия, представляющиеся весьма существенными. Цифровой материал не противоречит этому наблюдению. Поэтому возникла необходимость тщательно изучить характер полового диморфизма в серии.

Были рассчитаны коэффициенты полового диморфизма для 21 краниометрического признака (табл. 4). Оказалось, что 19 из них выходят за границы размаха стандартных⁸, причем большинство коэффициентов оказываются заниженными (15 из 19). Средний коэффициент полового диморфизма указанных признаков составляет в нашей серии 0,968 при

⁸ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ. раб.

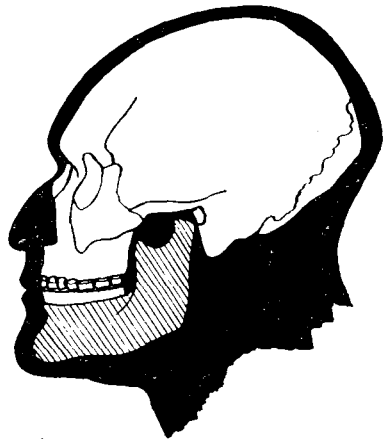
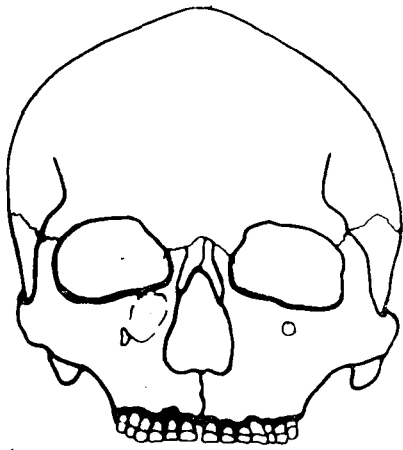

Рис. 4. Голова мужчины из погр. 28: а — череп, б — профильный обвод по черепу, в — восстановление лица по черепу (реконструкция автора)

среднем стандартном коэффициенте для этого же набора признаков 1,055. Разница достаточно велика, и на это нельзя не обратить внимания. В частности, на мужских черепах больше назомаллярный угол при меньшем выступании носовых костей, тогда как в гомогенной популяции женщины, как правило, более плосколицы, угол выступания носовых костей у них в целом меньше. В литературе отмечалось, что появление в серии коэффициентов полового диморфизма, отличающихся от стандартных, в том числе и понижение их, может быть связано с неизбежными ошибками при определении пола без привлечения для этого костей посткраниального скелета⁹. Вероятность такой ошибки увеличивается в силу малочисленности серии: выявленный в ней масштаб полового диморфизма может не совпадать с действительным.

Таким образом, отмеченные морфологические различия между мужскими и женскими черепами отчасти могут иметь расовое значение, хотя нельзя пока однозначно решить вопрос о реальности существования этих различий в популяции, оставившей могильник. С большей уверенностью констатируется, как уже говорилось, антропологическая неоднородность серии в целом.

⁹ Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения татарской культуры. Л.: Наука, 1977.

Средние показатели изменчивости в серии из неолитического могильника
Тумек-Кичиджик (объединенная группа) *

Признак	n	min — max	$\bar{x} \pm S\bar{x}$	$S \pm Ss$
1. Продольный диаметр	5	173—195	184,4±4,3	9,68±3,1
8. Поперечный диаметр	7	136—152	145,1±2,3	6,12±1,6
8:1. Черепной указатель	5	75,7—83,4	78,6±1,4	3,01±1,0
17. Высотный диаметр (ba—b)	6	124—148	139,0±3,9	9,6±2,8
17:1. Высотно-продольный указатель	4	68,5—75,7	72,36±1,8	3,74±1,3
17:8. Высотно-поперечный указатель	6	82,1—100,0	94,32±3,0	7,39±2,1
20. Ушная высота (po—b)	5	104—130	115,2±4,6	10,3±3,2
5. Длина основания черепа	3	88—109	95,7±6,7	11,6±4,7
9. Наименьшая ширина лба	6	92—105	100,2±2,3	5,7±1,6
10. Наибольшая ширина лба	5	105—118	111,4±2,2	5,1±1,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	6	65,0—77,3	70,7±2,1	5,1±1,5
32. Угол профиля лба (n—m)	5	75—84	81,0±1,8	4,1±1,3
45. Скуловой диаметр	6	132—151	141,5±3,2	7,84±2,3
45:8. Горизонтальный фациоцере- бральный указатель	6	86,8—103,0	95,4±2,3	5,70±1,6
48. Верхняя высота лица	6	71—74	72,5±2,0	4,9±1,4
48:45. Верхнелицевой указатель	5	47,7—55,6	51,5±1,6	3,64±1,2
72. Общий угол лица	6	75—86	80,3±1,6	3,8±1,1
77. Назомаллярный угол	6	130,6—144,7	137,2±1,9	4,7±1,4
∠zm. Зигомаксиллярный угол (zm'—ss—zm')	4	124,5—132,1	127,2±1,7	3,4±1,2
55. Высота носа	6	46,2—54,0	50,15±1,4	3,54±1,0
54. Ширина носа	7	23,0—26,5	24,44±0,6	1,53±0,4
75(1). Угол выступания носа	5	25—44	32,6±3,7	8,3±2,6
51. Ширина орбиты (от mf)	7	37,5—50,0	43,7±1,5	3,9±1,0
52. Высота орбиты	7	28,1—37,0	33,2±1,2	3,1±0,8
52:51. Орбитный указатель (от mf)	7	58,3—89,6	77,6±1,1	2,8±0,8
SC. Симотическая ширина	7	8,2—11,9	10,06±0,6	1,62±0,4
SS. Симотическая высота	6	3,0—6,8	5,02±0,6	1,49±0,4
SS:SC. Симотический указатель	6	36,14—59,13	45,84±3,1	7,58±2,2
FC. Глубина клыковой ямки, мм	6	+0,5—8,6	4,67±1,2	2,88±0,8

* Обозначения: n — число черепов; $\bar{x}$ — среднее значение признака; $S\bar{x}$ — ошибка средней; S — среднее квадратическое отклонение; Ss — ошибка среднего квадратического отклонения.

Чтобы усилить представительность выборки, был использован прием, предложенный Г. Ф. Дебецом для перевода женских значений признаков в мужские с последующим объединением серии¹⁰. В качестве стандартных взяты коэффициенты полового диморфизма, вычисленные Г. Ф. Дебецом¹¹. Пересчет проводился для каждого черепа индивидуально. В результате получена объединенная группа из восьми черепов. Цифровая характеристика ее представлена в табл. 5.

Как известно, в заведомо смешанной группе усредненные показатели могут скрывать внутригрупповые различия, но все же целесообразно их исследовать, поскольку они дают возможность проследить направление изменчивости в серии, установить ее отличительные характеристики¹². Исходя из средних в обобщенной группе, черепа характеризуются как мезокранные, с большим продольным, средним поперечным и большим висотным диаметром при средней ушной высоте. Лицо широкое, средневысокое, мезогнатное, хорошо профилированное в горизонтальной плоскости на уровне назиона и зигомаксиллярных точек. Орбиты широкие, высота их малая или средняя. Клыковые ямки глубокие. Грушевидное отверстие малой высоты и ширины. Нос с хорошо профилированным переносьем резко выступает. В строении подносового края преобладают антропические формы.

¹⁰ См. Дебец Г. Ф. О путях заселения Северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики. — Сов. этнография, 1961, № 6.

¹¹ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ. раб.

¹² Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. IV. М.—Л., 1948.

Показатели изменчивости в серии из могильника Тумек-Кичиджик в сравнении со стандартными (объединенная группа) *

Признак	S^2	σ^2	P	$V, \%$	$Vst, \%$
1. Продольный диаметр	93,8	37,2	0,05	5,2**	3,4
8. Поперечный диаметр	37,5	25,0		4,2**	3,5
8:1. Черепной указатель	9,0	10,2	0,01	3,8	—
17. Высотный диаметр ($ba-b$)	92,0	24,0	0,01	6,9**	3,6
17:1. Высотно-продольный указатель	14,0	9,6		—	—
17:8. Высотно-поперечный указатель	61,4	19,4	0,001	—	—
20. Ушная высота ($po-b$)	105,2	16,0	0,001	8,9**	3,5
5. Длина основания черепа	134,3	16,8	0,001	12,1**	4,1
9. Наименьшая ширина лба	32,6	19,4		5,7**	4,6
10. Наибольшая ширина лба	26,3	23,0		4,6**	4,0
9:8. Лобно-поперечный указатель	25,8	10,9	0,05	—	—
32. Угол профиля лба ($n-m$)	16,5	13,7		5,5**	—
45. Скуловой диаметр	61,5	26,0	0,05	—	3,8
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	32,5	14,4	0,05	6,0	—
48. Верхняя высота лица	23,9	16,8		6,7**	5,8
53. Высота носа	49,8	8,4	0,001	7,0**	5,6
54. Ширина носа	2,4	3,2		6,3**	7,1
51. Ширина орбиты от m	15,2	3,2	0,001	8,9**	4,3
52. Высота орбиты	9,7	3,6	0,05	9,4**	5,6
55. Симметрическая ширина	1,62	3,2		16,10**	21,0
55. Симметрическая высота	2,23	0,81	0,01	29,74**	24,9
65. Глубина клыковой ямки, мм	8,29	1,21	0,001	61,69**	21,6
77. Назомаллярный угол	20,5	19,4			—
$\angle zm$. Зигомаксиллярный угол ($zm'-ss-zm'$)	11,4	29,2	0,05.		—
72. Общий лицевой угол	14,7	8,4			—
75(1). Угол выступания носа	68,8	21,2	0,01		—

* Обозначения: S^2 — эмпирическая дисперсия; σ^2 — стандартная дисперсия; P — уровень значимости различий между S^2 и σ^2 ; $V, \%$ — эмпирический коэффициент вариации; $Vst, \%$ — стандартный коэффициент вариации.

** Выход значения коэффициента вариации за стандартные пределы.

Обращает на себя внимание широкий размах по большинству признаков и заметно завышенные по сравнению со стандартными значения квадратических уклонений. В целях статистического анализа серии на однородность полученные для черепов кельтеминарцев дисперсии были сопоставлены со стандартными с использованием F-критерия (критерий Фишера) при бесконечном количестве степеней свободы для стандартных дисперсий¹³ и приведены коэффициенты вариации в сравнении со стандартными¹⁴ (табл. 6).

Из высчитанных 26 дисперсий 16 показали существенные отличия от стандартных. Из 16 коэффициентов вариации только два попадают в границы общемирового размаха. Все эти данные свидетельствуют о том, что изменчивость в серии, безусловно, выше, чем это должно было бы

¹³ Плохинский Н. А. Биометрия. М.: Изд-во МГУ, 1970.

¹⁴ Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Указ. раб.

быть в антропологически однородной группе. Результаты статистического анализа со всей определенностью подтверждают впечатления от визуального изучения черепов. Из-за малочисленности серии невозможно провести внутригрупповой корреляционный анализ на статистическом уровне. Тем не менее визуально в серии выделяются два основных компонента. Первый — мезокранные черепа с наклонностью к брахи-⁷крании, с большим поперечным диаметром и низким сводом; они широколицые, отличаются ослаблением профилировки лицевой части скелета в горизонтальной плоскости при умеренном выступании носовых костей (например, мужской череп из погр. 28 и женский из погр. 5). Второй компонент представлен также черепами мезокранными, но имеющими повышенный высотный диаметр и тенденцию к долихокрании. От первой группы они отличаются и менее выраженной широколицестью, резкой горизонтальной и вертикальной профилировкой лицевого скелета (например, мужской череп из погр. 25 и женский из погр. 19).

Пока мы не располагаем возможностью найти истоки выделенных компонентов и связать последние с реально существовавшими антропологическими типами. Это дело будущих исследований. Однако приведенные здесь результаты внутригруппового анализа краниологической серии кельтеминарцев могут способствовать постановке широкого круга проблем, связанных с этнической историей древнейших популяций, населявших в эпоху неолита территорию Средней Азии. Данные внутригруппового анализа позволяют предполагать, что ключ к решению этих проблем будет обнаружен, возможно, и за пределами Среднеазиатского региона.

**СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ
доктора исторических наук
СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ИВАНОВА
(К 60-летию научной деятельности)**

- К вопросу об изучении народного изобразительного искусства в СССР.— В кн.: Сб. этнографических материалов, № 2, Л., 1927, с. 53—70.
- Л. Я. Штернберг и примитивное искусство.— В кн.: Памяти Л. Я. Штернберга. 1861—1927. Л., 1930, с. 159—172.
- Aleut Hunting Headgear and its Ornamentation.— Proc. 23 Intern. Congr. Amer. (September, 1928). N. Y., 1930.
- Послесловие к ст. Л. Я. Штернберга «Орнамент из оленьего волоса и игол дикобраза».— Сов. этнография (далее — СЭ), 1931, № 3, с. 121—125.
- Искусство в родовом обществе.— В кн.: Первобытное общество, М., 1932, с. 216—234.
- Новые книги по крестьянскому искусству.— СЭ, 1934, № 3, с. 123—125.
- Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита.— Там же, с. 91—101.
- Изучение национального изобразительного искусства в СССР.— В кн.: Труды I Всесоюз. геогр. съезда, № 4, Л., 1934, с. 11—17.
- По музеям Западной Сибири.— СЭ, 1935, № 1, с. 114—118.
- Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой.— СЭ, 1935, № 4—5, с. 62—84.
- Северная экспедиция АН СССР.— На рубеже, № 9, Хабаровск, 1935, с. 24—26.
- Орнаментированные куклы у ульчей.— СЭ, 1936, № 6, с. 50—69.
- Медведь в религиозном и декоративном искусстве народностей Амура.— В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.— Л., 1937, 45 с.
- Первобытные формы письма у народов Сибири.— Наука и жизнь, 1940, № 8—9, с. 23—26.
- К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков.— В кн.: Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ). Вып. 2. М., 1947, с. 80—83.
- Мамонт в искусстве народов Сибири.— Сб. Музея антропологии и этнографии (далее — Сб. МАЭ). Т. XI. М.— Л., 1949, с. 133—161.
- О значении двух уникальных женских статуэток американских эскимосов.— Там же, с. 162—170.
- Развитие изобразительного искусства якутов в период XVIII—XX столетий.— В кн.: Труды II Всесоюз. геогр. съезда. Л., 1949, с. 372—381.
- Реалистические основы искусства тунгусо-маньчжуров.— КСИЭ. Вып. 5. М.— Л., 1949, с. 86—90.
- Скляные человеческие фигурки в скульптуре алеутов.— Сб. МАЭ. Т. XII. М.— Л., 1949, с. 195—212.
- Чукотско-эскимосская гравюра на кости.— СЭ, 1949, № 4, с. 107—124.
- Происхождение бурятских онгонов с изображениями женщин.— В кн.: Труды Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. XIV. М.— Л., 1951, с. 119—131.
- Старинное зимнее жилище ульчей.— Сб. МАЭ. Т. XIII. М.— Л., 1951, с. 60—124.
- Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси.— СЭ, 1952, № 3, с. 85—99.
- О находках в замке на горе Муг (Керамика, плетеные и кожаные изделия, ткань).— В кн.: Изв. Отд-ния общественных наук АН ТаджССР, вып. 2. Сталинабад, 1952, с. 37—52.
- Орнамент народов Сибири как исторический источник.— КСИЭ. Вып. 15. М., 1952, с. 8—18.

- Архитектурный орнамент народов Нижнего Амура.— Сб. МАЭ. Т. XV. М.—Л., с. 234—290.
- Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.— ТИЭ. Т. XXII. М.—Л., 1954, 839 с.
- Изобразительное искусство народов Дальнего Востока.— Дальний Восток, 1955, № 6, с. 160—169 (в соавт. с Сергеевым М. А.).
- К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья.— Сб. МАЭ. Т. XVI. М.—Л., 1955, с. 165—264.
- Изобразительное искусство народов Сибири.— Сибирские огни, 1956, № 4, с. 155—158 (в соавт. с Сергеевым М. А.).
- В кн.: Народы Сибири (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956 раздел: Народное изобразительное искусство русских Сибири (в статье «Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в до-революционный период») — с. 153—214 и статьи: Негидальцы; Нанайцы; Ульчи; Удэгейцы; Орочи; Ороки (с. 776—884, в соавт. с Левиным М. Г. и Смоляк А. В.)
- К семантике изображений на старинных бурятских оютах.— Сб. МАЭ. Т. XVII. М.—Л., 1957, с. 95—150.
- Некоторые вопросы первобытного искусства в освещении Г. В. Плеханова.— СЭ, 1957, № 1, с. 17—24.
- Народный орнамент как исторический источник (к методике изучения).— СЭ, 1958, № 2, с. 3—23.
- Успехи народов Севера в области изобразительных искусств.— В кн.: Просвещение на Советском Крайнем Севере. Л., 1958, с. 341—344.
- Киргизский орнамент как этногенетический источник.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Фрунзе, 1959, с. 59—73.
- О некоторых традициях согдийского декоративного искусства в орнаменте таджиков и узбеков.— В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 217—225.
- Religiose Vorwürfe in der Kunst der Völker Nord-Asiens vor der Revolution.— Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biro Sacra. Budapest, 1959.
- Декоративно-прикладное искусство киргизского народа.— В кн.: XXV Междунар. конгр. востоковедов. Докл. делегации СССР. М., 1960, с. 108—117 (в соавт. с Маховой Е. И.).
- Орнамент.— В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 369—435.
- Современное искусство народов Сибири (скульптура).— СЭ, 1961, № 6, с. 9—28.
- Орнамент народов Сибири как исторический источник.— В кн.: Труды конференции по истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 345—350.
- Культурно-исторические связи энцев и нганасан по данным их орнамента.— КСИЭ. Вып. 37. М.—Л., 1962, с. 57—66.
- Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока.— ТИЭ. Т. 81. М.—Л., 1963. 500 с.
- К вопросу о методике собирания и изучения произведений народного изобразительного искусства.— СЭ, 1964, № 4, с. 136—146.
- Старинные культовые изображения медведей у сахалинских айнов.— Сб. МАЭ. Т. XXII. М.—Л., 1964, с. 200—222 (в соавт. с Левиным М. Г.).
- Siberian Cultures (Очерк традиционного искусства Сибири).— В кн.: Encyclopaedia of World Art. V. XIII. New York — Toronto — London, 1967/Пер. с ит. «Encyclopedia universale dell'arte». Venezia — Roma, 1964.
- Художественная обработка металла.— В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. V) М., 1968, с. 96—122 (в соавт. с Маховой Е. И.).
- Тиснение по коже.— Там же, с. 123—131 (в соавт. с Айтбаевым М. Т.).
- Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири.— В кн.: Труды VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. Т. 10. М.: Наука, 1970, с. 320—324.
- Старинные трубчатые игольники у народов Сибири.— В кн.: Одежда народов Сибири. Л.: Наука, 1970, с. 196—207.

- Элементы военной (защитной) одежды в шаманских костюмах народов Сибири.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1969 г. Л.: Наука, 1970, с. 47—48.
- Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка.— Сб. МАЭ. Т. XXVII. Л., 1971, с. 142—149.
- Развитие народных традиций в якутской скульптуре.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1972—1973. Л.: Наука, 1974, с. 189—190.
- Маски народов Сибири. Альбом и вступительный текст на английском и русском языках. Л., 1975, с. 31+50 илл.
- К вопросу о хуннском компоненте в орнаменте якутов.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности (Труды Приленской археологической экспедиции). Якутск, 1975, с. 174—184.
- Древние представления некоторых народов Сибири о слове, мысли и образе.— В кн.: Страны и народы Востока. Кн. 3. Вып. 17. М.: Наука, 1975, с. 119—126.
- Рациональное и иррациональное в лечебной практике нанайцев (в конце XIX — начале XX в.).— В кн.: Этнографические аспекты изучения народной медицины. Тез. Всесоюз. науч. конф. 10—12 марта 1975 г. Л.: Наука, 1975, с. 20—21.
- К вопросу о процессах взаимовлияния в декоративно-прикладном искусстве народов Сибири.— В кн.: Сообщения Государственного Русского Музея. Вып. XI. Л., 1976, с. 19—22.
- Некоторые аспекты изучения сибирских бубнов.— В кн.: Из истории Сибири. Вып. 19. Томск; Изд-во Том. ун-та, 1976, с. 214—233.
- Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле.— В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (2-я половина XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1976, с. 161—188.
- Якутские коновязи.— В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976, с. 213—224.
- О «детских» амулетах нанайцев.— Сб. МАЭ. Т. 33. Л., 1977, с. 80—89.
- Проблема ареала по материалам орнамента финно-угорских народов.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 61—70.
- Ульчские ковры 20-х годов (к проблеме художественного наследия).— В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии 1975 г. М., 1977, с. 219—227.
- Aperçu sur l'étude des tambours sibériens. L'ethnographie, numero; voyages chamaniques, 1977, № 74/75, p. 31—39.
- Об одной уникальной маске эскимосов с острова Ратманова.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1974—1976. Л.: Наука, 1977, с. 133—134.
- Художественные изделия из бересты (у народов Амура).— Полярная звезда, 1978, № 1, с. 24—29.
- Some Aspect of the Study of Siberian Shamanism.— In: Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, p. 19—25.
- Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири.— В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978, с. 136—168.
- Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. XVIII — 2-я четверть XX в. Л.: Наука, 1979. 194 с.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РАБОЧЕГО КЛАССА

26—28 июня 1984 г. в Свердловске состоялся симпозиум «Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса», организованный Научным советом по фольклору АН СССР, Головным советом Минвуза РСФСР по комплексной программе «Духовная культура Урала», Уральским ордена Трудового Красного Знамени государственным университетом им. А. М. Горького (далее — УрГУ).

21 год разделяет симпозиум 1984 г. и состоявшуюся в мае 1963 г. (также в Свердловске) первую в нашей стране научную конференцию по рабочему фольклору, послужившую своеобразным толчком к активизации изучения рабочего фольклора (далее — РФ). Результаты ее стали особенно заметны в 70-е годы, когда появились первые монографии, посвященные отдельным жанрам или проблемам РФ (работы О. Б. Алексеевой, В. П. Кругляшовой, Л. П. Кузьминой, А. И. Лазарева и др.); значительно расширились проблематика и география исследований, а также их источниковедческая база (главным образом за счет привлечения архивных материалов); стала разрабатываться методика комплексного изучения РФ как части духовной культуры рабочих¹. Проведение симпозиума отвечало требованиям дня, так как назрела необходимость в подведении итогов проделанной работы и определении путей дальнейшего развития исследований в области РФ в свете задач, стоящих перед советской фольклористикой 1980-х годов.

В Свердловск, ставший за последние десятилетия ведущим центром изучения РФ, собрались фольклористы из 20 городов четырех союзных (РСФСР, Украина, Латвия, Узбекистан) и трех автономных (Башкирия, Карелия, Удмуртия) республик. Особенно широко были представлены на нем ученые Урала, Приуралья и Сибири. Среди участников симпозиума — сотрудники институтов АН СССР и ее филиалов, академий наук союзных республик, преподаватели университетов и педагогических институтов; Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского, Среднеуральского книжного издательства, Свердловского областного научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительной работы, руководители народных хоров дворцов культуры промышленных предприятий Свердловска и области — всего свыше 50 человек.

Организаторы симпозиума, в первую очередь кафедра фольклора и древней литературы УрГУ, провели большую подготовительную работу. Всем его участникам заранее были разосланы развернутые тезисы докладов², что, несомненно, способствовало плодотворности развернувшейся на симпозиуме дискуссии, в ходе которой выступил 29 человек.

Библиотекой УрГУ во время работы симпозиума была развернута выставка литературы по РФ, изданной после 1963 г.

На рассмотрение участников симпозиума, открывшегося вступительным словом ректора УрГУ П. Е. Суетина, были вынесены четыре доклада: 1. «Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики» — докладчик В. П. Аникин (Москва), 2. «Место и роль фольклора в духовной культуре промышленных рабочих (к постановке вопроса и методике исследования)» — Н. С. Полищук (Москва), 3. «Теория и методика изучения роли фольклора в духовной культуре рабочих» — В. П. Кругляшова (Свердловск), 4. «Идейно-эстетическая сущность рабочего фольклора на современном этапе» — А. И. Лазарев (Челябинск).

Острая дискуссия развернулась по вопросам генезиса РФ, затронутым в докладе В. П. Аникина. По мнению докладчика, поддержанному рядом выступавших (Л. А. Астафьева — Москва, С. А. Каскабасов — Алма-Ата, Н. А. Кричинная — Петрозаводск, В. К. Соколова — Москва, Н. С. Шумадя — Киев), РФ возник на основе крестьянской традиции, в результате «преобразования и изменения фольклора крестьян». С. Г. Лазутин (Воронеж) же утверждал, что РФ больше свя-

¹ См., например: *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1971, с. 153—238 (главы IV и V); *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974, с. 252—314 (гл. VI); Программа-вопросник по собиранию рабочего фольклора/Сост. Кругляшова В. П., Блажес В. В. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982, 9 с.

² Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Тезисы докладов симпозиума 26—28 июня 1984 г. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984, 15 с. (ротанпринт).

ин с рабочей поэзией, чем с крестьянским фольклором, и развивался он «не в лоне трансформации», а как совершенно новое явление. Поэтому в отличие от В. П. Аникина и других выступавших С. Г. Лазутин не видит необходимости в сравнительном изучении рабочего и крестьянского фольклора — разных, с его точки зрения, явлений.

Дискутировалась и выдвинутая В. П. Аникиным (уже давно назревшая) задача сравнительно-типологического исследования РФ разных народов. Как и в первом случае, в качестве оппонента выступил С. Г. Лазутин, считающий изучение локальных особенностей РФ «отражением объективной стороны дела», поскольку сам материал требует необходимость изучения РФ в региональных рамках. Однако позиция С. Г. Лазутина не встретила поддержки. С ним полемизировали К. Е. Корепов (Горький), отметившая, что в локальных вариациях РФ прослеживаются общие явления, и Н. С. Шумада, сообщившая, что в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР (Киев) уже ведется типологическое изучение славянского РФ и получены обобщающие результаты. О некоторых из них рассказала Л. К. Вахнина (Киев), остановившаяся на вопросах историко-сравнительного изучения рабочих песен восточных и западных славян.

Активно обсуждались и поднятые в докладе В. П. Аникина вопросы о путях развития РФ и о роли фольклорных традиций в создании новых произведений. Были высказаны различные точки зрения. Так В. П. Кругляшова, основываясь на опыте изучения РФ Урала, утверждала, что и в настоящее время фольклорная традиция здесь очень сильная и новые произведения создаются в русле тех же традиций, что и революционные. На проявление «фольклорного начала на разных уровнях» в современном песенном творчестве Урала указывала и Т. Н. Якунцева (Свердловск). А. Каскабасов, оперируя казахстанским материалом, напротив, утверждал, что РФ сейчас больше ориентируется на профессиональное искусство. Аналогичная точка зрения была высказана и другими выступавшими (Н. С. Полищук, Н. С. Шумада). Этот вопрос специально рассматривался в докладе А. И. Лазарева.

Интересная информация, своего рода дополнение к докладу В. П. Аникина, содержалась в выступлении А. Л. Налепина (Москва), рассмотревшего современные тенденции западной фольклористики в области изучения РФ.

В докладе Н. С. Полищука значительное внимание было уделено вопросам методики исследования места фольклора в духовной культуре рабочих, в первую очередь, изучению их устно-поэтического репертуара, отражающего не только уровень культуры и эстетические запросы, но и духовный мир людей (их идеалы, нравственный облик, мировоззрение). На важность изучения устного репертуара рабочих и необходимость фиксации его в полном объеме обращалось внимание также в выступлениях Т. И. Калужниковой (Свердловск), К. Е. Кореповой, Т. Г. Леоновой (Омск), В. К. Соколовой. Положение о необходимости четкой дифференциации понятия «рабочий фольклор» и «устный репертуар рабочих» было поддержано В. П. Кругляшовой и Т. Г. Леоновой, а об обязательном разграничении «активного» и «пассивного» репертуара — С. А. Каскабасовым. Вопрос о разработке методики для всех методики сбора полевого материала для получения сопоставимых результатов рассматривался также в выступлении С. Д. Зубкова (Киев) и в докладах В. П. Кругляшовой и А. И. Лазарева.

Одну из основных задач исследования РФ В. П. Кругляшова видит в изучении специфики изображения в нем труда. «Научное и общекультурное значение РФ, — по мнению докладчицы, — состоит в изображении труда как деяния..., в прославлении рабочего мастерства, в утверждении человека творческого труда». На поэтизацию рабочих профессий в РФ (главным образом шахтерском) западных славян обращалось внимание в выступлении Л. К. Вахниной.

На большом фактическом материале дооктябрьского РФ В. П. Кругляшова убедительно показала, что почвой для создания новых фольклорных произведений в рабочей среде часто служит образная профессиональная терминология (метафорические термины).

В. П. Кругляшова остановилась также на характеристике РФ современности, определив его как «устно-поэтическое творчество, бытующее в семьях и трудовых социально-профессиональных коллективах». Собирать его, как отмечалось в докладе, следует в производственно-бытовых комплексах (промышленное предприятие и жилой массив, заселенный рабочими и служащими предприятия и их семьями).

Самое интересное и самое сложное в проблеме современного РФ, считает А. И. Лазарев, — выявление его идейно-художественных функций, причин создания «фольклорных и самодельных художественных произведений, соперничающих в известном смысле с продукцией профессиональных авторов». На основе наблюдений над фольклорным процессом докладчик пришел к выводу, что, создавая собственные произведения, рабочие «заполняют вакуум в тематике, почему-либо не привлекавшей внимания профессионального искусства (чаще всего это местная, краевая тема)», к тому же творческая энергия рабочих действует «на опережение», т. е. молниеносно реагирует на то, что не успело отразиться в художественной продукции поэтов и композиторов».

Характерной особенностью РФ как художественного явления А. И. Лазарев считает сближение его с литературой. Отметив, что художественная активность рабочих в настоящее время проявляется как в фольклорных, так и в нефольклорных формах, к первым он относит, «прежде всего, активное использование традиционных произведений устной поэзии (песен, преданий, сказок, частушек, пословиц) в быту, во время работы и в коллективах художественной самостоятельности». Ко вторым — «самостоятельное литературно-музыкальное творчество: стихи, рассказы в стенгазетах и много-

тиражках, выступления со „своими“ песнями и частушками на смотрах художественной самодеятельности и т. п.».

Особого внимания заслуживает выступление В. А. Михнюкевича (Челябинск) по вопросу о жанровом составе РФ, рассмотрение которого не входило в программу симпозиума. «Рабочий сказ,— утверждает он,— научный миф. Те тексты, о которых говорится как о сказах,— произведения других прозаических жанров (чаще всего преданий), записанные от талантливых исполнителей».

Интересным было и стоящее несколько особняком выступление В. В. Блажес (Свердловск). С позиций выявления связей культуры рабочих со смеховой культурой русского народа он анализировал получившие в 1905 и 1917 годах широкое распространение среди уральских рабочих обычаи «вывоза на тачке» и «обувания в лапти». Это действо, имевшее свою композицию, В. В. Блажес считает возможным классифицировать как один из жанров фольклора.

На симпозиуме рассматривались также проблемы фольклоризма в рабочей самодеятельности (М. Я. Вискна — Рига, В. Н. Теплов — Свердловск); репертуар агитбригад (П. Д. Галкин — Свердловск, Н. С. Шумада); современное состояние рабочей частушки на Урале (И. И. Люксенбург — Челябинск); прозвища, возникшие в среде рабочих (И. Ю. Карташева — Челябинск), и др.

Обращалось внимание на необходимость этнографического комментирования текстов рабочих песен при их издании (К. Е. Корелова, В. А. Смирнов — Иваново).

Выдвигались новые исследовательские задачи. Кроме уже упоминавшихся — изучение роли межэтнических связей в формировании и функционировании современного РФ (С. А. Каскабасов, В. П. Кругляшова).

Значительная часть научных рекомендаций, содержащихся в докладах и выступлениях, вошла в принятую на симпозиуме Резолюцию, в которой намечены новые научно-организационные и практические задачи, связанные с дальнейшим собиранием и исследованием РФ. Среди них: более широкое включение проблематики, связанной с РФ, в программы исследовательских работ академических институтов; создание единой истории РФ народов СССР на основе обобщения региональных исследований; развертывание типологического изучения РФ народов СССР и зарубежных стран, в первую очередь социалистических; активизация работы по разысканию и записи произведений РФ, организация в этих целях комплексных экспедиций; разработка на основе программы-вопросника, созданной кафедрой фольклора и древней литературы УрГУ, единой программы, обязательной для всех собирателей РФ (учреждения АН СССР и союзных республик, университеты, педагогические институты и институты культуры, научно-методические центры народного творчества и культурно-просветительной работы) с целью получения сопоставимых материалов.

Было принято также решение об издании материалов симпозиума отдельным сборником.

Н. С. Полищук

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В марте 1984 г. исполнилось 50 лет существования Государственного музея этнографии народов СССР как самостоятельного научного и культурно-просветительного учреждения.

Государственный музей этнографии народов СССР — ведущий этнографический музей страны, знакомящий посетителей со всем многообразием вариантов этнической культуры народов СССР с конца XIX в. до наших дней. По широте представленного материала с ним не может сравниться ни один музей в нашей стране.

Комплектование коллекций музея началось с 90-х годов XIX в., когда в рамках Русского музея был создан Этнографический отдел. Однако для широкой публики первая этнографическая выставка была открыта лишь после Октябрьской революции (в 1923 г.). С годами этнографического отдела росла, и в марте 1934 г. было принято решение об организации самостоятельного Государственного музея этнографии.

В годы Великой Отечественной войны коллекции музея и его здание сильно пострадали, многие сотрудники погибли, но оставшиеся в осажденном Ленинграде музейные работники не прекращали своей деятельности. Сразу же после войны музей стал восстанавливаться в числе первых общественных зданий города.

В 1948 г. собрание музея было пополнено коллекциями бывшего Музея народов СССР (Москва), и Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ) стал центральным этнографическим музеем страны.

На сегодняшний день уникальное коллекционное собрание музея насчитывает около 450 тыс. подлинных экспонатов. Ежегодно коллекции пополняются в среднем 1,5 тыс. новых вещественных предметов, отражающих этническую специфику народов СССР.

Систематически расширяется выставочная работа музея, который экспонирует у себя выставки республиканских музеев СССР и организует свои выставки в различных выставочных залах Ленинграда и других городов страны. С середины 60-х годов музей включился в широкий международный выставочный обмен, объем которого постоянно растет.

В год ГМЭ посещает свыше 300 тыс. человек.

Музей — научно-исследовательское учреждение, основным направлением работы которого становится разработка проблем этнографического музееведения.

В течение ряда лет он является методическим центром по оказанию помощи не только профильным музеям, но и всем музеям, имеющим в собрании или в экспозиции этнографический материал.

На протяжении 50 лет самостоятельного существования коллектив музея вел плодотворную работу по изучению национальных особенностей культуры народов СССР в пропаганде ленинской национальной политики. Его роль как учреждения культуры, научного и пропагандистского центра была высоко оценена Коммунистической партией и Советским правительством. 1 марта 1984 г. был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Государственного музея этнографии народов СССР орденом Дружбы Народов.

28 марта состоялось торжественное вручение ордена Дружбы Народов коллективу музея. Орден вручал секретарь Ленинградского областного комитета КПСС В. И. Коржов. В своем выступлении он дал высокую оценку деятельности музея за 50-летие его существования. К этой оценке присоединились представители научной общности Ленинграда, директор Государственного Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровский, заместитель директора Института этнографии Р. Ф. Итс, а также представители трудовых коллективов города. Вручение ордена было расценено сотрудниками музея как действенный стимул дальнейшего совершенствования работы музея.

В рамках проведения юбилейных торжеств, посвященных празднованию 50-летия Государственного музея этнографии народов СССР, состоялась научно-практическая конференция «Музей и этнографические проблемы современности», в которой участвовали свыше 130 музейных работников и этнографов из разных районов страны — представители 29 музеев, 9 научно-исследовательских институтов, 2 университетов и других организаций. Кроме того, в ее работе принимали участие представители музеев из стран социалистического содружества (ВНР, ГДР, ПНР, СФРЮ и ЧССР).

Конференция состоялась 15—18 мая 1984 г. На пленарных заседаниях и 3 секциях было прочитано 84 доклада.

Пленарное заседание открыла директор ГМЭ И. И. Баранова докладом «Задачи этнографического музея в свете материалов июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС».

В докладе А. М. Решетова (Ленинград) «Современные этнические процессы в СССР и задачи научно-пропагандистской деятельности музеев» акцент был сделан на раскрытии музейными средствами понятия «советский народ» как интернациональной общности.

Об особой роли собирательской, экспозиционной и научно-исследовательской работы этнографического музея в изучении этнической культуры городского населения говорилось в докладе М. Г. Рабиновича (Москва) «Город как объект научной работы этнографического музея».

Большой интерес у участников конференции вызвал доклад П. В. Коновалова и Е. Я. Тимофеевой (ГМЭ) «К определению понятия этнографический предмет».

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады коллег из социалистических стран: Я. Макульского (ПНР) «Сбор музейных коллекций по этнографии современности», Т. Хофмана (ВНР) «Фотография в музее», Э. Вечерковой (ЧССР) «Изучение и документирование этнических процессов в Чехословакии», А. Даудбековича (СФРЮ) «Причины для изменений в музее», Л. Штайна (ГДР) «О современном положении бедуинов в НДРЮИ».

Работа секции «Изучение этнических аспектов советского образа жизни и проблемы их отражения музейными средствами» (34 доклада) была в основном сосредоточена на выяснении научно-пропагандистской роли этнографического музея и ее связей с другими аспектами музейной деятельности. Были заслушаны и обсуждены доклады Л. А. Фотий (ГМЭ) «Методика и принципы построения этнографических экспозиций», Ю. Г. Раземенко (Одесса) «Изучение народонаселения на юге Украины и задачи научно-пропагандистской деятельности областных и историко-краеведческих музеев», Б. В. Иванова (ГМЭ) «Этнографический музей в атеистическом воспитании», Л. А. Мышастой (ГМЭ) «Этнографический музей и школа», Т. В. Косминой (Киев) «Методика историко-этнографической реконструкции традиционных типов сельского жилища украинцев», В. А. Дмитриева (ГМЭ) «Научно-пропагандистская практическая ценность изучения народной метрологии для этнографии современности», Н. М. Романовой (ГМЭ) «Отражение ленинских идей по национальному вопросу в экспозиционно-выставочной деятельности ГМЭ» и др.

Второе направление работы секции — выявление этнографических аспектов советского образа жизни, их типологизация и способы фиксации музейными средствами. По этой тематике были прочитаны доклады П. М. Федака (Ужгород) «Отражение межэтнических контактов в современном сельском жилище Закарпатья», Г. А. Сепеева (Ишкар-Ола) «Этнические процессы и материальная культура марийцев», Х. Есберенова (Нукус) «Новое и традиционное в жилище сельского населения низовьев Амударьи», Е. Я. Селинецевой (ГМЭ) «Традиции и современность в празднике «Тбилисоба»», Э. Г. Төрчійской (ГМЭ) «Традиционная культура народов Кавказа современного периода в собраниях ГМЭ», Г. В. Джалабадзе (Тбилиси) «Этнические процессы в Шида-Картли» и Ю. Г. Аргуна (Сухуми) «Этнические традиции в народном празднике Лыхнышта». Последний доклад сопровождался кинофильмом.

Работа секции «Комплектование и научная обработка музейного фонда» (21 доклад) продемонстрировала не только актуальность поднимаемых проблем, но и их

сложности и разнообразие. Определению теоретических основ и направлений подготовки этнографических коллекций был посвящен доклад В. Р. Арсеньева (Ленинград) «Основание и принципы сбора этнографических музейных коллекций». Практическая деятельность в области комплектования и научной обработки музейных коллекций раскрывалась в докладах Т. Шангиной (ГМЭ), О. Г. Гордеевой (ГИМ А. И. Синицы (Иваново-Франковск), В. В. Камрыш (Выборг), Е. К. Аджиджала (Сухуми). Рассматривался также вопрос о разработке программ по сбору музейных экспонатов и их исследованию — доклады Н. И. Ивановской (ГМЭ) Х. Э. Кяэрик (Тарту).

Широкий спектр вопросов был поднят в связи с обсуждением методов и целей работы музейных материалов. О методе картографирования, потенциально мощном инструменте исследования и систематизации говорилось в докладе М. И. База (Коломы). Важные для музейной работы вопросы каталогизации явлений материальной культуры и создания музейных каталогов освещались в докладе А. М. Купца (Рига).

Большой круг докладов был связан с обсуждением принципов музейного описания этнографических экспонатов. Н. А. Томилов (Омск) рассказал о научной паспортизации этнографических коллекций Западной Сибири, А. М. Бианки (ГМЭ) остановился на вопросах методики описания экспонатов. Связь принципов классификации предметов материальной культуры и экспозиционной работы раскрыл В. Ф. Вавилин (Саранск) в докладе «Принципы построения экспозиции музея народного искусства Мордовской АССР». О роли неморфологических признаков при классификации материальных объектов говорилось в докладе О. В. Лысенко (ГМЭ) «Амулеты и белорусских коллекций ГМЭ».

Работа секции сопровождалась оживленной дискуссией о значении фиксации этнографических явлений в предметах неэтнографического характера и о необходимости более строгого научного подхода к комплектованию музейных фондов.

На секции «Этнические традиции в современном народном искусстве и художественной промышленности» было прочитано 29 докладов, которые условно можно разделить на несколько групп.

В докладах Г. С. Островского (Львов) и Н. М. Калашниковой (ГМЭ) рассматривалось место предметов народного искусства в музейных собраниях, в том числе в этнографических. О состоянии художественных промыслов и их развитии в Казахстане рассказал Р. М. Мукашев (Алма-Ата), в Кабардино-Балкарии — А. С. Кишев (Нальчик).

Важная тема — исследование традиционных этнически маркированных элементов в современной художественной промышленности — была поднята в докладах Л. Б. Урицкой (ГМЭ) «Современная художественная промышленность и этническая традиция», Т. А. Мошиной (Петрозаводск) «Использование традиционных этнических элементов в современных промышленных изделиях», Э. А. Корсун (ГМЭ) «К вопросу о сохранении и развитии традиций в современном текстильном производстве».

Чрезвычайно важной проблеме — роли народного искусства в эстетическом воспитании был посвящен доклад С. Б. Рождественской (Москва) «Русское народное искусство в системе приобщения населения к традиционному творчеству народов СССР».

В 18 докладах рассматривались проблемы сохранения этнических традиций в современном народном искусстве отдельных народов или в некоторых видах декоративно-прикладного искусства.

Конференция приняла ряд рекомендаций по вопросам расширения музейного обмена на базе Государственного музея этнографии народов СССР, дальнейшей научной разработки концепций комплектования, совершенствования структуры музеев, имеющихся этнографических фондов, активизации работы по научной паспортизации и каталогизации музейных предметов.

Конференция показала, что начался процесс формирования приемов и методов, понятийного аппарата, а также предметной области новой исторической дисциплины — этнографического музееведения. Ее участники единодушно выразили мнение о необходимости периодически проводить всесоюзные конференции по проблемам этнографического музееведения. На ближайшей из них предложено рассмотреть проблемы комплектования и научной обработки музейного фонда.

Тезисы докладов участников конференции опубликованы.

В. А. Дмитриев

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 1982 по 1984 гг. автор (аспирант сектора Этнографии восточнославянских народов Института этнографии АН СССР, Ленинград), собирал полевой материал по

теме «Пастушество на Русском Севере». Работа проводилась в Тихвинском районе Ленинградской области (апрель 1982 г., май 1983 г.); в Струго-Красненском районе

Псковской (август 1982 г.); Тарногском (август 1983 г.) и Сокольском (июль 1984 г.) районах Вологодской; Мошенском районе Новгородской (январь 1984 г.) и Виноградовском районе Архангельской (июль 1984 г.) области¹. Кроме того две экспедиции в Вологодскую область были проведены совместно с сотрудниками Архитектурно-этнографического музея Вологодской области: Н. А. Веселовой (в Грязовецкий район в сентябре 1983 г.; в Верховажский и Вожегодский в июне 1984 г.), Г. В. Сорокиной и Т. Г. Петровой (в Вожегодский район — июнь 1984 г.).

В экспедициях исследовались традиционная и современная материальная и духовная культура русских пастухов.

За время работы опрошено 123 информатора², от которых получены сведения об условиях выпаса скота, найма пастухов, их социальном статусе в севернорусской общине; по системам огораживаний мест пастбы, жилищу, хозяйству и одежде пастухов, используемой и производимой ими утвари и т. д.; пастушеским праздникам, обрядам и верованиям; пастушеской медицине и пастушеской музыке.

Наиболее интересный пласт пастушеских верований зафиксирован в Тихвинском районе (Шиженский, Ганьковский сельсоветы), Ленинградском и Мошенском районах (Ореховский сельсовет) Новгородской области. Здесь, в отличие от других мест, широко бытовали пастушеские обрядово-магические действия, предшествовавшие первому весеннему выгону скота на пастбище. Местные пастухи (приблизительно за две недели до выгона) заговаривали у «колдунов» свои атрибуты, изготавливали (или покупали) «обход», заключали «договор-обязательство» с лешим, совершали ряд магических действий над *осеком* — изгородью вокруг покоснины (например, пастух зарывал около ворот изгороди кусок железной трубы или монету, завернутые в тряпку, что должно было способствовать благоприятной пастбе), своей одеждой, атрибутами пастбы и т. п. В этих же районах пастухи в течение сезона проводили ряд вторичных «тайных» обходов вверенного им стада.

В Вологодской области на магнитную ленту записаны мелодические, голосовые сигналы для сбора и выгона стада (3), игра на барабане и колотушке, сопровождае-

мая мелодическими голосовыми сигналами (12), а также 102 пастушеских наигрыша от 51 исполнителя, в том числе: на рожке (жалейке — А. Ф.) — 5, колотушке — 2, на барабане, висящем в покосотине — 22, на «индивидуальном» барабане — 73. При этом 59 наигрышей записано от 26 пастухов, а 43 — от 25 жителей, выпасающих по очереди личный скот. Зафиксированы следующие разновидности наигрышей: «общие» (на выгон и сбор стада), на выгон, на сбор, на дойку, «для себя», «переклички», для «вызова лешего», для овец.

Приобретены 14 музыкальных инструментов (жалейки, барабаны, колотушки, трещотки, труба, rog), 7 предметов одежды и утвари, 2 рукописи («отпуски скота») и т. п. В тех деревнях, населению которых удастся «подрядить» пастуха для пастбы личного скота, как правило, устойчиво бытуют многие древние формы пастушеской материальной и духовной культуры, юридических взаимоотношений и т. п. В частности, некоторые условия договора, заключаемого с такими пастухами, сохранились до сегодняшнего дня без существенных изменений.

Рукописные дневники всех проведенных экспедиций, а также кино- и фотоматериалы сданы в архив ИЭ. Собранные коллекции хранятся в фондах МАЭ и Вологодского областного краеведческого музея. Все магнитофонные записи после расшифровки будут переданы в фонограммархив ИРЛИ (Пушкинский дом). В Древлехранилище ИРЛИ сданы на хранение «пастушеские» рукописи.

А. Е. Финченко

* * *

В июле-августе 1983 г. Проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета были продолжены полевые этнографические исследования русского населения Томской области. Материалы собирались во время этнографической экспедиции (П. Е. Бардина и фотограф А. Н. Михалев) и этнографической практики студентов (20 человек) исторического факультета университета (руководители Э. Л. Львова, П. Е. Бардина). Задачи экспедиции — сбор материала по этнической истории, хозяйству и основным элементам материальной культуры русского населения Среднего Приобья.

¹ В некоторых экспедициях принимали участие (в качестве кинооператоров, фотографов и художников) сотрудники различных учреждений г. Ленинграда: В. Н. Евплатьев, А. В. Опарин, Е. Л. Смекалова.

² Пользуюсь случаем выразить благодарность Т. А. Бернштам, любезно предоставившей экспедициям составленную ею анкету по пастушеству.

Целью этнографической практики было обучение студентов методике полевых этнографических исследований с последующим использованием собранных материалов для изучения культуры и быта русского населения.

Было обследовано 8 селений в трех районах Томской области: Чаинском (села Подгорное, Коломинские Гривы, Гореловка, дер. Лось-Гора и Сухой Лог), Кожевниковском (села Кожевниково, Вороново) и Томском (с. Коларово). Обследованные районы различаются как временем появления в них первых русских поселенцев, так и составом русского населения в настоящее время. Томский и Кожевниковский районы заселены русскими еще в XVII в. и в составе населения этих районов до сих пор встречаются старожила-чaldoны. Чаинский же район стал заселяться русскими с конца XIX в., в основном отдельными группами старообрядцев.

Основу хозяйственной деятельности русского населения этих районов в конце XIX — первой четверти XX в. составляли земледелие и скотоводство, дополняемые охотой и рыболовством, особенно в северном Чаинском районе. В пригородном Томском районе были развиты кустарные промыслы (изготовление дуг, саней и пр.).

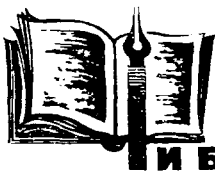
Собранные материалы характеризуют в основном поздние постройки, не ранее конца XIX в. Здесь распространены были срубные из сосны четырехстенки, пятистенки, крестовики, реже — связь. Идеалом

жилища считался «круглый дом» — круговик или пятистенок под четырехскатной крышей. Внутренняя планировка была все- верно-среднерусского типа. Хозяйственные постройки располагались чаще всего по периметру двора, обнесенного забором-за-плотом. Записаны поверья и обряды, связанные с жилищем, его строительством и обживанием.

У старообрядцев Чаинского района описан комплекс женской одежды, состоящий из косоклинного сарафана, рубахи, головного убора — *шашмуры* и тканого пояса. Такая одежда встречалась у них до середины XX в. Сарафан с лифом местами бытовал в начале XX в. и у старожилов. С конца XIX в. наиболее распространенным видом женской одежды стали юбка и кофты различного покроя. Мужчины носили рубахи-косоворотки и штаны со вставками и без вставок в шаг. Верхней одеждой служили *понитки* и *шабуры* прямого покроя из полушерстяной домотка-нины и дохи из собачьих шкур. Распространена была кожаная обувь своего изготовления (*чирки*, *бродни*, *обутки* и пр.).

Во время полевой работы были собраны также некоторые сведения о традиционных пище, утвари, орудиях труда, похоронном обряде и др. Приобретено 19 экспонатов, которые вместе с другими материалами экспедиции будут храниться в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета.

П. Е. Бардин

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

М. М. Плисецкий

О СВОДЕ УКРАИНСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Наблюдаемое ныне во многих республиках страны стремление издавать своды национального фольклора знаменует желание критически осмыслить и вместе с тем популяризовать накопленные за века духовные богатства народной культуры, продемонстрировать ее величие. Именно высокий уровень политического, экономического и культурного развития народов нашей страны, достигнутый в период зрелого социализма, стимулирует их стремление рассказать о своем пути и своих достижениях, показать сокровища, созданные гением народным.

Продолжающиеся издания украинского, белорусского, мордовского, таджикского, армянского и других фольклорных сводов воспринимаются советской и мировой научной общественностью как крупнейшие события в истории национальных культур и советской культуры в целом. Неоднократно обсуждался вопрос о необходимости составления свода русского фольклора. Подобные издания суммируют достижения народного творчества так, как они представляются на современном этапе, что тоже весьма важно, ибо в дальнейшем поэтическое творчество народа, по-видимому, будет развиваться в значительной мере по-иному и в иных формах.

Приступая к изданию сводов, фольклористы разных республик оказались в различных ситуациях. В одних случаях из-за обилия материала особое значение приобрела тщательность его отбора, в других на первый план выдвигались задачи текстологического характера — освобождение народных текстов от правки, сделанной собирателями и издателями в прошлом.

Издание свода украинского фольклора было необходимо также и потому, что в архивных фондах скопилось значительное количество первоклассных материалов, ожидающих публикации. Особенно велики фонды украинского фольклора в архиве Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР, собранные главным образом в советское время, а частично и раньше. Чрезвычайно богаты фонды отдела рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР, в прошлом — Государственной публичной библиотеки УССР, где хранятся архивы журнала «Киевская старина», выходившего с 1882 до 1906 г., Юго-Западного отдела Российского географического общества, ряда комиссий Академии наук УССР 1920-х — начала 1930-х годов и других организаций, а также фонды многих собирателей (особенно велики собрания А. Е. Крымского, И. А. Дыминского, П. Кулиша). Богаты также архивы Львова, прежде всего архив Научного общества им. Т. Г. Шевченко, долгие годы активно собиравшего и публиковавшего произведения народного творчества. Ценные архивы имеются также в Харькове, Одессе. Немало материалов собрано университетами и пединститутами в советское время.

Попытки широкого, в какой-то мере охватывающего все жанры издания украинского фольклора предпринимались и раньше. Так, Юго-Западный отдел Российского географического общества в 1872—1877 гг. издал в семи томах «Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край». Читателю небезынтересно ознакомиться со структурой этого издания для сопоставления с нынешним сводом, но, конечно, необходимо учитывать, что «Труды» были не только фольклорным, но и этнографическим изданием. Первый том включал весьма разнообразные материалы, касавшиеся народных представлений о космических телах, атмосферных и иных природных явлениях, животном и растительном мире, человеку, жилище, одежде, посуде, пище, болезнях (с соответствующими заклинаниями против них). Здесь же приводились данные о верованиях, духовные песни, освещались представления о чертах, других демонических и мифологических существах и т. п. В этот том включены также загадки и пословицы, материалы, связанные с колдовством. В следующих томах материал располагался таким образом: том II — сказки; том III — народный календарь и обряды; том IV — семейные обряды; том V — песни семейные, бытовые и шуточные; том VI — народные юридические обычаи (по материалам волостных судов); том VII, вып. 1 — материалы о евреях, поляках, других неукраинских народах, вып. 2 — статистика, сельский быт, язык.

Еще больше фольклорных материалов содержали издававшиеся во Львове с 30-х годов «Етнографічний збірник», «Матеріали до українсько-руської етнології», «Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка» и др. Но эти издания не имели ясно выраженного плана и не были результатом систематического отбора материала равномерно по всем районам Украины.

Вопрос об издании всеобъемлющего свода украинского фольклора впервые был поставлен в 1959 г., когда республиканская Координационная комиссия по фольклористике и этнографии под руководством М. Ф. Рыльского выдвинула в качестве одной из первоочередных задач Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР и ученых республики, работающих в других учреждениях, подготовку и издание многотомной обобщающей серии «Украинское народное творчество». С начала 60-х годов стали выходить первые тома серии: «Історичні пісні» (1961 г.)¹, «Загадки» (1962 г.), «Ігри та пісні. Весняно-літня поезія трудового року» (1963 г.), «Колядки та щедрівки. Зимовя обрядова поезія трудового року» (1965 г.), «Пісні Явдохи Зуїхи» (1965 г.)², «Жартівливі пісні» (1967 г.), «Радянська пісня» (1967 г.). Естественно; при этом возникла необходимость уточнить общий план издания, принципы систематизации материала, его отбора и размещения. В августе 1968 г. на VI Международном съезде славистов в Праге А. И. Дей выступил с докладом об основных принципах издания свода. После ряда переработок и дополнений проспект всего издания был опубликован в журнале «Народна творчість та етнографія» (1971 г., № 2). Впоследствии А. И. Дей в статье «Багатотомна серія „Українська народна творчість“» в журнале «Вісник Академії наук Української РСР» (1976, № 6, с. 59—64) познакомил читателей с основными принципами издания и дал информацию об уже вышедших томах.

В качестве основного принципа распределения материалов между томами был принят жанрово-тематический. Составители томов стремятся отбирать наиболее ценные в идейно-художественном отношении, типичные и цельные тексты, записанные вместе с мелодиями, стараясь равномерно представить материал со всей украинской этнической территории, а порой и вне ее. При этом используются все печатные источники, включая русские, польские, белорусские и др. При прочих равных условиях предпочтение отдается неопубликованным рукописным или магнитофонным новым современным записям, которые призваны одновременно дать читателю представление о бытовании фольклора на современном этапе. Конечно, принципы эти не могут быть в равной степени осуществлены при публикации текстов всех жанров. В этом собственно нет необходимости. Так, например, в томах, посвященных героическому эпосу — думах, будет приведена основная масса существующих текстов, так как их сравнительно немного; в то же время лирические песни будут опубликованы только в избранных образцах.

К настоящему времени вышло 19 томов (20 книг) свода. После семи названных выше увидели свет: «Коломийки» (1969 г.)³, «Весілля» (в двух книгах, 1970 г.), «Танцювальні пісні» (1970 г.), «Інструментальна музика» (1972 г.), «Співанки-хроніки» (1972 г.), «Рекрутські та солдатські пісні» (1974 г.), «Наймитські та заробітчанські пісні» (1974 г.), «Чумацькі пісні» (1978 г.), «Казки про тварин» (1976 г., 2-е изд.—1979 г.), «Пісні літературного походження» (1978 г.), «Весільні пісні» (в двух книгах, 1982 г.), «Народні оповідання» (1984 г.)⁴.

Одновременно со сводом издается серия оригинальных персональных сборников (их принято называть «уникальными»). Особая их ценность заключается в том, что они записаны либо выдающимися собирателями, либо от выдающихся сказителей или видных деятелей культуры. Это кроме названного выше сборника «Пісні Явдохи Зуїхи», «Українські пісні в записках З. Доленги-Ходаковского» (1974 г.)⁵, «Пісні Поділля» (записи Насті Присяжнюк в с. Погребище в 1920—1970 рр.; 1976 г.), «Українські народні пісні в записках Осипа та Федора Бодяньських» (1978 г.), «Українські народні пісні в записках Софії Тобілевич» (1982 г.)⁶, «Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича» (1984 г.).

Вместе с данной серией свод, таким образом, включает уже 26 томов (28 книг). В настоящее время подготовлены к печати или уже печатаются тома «Дитячий фольклор», «Соціально-побутова казка» (две кн.), «Приказки та прислів'я» (две кн.)⁷. Предполагается, что всего свод будет состоять из 35 томов (около 50 книг), которые должны в основном исчерпать жанровый состав украинского фольклора, его наиболее

¹ Приводим наименования некоторых томов в русском переводе: «Исторические песни», «Игры и песни. Весенне-летняя поэзия трудового года», «Шуточные песни», «Советская песня», «Колядки и щедровки. Зимняя обрядовая поэзия трудового года».

² Я. Зуїха (1855—1935 гг.) — жительница Гайсинского р-на Винницкой области, от которой Г. Т. Танцюра записал более тысячи песен, главным образом батрацких, о жизни крепостных, тяжелой женской доле и др.

³ Коломийками называется украинская короткая песенка, состоящая из двух строк, каждая по 14 слогов.

⁴ Русские переводы некоторых названий: «Свадьба», «Плясовые песни», «Песни-хроника», «Песни батраков и сезонников», «Чумацкие песни», «Сказки о животных», «Свадебные песни», «Народные рассказы».

⁵ Зориан Доленга-Ходаковский — замечательный польский и украинский фольклорист (1884—1925 гг.), один из первых собирателей украинских народных песен. Им записано более 2000 текстов, часть которых была опубликована в сборниках первой половины XIX в.

⁶ София Тобілевич (1860—1953 гг.) — выдающаяся актриса, жена драматурга и театрального деятеля И. К. Карпенко-Карого.

⁷ «Детский фольклор», «Социально-бытовая сказка», «Поговорки и пословицы».

личных образах. Но работы еще много. На очереди — состоящий из трех книг том украинского эпоса, т. е. народных дум, такого же объема том волшебных и героических сказок, тома несказочной прозы (легенды, предания, сказы), «Гумористична та сатирична проза», «Робітничі та революційні пісні», «Пісні про кохання», «Сатиричні пісні», «Долосіння», «Народні вірші»⁸.

В качестве составителей и авторов вступительных статей сборников, входящих в свод, в основном выступают сотрудники Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР (нынешние или бывшие): А. И. Дей, И. П. Березовский, С. В. Мишанич, Н. С. Шумада, А. Л. Иоаниди, М. М. Шубравская, И. Ю. Ясенчук, М. Г. Марченко, А. М. Кинько, В. Г. Бойко, М. С. Родина, В. Г. Хоменко и др. Авторы статей по музыкальному фольклору и составители музыкальных разделов отдельных томов: С. И. Грица, А. И. Гуменюк, А. И. Иваницкий, А. Ф. Омельченко, О. А. Правдюк, И. Васilenko, Н. А. Бучель и др. Несколько первых томов вышли под редакцией Ф. Рылского и К. С. Гуслисто. В настоящее время редколлегия свода возглавляет А. И. Дей.

Характерно, что почти во всех томах свода преобладают впервые публикуемые материалы, хотя, конечно, часть текстов, порой значительная, заимствуется из различных печатных изданий. В связи с этим каждая книга свода воспринимается как крупная новая публикация. Можно отметить вместе с тем и случаи, когда в разных томах помещены тексты, довольно близкие в жанровом отношении, например в сборниках «Жартівливі пісні», «Коломийки», «Танцювальні пісні». В последний сборник, кстати, в достаточно спорных основаниях включено значительное число романсов и других песен литературного происхождения со ссылкой на то, что ритмические признаки сближают их с такими танцами, как вальс. Однако, во-первых, это еще не основание считать их танцевальными песнями, во-вторых, подобные песни приведены в специальном сборнике «Пісні літературного походження». Конечно, полностью избежать дублирования материалов в столь сложном многотомном издании, как свод, видимо, невозможно. Известно, что в фольклоре любого народа имеется много переходных жанровых форм. Но это не исключает обязанности составителей добиваться того, чтобы дублирование было сведено к минимуму.

При рассмотрении структуры свода украинского фольклора, которая, как видим, сознательно продумана, обращает на себя внимание то, что украинская частушка и ее дифференциации пока представлены в нем мало. Вышли в свет тома, посвященные колодымкам и танцевальным песням; в последнем широко представлены те же колодымки и различные другие малые формы — лемковские песни размера 6+6, так называемые «умки» 4+4, но частушки здесь занимают всего 2 страницы, хотя они-то как раз исторически являются песнями, тесно связанными с танцами, и исполняются порой в сочетании со своеобразными танцами. Если в западных местностях Украины доминируют колодымки, то на Поднепровье и в Донбассе — частушки, особенно в советское время. Между тем нет подборок частушек и в сборнике «Радянська пісня». По-видимому, необходимо издать частушки отдельным сборником или хотя бы вместе с каким-либо другим жанром; это тем более желательно, что украинские частушки активно взаимодействуют с аналогичным жанром русского фольклора.

Особенно следует отметить весьма удачный замысел томов, посвященных свадебно-обрядовому фольклору. Первые два тома дают типичные записи обряда (и связанного с ним фольклора) из разных районов Украины, остальные дополняют их записями песен. Таким образом, так же как в своде белорусского фольклора, удалось показать связь свадебной песни с обрядом, продемонстрировать ее богатство и охватить другие формы свадебного фольклора.

Вступительные статьи к вышедшим томам свидетельствуют о весьма ответственном отношении их авторов к этому важному делу. В общем все они написаны на достаточно высоком профессиональном уровне, но все же, конечно, неравноценны. С. Шумада в томе «Коломыйки» впервые дает широкий обзор аналогичных жанров южных песенок многих славянских и некоторых неславянских народов. А. И. Дей в статье к тому «Ігри та пісні. Весняно-літня поезія трудового року» рассматривает весь разнообразный обрядовый материал; во многих статьях дан основательный историографический обзор литературы вопроса, но вместе с тем некоторые вступительные статьи оказываются менее содержательными. В отдельных случаях, например в статье, великому сожалению, безвременно ушедшего от нас А. И. Гуменюка, посвященной историографическим и музыкальным основам танцевальных песен, совершенно обойдена довольно богатая литература по вопросам ритмики, даже работы такого известного ученого, как Ф. М. Колесса. К положительным качествам вступительных статей следует отнести постоянное внимание их авторов к вопросам поэтики.

Что касается примечаний к текстам, то их качество в разных книгах тоже различно. В некоторых из них примечания почти сведены к паспортным данным. Между тем имеются и такие, где указаны параллели, содержится значительная дополнительная информация; желательно, чтобы аппарат всех книг достигал подобного уровня.

Знакомясь с томами украинского свода, квалифицированный читатель, безусловно, обратит внимание на несколько оригинальных, смело задуманных книг, аналогичных которым в других собраниях фольклора пока нет. К ним нужно отнести, в частности, тома, посвященные инструментальной музыке, песням-хроникам и народным «оповіданням» (рассказам).

⁸ «Гумористическая и сатирическая проза», «Песни о любви», «Плачи», «Народные песни».

Специального сборника, подобного «Співанкам-хронікам», в украинской фольклористике до последнего времени не существовало. Его появление в своде связано именно со спецификой украинского фольклора, в частности с его карпатской традицией. Трудно сказать, когда возникла эта традиция, во всяком случае в XIX в. в Карпатах она была очень развита. В связи с каким-либо драматическим событием кто-то (обычно женщина, близкая главному герою происхождения, например его родная сестра) создавала песню, довольно обширную по объему, с развитым сюжетом, в которой детально описывались причины и обстоятельства случившегося, давались характеристики участников, во всех подробностях говорилось об их поступках. Нередко в начале песни сообщалось о времени и месте события, звучало приглашение прислушаться к повествованию, узнать правду о случившемся. В конце песни певица называла свое имя и сообщала о своем отношении к герою:

«То ту собі співаночку сестричка складала,
Вона собі іскладала, все її співала,
Щоби брата, Степаночка, та не забувала».

Такие песни-хроники были известны и раньше, некоторые тексты были опубликованы еще в сборнике «Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego», который издал Wacław z Oleska (Вацлав Залесский) в 1833 г., а также в сборнике Я. Головацкого «Народные песни Галицкой и Угорской Руси» (ч. I. М., 1878, с. 51, 57, 58 и др.). Заслугой А. И. Дея является то, что он выделил эти песни в особый жанр, который, действительно, значительно отличается от традиционных народных баллад, в то же время активно с ними взаимодействуя, и, может быть, передал когда-то часть своих сюжет в известным ныне балладам. Появление особого сборника песен-хроник не только дает материал для специальных исследований, но имеет и принципиальное значение, поскольку свидетельствует о потребности народных масс уже в далеком прошлом в информации о примечательных событиях.

Весьма оригинален, подчеркнем это особо, том «Народні оповідання», подготовленный С. Мишаничем. Книгу можно считать экспериментальной, в теоретическом отношении принципиальной; она привлечет внимание не только фольклористов, но и психологов, литературоведов и представителей других общественных наук. Речь идет не о сказках, бытующих в массе, но о повествованиях, исходящих от первоначальных рассказчиков-авторов. Можно не сомневаться в том, что рассказ участника или свидетеля событий, связанный с деятельностью его моторной памяти, должен значительно отличаться от рассказов лиц, которые услышали повествование из вторых или третьих уст. Иначе говоря, первоначальное повествование как будто должно включать элементы, исчезающие в последующей устной передаче. К сожалению, этот принцип выдерживается не полностью; порой в книге попадаются обычные сказки, представляющие собой уже фольклор, в то время как первоначальные рассказы — это еще индивидуальное творчество, периферия фольклора, материал, который может превратиться в фольклор в процессе устной передачи, а может и не превратиться. Так как данная проблема в науке почти не разработана, естественно, даже в основательно написанной вступительной статье многие вопросы могли быть лишь поставлены, а не решены. И все же указанная статья должна сыграть определенную роль в разработке неизученной и весьма сложной проблемы истоков прозаического фольклора.

Как сказано, к оригинальным книгам свода украинского фольклора нужно отнести и подготовленный А. И. Гуменюком специальный том, посвященный инструментальной народной музыке, проблемы которой относительно мало разработаны. Поэтому данный том мелодий должен принести немалую пользу специалистам по народной и профессиональной музыке и способствовать теоретической разработке проблем инструментальной музыки.

В общем, как видим, составители свода украинского фольклора проделали очень важную и значительную работу. Вместе с тем, как сказано выше, впереди еще много работы по изданию произведений ряда жанров, в том числе очень важных и трудоемких. Не случайно свод украинского фольклора привлек к себе особое внимание участников Международного съезда славистов, состоявшегося в Киеве в сентябре 1984 г., на фольклорной секции которого специально обсуждались проблемы издания свода национального фольклора.

В. Б. Евтух

ЗАПАДНЫЕ ЭТНОЛОГИ О ПЕЙОТИЗМЕ В ЖИЗНИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

Предметом настоящего обзора являются две книги, написанные на одну и ту же тему — о месте и роли пейотизма в жизни современных североамериканских индейцев. Первая из них принадлежит перу известного американского социолога-этнолога, ныне работающего на факультете антропологии и социологии университета Британской Ко-

Канада), Дэвид Аберле и называется «Религия пейотизма среди навахо»¹, автор второй книги — «Религия пейотизма»² — профессор Цюрихского университета Петер Гербер, на протяжении нескольких лет читающий курс о религиозных движениях, в том числе и индейских. В первом случае речь идет о конкретно-социологическом исследовании, базирующемся на материалах полевых экспедиций и ограниченном одним объектом (индейское племя навахо) и довольно небольшим регионом (резервации навахо в США). Во втором мы имеем дело с более широким регионом (Северная Америка) и несколькими объектами, однако автор довольно четко очерчивает аспект исследования — религия пейотизма как символ принадлежности к индейской культуре. Кстати, на этот аспект указывает и подзаголовок книги.

Предметная оценка основных положений обеих книг и сравнительный анализ позиций авторов по тем или иным вопросам невозможны без изложения кратких сведений о религии пейотизма, которые включены как в одно, так и в другое исследование (первая книга — с. 109—205; вторая — с. 16—37)³. Происхождение слова «пейотизм» связано с названием одного из встречающихся в Северной Америке видов кактуса — пейотля, который был известен на юго-западе США и севере Мексики примерно с 7500 г. до н. э. В результате гонений испанских колонизаторов на языческие религии и обычаи пейотизм был вытеснен на север Американского континента и утратил свое первоначальное символическое значение: ритуал с употреблением кактуса в сыром или высушенном виде или в виде настойки должен был обеспечить успех охоты. В XVII—XVIII вв. ритуалы с использованием кактуса пейотля были известны уже севернее Рио-Гранде. А в 1891 г. американский этнолог Джеймс Муни зафиксировал наличие пейотизма у индейцев кайова штата Оклахома. К концу XIX в. эта религия распространилась и в резервациях индейцев, обитавших у Великих озер. В 30-е годы пейотизм перешагнул границы Канады, а в 60-е годы нашего столетия, по словам П. Гербера, превратился в наиболее распространенную индейскую религию. В подтверждение этого положения автор приводит следующие данные. Около четверти всех индейцев США и Канады (250 тыс. человек) исповедуют пейотизм; в 1918 г. эта религия была официально признана в штате Оклахома, а с 1945 г. во всех штатах США стала известной под названием «Церковь коренных индейцев Северной Америки». Свидетельством роста популярности религии пейотизма в индейской среде в послевоенный период могут служить данные по навахо, приведенные в книге Д. Аберле. Если, к примеру, в 1951 г. 12—14% всего племени навахо исповедовали религию пейотизма, в 1965 г. — 40%, то в 1970-е годы — более 50%, или 60—70 тыс. человек, что значительно превышает число индейцев-протестантов, католиков и верующих, принадлежащих к другим церквям.

В чем же видят оба автора причину относительно быстрого распространения пейотизма среди индейцев и роста его популярности, особенно в современных условиях? П. Гербер считает, что религия пейотизма, во-первых, доступна (2 — с. 67); во-вторых, в условиях конфликта между господствующей культурой и культурой дискриминируемого меньшинства относительно новая религия представляется альтернативой между традиционной и «чужой» и непонятной индейцам культурой США (2 — с. 122). Эта религия, по убеждению П. Гербера, обладает способностью проявляться именно в тех сферах, где влияние ценностей господствующей в стране системы наименее ощутимо (2 — с. 117). В-третьих, формирование общностей, исповедующих пейотизм, и появление паниндейской «Церкви коренных жителей Северной Америки» вносит новую струю в наблюдающееся в последнее время оживление этнических структур (имеется в виду рост этнического самосознания в среде дискриминируемых этнонациональных меньшинств), усиливая коллективизм и препятствуя дроблению индейцев на мелкие группы (2 — с. 119), что способствует реставрации чувства принадлежности к одной общности (2 — с. 121). По мнению Д. Аберле, религия пейотизма, центральным ядром обряда которой является ритуал-митинг, «обращается к человеку, ищущему излечения после кризиса, к человеку расстроеному и несчастному» (1 — с. 194); именно поэтому она находит отклик среди навахо. Действительно, пейотизм стал развиваться в то время, когда в результате колонизаторской политики правительства США были сильно нарушены естественно сложившиеся устои жизни индейцев этого племени, значительно повреждена экономическая основа их существования (животноводство, рыболовство, охота и другие традиционные промыслы), а ранее существовавшие религии были дискредитированы.

Религия пейотизма призывает индейцев «осознать, кем они являются», подумать «целью, ради которой они призваны на эту землю», почувствовать ответственность перед своей семьей, подумать о своих, пусть даже невидимых для других, грехах. К тому же пейотизм неприимим к употреблению алкоголя, культивирует чувство родства, представляет возможность «защититься» от злой силы и др.

Выделяя характерные черты религии пейотизма, Д. Аберле подчеркивает три момента: 1) пейотизм — закономерная реакция на деградированный статус индейцев; 2) пейотизм предлагает кодекс морали, наиболее соответствующий современной социально-экономической ситуации в среде навахо; 3) пейотизм обладает поливалентным

¹ Aberle D. F. The Peyote Religion among the Navaho. XLIX, Chicago — London. 1982. 454 p.

² Gerber P. Die Peyote — Religion. Nordamerikanische Indianer auf der Suche nach ihrer Identität. Zürich, 1980. 210 S.

³ Далее в тексте книга Д. Аберле обозначается цифрой 1, книга П. Гербера — цифрой 2.

характером. Последнее означает, что верующие могут обращаться к этой религии с разными целями: излечения, познания естественных жизненных процессов, спасения от грехов и т. д. (1 — с. 15—16).

Как видно из анализируемого в обеих книгах материала, сегодняшние позиции завоевывались пейотизмом с большим трудом; этот процесс сопровождался постоянными конфликтами между его сторонниками и противниками как внутри племен, так и за их пределами. Противники пейотизма внутри племен навахо, например, обосновывали свою позицию так: 1) эта религия нетрадиционна; 2) она опасно воздействует на ум и тело; 3) отравление культа сопряжено с неконтролируемым поведением, и в частности неконтролируемым сексуальным поведением; 4) ее ритуалы — одна из форм отравления (имеется в виду, что неумеренное употребление пейотля может стать причиной заблуждения или даже смерти); 5) пейотизм в той или иной форме снижает приспособляемость навахо к экономическим условиям; 6) он развивает лень и порождает безразличие к образованию детей (здесь подразумевается, что религия пейотизма восполняет недостаток академических знаний познаниями, необходимыми в ежедневном обиходе, и, таким образом, не побуждает детей к учению (1 — с. 221)). Что касается официальных властей США, то они, как отмечает Д. Аберле, постоянно ведут кампанию против этой религии под предлогом борьбы с наркотиками. Власти часто обвиняли служителей пейотизма в распространении наркотиков, а в 1938 г. впервые за все время существования этой религии под этим предлогом были арестованы два священника (1 — с. 110). В дальнейшем такие случаи повторялись неоднократно. Особенно усиливаются нападки со стороны администрации США на религию пейотизма в настоящее время. Дело в том, что в процессе своего быстрого распространения пейотизм в значительной степени трансформировался в соответствии с социально-культурными условиями жизни индейцев, которые, кстати, особенно в последнее время были сходными для многих племен. Как показали наблюдения американских ученых и исследователей других стран, этнические различия индейцев не составляли большого препятствия на пути распространения пейотизма, и он постепенно превращается, по мнению П. Гербера, в мощный фактор, стимулирующий консолидацию индейцев, помогающий развитию паниндейской солидарности (2 — с. 28). Здесь очевидна приверженность П. Гербера к распространению в буржуазной науке идее «социально организующей» роли религии, что, безусловно, проявляется и в преувеличении значения пейотизма в современных консолидационных движениях индейцев. То же замечается у Д. Аберле, когда он говорит о перспективах пейотизма. Идеологи американского истеблишмента в свою очередь, понимая роль объединительного фактора в современном движении индейцев за восстановление социальной справедливости, пытаются нейтрализовать, пусть минимальные, потенциальные возможности религии пейотизма в плане консолидации индейских племен. Поскольку пейотль является сильным галлюциногеном, то власти США используют это как повод для борьбы с пейотизмом, ритуал которого с употреблением пейотля якобы отрицательно влияет на психическое состояние человека. И Д. Аберле (1 — с. 402), и П. Гербер (2 — с. 60) приводят свидетельства очевидцев, отрицавших, что участники ритуала впадали в состояние чрезмерного возбуждения, апатии; не отмечалось и нарушения координации движений, не было оргий и т. д. По многочисленным утверждениям самих индейцев, пейотль помогает им излечивать болезни и принимается ими в лечебных целях.

Сторонники религии пейотизма оказывают постоянное сопротивление нападкам из религии как со стороны своих соплеменников, так и со стороны властей США, Канады. От спонтанных усилий самозащиты, как подчеркивает Д. Аберле, они перешли ко все более организованному действию, в результате которых удалось добиться отмены некогда принятых в США антипейотистских законов (1 — с. 122).

В исследованиях Д. Аберле и П. Гербера значительное внимание уделено месту и роли религии пейотизма в современном национальном движении североамериканских индейцев. Д. Аберле вообще классифицирует пейотизм как социальное освободительное движение, подразумевая под социальным движением «организованную попытку группы или индивидуума добиться изменений при наличии сопротивления других людей» (1 — с. 315). Сравнивая несколько типов социальных движений (трансформативные, реформативные, освободительные, альтернативные), автор подчеркивает, что характернейшей чертой освободительного движения является состояние, когда группы, находящиеся в не удовлетворяющих их социально-экономических и экологических нишах, вынуждены искать новые ниши в рамках более крупных социальных систем (1 — с. 333). Классифицируя пейотизм как освободительное движение, Д. Аберле выделяет оппозиционный характер его символов и ценностей, что, по мнению исследователя, объединяет его и с освободительными движениями, развивающимися не на этнической основе, и отделяет от трансформативных движений, целью которых являются изменения в рамках определенных существующих социальных систем (1 — с. 342, 317). В такой трактовке очевидно сужение социальной основы движения индейцев, направленного против господствующего строя, который обрекает коренных жителей на нищенское существование. Пейотизм можно рассматривать лишь как одну из форм этого движения, причем часть ее последователей рассматривает пейотизм прежде всего как неприятие социальными условиями эксплуатации общества. Эта религия привлекает все большее внимание навахо и распространяется также среди других индейских племен, живущих в сложных социально-экономических условиях. Что же касается оппозиционного характера пейотизма, то это положение справедливо лишь частично и в первую очередь касается искусственно насаждаемых ценностей господствующего белого большинства.

Анализируя роль пейотизма в индейском движении, П. Гербер исходит из утвердившейся в буржуазной литературе точки зрения, что все движения индейцев за со-

граниение «культурной самоидентификации» проходили под знаком религии» (2 — с. 5). Саму же религию пейотизма — ее зарождение и распространение — П. Гербер рассматривает в контексте так называемых кризисных движений. По его мнению, все подобные движения вызываются кризисами или по крайней мере осуществляются в условиях кризиса, причем сам кризис П. Гербер определяет как «переходную», или «решающую» фазу (2 — с. 74): «...кризисные движения являются преимущественно результатом контакта двух социокультурных систем: они характерны для представителей более низкой или подчиненной системы» (2 — с. 10), т. е. в понимании автора, индейских племен. Очевидно, автор механически противопоставляет две системы без учета фактически-классовых противоречий внутри каждой из них, что, естественно, ведет к неверным методологическим выводам о сущности противостояния двух систем. В современных условиях, по П. Герберу, происходит процесс реставрации единой для всех индейцев религии, — роль которой играет пейотизм. Этому процессу, по утверждению П. Гербера, кроме сходных социально-экономических условий существования способствует и тот факт, что социальные и культурные различия индейцев, проживающих в резервациях и вышедших из одного культурного ареала, в любом случае менее значительны, чем социальные и культурные различия с господствующей этнической общностью, ядро которой составляют американцы англоязычного происхождения. Ход исследования подводит П. Гербера к мысли, что религия пейотизма является фактором, способствующим утверждению паниндианизма (2 — с. 135), а координирующим центром движения и всех усилий за сохранение индейской самобытности и сущности, с этой точки зрения, выступает «Церковь коренных жителей Северной Америки» (NAC).

Правда, автор воздерживается от окончательных выводов о роли религии пейотизма в этнообъединительных процессах. Однако эта сдержанность в прогнозах объясняется все-навсего отмеченной Д. Аберле, П. Гербером и другими исследователями сохраняющейся внутренней напряженностью в отношениях между отдельными племенами, которая, кстати сказать, искусственно нагнетается правящей верхушкой господствующих наций в странах Северной Америки. Данное обстоятельство является препятствием на пути распространения религии пейотизма и несколько снижает ее объединительную роль. Очевидно, здесь следовало бы сказать об устойчивости религиозных убеждений и их социальной роли. П. Гербер рассматривает случаи, когда видения, или галлюцинации, не способствовали укреплению доверия к религии и даже, наоборот, приводили к отходу определенной части индейцев от пейотизма (2 — с. 47). Это наводит на размышления, что само по себе быстрое ее распространение еще не означает ее устойчивости. Будущее религии пейотизма, в частности NAC, в среде навахо Д. Аберле ставит в зависимость не от социальных условий их существования, а от привлекательности пейотизма как относительно новой религии, традиционной религии навахо, христианства и новой волны неохристианских братств. Он считает, что наличие множества форм участия в религиозной деятельности затрудняет прогнозирование судеб NAC. В будущем, по мнению Д. Аберле, возможно появление полярной ситуации. На одном полюсе будут находиться те, кто привержен традиционной религии навахо, или сторонники религии пейотизма, а также навахо, исповедующие обе эти религии (их число будет увеличиваться), и прихожане христианской церкви, которая не настаивает на решительном отказе своих верующих от религии навахо. Ритуал традиционной индейской религии, ритуал пейотизма станет частью их своеобразной культуры. На другом полюсе будут находиться члены разных евангелистских братств и прихожане государственной церкви, отвергающей как пейотизм, так и традиционную религию навахо. Индейцы с сильно развитым этническим самосознанием, стремящиеся сохранить индейскую самобытность, среди них — хорошо образованные, живущие вне резерваций, остаются приверженцами религии навахо и NAC. Конечно, новые формы протестанства могут отвлечь и приверженцев пейотизма, но некоторые из них со временем вернуться к NAC. Д. Аберле заключает: красивый ритуал NAC, ее моральный кодекс, попытки удержать общину от раздробления, ее значение как символа индейской целостности и самобытности, протест против угнетения многие годы будут привлекать к себе десятки тысяч индейцев племени навахо. Уверенность в укреплении позиций религии пейотизма среди североамериканских индейцев мы находим и на страницах книги П. Гербера.

На наш взгляд, мнение П. Гербера, что религия пейотизма содействует не только культурной, но и социальной целостности индейцев, не подтверждается современными процессами в индейской среде, где, как и в американских, и канадском обществах, вообще происходит классовое расслоение. Образовавшаяся в индейских резервациях действительная прослойка коренных жителей (власти их называют «цивилизованными», «белыми» — «муньяс») все в большей степени противопоставляет свои интересы интересам племен. Этот слой становится проводником политики правящей верхушки господствующей нации. В условиях углубления классового антагонизма достижение социального единства в индейской среде под любым лозунгом едва ли возможно.

Оценивая возможности религии пейотизма как фактора объединения индейцев и сохранения их самобытности, следует помнить, что религиозное учение, которое уводит верующих в вымышленный мир, не может стать действенным инструментом для достижения главной цели — социального равенства. Ведь известно, что многие религии или обычаи коренных жителей Северной Америки исчезли именно в результате того, что с их помощью верующие не могли осуществить свои социальные задачи. Религия пейотизма, безусловно, стимулирует рост национального самосознания и способствует сохранению культурного наследия в условиях насильственной ассимиляции и дискриминации. Но в плане социальном, как аргументированно доказано советскими исследователями, приоритет принадлежит движениям социального протеста, в которых коренные жители принимают все более активное участие, а также тем организациям, кото-

рые koordinируют усилия индейцев в борьбе против национального угнетения и плутации. Именно социальные судьбы различных племен, по мнению Ю. П. Аверкеевой, способствуют формированию паниндейской этнической общности и служат ее главным связующим моментом⁴.

В обеих книгах содержится много интересного фактического материала и теоретических заключений, касающихся самого понятия «религия пейотизма», социально-экономического положения североамериканских индейцев, характера этнического развития индейских племен. Д. Аберле, в частности, на основе анализа новейших данных, предложил заменить термин «культ пейотля», которым он пользовался ранее, термином «религия пейотизма», поскольку в настоящее время это «религия» со своим учением, этикой, ритуалом (эти составные части описаны подробно, как в книге Д. Аберле, так и в книге П. Гербера). П. Гербер считает, что религией культ пейотля стал еще в конце XIX в. Ритуал с использованием кактуса, известный на территории Северной Америки в XVII—XVIII вв., П. Гербер называет «переходным» пейотизмом — от ритуала к религии, а феномен, открытый Дж. Муни в штате Оклахома (в данном случае речь идет о ритуале с использованием кактуса пейотля. — В. Е.), он классифицирует как «североамериканский пейотизм — одну из форм религии пейотизма» (2 — с. 26).

Обе книги снабжены внушительными списками литературы (у Д. Аберле более 300 названий, у П. Гербера более 400), индексами имен и предметными указателями, таблицами, картами, рисунками. Это помогает более глубоко проникнуть в сущность объекта исследования. Правда, порой авторы (в первую очередь это относится к П. Герберу) увлекаются детализированным анализом вопросов, имеющих лишь побочное отношение к исследуемому предмету, что несколько затрудняет восприятие основных положений их трудов.

Книги Д. Аберле и П. Гербера, с одной стороны, расширяют наши познания об индейцах Северной Америки, помогают всесторонне оценить современные социально-культурные процессы в их среде, прежде всего содержание индейского движения, а с другой — дают представление об уровне исследованности конкретной темы в зарубежной этнологической литературе. Вместе с тем они свидетельствуют об ограниченности буржуазной методологии анализа сложных явлений в жизни североамериканских индейцев, смещающей акценты из социальной сферы в сферу этики, психологии, культуры.

⁴ Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 150, 157.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1) Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. 232 с; 2) Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии. М.: Наука, 1983. 192 с.

В 60—80-е годы XX в. значительно возрос интерес советских этнографов к глубокому теоретическому осмыслению проблемы этноса, и исследования последних лет продвинули ее изучение далеко вперед. Все же многое еще предстоит сделать. В частности, слабым местом в нашей науке является недостаточная разработанность вопросов формирования этнического в культуре. С этой точки зрения огромную роль играет изучение процессов социализации детей. Охватывая широкий круг вопросов, эта проблема привлекает к себе внимание специалистов разного профиля (педагогов, психологов, социологов, философов и др.). Для этнографов, на наш взгляд, особый интерес представляет сравнительно-историческое изучение тех механизмов социализации, посредством которых происходит превращение ребенка в члена совершенно конкретного, этнически определенного коллектива. Ведь важность социализации личности определяется, в частности, тем, что в ходе ее происходит трансмиссия культуры во времени, т. е. осуществляется передача культурных ценностей от поколения к поколению и тем самым сохраняется культурная преемственность. При этом в каждом конкретном случае передается не культура вообще (не «абстрактная» культура), а именно этническая культура, в результате чего в процессе социализации происходит воспроизводство этноса как социокультурного единства.

Уже неоднократно писалось о необходимости междисциплинарного изучения мира детства, однако и монодисциплинарное исследование проблем детства может принести свои полезные результаты. Подтверждением этому стали два сборника, подготовленные сектором Зарубежной Азии Института этнографии АН СССР по единой программе и выпущенные под общим заглавием «Этнография детства». Ответственный редактор обоих сборников И. С. Кон, им же написаны историографический очерк, введение и заключение.

Первый сборник посвящен традиционным формам воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии, второй — воспитанию детей и подростков у народов Передней и Южной Азии.

Как известно, в Азии проживает около тысячи наций и народностей, каждая из которых обладает самобытным опытом традиционного воспитания и вполне заслуживает

исследования детей. Естественно, в таком случае сделать представительную выборку составителям сборников было непросто, к тому же вопросы традиционных способов социализации детей у народов Азии плохо разработаны, воспитательная практика малых народов не изучалась совершенно. Тем не менее в издании представлены все основные географические регионы, языковые семьи и конфессиональные общности Зарубежной Азии. Народы, чьи традиционные методы воспитания рассматриваются в сборниках, весьма различны по культуре и стоят на разных ступенях социально-экономического развития: тут и эпоха разложения первобытно-общинного строя, и феодализм, разные стадии капиталистического развития и социализм. Заметим лишь, что в сборниках не отражены традиционные способы воспитания детей у охотников-собирателей, хотя в Зарубежной Азии они представлены достаточно широко (например, айны, семанты, аэты, пунаны, кадары, мрамбри и др.). Думается, описание традиционных систем воспитания у этих народов представило бы большой интерес.

Рамки исследования определены главным образом материалами, имеющимися в распоряжении авторов. В основу статей положены обобщенные литературные материалы, изобранные в многочисленных и труднодоступных источниках, данные текущей статистики, периодики, прессы, неизвестных ранее полевых материалов и трудов, хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР. Некоторые авторы использовали личные полевые материалы и наблюдения.

Достоинство рецензируемых сборников заключается в том, что при их подготовке авторы руководствовались единой этносоциологической программой социализации детей и подростков, составленной И. С. Коном. Само по себе ее появление¹ в свое время вызвало большой теоретический и практический интерес этнографов. Предложенная программа, действительно, послужила своего рода общим ориентиром в работе авторов сборников, придала четкость и стройность изложению материала. Разумеется статьи реализуют предложенную программу в разной степени в зависимости от состояния исследований, выбранных методов и специфики интересов авторов. И сам ее составитель справедливо предполагал, что «такая этносоциологическая программа представляется весьма широкой и неизбежно будет корректироваться в конкретном исследовании»². Естественно, «ни один из авторов не мог исчерпывающе ответить на все вопросы, предусмотренные планом исследования» (II, с. 186)³. Вместе с тем материалы данных сборников позволяют внести некоторые поправки в предложенную программу, в чем-то уточнить, дополнить ее.

Приведем несколько примеров. Так, сквозной темой почти всех статей стал возрастной символизм. В них широко представлены материалы по нормативным критериям физической и социальной зрелости, правовым нормам, обрядам перехода и т. п. При рассмотрении всех этих вопросов у исследователя невольно возникает потребность указать на отражение их в материальной и духовной культуре, что весьма характерно для традиционных обществ. Бедь при переходе человека из одной возрастной группы в другую меняются не только его место в социальной структуре, отношение к нему окружающих, но и характер одежды, украшений, прически. Интересные данные по этому вопросу приводят в своих статьях Ю. В. Ионов, Ю. Д. Михайлова, В. И. Мазурина, Е. И. Васильева и Дж. Хайдари, Р. Р. Рахимов, Г. С. Асатрян, С. А. Маретина. Вероятно есть смысл внести возрастной символизм особым разделом в блок вопросов «Представления о жизненном цикле и его этапах» (пункт «Символические границы возрастной периодизации»).

Думается, в этот же блок можно вставить и вопросы, связанные с погребальным обрядом для детей. Материалы, приведенные в статьях Р. Р. Рахимова, Ю. В. Ионовой, Ю. Д. Михайловой, М. Н. Серебряковой, свидетельствуют о большом значении, придаваемом в традиционных обществах обрядам детского погребения, которые отличались от погребального обряда для взрослых.

В рецензируемых сборниках встречается обширный материал и о других обычаях, нашедших места в программе исследования: А. И. Мухлинов и Ю. Д. Михайлова рассказывают о гражданском и религиозном удочерении и усыновлении, А. К. Оглобин и В. Н. Мазурина — о временной, полной и безусловной адопции. Интересные данные о правовом статусе и положении приемных, законных и незаконнорожденных детей приведены в статье М. В. Станюкович; детей от полигамных браков, детей-слуг, детей-рабов — в статьях А. К. Оглобина, Н. Г. Краснодарской; сирот и тех детей, родители которых состоят в разводе, — Н. Г. Краснодарской. Г. С. Асатрян приводит данные об усыновлении у персов. В связи с этим возникает желание обозначить эти универсальные институты отдельными пунктами программы, например ввести пункт «Характер адопции детей» и, может быть, отдельным пунктом выделить правовой статус детей не только разного возраста и пола, но и разных социальных категорий.

В программе исследования в специальные блоки выделены две сферы воспитания: трудовое и половое, нашедшие подробное освещение в большинстве статей. Наряду с этим авторы приводят материалы по вопросам физического (М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, Н. Г. Краснодарская), а также нравственно-эстетического воспитания. Известно, что для остальных обществ в силу феномена культурного синкретизма характерна нерасчлененность различных сфер духовной деятельности человека. Им более достойны внимания попытки авторов отдельных статей разобраться в том,

¹ Кон И. С. Этнография детства (Проблемы методологии). — Сов. этнография, 1981, № 5.

² Там же, с. 12.

³ Здесь и далее цифры I и II перед указанными страницами рецензируемых сборников означают их по порядку: первый сборник, второй.

как в процессе социализации наряду с другим жизненным опытом детям передаются традиционные эстетические ценности и прививаются художественные вкусы, проявляющиеся в прикладном искусстве, музыке, фольклоре.

Фольклор всегда был мощным средством социализации. Достаточно вспомнить, как отзывались о воспитательной роли русских народных сказок А. С. Пушкин и А. М. Горький. Эту же идею подтверждают и авторы рецензируемых изданий: М. Н. Серебрякова, Г. С. Асатрян, Р. Р. Рахимов, М. В. Станюкович, В. Н. Мазурина, Н. Г. Краснодубская и др. Конечно же, фольклор как средство воспитания требует междисциплинарного исследования. Тем не менее включение этой темы в программу исследования могло бы дать весьма важные результаты, как, например, это произошло с играми. Детские игры широко представлены в исследовании: почти все авторы приводят материалы, подтверждающие, что игры наряду с игрушками всегда были первым средством воспитания, формирования определенных ценностных ориентаций, навыков социального поведения. В современной науке уже сформировался взгляд на ребенка как на сравнительно самостоятельного и активного социального индивида, представляющего не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект познания и общения носителя и творца собственной культуры. К проявлениям этой субкультуры И. С. Кон относит детский фольклор, игру и общение (I, с. 44). Однако из всех этих аспектов в программу внесены только игры.

Попутно хотелось бы заметить, что процесс воспитания детей не является односторонним, так как и сами взрослые, в нем участвующие, испытывают его обратное воздействие. В этом смысле правомерно говорить о взаимном обогащении двух субкультур — взрослой и детской.

Почти во всех статьях детально описываются карпогонические обряды, представляющие в целом большой научный интерес и для изучаемой проблематики. Но, вероятно, для большей четкости эти обряды, как и обрядность, связанную с самыми ранними периодами жизни ребенка, было бы правильно выделить в специальный блок, называемый условно «периодом протосоциализации».

Наряду с этим на страницах сборников, на наш взгляд, неоправданно подробно описана свадебная обрядность изучаемых народов. Конечно, свадьба — один из важнейших институтов социализации, но не детей и подростков.

Большое внимание на страницах изданий отводится такому институту социализации, как семья. И это не случайно. Общеизвестно, что «одной из основных ячеек функционирования традиционно-бытовой культуры и ее межпоколенной трансмиссии является семья»⁴. И. Г. Косиков справедливо замечает, что «именно в семье, являющейся микроячейкой этнических процессов, младшее поколение воспринимает от старшего родной язык, нормы поведения, обычаи» (I, с. 138). И другие исследователи делают вывод о том, что семья является одним из основных социализирующих институтов.

Вместе с тем в традиционных обществах среда социализации не ограничивается только семьей. В сборниках приводятся разнообразные материалы и о других институтах социализации, характерных для описываемых этносов: своеобразных формах возрастных классов и мужских и женских домов — «агаманги» у ифутго, «ариджу» у ао наги и «нокпанте» у гаро, пережиточных формах мужского дома «дала» у афганцев, мужских а иногда и женских объединениях молодых людей «вакамоногуми», а также «ночные дома» для юношей и девушек в Японии периода Токугава, своеобразных клубов молодежи у гурунгов Непала и т. д. Большое внимание почти все авторы сборников уделяют проблеме школы и ее преобразов.

При анализе всех этих материалов возникает интереснейший вопрос о соотношении семейных и внесемейных институтов социализации детей. В заключении, завершающем вторую сборник, И. С. Кон выделил три главных этапа в развитии институтов социализации: «В обществах первичной формации социализация детей осуществляется совместными усилиями всей общины... древнейшие институты социализации, например возрастные группы, полифункциональны». На следующем этапе развития важнейшим институтом социализации становится большая семья, но наряду с ней сохраняются и трансформируются традиционные формы общинной социализации (возрастные группы, тайны общества и т. п.), и на их основе, а иногда и в противовес им возникают новые общественные институты: школы, особые формы ученичества и т. п. Эти новые институты дополняют семейные воздействия, не подрывая их решающего значения. В дальнейшем «социализация становится общественным, общенациональным делом, требующим систематического государственного планирования, управления, координации усилий отдельных институтов (семья, школа, общество сверстников, средства массовой коммуникации и т. д.)» (II, с. 187—188).

В последнее время в ряде работ проводится мысль о том, что семья как фактор социализации в высокоразвитых обществах все более теряет свое значение. Конечно, роль современной семьи в социализации детей не следует преувеличивать, но вместе с тем как представляется (и это наглядно доказывают материалы рецензируемых сборников) речь должна здесь идти прежде всего о смещении акцентов в соотношении разных институтов социализации: с усложнением воспитательного процесса их роль становится весьма многообразной, а оказываемое ими воздействие — многозначным. При этом в разных сферах их влияние тесно переплетается и взаимно коррелируется.

В результате анализа всех вышеизложенных проблем выявлена четкая зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития общества.

⁴ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981, с. 361.

В архаичных обществах социализация была закреплена жесткими нормами, ограничивалась строгими временными и пространственными рамками и обладала четко запрограммированным внутренним содержанием, т. е. набором тех навыков и ценностей, которые должны были усваиваться индивидом.

Социализация в традиционных крестьянских обществах имела немало общего с архаическими: следование заветам предков, копирование и воспроизводство прошлого опыта, существование единого набора предписаний, распространявшихся на поведение, мысли и чувства, в результате чего люди привыкали к определенной пище, одежде, церемониям, разделяли те же взгляды, воспитывали детей так же, как и их родители.

В более развитых обществах общие сроки социализации увеличивались, цикл жизни стабилизировался, росло число возрастных категорий, воспитательный процесс становился более многообразным. По мере урбанизации и позднее — в условиях индустриализации и научно-технической революции — происходили дальнейшая дифференциация специализация институтов социализации, расширялись ее временные и пространственные рамки, стирались четкие границы ее этапов, увеличивалась, усложнялась та информация, которую индивид должен был усвоить в ходе формирования своей личности. В этой ситуации уже не могла задаваться строгая регламентация поведения человека на все случаи жизни, задавались лишь общие, социально принятые в рамках данной общности или класса рамки-нормы, где индивид обладал определенной свободой выбора, набором моделей допустимого поведения для какой-то конкретной ситуации.

Авторы сборников, ограниченные объемом, не имели возможности глубоко проанализировать зависимость характера социализации от социально-экономического уровня развития конкретного общества, но уже то, что они обратили внимание на эту проблему, — их несомненная заслуга.

Во введении к первому сборнику И. С. Кон оговаривает, что в издании речь идет не о мире детства и социализации детей вообще, а лишь о традиционных институтах и методах социализации (I, с. 4). Разумеется, «этнографическое изучение современности концентрируется в основном на традиционно-бытовой культуре»⁵, но ограничиваться только ею, представить ее в «чистом» виде невозможно. Не случайно И. С. Кон ввел в свою программу анализ процесса проникновения инноваций в традиционную сферу воспитания детей, и отдельные авторы приводят интересные данные по этой проблеме. Укажем, в частности, на статью И. Г. Косикова, посвященную воздействию на систему воспитания сложных социально-экономических процессов, характерных для Кампучии после достижения ею независимости в 1953 г. «Особенно наглядно, — пишет автор, — это проявляется в крупных городах с этнически смешанным населением» (I, с. 160)⁶. О том, как традиционная модель воспитания сохраняется и трансформируется в современных условиях, говорится в статьях Ю. Д. Михайловой, Л. Л. Викторовой, Р. Р. Родионова.

С сожалением приходится заметить, что рецензируемое издание страдает характерной для работ этой области науки нечеткостью в использовании понятийного аппарата. Известно, что изучение процессов социализации сопряжено с определенными теоретико-методологическими сложностями. Само понятие «социализация» и его соотношение с акими категориями, как «воспитание», «обучение», «образование», «формирование личности», вызывают споры. В последние 15—20 лет ведется интенсивная работа по дальнейшему обогащению понятийного аппарата науки, заметное внимание уделяется и категории «социализация». Отметим, что представители разных наук вкладывают в это понятие различный смысл. И. С. Кон пишет во введении к первому сборнику: «В данной работе социализация понимается в широком смысле как различные влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей» (I, с. 3—4).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что заявленный на титулах сборников подзаголовок «Традиционные формы воспитания детей и подростков» гораздо уже представленного в статьях материала. Авторы смело могли бы озаглавить свою работу «Традиционные формы социализации детей и подростков». Вряд ли вызовет возражение положение о том, что традиционная система воспитания является лишь одним из спектров социализации, она относится к социализации как часть к целому.

Несомненную ценность для исследования проблем детства представляет историко-графический очерк, написанный И. С. Коном.

В целом всех авторов рецензируемых сборников можно поздравить с удачным опытом широкого, коллективного многоаспектного исследования проблем детства. Хочется пожелать, чтобы издание послужило началом целой серии подобных исследований по другим регионам мира, и прежде всего СССР.

Г. А. Комарова

⁵ Бромлей Ю. В. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 6.

⁶ Кстати говоря, в программе исследования не отражена специфика воспитания детей в условиях межэтнических контактов, и прежде всего в межнациональных семьях. Ведь эта проблема возникла не в наши дни. Межэтнические браки были характерны почти для всех периодов истории человечества (см., например, Ачилова Р. Из истории развития межнациональных браков. — В кн.: Проблемы сближения социалистических наций в период строительства коммунизма. Фрунзе, 1966). В связи с этим возникает и необходимость изучения языковых проблем: язык раннего детства, языковое поведение родителей и детей в семье и т. п.

Рецензируемая работа (изданная в двух книгах, но объединенная общностью замысла) представляет собой первое в советской науке исследование традиционных методов воспитания детей и подростков у народов двух обширных и разнообразных по культуре регионов — Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Передней и Южной Азии.

В последние два десятилетия развитие теории этноса привело к формированию представления (подобного выработанному ранее в лингвистике) о двух важнейших типах внутриэтнических связей — синхронных и диахронных¹. Если первые обеспечивают пространственную гомогенность этнической культуры, а ее целостность, то вторые — временную преемственность, и потому они существеннее с точки зрения исторической стабильности этноса.

Этническая специфика народов доиндустриальной эпохи, как известно, вся вмещалась в рамки традиционно-бытовой культуры, так как натуральное хозяйство обуславливало синкретизм производства и быта; у современных наций этническая специфика концентрируется преимущественно в сфере быта, и культурно-потребительской деятельности (поскольку производство выходит из-под господства этнической традиции). В обоих случаях оказывается, что основные этноспецифические явления существуют в области непосредственных человеческих контактов или в шаблонах бытового поведения, т. е. в тех культурных формах, которые передаются преимущественно устно-зрительным путем. Учитывая это, не будет преувеличением утверждение, что так называемая межпоколенная трансмиссия элементов этнической культуры, благодаря которой и сохраняется последняя, является главным механизмом, на который должно быть обращено внимание этнографов, задавшихся целью описать этнос и его особенности во всей их полноте. Действительно, в этнической культуре остается и сохраняется только то, что прошло через межпоколенный «барьер» и усвоено вступающими в жизнь поколениями.

Между тем, в отечественной этнографии лишь совсем недавно отчетливое осознание значимости изучения содержания и форм межпоколенной передачи этнической информации получило широкое распространение. Долгое время главное внимание уделялось критике работ зарубежных авторов (Р. Бенедикт, М. Мид, Дж. Горера и др.), как правило, испытывавших влияние неопределенных концепций и искавших в традиционной педагогике объяснения особенностей «национального характера». Ставшая привычкой критика методологических позиций этих исследователей привела к тому, что исследователи потеряли из вида возможность обращения к тому же предмету исследования — этнографии детства, исходя из других мировоззренческих представлений.

В формировании методологии такого исследования и определении его содержательных задач неоценимую для нашей науки роль сыграли труды И. С. Кона — ответственного редактора обоих сборников².

Блестящий и чрезвычайно информативный историографический очерк исследований по «этнографии детства», открывающий первый сборник, как и введение, написан И. С. Коном. Здесь сформулирована единая программа, которой предлагалось следовать авторам всех самостоятельных статей обоих книг. В результате мы имеем целенаправленное исследование, охватывающее большой круг народов, стоящих на разных ступенях социально-экономического развития и расселенных в нескольких историко-культурных провинциях Азии. Единство исследовательской программы в большой мере помогло специалистам по разным азиатским народам преодолеть фрагментарность, характерную для старых этнографов при упоминании о методах народной педагогики и отношении к детям — тема, вообще не занимавшая обычно центрального места в описании этноса.

Ориентация на единый тематический перечень сюжетов, разработанный ответственным редактором, позволяет увидеть ряд культурно-типологических параллелей между формами социализации детей и подростков у описываемых народов. Так, весьма интересны напрашивающиеся сравнения периодизации жизненного цикла и возрастной классификации, форм институционализации молодежных групп, функций молодежных домов в разных культурах и др. Повсеместно отмечаются характерные различия в социализации мальчиков и девочек, уделяется внимание не только усвоению конкретных знаний и практических навыков, но также нравственных качеств, отражающих разные этнические представления и проявляющихся в умении следовать тому или иному традиционному этикету.

¹ См.: Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, в. 2; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 205—208 и др.; Алексеев В. П. О различии синхронного и диахронного сравнения этнографических явлений. — В кн.: Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983.

² Широко известны работы И. С. Кона, посвященные социологии личности и процессам ее социализации: Социология личности. М., 1967; Открытие «Я». М., 1978; Психология юношеского возраста. М., 1979; см. также: Кон И. С. Проблема детства в современной американской этнопсихологии (Об исследованиях Беатрисы и Джона Уайтинга). — Сов. этнография (далее — СЭ), 1977, № 5; его же. К проблеме возрастного символизма. — СЭ, 1981, № 6, и др.

Во всех исследованных обществах наряду с сохранением элементов традиционного воспитания и обучения получают развитие формы, связанные с общественным воспитанием и внедрением государственной системы образования. В ряде азиатских стран (Япония, Турция, Малайзия, Ливан и др.) существуют давние традиции организованного школьного обучения, главным образом, на конфессиональной основе и с преимущественным обучением мальчиков. Функции школьного воспитания в социализации детей той или иной страны, как показано авторами соответствующих статей (Ю. Д. Михайловой, М. Н. Серебряковой, А. К. Оглоблиным, М. А. Родионовым) теперь модернизируются. Усиление секулярных тенденций ведет к увеличению роли положительных влияний в школьном обучении, смягчению полоролевых стереотипов в воспитании.

В исследовании отражены также особенности воспитания детей у тех народов, где существенные социальные преобразования совсем недавно привели к возникновению государственной школьной системы, — в таких странах, как Кампучия, Афганистан (статья И. Г. Косикова, Р. Р. Рахимова) в деревнях Ирака (статья Е. И. Васильевой и Дж. Хайдари). И, наконец, в рецензируемых работах представлены материалы, касающиеся форм социализации у народов, живущих до сих пор в условиях значительной изоляции (горные ифуга Филиппин — статья М. В. Станюкович, а также гаро и ао Индии — статья С. А. Маретиной). Редкие школы христианских миссионеров, существовавшие у этих народов, только теперь переходят в ведение государства. С разной скоростью, но повсеместно традиционные институты социализации вытесняются системой школьного обучения. Хотя традиционные родительские ценности и сам процесс семейной социализации принадлежат к весьма интимной и стабильной сфере этнической культуры, однако и в эту сферу постепенно проникают инновации. Традиционная практика вытесняется из повседневной воспитательной практики очень быстро, что придает особенную актуальность изучению этих уходящих форм у разных народов. Думая, что начало подобных исследований, положенное выходом книг «Этнография детства», привлечет внимание специалистов по разным регионам, а главное, окажет влияние на содержание полевых этнографических исследований в нашей стране.

Положительной чертой рецензируемой работы является четкое структурирование предмета исследования. Так, в поле зрения авторов статей в соответствии с программой опалы не только методы воспитания как целенаправленной системы воздействия на личность ребенка; но и различные формы «стихийной» социализации, включающие воздействие более широкого этнокультурного контекста (обрядовая практика и т. д.). Во введении к работе дается однозначное определение того, что понимается под традиционными формами воспитания. Разработанность программы исследования делает ее пригодной для использования в экспедиционной работе многих исследователей, причем методы сбора полевого материала по этой теме, примененные в данном случае, вполне применимы для этнографов-полевиков.

В современной зарубежной этнопсихологии и культурной антропологии получают распространение различные сложные методические процедуры, количественные шкалы, специальным образом сконструированные опросники, позволяющие относительно строго «измерить» качественные черты отношения к детям или воспитательные установки, а затем сравнить индексы, полученные при изучении разных народов. Примером такой сложной методики является процедура изучения родительских ценностей ориентаций, разработанная В. Ламбертом с коллегами³, — о ней подробно говорится в историографическом обзоре И. С. Кона. Однако, как нам кажется, использование подобных методов не должно исключать или отменять прежние жанры описания народной педагогики. Описание простых наблюдений, заметки путешественника (пусть даже не очень систематические), подметившего необычные черты в обращении с детьми в иноэтнической среде, остаются ценным источником информации для исследователей. Описание непосредственных наблюдений или обобщение таких описаний, собранных из разрозненных источников (на таких обобщениях и построены статьи сборника), обязательно должны дополнять «строгие» методы количественного исследования; только сочетание обоих методических подходов может дать объективную и полную картину этнической специфики процесса социализации⁴.

Обе книги по этнографии детства изданы с большим количеством фотографий, reproductions иллюстраций старинных книг и рисунков, что еще больше повышает ценность публикации. Жаль только, что иллюстративный материал никак не атрибутирован — нет датировок и указаний на источник, с которого воспроизводится иконографический материал, и т. д.

Сборники по этнографии детства вышли в свет во время широкого обсуждения программы школьной реформы в нашей стране, когда внимание общественности было направлено на проблемы обучения и воспитания подрастающего поколения. В ряде откликов на проект реформы в центральной печати отмечалась необходимость учета местной этнической специфики при формировании программ обучения, а главное, при совершенствовании педагогических методов. Ведь система общественного обучения и воспитания обязательно находится в сложном взаимодействии с семейной социализацией и тради-

³ Lambert W. E., Hamer J. F., Frasure-Smith N. Child Rearing Values. A Cross-National Study. N. Y., 1979.

⁴ Так, например, применение рецензентом указанной методики изучения родительских ценностей в Абхазии дало результаты, неожиданные с точки зрения непосредственных наблюдений и обыденных суждений: о степени репрессивности воспитательных установок у абхазов; о строгой дифференциации воспитательных программ девочек и мальчиков и др.

ционной народной педагогикой, которые должны быть детально изучены для протравливания «суммарного» воспитательного эффекта. Продолжение работы по изучению традиционных форм социализации детей, начатое рецензируемыми сборниками, распространение аналогичных исследований на разные регионы нашей страны не только обогатит соответствующие разделы этнографической науки, но и поможет научной организации преподавательской и педагогической деятельности всех работников, на практике занятых воспитанием детей.

Г. В. Старовойтова

Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.: Наука, 1982. 256 с.

Кеты — один из самых таинственных этносов в мире. Их язык, резко отличаясь от языков соседних с ними групп, обнаруживает сходство с языками далеких от них и разобщенных между собой народов — от басков до юкагиров. Кеты — осколок какого-то очень древнего этнического массива. Об их происхождении высказывались самые различные гипотезы, ни одна из которых пока не стала преобладающей. Вот почему такой интерес вызывает рецензируемый сборник, беспрецедентный по объему нового материала и широте охвата проблемы. Представители четырех смежных наук объединили здесь свои силы.

Первая часть сборника — антропологическая. В ней представлены материалы, собранные отрядом под руководством И. И. Гохмана за три полевых сезона (1960, 1965 и 1967 гг.). В труднейших условиях обследованы три группы кетов, туруханские селькупы и кетско-селькупские метисы (см. с. 18). По соматологической программе изучено 208 чел. (в том числе 141 кет), по серологической — вдвое больше. Таким образом, обследована довольно значительная часть маленького кетского этноса. Получены отпечатки пальцев и ладоней. Наконец, собрана коллекция из 22 кетских черепов (прежде имелось лишь 4). Чего это стоило, станет ясным, если учесть, что при раскопках кладбищ приходилось постоянно оттаивать мерзлый грунт кипятком, а черепа требовали немедленной мацерации.

В главе 1 И. И. Гохман излагает результаты анализа соматологического и краниологического материалов. Сторонники «нордической теории» будут разочарованы: поселение пигментации у некоторых кетов — следствие русской примеси. Внешний облик «среднего» кета примерно такой же, как и по данным Г. Ф. Дебеца, исследовавшего лишь одну группу. Между тремя кетскими группами, изученными И. И. Гохманом, обнаружились различия. Наиболее «чистый» кетский тип локализуется в подкаменнотурухуской группе; туруханские и елогуйские кеты смешаны с селькупами. Никаких других сопоставлений на основании соматологических материалов И. И. Гохман не делает, справедливо считая, что сравнивать данные, полученные разными авторами, особенно по наиболее важным, описательным признакам, — занятие малоперспективное.

Иное дело краниология, где цифры гораздо более сопоставимы. Здесь можно не ограничиваться традиционным набором западно- и южно-сибирских параллелей, а привлечь материал по всей Азии, чего пока никто не делал. При этом обнаруживается, что кеты занимают промежуточное место между народами уральской расы и тихоокеанскими монголоидами — вьетами, тибетцами и китайцами, причем на графике, отражающем общий уровень сходства, кеты попадают в одну группу с тремя названными восточномонголоидными популяциями. И. И. Гохман, впрочем, разъясняет, что речь может идти о связях не с данными конкретными этносами, а вообще с тихоокеанскими монголоидами. Но почему привлечены именно такие признаки как средний угол переноса, средний горизонтальный угол лица и фацио-фронтальный индекс? Ответ содержится в других работах И. И. Гохмана: эти признаки изучены им на огромном материале и прекрасно зарекомендовали себя для расовой систематики. На первом этапе такой ответ может нас удовлетворить. Но теперь, когда обнаружилось, что кеты отклоняются от уральской расы в сторону тихоокеанских монголоидов; целесообразно привлечь уже не вообще хорошие признаки, а те, которые эффективно разграничивают именно эти две расы. Особенно удачно отвечает этой задаче один из признаков, использованный И. И. Гохманом, — средний угол переноса. Другой (средний горизонтальный угол лица) вероятно, тоже годится, хотя данных маловато. А вот третий (фацио-фронтальный индекс) явно лишний. Вместо него возьмем признак, который, как показал Н. Н. Чебоксаров, играет первостепенную роль при разграничении континентальных (в частности уральских) и тихоокеанских монголоидов, — высоту черепа. Выясняется, что кеп весьма низкоголовы и в этом отношении типичнее «северяне». По сумме рангов рангов для трех признаков ближе всего к кетам оказываются чулымцы и ненцы — те самые группы, которые, по данным Г. А. Аксеновой, и в соматическом отношении сближаются с кетами. Далее идут кызылцы, ханты и другие уральские народы. И лишь 11-е место занимают хуэй, 12-е — китайцы. В среднем 13 западно- и южносибирских групп достоверно ближе к кетам, чем 6 тихоокеанско-монголоидных. Правда, не учтены низкоголовые тибетцы — нет данных о профилировке лица. Если исключить этот признак и провести сравнение по оставшимся двум, то наиболее сходны с кетами южные тибетцы, затем ханты и ненцы. Но сочетание двух признаков малоспецифично — тут будет сходство и с эвенками. Получается, что краниологически кеты не такие у

«белые вороны» среди уральцев. Добавим, что соотношение типов подглазничных впадин — еще один признак на черепе, дифференцирующий континентальных и тихоокеанских монголоидов, — объединяет кетов с первыми (материалы А. Г. Козинцева).

Данные о строении тела, изученные Г. М. Давыдовой и В. К. Жомовой, как будто согласуются с южной теорией. Кеты (особенно наиболее «чистые» — подкаменно-тунгусские) очень грацильны и низкорослы, что отличает их от сибирских народов и сближает с южанами. Но и здесь требуется осторожность. У кетов, действительно, очень мало отношение веса к поверхности тела, что более характерно для южных популяций. Но ведь такие же величины у нецев, селькупов и лишь немногим большие у саамов. Возникает вопрос, не являются ли и они выходцами из жарких стран?

Серологические материалы, публикуемые Ю. Д. Беневоленской и А. Г. Башлай, еще раз свидетельствуют о значительной неоднородности кетов, вызванной разобщенностью локальных групп и различной долей селькупской примеси. Кеты же в целом оказались ближе всего не к народам уральской расы, а опять-таки к тибетцам, причем снова в подкаменно-тунгусской группе это южное тяготение проявилось наиболее сильно. К сожалению, из-за недостатка данных не удалось сопоставить кетов с нецнами (впрочем, имеющиеся серологические материалы выявляют между ними сильные различия); о чулымцах сведений нет.

Вывод о том, что родина предков кетов находилась где-то очень далеко на юге, не подтверждается данными дерматоглифики (глава 4 — Г. Л. Хить). По комплексу признаков кожного узора кеты более всего похожи на представителей южносибирской и уральской рас (разные кетские группы обнаруживают разные направления связей, не выходящие, однако, за пределы Сибири). Родство же кетов с тибетцами Г. Л. Хить исключает.

В общем, гипотеза о связях кетов с южными монголоидами остается гипотезой — заманчивой, но не доказанной. Это не означает, что надо вернуться в привычный и замкнутый круг сибирских параллелей. И. И. Гохман совершенно прав, указывая, что родство кетов с сибирскими народами могло возникнуть в результате длительной миграции. Но этому же могла способствовать и адаптация к сходным климатическим условиям. Отсюда следует, что любые южные черты кетов требуют особо пристального внимания и впрямь ни одно исследование по антропологии кетов не может обойтись без привлечения общеазиатских материалов.

Этнографическая часть сборника включает лишь одну статью «К истории родоплеменного состава кетов». Она написана в середине 60-х годов ныне покойным исследователем народов Сибири Б. О. Долгих и подводит итог многолетнему изучению кетов. В работе использованы ценнейшие архивные материалы, охватывающие период с XVII в. (т. е. со времени проникновения в Среднюю Сибирь русских) до начала XX в., а также полевые данные, собранные автором в 20-е годы. Наибольший интерес представляют документы XVIII—XIX вв., большинство которых не вошло в предыдущие публикации Б. О. Долгих; они легли в основу работы. Таким образом, охвачена эпоха более чем в 300 лет, что позволило не только исследовать ряд аспектов традиционной социальной организации одной из групп кетского этноса — северных (так называемых «ибатских») кетов, но и осветить вопросы их этнической истории.

Данные автора показывают, что история кетов в XVIII—XIX вв. была тесно связана с историей некоторых групп селькупов, в частности банхинских и карасинских. Он выявляет преемственность между родовыми группами кетов с XVII в. до переписи 1926 г., сличая фамилии и личные имена. Используя записи браков, автор распределяет кетов по экзогамным группам и характеризует те родовые и территориальные подразделения кетского этноса, о которых есть сведения в архивных источниках. Большой интерес представляют данные об изменении численности кетов с XVII в. по 1926 г.

При небольшом объеме работа насыщена значительной информационной статистического характера, сведенной в 39 таблиц, весьма полезных не только специалистам по истории и этнографии кетов, но и исследователям региона в целом. Остается лишь пожалеть, что составленные Б. О. Долгих списки брачных пар кетов с XVIII по начало XX в. не вошли в публикацию.

В работе Вяч. Вс. Иванова «Кето-американские связи в области мифологии» миф используется в качестве источника для выявления древних этнических связей. Речь идет о так называемом мифе о разорителе птичьих гнезд у кетов (отчасти у хантов) и у индейцев Америки. В принципе подход автора к данной проблеме возражений не вызывает: рассматриваемые сюжеты, несомненно, очень древнего происхождения; определенное сходство между кетскими и индейскими текстами налицо. Насколько, однако, выявленные параллели специфичны именно для кетов и для индейцев северо-запада Северной Америки и Бразилии?

В статье автор, говоря об индейской мифологии, основывается почти исключительно на четырёхтомнике К. Леви-Стросса. Споры нет, этот выдающийся труд не только крупный шаг в теории, но и самая обширная на сегодняшний день антология мифологических текстов аборигенов Америки. Но французский исследователь не стремился дать полный обзор индейских мифов. Он рассматривает лишь отдельные ареалы, мотивы и темы, заинтересовавшие его по той или иной причине. Миф о разорителе гнезд известен в Южной Америке не только в «наиболее труднодоступных районах Бразилии», как пишет Вяч. Вс. Иванов, и вовсе не исключительно в связи с мотивом добывания огня.

Можно говорить о двух главных вариантах данного сюжета у южноамериканских племен. Согласно первому, мальчик (реже юноша) оказывается в ловушке — обычно (но не обязательно) на вершине дерева или скалы, откуда он не может слезть без посторонней помощи. Часто он попадает туда по приказанию старшего родственника (точ-

нее, свойственника), который требует достать из птичьего гнезда птенцов или Рассердившись на героя, родственник отбрасывает лестницу и уходит. Далее герой падает к мифологическим существам, наделяющим его благами, имеющими важное значение для людей: огнем, культурными растениями, умением охотиться на крупных и водных, знанием ритуалов. Причина ссоры мальчика с родственником слабо мотивирована, из чего следует, что этот эпизод — лишь проекция ситуации, характерной для одного варианта мифа, где соответствующий поступок хорошо объяснен. Первый вариант представлен главным образом в восточной Бразилии (особенно у племен же), а за пределами этого ареала у карибязычных юго северо-восточной Колумбии. Второй вариант распространен почти по всей Южной Америке и по крайней мере на северо-западе Северной Америки. В основе сюжета лежит мотив ревности: спутник героя отбрасывает лестницу от дерева, обрезает веревку и т. п., желая отомстить за оскорбление или, напротив намереваясь погубить героя, чтобы овладеть его женой. Мифологические существа приходят герою на помощь, исцеляют его, если он был болен, и наделяют его шаманским искусством. После этого он возвращается к людям и мстит сопернику.

Легенда, сюжет которой укладывается во второй вариант индейского мифа, была записана в 1970 г. в Сибири у тофаларов. Согласно легенде, молодой охотник по совету шамана должен достать крыло молодого орла. Некий человек, который уже давно заглядывался на жену охотника, спустил его на ремнях по скале к пещере, где жил орлы, а потом сбросил ремни и ушел. Жена охотника была рада поверить в смерть мужа и вышла замуж за соперника. Однако в стойбище жила другая женщина, надевшаяся, что пропавший жив. Так и оказалось. Долгие месяцы охотник жил в пещере и ел пищу, приносимую ему орлицей. Когда орлята подросли, они спустили его на землю. Охотник убил прежнюю жену и женился на женщине, которая его ждала. Характерное для данного текста противопоставление любящей женщины неверной жене подчеркивается прежде всего в североамериканских текстах и в одном из мифов огнеземельцев. Но в целом тофаларский вариант не оказался бы чужеродным в собрании мифов почти любого южноамериканского племени. В отличие от него кетский миф лишь в деталях напоминает американские.

Было бы наивно на основании сказанного предполагать специфические связи между предками тофаларов и индейцев. Мифология (не в меньшей степени, чем археологическая культура) — явление скорее ареальное, чем этническое. Поэтому можно лишь утверждать, что сюжет зафиксирован в том большом ареале, в котором сейчас обитают, в частности, кеты и тофалары. Большая заслуга Вяч. Вс. Иванова в том, что он обратил внимание на центральносибирские параллели американским мифам, но говорить конкретно о кетско-индейских связях, нам кажется, рано. Правда, в кетском мифе (в отличие от тофаларского и от подавляющего большинства американских) присутствует, как и в мифах бразильских же, мотив добывания огня — но лишь именно сам мотив, тогда как общая сюжетная канва у кетов и же существенно различна.

Завершается сборник лингвистической частью, включающей две статьи. Первая из них — статья С. А. Старостина — в свою очередь состоит по существу из двух самостоятельных работ: реконструкции протоенисейской фонетической системы и доказательства внешних связей енисейских языков с северокавказской семьей.

Громадный объем проделанной автором работы и ограниченность места в рецензии не позволяют подробно останавливаться на частностях, тем более что реконструкция будет широко обсуждаться лингвистами разных специальностей. Основные наши замечания следующие.

С. А. Старостин пишет, что в первой части он приводит основную часть протоенисейского словаря. Остается неясным, опущена ли какая-то часть этого словаря из эконо-мических места, либо она еще не восстановлена, или же включает лексику, не относящуюся к протоенисейской. Из этого замечания вытекает еще одно, значительно более существенное. Не все приведенные в первой части работы реконструкции подтверждены достаточным числом примеров (более одного). Иногда мы находим лишь один пример (скажем, конечный *р, с. 146, 'горностай'). Однако во второй части статьи и в первой части, но в разделе, касающемся реконструкции других фонем, обнаруживаются подтверждающие соответствия (в частности, на с. 172 — 'ладонь', 'росомаха', на с. 199 — 'бедро', на с. 201 — 'клов'). Поскольку приведенные в этих примерах слова представлены не во всех енисейских языках, можно сделать вывод, что автор не относит их к числу протоенисейских. Но тогда возникает вопрос о правомерности их использования для определения внешних связей енисейских языков. Когда приводится лишь один пример фонетического соответствия, на основании которого произведена реконструкция, необходимы отсылки к прочим примерам, подтверждающим правомерность данного соответствия.

У С. А. Старостина нет сведений относительно внутренней генетической классификации енисейских языков, имеющей большое значение для установления уровней реконструкции. Из этого, казалось бы, можно сделать вывод, что все енисейские языки находятся примерно в равных генетических отношениях. Но из дальнейшего ясно, что кетский и югский языки ближе друг к другу, чем к прочим; поэтому, строго говоря, нужно было бы сравнивать кетско-югскую реконструкцию с остальными языками. Так как протоенисейский вокализм из-за плохих записей гласных в аринском и пумпокольском языках реконструируется на основании только трех языков, то реконструкция консонантизма и вокализма в принципе могут носить разноуровневый характер, который еще более усугубляется, если кетский и югский языки составляют особую подгруппу. Вообще, по нашему мнению, степень близости языков следует определять предвзвешенно, и не по фонетическим, а по лексическим признакам, что должно предшествовать фонетической реконструкции.

Ввиду того что в современных языках в большинстве случаев мы находим позиционно обусловленные варианты фонем, не очень убедительным выглядит их отсутствие в протоенисейском. Автор реконструирует протоенисейское *b, которое в большинстве современных языков в ауслауте оглушилось и лишь в пумпокольском сохранило звонкость. Но реконструкция произведена всего на двух примерах чередования b/p в ауслауте и инлауте кетского и югского языков (кет. *op/obaŋ* — 'отец', с. 202, кет. *ap/aba* — 'мой', с. 201) и сохранения в ауслауте пумпокольского, что не является строгим доказательством. Слово 'спина' (с. 146) как раз противоречит предложенной реконструкции (в югском *xōi* — *at* вместо ожидаемого *xobat*, в пумпокольском *kolpat*).

Сказанное несколько не умаляет достоинство реконструкции, которая заслуживает самой высокой оценки и в дальнейшем может потребовать лишь незначительных корректив.

Переходя ко второй части статьи, сразу следует отметить, что результаты ее выходят за рамки повседневных научных событий. Если прежде кетский язык считался генетически изолированным, а его внешние связи носили гипотетический характер, то теперь вопрос о принадлежности этого языка к северокавказской семье впервые поставлен серьезно. С. А. Старостин не является автором гипотезы о связях енисейских и северокавказских языков, но он близок к доказательству их родства. Сам автор предпочитает более нейтральное выражение — «внешние связи»; между тем, на наш взгляд, речь может идти именно о генетическом родстве, а не о контактных связях. Об этом свидетельствуют списки отождествленной лексики. В каждой из семантических групп, на которые можно разбить представленный автором материал, имеются такие важные для доказательства генетического родства, практически не подверженные заимствованиям слова, как 'луна', 'ветер', 'земля', 'дорога', 'гора', 'вода', 'глаз' и т. д. Некоторые слова, хотя в принципе и подвержены заимствованиям, в совокупности с основной, устойчивой лексикой должны расцениваться как генетически родственные. Из терминов культуры мы находим в списке лишь самые элементарные. Автор привел только имена и местоимения, так что общее число отождествленных элементов значительно больше. Совсем немногие из предлагаемых отождествлений можно было бы отвергнуть по семантическим соображениям. Некоторые лексемы носят звукоподражательный или слишком универсальный с фонетической точки зрения характер и поэтому не могут считаться надежными, но число их невелико. В списках енисейско-северокавказских соответствий приводятся также отдельные синотибетские, а иногда и ностратические корни.

Во второй лингвистической статье, написанной Е. А. Хелимским, рассматриваются лексические связи кетского языка с уральскими. Автор дает 64 новых отождествления кетских слов со словами различных уральских языков, в большинстве селькупского и 6 отождествлений между уральской лексикой и лексикой ныне мертвых енисейских языков. Во многих случаях определено направление заимствования, чему помогла предложенная в предыдущей статье протоенисейская реконструкция. Обе статьи выгодно дополняют одна другую: в одной из них продемонстрированы генетические связи кетской лексики, в другой — контактные. Помимо чисто лингвистических аспектов статья Е. А. Хелимского интересна и с точки зрения культурно-исторических связей кетов с другими народами региона.

Мы надеемся, что эта рецензия дает некоторое представление об исключительном многообразии и важности проблем, рассматриваемых в сборнике. За недостатком места мы смогли затронуть лишь некоторые из них, причем расстановка акцентов диктовалась не столько научной значимостью отдельных работ и их частей, сколько профессиональными интересами рецензентов¹. Читатели сборника, число которых, несомненно, превышает его тираж, смогут сами оценить его по достоинству.

Ю. Е. Березкин, В. И. Гохман, А. Г. Козинцев, А. Б. Спесивовский¹

¹ Антропологическая часть рецензии написана А. Г. Козинцевым, этнографическая — А. Б. Спесивовским, мифологическая — Ю. Е. Березкиным, лингвистическая — В. И. Гохманом.

Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки/Под ред. Р. С. Васильевского. Новосибирск: Наука, 1983. 151 с.

Рецензируемый сборник представляет собой итог совместной работы советских и американских специалистов по проблеме, которая только и может быть решена их общими усилиями. Это доклады, прочитанные на одноименном симпозиуме, организованном в рамках последнего, XIV Тихоокеанского конгресса, проходившего в 1979 г. в Хабаровске. Статьи по докладам разделены на две части, одна из которых озаглавлена «Древние культурные связи», вторая — «Хронология и периодизация». Подразделение это в высшей степени условно, и многие статьи можно было легко переставить из одного раздела в другой, не изменив серьезно структуры сборника. Во втором разделе сборника помещена, в частности, статья В. Е. Медведева о раскопках средневековых жужурженских курганов в Приамурье, не имеющая непосредственного отношения к его содержанию.

Проблема времени заселения Американского континента человеком уже имеет тленную историю. Оставляя в стороне первые наивные попытки доказать существование человека в Америке уже в раннем четвертичном и даже третичном периоде, принятые в прошлом веке, следует отметить, что история этой проблемы распадается на ряд хронологических периодов, каждый из которых характеризовался своим преобладающим взглядом на степень древности человека в Америке. Если отвлечься от частностей, то таких периодов можно насчитать по меньшей мере три. Первый из них — период классических геологических исследований четвертичных отложений Северной Америки в 1920—1950-х годах, когда древность заселения Америки человеком определялась в 10 000—12 000 лет, т. е. оценивалась как соответствующая самому концу палеолитического времени в Европе. Открытие радиоуглеродного метода датирования и его широкое использование в 1950-х годах отодвинули дату заселения Америки до 20 000—25 000 лет. Древность отдельных находок определялась в 40 000 лет, но это не получило всеобщего признания. Так или иначе, период развития человеческой культуры в Америке удлинился минимум вдвое. Наконец, начиная примерно с конца 60-х годов наметилась критическая тенденция переоценки прежних радиоуглеродных дат в сторону их уменьшения, опирающаяся на очень тщательный отбор образцов для датирования, и древность человека в Америке опять снизилась до 15 000—17 000 лет.

Сейчас мы вступаем или уже вступили в четвертый этап исследований, характерным моментом которого является очередное изменение представлений и резко выраженный оптимизм в оценке самых древних эпох заселения Американского континента человеком, постулирование этого заселения чуть ли не в эпоху нижнего палеолита. В значительной степени это связано с огромным расширением наших знаний о палеолите Сибири и Центральной Азии, с открытием нижне- и среднепалеолитических месторождений в Южной Сибири и Монголии, исследованием очень древних палеолитических комплексов в Восточной Азии и на Японских островах. Рецензируемый сборник — типичное произведение четвертого этапа, ярко иллюстрирующий и достоинства, и недостатки нового подхода, степень его фактической оснащенности и теоретического уровня. При этом оптимистические тенденции проявляются и у советских, и у американских специалистов в более или менее одинаковой степени, хотя они работают с разными материалами и исходят во многих случаях из различных методологических и методических установок.

Не имея возможности рассмотреть все статьи сборника, остановлюсь лишь на тех, которые по содержанию наиболее четко выявляют отмеченные тенденции. Наиболее оптимистические оценки времени первого вступления древнего человека на Американский континент содержатся в статье Г. И. Медведева. Опираясь на свое открытие нижнепалеолитической индустрии в районах Прибайкалья, автор критически разбирает бытующее представление о заселении Америки в эпоху верхнего палеолита и в виде гипотезы предлагает значительно удревить это событие и датировать его 200 000—150 000 лет. Принятие этой гипотезы предполагает, естественно, ожидание дальнейших открытий нижнего палеолита в северных районах Сибири и на территории Северной Америки. Если по отношению к Сибири эти ожидания оправдываются (рецензент имеет в виду первые предварительные сообщения о находках нижнего палеолита в Якутии, сделанных Ю. А. Мочановым), то в Северной Америке нижнепалеолитические памятники еще не открыты. Более того, иногда фигурирующие в американской литературе радиоуглеродные даты в несколько десятков тысяч лет подвергаются все без исключения острой критике и действительно выглядят сомнительными.

Среди американских археологов оптимистическая точка зрения наиболее четко выражена А. Л. Брайеном, признающим отсутствие ясных параллелей американскому инвентарю в сибирских древностях и опирающемуся на факты древних дат для сибирского палеолита. В только что упомянутых материалах точка зрения американского археолога получает дополнительное подтверждение, но и в данном случае остается тот же вопрос: в какой мере сибирский палеолит с его вырисовывающейся сейчас все большей древностью допускает экстраполяцию на американскую территорию? Мало было заселить таежные и тундровые зоны Сибири, нужно было еще преодолеть тысячекилометровые пространства Берингии, чтобы вступить на Американский континент. Поэтому как бы убедительно теоретически ни аргументировалась возможность заселения Америки человеком в эпохи нижнего и верхнего палеолита, вероятность обнаружения прямых материальных доказательств столь раннего заселения ее выглядит весьма гипотетической.

Нельзя не отметить также еще две статьи сборника, которые, с одной стороны, увеличивают нашу информацию о древности азиатского палеолита в ряде районов, где ранее были известны лишь относительно поздние памятники, а с другой, выявляют какие-то евразийские технологические традиции (не отдельные формы, подчеркиваем, а традиции обработки), отдаленно повторяющиеся в американских материалах раннего времени. Речь идет о статье покойного А. П. Окладникова об итогах изучения палеолита Монголии и статье Р. С. Васильевского о левалуазских традициях в технике обработки камня в Сибири и Северной Америке. Подавляющее большинство древнейших памятников Монголии не имеет четкой стратиграфии из-за специфических условий залегания, но автору, опираясь на типологические критерии, удалось выделить разные стадии развития палеолита, в том числе и стадию галечной индустрии. Задача дальнейшего изучения палеолита Монголии — выяснение определенного стратиграфического положения этих типологических исключительно архаических комплексов. Демонстрация широкого распространения левалуазской традиции в палеолитических памятниках юга Сибири вместе с попыткой найти ей аналогии в известных сейчас памятниках Северной Америки имеет то же значение косвенной аргументации в пользу относительно древнего

населения Американского континента человеком. Таким же косвенным аргументом является и осуществленное Т. Сафидзавой краткое описание каменного инвентаря стоянки Хосино на Хонсю, нижние слои которой датируются сейчас 50 000—60 000 лет.

Не менее важная, хотя и более частная по сравнению с уже рассмотренной проблемой — проблема контактов населения северо-востока Азии и северо-запада Америки в географических рамках древней Берингии, включая в них Чукотский полуостров и Аляску. Этому посвящены представленные в сборнике работы Н. Н. Дикова, Р. А. Аксерамана, Р. Л. Карлеона, Ф. М. Хоблера и ряда других. Н. Н. Диков ввел в науку новые данные по открытым им палеолитическим местонахождениям юга Чукотки, американские археологи также информируют нас о многих ранее не описанных местонахождениях. Авторы выявляют ряд заслуживающих внимания параллелей в материальной культуре населения Чукотки и Аляски в позднем плейстоцене — раннем голоцене, и параллели эти демонстрируют широкую картину интенсивных контактов населения обоих континентов, среди которого в районе Берингова пролива формировались наиболее ранние протоэскимские культуры. Таким образом, в этих районах мы сталкиваемся с той миграцией на Американский континент, которая привела в конечном итоге к формированию предков народов, говорящих сейчас на эско-алеутских языках.

Все сказанное выше свидетельствует о серьезном и интересном, хотя и не бесспорном освещении проблемы заселения Америки с историко-культурной точки зрения. Однако не остались без внимания и попытки реконструкции физического типа древнейших насельников Америки. Мы имеем в виду статью Г. К. Тернера об одонтологических вариациях древнего и современного населения Азии и Америки и их экстраполяции на проблему происхождения американского человека. Автор выделяет два одонтологических комплекса, которые назвал синодонтией и сундадонтией. Каждый из них характеризуется определенной морфологической спецификой. Второй из них является, по-видимому, более древним и сформировавшимся в Юго-Восточной Азии, первый — более поздний и сложился, по мнению автора, в Центральной и Восточной Азии. Проследивая динамику этих комплексов во времени, автор предлагает ряд этногенетических соображений, в частности последовательность расселения разных этнических волн — палеоиндейцев, предков индейцев на-дене и эско-алеутов. Подобная последовательность подтверждается и некоторыми морфологическими данными, но вопрос еще далек, конечно, от окончательного решения.

В целом рецензируемый сборник отражает современный уровень разработки проблем заселения Америки человеком и его истории на протяжении перехода от палеолита к неолиту. Это хороший итог совместной работы советских и американских ученых над одной из кардинальных тем археологической и антропологической наук.

В. П. Алексеев

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Пути развития грузинской советской этнографии (1922—1982 гг.) Тбилиси: Мецниереба, 1983. 158 с.

В истории науки бывают периоды, когда необходимо обозреть пройденный путь, разобраться в накопленном материале, подвести некоторые итоги. Шесть десятилетий развития грузинской советской этнографии — срок немалый. Поэтому предпринятая А. И. Робакидзе попытка «проследить за основными этапами разработки важнейших проблем этнографии Грузии» (с. 157) представляется весьма актуальной. Правда, подобная попытка — не первая по времени. Можно назвать ряд авторов, которые ставили перед собой аналогичные задачи¹. Однако ограниченные сравнительно небольшим объемом журнальных статей, они, естественно, смогли коснуться лишь главнейших вех в развитии грузинской советской этнографии, опуская по необходимости многие частности и детали. В рецензируемой же книге, содержащей подробный обзор значительного библиографического материала, осуществлен качественно новый подход к проблеме.

А. И. Робакидзе проанализировал огромное число монографий, статей, заметок и других публикаций, в которых аккумулирован 60-летний опыт грузинской советской этнографии. Теперь в руках исследователей есть добротная сводка библиографического материала, к которой можно постоянно обращаться в поисках нужной информации. Правда, сводка не исчерпывающая, об этом предупреждает читателей сам автор (с. 157). Однако все наиболее значительные, этапные труды, которые внесли существенный вклад в развитие грузинской советской этнографии и тем самым определили ее сегодняшнее лицо, нашли отражение в рецензируемой книге. В этом ее несомненная ценность.

Во «Введении» А. И. Робакидзе останавливается на дореволюционном периоде развития грузинской этнографии. К сожалению, этот раздел весьма краток (с. 3—20),

¹ Читая Г. С. Грузинская советская этнография за годы послевоенной сталинской пятилетки. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1952, № 3; Итонишвили В. Д. Грузинская советская этнография в 1921—1980 гг. — Мацне, 1981, № 1 (на груз. яз.); его же. Грузинская советская этнография за 60 лет. — СЭ, 1983, № 2.

он вряд ли сможет дать полное представление о предмете. Тем не менее представляется принципиально важным наличие его в книге, посвященной современному состоянию этнографической науки в Грузии. С самого начала для читателя становится очевидным, что грузинская этнография имеет многовековую историю, ибо уже в первых памятниках грузинской письменности полуторатысячелетней давности можно обнаружить свидетельства пробуждающегося интереса к этническим особенностям окружающего мира.

Как показывают приведенные в книге материалы, грузинские этнографы постоянно обращаются к наследию прошлых эпох, особенно к золотому фонду этнографической мысли XIX в. — уникальным публикациям И. Чавчавадзе, Ал. Казбеги, Важа Пшаела, Н. Хизанашвили, Б. Нижарадзе, Т. Сахокиа и других видных деятелей культуры, немало сделавших для изучения нравов и быта родного народа.

Структурно книга разделена на 10 очерков, причем выделение последних не подчинено единому принципу. Шесть очерков посвящено историографии той или иной крупной проблемы (таковы очерки «Материальная культура», «Хозяйственный быт», «Социальные взаимоотношения», «Грузино-кавказские параллели», «Духовная культура», «Изучение современного быта»), один — этнографическому музееведению, три завершающих — этнографической работе в Абхазской АССР, Аджарской АССР и Юго-Осетинской автономной области. В историографическом исследовании возможны и другие варианты подачи материала. Однако, на мой взгляд, А. И. Робакидзе избрал именно ту структуру, которая позволяет дать наиболее полное представление о развитии этнографической науки в Грузинской ССР.

В то же время изложение материала внутри самих очерков в ряде случаев вызывает возражения. Например, на с. 32—36 очерка «Хозяйственный быт» автор вынужден несколько раз возвращаться к вопросу об изучении сельскохозяйственных орудий из-за того, что основное повествование часто прерывается инсужетными вкраплениями. Неоднократно (с. 34, 38, 42) в этом же очерке говорится об изучении хозяйственных построек; к тому же сведения о последних имеются и в очерке «Материальная культура» (с. 26). Можно привести и другие аналогичные примеры. Это оставляет порою впечатление некоторой нечеткости. Возможно, было бы целесообразно сгруппировать однородный материал в своеобразные тематические блоки и расположить их в общепринятой в этнографических описаниях последовательности. Тогда читателю, который, скажем, заинтересуется степенью изученности хотя бы тех же хозяйственных построек, не пришлось бы в поисках нужных сведений просматривать весь очерк «Хозяйственный быт».

Не вполне удачно, на мой взгляд, название одного из очерков — «Грузино-кавказские параллели». Может создаться впечатление, что грузинские этнографы изучают быт и культуру соседних народов с единственной целью — выявить в них элементы, сходные с грузинскими. Но это далеко не так. Представленные в книге материалы свидетельствуют, что этнографическое изучение соседних народов грузинские ученые ведут по достаточно широкой программе, которая охватывает самые различные сферы материальной и духовной культуры. Естественно, при этом исследователи фиксируют черты сходства, обусловленные конвергентным развитием народов в близких природно-климатических условиях и длительными взаимными контактами. Название же очерка как бы сводит все работы такого плана к одному, хотя и важному, но частному аспекту.

Книга, к сожалению, не свободна от некоторых технических погрешностей. В ней много опечаток, порою искажены даже фамилии авторов. Есть опечатки и в ссылочном аппарате, что в историографических работах особенно досадно: это затрудняет поиски той или иной публикации в книгохранилищах. В списке сокращений не расшифрованы аббревиатуры ССКГ (Сборник сведений о кавказских горцах), ЗКОРГО (Записки Кавказского отдела Русского Географического общества), ВЭГ (Вопросы этнографии Грузии). Работа, безусловно, выиграла бы, если была бы снабжена именным, предметным и географическим указателями. Желательно, чтобы это было учтено при ее переиздании.

В целом книга А. И. Робакидзе — ценное издание, необходимость в котором уже давно ощущалась. Прочитав ее, получаешь ясное представление о том, что в Грузии сложилась своя школа этнографии с вполне оформившимися научными традициями. Последние оказывают глубокое воздействие на направленность исследовательской работы грузинских этнографов, выбор ими объектов для изучения. Влияние традиций сказывается, в частности, в пристальном внимании к локальным формам и элементам бытовой культуры грузинского народа, в стремлении тщательно зафиксировать и изучить мельчайшие проявления уникального опыта его творческого духа. В рамках этой концепции исследование некоторых видов плетеной посуды в одном уголке Грузии и характера брачных отношений в период от помолвки до свадьбы в другом выглядит не как мелкотемье, а как утверждение научной ценности изучения любого факта и явления бытовой практики народа.

На формирование подобной традиции, безусловно, оказали воздействие и объективные причины. В бытовой культуре грузин исторически сложились локальные формы, которые соответствовали существовавшим в прошлом субэтническим (мегрелы, сваны, этнографическим и локальным группам грузинского народа (карталины, хакетины, гурийцы, имеретины, рачинцы, пшавы, хевсуры, тушины и др.). Обладая особенностями как в материальной, так и в духовной сферах, эти группы демонстрировали вариации локальных форм культуры, сложившихся на общегрузинской основе, которые в ряде элементов прослеживаются вплоть до настоящего времени. Все это порождает безусловную необходимость этнографического изучения локальной специфики. Как вид,

но из рецензируемой книги, грузинские этнографы добились значительных успехов в этом направлении. Именно поэтому стало возможным начать работу над историко-этнографическим атласом и картографированием элементов бытовой культуры грузинского народа, которая в настоящее время находится в центре внимания этнографов республики. Вполне понятно, что без детального знания исторических и региональных форм картографируемых элементов такая работа была бы заранее обречена на провал. Вместе с тем существует явная опасность, что чрезмерное увлечение локально-специфическим может привести к недооценке научной значимости изучения общегрузинских элементов бытовой культуры, той общей основы, которая обусловила этническое единство всех ее вариаций и форм. Между тем, наиболее значительный вклад в грузинскую этнографическую науку, как свидетельствует ее история, был сделан именно в результате масштабного обобщения общегрузинского материала, поиска широких сравнительно-исторических параллелей, выявления типологических характеристик изучаемых объектов².

Проследив пути развития грузинской советской этнографии за 60 лет, невольно задумываешься о перспективах ее развития. Жаль, что в книге не нашли отражения дальнейшие планы грузинских этнографов. Однако несомненно, что их работы по-прежнему будут сосредоточены на ключевых проблемах этнографии Грузии и Кавказа. Возможно, спектр направлений научных поисков в будущем расширится, и в него будут включены новые исследовательские темы, которые до сего дня как бы выпадали из поля зрения грузинских этнографов. Так, судя по материалам рецензируемой книги, совершенно не изучаются вопросы этногенеза и этнической истории грузинского народа, крайне мало — этнические процессы, в том числе современные; интересные результаты могут быть получены при более интенсивном изучении групп некоренного населения Грузии (некоторые из них — давние мигранты — испытали значительное влияние грузинской бытовой культуры).

В заключение хочется подчеркнуть, что книга А. И. Робакидзе, раскрывая перед читателем широкую панораму развития грузинской советской этнографии, стала необходимым пособием для кавказоведов и всех интересующихся историей многонациональной советской этнографии.

Ю. Д. Анчабадзе

² Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957; Харадзе Р. Грузинская семейная община. Т. I, II. Тбилиси: Заря Востока, 1960, 1961; Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе. — СЭ, 1978, № 2; Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979; и др.

On the Work Activity of the Multinational Soviet Peasantry in the Years of the Great Patriotic War

The article deals with the work of the collective farms in achieving the all-important goal of supplying food to the fighting army and to the workers of the home front. The author traces the changes in the labour resources resulting from the war in various ethnic-national regions of the Soviet Union: the decrease of the male part of the population, the consequent higher role of women, their mastering of new social roles including those of leadership and the task of organizing collective farm production, as well as training new female machine-operating personnel. The differences in these processes in different ethnic environments are examined. Directions and regional characteristics of the evacuation of agricultural resources from enemy-occupied areas are described; in the course of this the international and social unity of Soviet society was displayed. It is shown in the article that objective wartime difficulties, namely the lack of material resources and manpower were overcome by the self-sacrificing efforts of the multinational kolkhoz peasantry who by these efforts achieved a main economic objective — that of feeding the army and the people.

Yu. V. Arutiunian, S. F. Remisova

The Material Life Conditions of the Guerrillas in the Ukraine [1941—1944]

This is the first attempt at analysing the everyday life of the guerrillas in Ukrainian territory.

The everyday life of guerrillas detachments in the Ukraine had a powerful influence over their military efficiency. It was formed under the difficult conditions involved in waging military activities behind the enemy lines. This resulted in certain specific traits. The guerrillas everyday life was characterised by great hardship and was, of course, much distorted in comparison with the prewar everyday life in socialist society; however, its main features were preserved — its traditions, socialist interrelations between Soviet people.

M. V. Koval

Soviet Ethnographers in the Years of the Great Patriotic War

By the beginning of the Great Patriotic War Ethnography had grown into an important branch of historical science. There was a number of central ethnographical institutions: the Museum for Anthropology and Ethnography and the Ethnographical Institute of the USSR Academy of Sciences in Leningrad; the Museum for the Ethnography of the Peoples of the USSR and the Central Antireligious Museum in Moscow. Ethnographic research was also carried out in various scientific institutions in the Union and Autonomous republics and regions of the country. Professional ethnographers were trained in the Moscow, Leningrad, Kazan' and certain other universities.

From the first days of the Great Patriotic War the able-bodied men working in the Institute of Ethnography enrolled in the army. Many ethnographers were evacuated from Leningrad, then under blockade, to Tashkent and other Middle Asian cities. Those remaining in Leningrad (the Leningrad group) continued work under conditions of extreme hardship (continual bombings and shelling, cold and hunger) doing all they could to preserve the priceless ethnographical collections of the Museum.

In 1942 the Tashkent group of ethnographers was formed; it comprised the ethnographers from the Leningrad Institute. This group was actively at work all through the wartime.

In 1943 the Moscow group of the Ethnographical Institute was formed, headed by S. P. Tolstov; this group became the base of the present-day Institute of Ethnography.

Thus there were three parts of the Institute active in the war years: the Leningrad, Tashkent and Moscow groups. Ethnographers continued fruitful research in spite of the severe conditions. Many fundamental research works were created in the war years which were only published after the war and which still retain their importance («Peoples of the World. Ethnographic Surveys»; «The Palaeoanthropology of the USSR» by G. F. Debets; «Ancient Khorezm» by S. P. Tolstov, etc.) Compendiums of ethnographic information having to do with the postwar settlement of the world were systematically prepared by ethnographers. Many ethnographers working in the Institute were decorated with orders and medals.

G. Ye. Markov

Ethnic Aspects in the Study of Behavioural Stereotypes and Traditional Culture

The study of behavioural stereotypes characteristic of various ethnic communities is one of the major objectives of ethnography. The author formulates basic principles and main objectives in the study of ethnically specific behavioural stereotypes. Problems of the correlation between stereotypes and tradition or the social norm are examined as well as those relating to infringements, variants and invariant structures. The author examines the problem of the typology of different stereotyped behaviour forms, specifically the interrelation of ritual and custom.

A. K. Bayburin

Trends in the Ethnic Composition of College Student Bodies in Certain Union Republics in the Post-War Years

The authors examine the influence of higher education institutions of certain Union republics over the ethnic composition of college-educated professionals working in different fields. The article is based on statistical data about universities, institutes and colleges in four republics (Uzbekistan, Georgia, Moldavia and Estonia) for the years 1959 to 1980, as well as on the materials of a comparative ethnosociological investigation. The authors trace the connexion between the trends in the ethnic composition of the student bodies with the important social problem of the interregional redistribution of the labour resources.

L. V. Ostapenko, A. A. Susokolov

The Social Functions of the Languages Spoken by the Peoples of the North and the Far East during the Soviet Period

The article deals with the profound changes that have taken place during the Soviet period in the functions of the languages of the Northern and Far Eastern peoples of the USSR in connection with the changes in social conditions, with the general rise in the welfare and cultural development of these peoples.

The authors analyse the results achieved by the elaboration and implementation of the Northern peoples' written languages, the widespread local-Russian bilingualism, the teaching of national languages in the lower grades of the schools in this region.

I. S. Gurvitch, Ch. M. Taxami

Further Discussion of M. M. Gromyko's Article «The Place of the Village (Territorial) Community in the Social Machinery by Which Tradition is Formed, Preserved and Changed» [«Sovetskaya Etnografiya», 1984, № 5]

The social heterogeneity of the village community presupposes a plurality of group traditions whose dynamic aggregate combines into a general mechanism by which the tradition system functions.

The sex-and-age structure of the community played both a stabilizing/reproducing role (women, old people) and a modifying one (men, young people); this largely determined the main direction in which traditions evolved.

Successful study of the «mechanism» problem requires that the community be studied in many aspects. Popular terms equating with scientific concepts (such as the word «tradition») must be collected and analysed.

T. A. Bernshtam

In his article A. M. Reshetov examines certain questions connected with the plurality of ways in which traditions are formed, conserved and transmitted in the village community.

A. M. Reshetov

M. M. Gromyko in her article replies to a number of theses put forward in the course of the discussion. She affirms the importance of maintaining the historical principle in studying the role of small-sized clear-cut social groups in the sphere of traditions. It is vital to differentiate clearly two distinct scientific objectives: the reconstruction of archaic

forms by means of examining survivals and the analysis of the social significance of various traditions at a particular stage of historical development. Otherwise the researcher is apt to archaize the peasant consciousness and popular culture.

M. M. Gromyko

The discussion on M. M. Gromyko's article is a direct sequel of the discussion on the theory of cultural tradition in our journal in 1981.

The article under discussion indubitably merits praise for the attempt to link the actual mechanism by which tradition functions within the territorial or vicinal community, one of the most important institutions of the peasantry in the feudal and early capitalist periods. The community is here represented as a small-sized contact social entity, the main originator and preserver of everyday life traditions, the micro-environment of their reproduction. The author also stressed the interrelation between the community and the family. It should be noted that in practice the factors governing the functioning of tradition and those of the community were interwoven, they reinforced each other; this led to a greater variety in the forms of their manifestation in the society's life.

An important methodological concept in the original article was its analysis of the community's functions. It is the functional approach that appears to be the most fruitful method in the ethnographic study of the community as a social entity that originates and reproduces everyday life tradition. The differentiation of functions has helped to systematize the methods and means by which tradition is preserved. At the same time, the participants in the discussion wrote with some justice that both the set of functions proposed by M. M. Gromyko and their designations requires a number of amendments; this can only be done in the course of their comparison with functions belonging to entities of a higher and a lower social level.

The discussion, as well as the original article, showed the specifically human character in the transmission of tradition not only in the sphere of spiritual or socio-normative culture but in that of material culture: in order to build a house a man must have in his mind an idea (ideal, norm, minimum) of the way this was done before him. Hence tradition is always at once a phenomenon of spiritual or socio-normative culture, whereas the process of its reproduction is a materialization of human conceptions which are formed as a result of the experience of many generations.

The question arises: did the community perform ethnic functions? This was touched upon only by L. Markova who answered it in the affirmative on the base of Bulgarian material. Her conclusion may possibly be extended to other polyethnic areas, interethnic contact zones, ethnic enclaves, etc. In a monoethnic territory individual communities usually take an unintentional, unconscious part in the general process of reproducing ethnic and ethnocultural traditions without contrasting them against alien ethnic traditions. Ethnic traditions having certain traits common to the ethnos as a whole function as a variational set of concrete realizations of a certain invariant sphere. The question of the interrelation of communal and ethnic traditions in different concrete historical and social situations is as yet insufficiently studied. The mechanism of their interaction will evidently become an object of further research.

M. M. Gromyko regards the community as the main social unit reproducing everyday life tradition. It would perhaps be more exact to say that tradition is reproduced by the whole system of social entities of different kinds that form the internal structure of an ethnos. However, such a formula may result in the disappearance of the concept that assigns to the community a specific role in the process of originating and reproducing tradition. Whereas there can be no doubt that it is the family and the community that are the primary contact groups; they are distinguished from other groups by being based on economy (production) and property and are consequently (using the terminology of Yu. V. Bromley) self-sufficient for functioning as relatively autonomous social entities. The relations between the family and the community in this plane were determined by concrete forms of dualism peculiar to the community: its structure combined private and collective property, productive activity of the family and the community as a whole, obligations lying on the family (*tiaglo*) and the community's responsibility for their fulfillment, etc.

Both the author of the original article and most of the participants in the discussion rightly stressed the necessity of a historical approach to the problems. Different stages of socio-economic development, different social situations, the character and intensity of

the feudal lord's and the feudal state's intervention in the community's internal affairs, the degree and distinctive features of the development of capitalist relations, etc. emphasized the significance of certain functions while diminishing that of others, thus deforming their hierarchical relations.

Whereas the discussion was primarily based on concepts relating to the Eastern Slav community of the late feudal and early capitalist periods, the participation of ethnographers and historians studying different peoples in different periods of history (Yu. I. Seleznev, L. V. Markova, S. A. Maretina, etc.) was particularly valuable. It clearly demonstrated the need for further development of comparative-historical and inter-ethnic cross-cultural) research into the community.

And finally, the discussion showed that in spite of certain achievements in the study of the community there are still many unsolved problems — both historical and theoretical. It is for this reason that the elaboration of a general theory of the community, of the conceptual system and research methods is so important. It is to be hoped that the discussion will offer a new stimulus for such elaboration.

Editorial Board

A Forgotten Experiment (From the History of the Ethnographic Theatre)

The article deals with the history of the founding and development of a unique ensemble — the Leningrad Ethnographic Theatre headed by the outstanding theatre connoisseur V. N. Vsevolodsky-Gerngross. The theatre functioned in the 1920ies and 1930ies; in 1930 it became the State Ethnographic Theatre of the Russian Museum. The theatre had a wide repertoire: «The Solstice», «The Gipsy Road», «The Four Villages», «The Riazan' Village», etc. but its central production during the whole period of its existence remained the «Russian Folk Wedding Ritual».

Most of the ethnographic productions were based on material collected in the course of numerous expeditions to Karelia, the Volga area, Siberia. The performances were usually preceded by a tour of the Museum's ethnographic expositions and an introductory speech by V. N. Vsevolodsky-Gerngross. The Russian Folk Wedding Ritual took place in the Marble hall where a platform had been erected.

The performances of the Ethnographic Theatre were distinguished by sound true-to-life reproductions, a harmony of words, music and plastic movement. The theatre exhibited its performances in the Chuvash, Bashkir and Uzbek republics and in many other regions.

The Ethnographic Theatre continued in existence up to 1936. It was, in essence, a new original form combining elements of ethnography and theatrical art. Its activity deserves serious study by the joint efforts of folklore students, theatre students and theatre professionals.

T. I. Andreyeva, O. Somova

CONTENTS

To the Fortieth Anniversary of the Great Victory

Yu. V. Arutiunian, S. F. Remisova (Moscow). On the Work Activity of the Multinational Soviet Peasantry in the Years of the Great Patriotic War. *M. V. Koval'* (Kiev). The Material Life Conditions of the Guerillas in the Ukraine (1941—1944), *G. Ye. Markov* (Moscow). Soviet Ethnographers in the Years of the Great Patriotic War.

A. K. Bayburin (Leningrad). Ethnic Aspects in the Study of Behaviour Stereotypes and Traditional Culture. *L. V. Ostapenko, A. A. Susokolov* (Moscow). Trends in the Ethnic Composition of College Student Bodies in Certain Union Republics in the Post-War Years. *L. S. Gurovitch* (Moscow), *Ch. M. Taxami* (Leningrad). The Social Functions of the Languages Spoken by the Peoples of the North and the Far East of the USSR in the Soviet Period.

Discussions

Further Discussion of *M. M. Gromyko's* Article «The Place of the Village (Territorial) Community in the Social Machinery by Which Tradition is Formed, Preserved and Changed» («Sovetskaya Ethnografiya», 1984, N 5). Contributions by *T. A. Bernshtam, A. M. Reshetov*; Reply by *M. M. Gromyko*; Editorial.

From the History of Ethnography

T. I. Andreyeva, O. V. Somova (Leningrad). A Forgotten Experiment (from the History of the Ethnographic Theatre).

Communications

V. Ye. Gushev, N. A. Mikheyeva, L. N. Ryzhkova (Leningrad). The Kirishi Festivals and the Problem of Folklorism in a Young City. *M. B. Muzhukhoyev* (Grozny). From the History of Vainakh Paganism (Their Pantheon of Divinities in the Late Mediaeval Period). *Ye. P. Busygin, V. I. Yakovlev* (Kazan). The Psalter (*Gusli*) among the Volga area Peoples. *D. L. Brodiansky* (Vladivostok). Kado the Archer and Amaterasu the Goddess in Neolithic Sculpture (Two Attempts at Combining Mythological and Archaeological Texts). *[E. E. Fradkin]* (Leningrad). On Several Early Works of Figurative Art. *L. T. Yablonsky* (Moscow). To the Craniology of the Kelteminar People — an Intra-Group Analysis.

Our Anniversaries

A List of Major Works by Doctor of Historical Sciences *S. V. Ivanov* (to the 60th Anniversary of His Scholarly Activity).

Academic Life

N. S. Polishchuk (Moscow). «The Spiritual Life of the Present-Day Working Class» — a Symposium. *V. A. Dmitriev* (Leningrad). Fifty Years of the State Museum for the Ethnography of Soviet Peoples.
Expeditions in Brief.

Criticism and Bibliography

Critical Articles and Reviews. *M. M. Plisetsky* (Kiev). A Compendium of Ukrainian Folklore. *V. B. Yevtukh* (Kiev). Western Anthropologists on Peyotism in the Life of the North American Indians. General Ethnography. *G. A. Komarova* (Moscow), *G. V. Starovoytova* (Leningrad). The Ethnography of Childhood. Traditional Forms of Bringing Up Children and Teenagers among Peoples of Eastern and South-Eastern Asia. Traditional Forms of Bringing Up Children and Teenagers among Peoples of Western and Southern Asia. Two Collections of Papers/Ed. *I. S. Kohn, Yu. Ye. Beriazhkin, V. I. Gokhman, A. G. Kozintsev, A. B. Spevakovsky* (Leningrad). A Ket Collection: Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics. *V. P. Alexeyev* (Moscow). Late Pleistocene and Early Holocene Cultural Links between Asia and America/Ed. *R. S. Vasilyevsky*. Peoples of the USSR. *Yu. D. Anchabadze* (Moscow). *A. I. Robakidze*. The Evolution of Georgian Soviet Ethnography (1922—1982).

Технический редактор *Беллева Н. Н.*

Сдано в набор 10.01.85 Подписано к печати 05.03.85 Т-02735 Формат бумаги 70х100/16
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 44,8 тыс. Уч.-изд. л. 19,2 Бум. л. 55
Тираж 2860 экз. Зак. 4308

Средна Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

Кухаренко Ю. В. МОГИЛЬНИК БРЕСТ-ТРИШИН. 1980. 128 с. 1 р. 50 к

В монографии рассматриваются вопросы начального этапа так называемого великого переселения народов. На основе археологических материалов бескурганного могильника вельбарской культуры в г. Брест автор исследует важную проблему этнической принадлежности носителей этой культуры, с которой связаны вопросы этногенеза народов нашей страны, в том числе славян.

Книга представляет интерес для специалистов — археологов, этнографов, историков.

Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. НАРОДНЫЕ РИСУНКИ ХАКАСОВ 1980. 176 с. 85 к.

В книге рассматривается средневековая аскизская археологическая культура на верхнем и среднем Енисее. Публикуемый материал позволяет получить представление о материальной культуре местного населения, ее происхождении и развитии. По-новому освещены многие проблемы социально-экономического развития древнехакасского государства и некоторые моменты его политической истории.

Работа предназначена для археологов, историков, этнографов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, ул. Джапаридзе, 12; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.